

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ПОСТСТАЛИНСКОМ СССР, В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ (1956–2000 гг.)

Материалы 9-й международной
научной конференции

МОСКВА, 4–7 ноября 2002 г.

Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). – М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2003. – 440 с.

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор А. А. Герман

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германия*

*Die vorliegende Ausgabe ist durch Auswärtige Amt
der Bundesrepublik Deutschland gefördert*

СОДЕРЖАНИЕ

Vorwort	6
Предисловие	9

1. Политические проблемы жизни немцев в СССР и на постсоветском пространстве

<i>Шадт А. А.</i> Политико-правовой статус российских немцев в постсталинском СССР (1950–1980-е гг.): принципы государственного регулирования	13
<i>Герман А. А.</i> Репатриация немцев из СССР в ГДР	27
<i>Зибен В.</i> Немцы в Эстонии после второй мировой войны, в 1956–1991 гг.....	35
<i>Шатских Т. И.</i> Газета «Арбайт» – первое национальное немецкое издание в послевоенном СССР	53
<i>Иларионова Т. С.</i> «Нойес Лебен» и ее роль в формировании национального самосознания российских немцев.	61
<i>Вормсбехер Г. Г.</i> Протуберанцы мужества и надежд (1-я и 2-я делегации советских немцев в 1965 г.). Выступления в дискуссиях	75
<i>Ханья С.</i> Целиноградские события и национальная политика КПСС в отношении депортированных народов	139
<i>Конов Е. В.</i> Социально-политическая характеристика немецкого населения Кемеровской, Новосибирской и Томской областей в 1970–1980-е гг.	146
<i>Иларионова Т. С.</i> Между надеждой и отчаянием: десять лет новейшей истории национального движения российских немцев (1991–2000 гг.).....	154

2. Вопросы этнографии, демографии, статистики

<i>Смирнова Т. Б.</i> Современные этнические процессы у немцев Западной Сибири	169
<i>Бобылева С. И.</i> Проблемы социально-этнического статуса немцев Украины (по материалам историко-этнографических экспедиций Института украинско-немецких исследований Днепропетровского национального университета)	177

<i>Лаптев Ю. Н.</i> Особенности возвращения и формирования этнической группы немцев в автономной республике Крым (Украина).....	185
<i>Виль Ю. А.</i> К вопросу о социально-психологической характеристике современного образа жизни немецкого населения Западной Сибири (на примере этнических стереотипов)	191
<i>Трошина Т. И.</i> Проблема формирования самоидентификации у потомков «архангельских немцев» (из опыта работы Архангельского областного краеведческого музея)	194
<i>Бургарт Л. А.</i> Немцы Казахстана по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и переписи населения Республики Казахстан 1999 г.: основные этнодемографические характеристики	198
<i>Матис В. И.</i> Немцы в миграционных перемещениях на Алтае	213
<i>Матис Д. В.</i> Трансформации этнокартины мира в результате миграционных перемещений	221
<i>Малова Н. А.</i> Миграционные движения немцев в Саратовском Поволжье (1970–1980-е гг.)	226
<i>Амелин В. В.</i> Эмиграция и иммиграция немцев. Проблемы сохранения национальной идентичности оренбургских немцев.	232
<i>Кюн-Белази Е.</i> Условия и предпосылки интеграционного процесса поздних переселенцев в Германию из России и стран СНГ	238

3. Проблемы культурного развития и духовной жизни

<i>Черказянова И. В.</i> Состояние немецкого национального образования в СССР и на постсоветском пространстве в 1950–1990-е гг.	247
<i>Кригер Е. Э.</i> Особенности этнической составляющей образа мира немецких школьников Алтайского края	259
<i>Лиценбергер О. А.</i> Возрождение Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей: религиозная жизнь российских немцев после ликвидации режима спецпоселения (1956 – 2002 гг.)	264
<i>Вибе П. П., Сенникова Л. И.</i> Религиозные преследования немцев – представителей протестантских конфессий в Омской области в конце 1950–80-х гг.	278

<i>Нам И. В.</i> Борьба за выживание: немецкие религиозные общины Томской области в годы «оттепели» и «застоя»	301
<i>Рублева Н. С.</i> Последний паптер Тираспольской диоцезии: Михаэль Келер (1897–1983)	318
<i>Плохотнюк Т. Н.</i> Пути духовного возрождения: к вопросу создания Ассоциации протестантских церквей на Ставрополье	326
<i>Гумбатова Т. Ф.</i> Возрождение немецкой культуры и религии в Азербайджане	333
<i>Алиев К. Г.</i> Культурные учреждения и конфессиональная жизнь немцев Южного Кавказа (1991–2002 гг.)	348
<i>Вирфель Н. В.</i> Немецкая молодежь «лицом к лицу» с историей поволжских немцев (Молодежная акция на Волге в 2001 г.)	352
<i>Бетхер А. Р.</i> Этноязыковая ситуация у немецкого населения в Западной Сибири в конце 1980-х – начале 1990-х гг.	357
<i>Гусева С. И.</i> Актуальные проблемы обучения немецкому языку в группах российских немцев на территории Амурской области.	383
<i>Балахонова Н. П.</i> Сохранение и трансформация элементов обрядового фольклора у немцев Западной Сибири в 1950–2000-е гг. (на примере свадебной обрядности)	387
<i>Сагитова И. О.</i> Современное этнокультурное состояние немецких диаспориальных общин Дальневосточного региона (на примере Приморского края)	391

4. Вопросы историографии и источниковедения

<i>Чернова Т. Н.</i> К вопросу о новейшей историографии российских немцев: основные направления и результаты исследований	397
<i>Ерина Е. М.</i> Работа исследователей в читальном зале филиала Государственного архива Саратовской области в г. Энгельсе (ЭФГАСО) в 1990–2002 гг. по немецкой проблематике	419
<i>Сенникова Л. И.</i> Источники по истории меннонитов Сибири в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея (сборы 1960–1990-х гг.)	429
Наши авторы	436

VORWORT

Dem vorliegenden Sammelband liegen die auf der IX. wissenschaftlichen Konferenz gehaltenen Vorträge zugrunde. Die von der Internationalen Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen am 4.–7. November 2003 in Moskau veranstaltete Konferenz behandelte einen größeren Zeitabschnitt im Leben der Russlanddeutschen, und zwar von der Aufhebung der Kommandanturaufsicht in Regionen der Pflichtansiedlung für die Russlanddeutschen im Dezember 1955 bis Anfang des 21. Jahrhunderts. Diese ereignisreiche Zeit war insbesondere gekennzeichnet durch:

- den Kurs der Führung der UdSSR auf eine diskrete Teilrehabilitierung der „Sowjetdeutschen“, ihre vorsichtige, über Jahre gestreckte Wiedereinsetzung in die für die Allgemeinheit deklarierten Bürgerrechte, halbherzige Maßnahmen zur Pflege ihrer Sprache und Kultur, aber auch durch die stricte Verwehrung ihrer territorialen Rehabilitierung und Verhängung eines Rückkehrverbots in die früheren Wohnorte, die Tabuisierung ihrer Geschichte, ihrer wolgadeutschen Staatlichkeit und wesentlicher Teile ihrer Kultur sowie die Diskriminierung und Verfolgung des religiösen Lebens der deutschen Bevölkerung;

- die einsetzende und immer stärker um sich greifende Assimilierung der Deutschen in der russischsprachigen Umgebung und den Verlust der nationalen Identität durch eine immer größere Anzahl der Vertreter dieses Volkes, die sowohl durch die gezielt verstreute Ansiedlung auf riesigem Territorium als auch durch die fehlenden Bedingungen für eine normale nationale Entwicklung verursacht wurden;

- die Versuche der aktivsten Kämpfer für die Erhaltung der deutschen Ethnie, die negativen Tendenzen durch Appelle an die höchsten Instanzen der Partei- und Staatsmacht der UdSSR und den Druck auf die Lokalbehörden aufzuhalten und die Einhaltung der vom Staat deklarierten Zugeständnisse an die Deutschen im Bereich des geistigen Lebens zu erreichen;

- die Entstehung einer Auswanderungsbewegung nach Deutschland, die in der ersten Phase ein Protest gegen die nationale Diskriminierung der Deutschen war und deren Massencharakter nach der Entstehung des neuen russischen Staates und der Gründung anderer unabhängiger Staaten auf dem Territorium der in die Brüche gegangenen Sowjetunion ihren Ursprung vor allem in den enttäuschten Hoffnungen auf die Wiederherstellung der Staatlichkeit sowie in den plötzlich entstandenen Chancen auf die Sicherung einer gewissen Stabilität und eines höheren Lebensstandards hat und in deren Folge der größte Teil der deutschen Bevölkerung der ehemaligen UdSSR nach Deutschland ausgesiedelt ist;

- die Entstehung und Entwicklung einer politischen Bewegung der Russland-

deutschen für die Lösung ihrer Probleme durch die Wiederherstellung der deutschen autonomen Staatlichkeit, deren misslungener Dialog mit der Macht eine tiefe Krise in der Bewegung auslöste, ihre Spaltung und permanente Rivalitäten zwischen den Splittergruppen zur Folge hatte;

– die Verwirklichung einzelner bescheidener Projekte zur Schaffung von Bedingungen für die nationale und kulturelle Entwicklung der im neuen Russland und in den anderen GUS-Ländern verbliebenen deutschen Bevölkerung.

Jede der genannten Erscheinungen war und ist ziemlich kompliziert und widersprüchlich. Ihre Einflussnahme auf konkrete Menschenschicksale exponierte sich auf verschiedene Art und Weise, doch führten sie im Endergebnis zu einer grundsätzlichen Veränderung der Situation der deutschen Bevölkerung in allen Bereichen des Lebens. Das gilt gleichermaßen für Russland und die anderen Nachfolgestaaten der Sowjetunion. Besonders deutlich traten diese Veränderungen in der Sphäre der Demographie und der Siedlungsgeografie der Deutschen in Erscheinung.

Unterdessen ist die ereignisreiche Geschichte der Russlanddeutschen in der poststalinistischen Zeit im Vergleich zu den früheren Abschnitten noch immer am wenigsten erforscht, was wohl daran liegen mag, dass diese Ereignisse nicht all zu weit zurückliegen, die Erlebnissgeneration die jüngste Vergangenheit, die Staatspolitik jener Jahre, die Rolle bestimmter Persönlichkeiten, gesellschaftlicher Bewegungen und Organisationen usw. sehr persönlich empfindet und so auch weiter vermittelt. Das alles bleibt nicht ohne Auswirkungen auf die Erforschung des besagten Zeitabschnitts in der Geschichte der Deutschen in der Sowjetunion, in Russland und den anderen GUS-Ländern.

Andererseits ist eine wissenschaftliche Erforschung und historisch fundierte Bewertung der Ereignisse im Leben und in den Geschicken der Deutschen in der UdSSR nach 1955 und in den postsowjetischen Staaten geradezu dringend aktuell geworden, denn ohne entsprechende Erkenntnisse werden weder Einblicke in die künftige Entwicklung der Deutschen im GUS-Raum noch die Erarbeitung einer auf die Erhaltung dieser einmalig geprägten ethnischen Gruppe abzielenden Politik von Seiten der Staatsorgane und der gesellschaftlichen Organisationen möglich sein.

Die Behandlung des genannten Fragenkomplexes auf der IX. internationalen wissenschaftlichen Konferenz war daher mit gewissen Hoffnungen verbunden. Mit Genugtuung kann festgestellt werden, dass die Konferenzteilnehmer diesen Erwartungen im Großen und Ganzen nachgekommen sind. Der Leser kann sich beim Lesen der nun veröffentlichten Vorträge davon selbst überzeugen.

Der Sammelband besteht aus vier Abschnitten.

Der erste Abschnitt – „Politische Aspekte im Leben der Deutschen in der UdSSR und im postsowjetischen Raum“ – befasst sich mit einer Reihe politischer

Ereignisse, darunter auch mit wenig bekannten, die die Politik des Sowjetstaates gegenüber der deutschen Bevölkerung nach 1955 verdeutlichen. Darüber hinaus werden die über zehn Jahre währenden Aktivitäten verschiedener Organisationen der Russlanddeutschen und ihrer Protagonisten analysiert und die daraus gewonnenen Erkenntnisse zusammengefasst. Dieser Abschnitt hätte sicherlich inhalts- und erkenntnisreicher werden können, wenn einige Konferenzteilnehmer, die früher an der politischen Bewegung der Russlanddeutschen führend beteiligt waren, ihre Referate bereits während der Planungen für diesen Band nicht zurückgezogen hätten.

Im zweiten Abschnitt – „Fragen der Ethnografie, Demographie und Statistik“ – werden die wichtigsten ethnisch-sozialen Prozesse behandelt, die sich im Umfeld der Deutschen der UdSSR und der postsowjetischen Staaten nach 1955 bis zur Gegenwart vollzogen haben. Anhand der Referate dieses Abschnitts lassen sich die Veränderungen bezüglich der Anzahl, der Siedlungsgeografie, der demographischen Entwicklungen, der sozialen Lage und der ethnischen Selbstidentifikation der Deutschen in den vergangenen Jahren vor Augen führen. In qualitativer und quantitativer Hinsicht werden die Migrationsprozesse bei den Russlanddeutschen in dieser Zeit sowie Probleme ihrer Integration in die postsowjetischen Gesellschaften und in Deutschland analysiert und diskutiert.

Im dritten Abschnitt – „Aspekte der kulturellen Entwicklung und des religiösen Lebens“ – werden Referate präsentiert, die den Zustand des kulturellen und geistigen Lebens der Deutschen in der UdSSR und im postsowjetischen Raum charakterisieren und die wichtigsten Stationen des Kampfes der deutschen Religionsgemeinschaften für ihre Rechte und gegen die repressive Politik des Sowjetstaates in dieser Frage aufzeigen. Ebenso werden die sprachliche Situation und die Probleme des muttersprachlichen Deutschunterrichts unter den gegenwärtigen Bedingungen erforscht. An konkreten Beispielen wird der allgemeine ethnisch-kulturelle Zustand der deutschen Diasporagemeinden dargestellt.

Der vierte Abschnitt – „Fragen der Historiographie und der Quellenkunde“ – gibt anhand von drei Referaten Aufschluss über die Arbeit der Forscher mit Dokumenten des ehemaligen Zentralarchivs der ASSR der Wolgadeutschen (heute Filiale des Staatsarchivs des Gebiets Saratow in der Stadt Engels – EFGASO) seit ihrer Freigabe für die Forschung Ende der 1980er Jahre sowie über einige Quellen zur Historiographie der Mennoniten in Sibirien.

Das Organisationskomitee veröffentlicht die Materialien der IX. internationalen Konferenz zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen in der Hoffnung, dass die Referate der Konferenzteilnehmer sowohl in der Fachwelt als auch bei allen, die sich für die Geschichte der deutschen Minderheit in Russland und in den anderen Nachfolgestaaten interessieren, Anklang finden werden.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемый читателю сборник научных трудов подготовлен по итогам работы IX международной научной конференции, проведенной Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев в Москве 4–7 ноября 2002 г.

Конференция была посвящена достаточно продолжительному периоду в жизни российских немцев: от снятия с них режима спецпоселения (декабрь 1955 г.) до начала XXI века. Важнейшими историческими явлениями этого периода, как представляется, стали:

- курс руководства СССР на «тихую» реабилитацию «советских» немцев, характеризовавшийся, с одной стороны, возвратом им основных общегражданских прав, некоторыми очень слабыми мерами по сохранению их языка и культуры, с другой стороны, – жестким отказом в воссоздании автономной республики на Волге, в возвращении немцев к довоенным местам проживания, в табу на широкое и гласное освещение всей предшествующей истории российских немцев, их государственности и культуры; в преследовании и дискриминации религиозной жизни немецкого населения;
- постепенная все ускоряющаяся ассимиляция немцев в окружающую русскоязычную среду и потеря национальной идентичности все большим числом представителей этого народа, вызванные как дисперсным проживанием на большой территории, так и отсутствием условий для нормального национального развития;
- попытки наиболее активных сторонников сохранения немецкого этноса бороться с негативными тенденциями как путем обращения в высшие органы партийно-государственной власти СССР, так и давлением на местные органы власти с целью соблюдения принятых государством правовых актов, предоставлявших немцам некоторые права в сфере духовной жизни;
- зарождение и нарастание все более массового эмиграционного движения немцев в Германию, на первых порах являвшегося формой протеста против национальной дискриминации немцев, а затем, в условиях распада СССР, становления новой России и других стран СНГ, обусловленного разочарованием в связи с несостоявшимся восстановлением государственности, возможностью обеспечения стабильности и более высокого материального благосостояния. Итогом продолжающейся эмиграции стало перемещение большей части немецкого населения бывшего СССР в Германию;

- возникновение и развитие в условиях «перестройки» немецкого национального движения, ставившего в качестве высшей цели восстановление немецкой автономной государственности; его неудачный диалог с властью, кризис, раскол и междоусобная борьба различных группировок, приобретающая перманентный характер;
- реализация в условиях новой России и других стран СНГ отдельных ограниченных программ, обеспечивших создание некоторых условий для национально-культурного развития оставшегося немецкого населения, волею судьбы либо не желающего, либо не имеющего возможности переселиться в Германию.

Отмеченные явления были и остаются весьма сложными, противоречивыми, по-разному повлияли на конкретные людские судьбы, однако в целом привели к коренному изменению положения немецкого населения в России и странах СНГ. Наиболее разительные изменения произошли в сфере демографии и географии расселения немцев. Изменились как общая картина приоритетных видов деятельности, так и направление векторов экономической, политической и духовной жизни.

Между тем, богатейшие события постсталинского периода истории российских немцев до сих пор остаются наиболее слабо изученными по сравнению с предшествующими периодами, что вполне объяснимо тем, что они происходили не так уж давно, участники и свидетели этих событий еще живы и далеко неодинаково воспринимают и оценивают события прошедших лет, государственную политику, роль тех или иных личностей, общественных движений и организаций и т. п. Все это сильно затрудняет объективное исследование рассматриваемого периода истории немцев СССР, России и других стран СНГ.

Вместе с тем уже вполне пришло время научно-исторического анализа и оценки событий, происшедших после 1955 г. в жизни и судьбе немцев в СССР и постсоветских государствах. Исследование этого новейшего периода актуально, поскольку невозможно предвидеть и определять дальнейшую судьбу немцев на пространствах СНГ, выработать политику государственных органов и общественных организаций, призванную обеспечить сохранение и развитие этого уникального этноса без полученных в результате этого исследования оценок и выводов.

Вот почему на состоявшуюся в ноябре 2002 г. международную научную конференцию возлагались определенные надежды. С удовлетворением можно отметить, что она эти надежды в основном оправдала. В исследовании постсталинского периода жизни немецкого населения сделан достаточно серьезный шаг вперед. Читатель сможет сам убедиться в этом, изучив публикуемые доклады.

Сборник состоит из четырех разделов.

Первый раздел – «*Политические проблемы жизни немцев в СССР и на постсоветском пространстве*» – освещает ряд политических событий, в том числе и малоизвестных, которые позволяют лучше понять политику Советского государства по отношению к немецкому населению после 1955 г. Кроме того, проанализирован и обобщен десятилетний период деятельности и взаимоотношений основных национальных организаций российских немцев и их лидеров. Раздел мог бы быть и более содержательным, но, к сожалению, некоторые участники конференции, в прошлом сыгравшие заметную роль в судьбе российских немцев, отказались предоставить свои доклады для публикации в данном сборнике.

Во втором разделе – «*Вопросы этнографии, демографии, статистики*» отслеживаются важнейшие этносоциальные процессы, происходившие в среде немцев СССР и постсоветских государств после 1955 г. вплоть до настоящего времени. Именно на материалах докладов этого раздела можно проследить, какие колоссальные изменения произошли в численности, расселении, демографических данных, социальном положении и этническом самоощущении немцев за минувшие годы. С качественной и количественной сторон охарактеризованы важнейшие миграционные перемещения немцев в этот период, поднимается проблема интеграции в германское общество многочисленных переселенцев из бывшего СССР.

В третьем разделе – «*Проблемы культурного развития и духовной жизни*» – представлены доклады, характеризующие состояние немецкого национального образования в СССР и на постсоветском пространстве, показывающие борьбу верующих немцев за свои религиозные права. Анализируется репрессивная политика Советского государства в этом вопросе, исследуется этноязыковая ситуация, проблемы изучения немцами родного языка в современных условиях, на конкретных примерах рисуется общее этнокультурное состояние немецких диаспоральных общин.

Четвертый раздел – «*Вопросы историографии и источниковедения*» представлен тремя докладами. Дается общая характеристика современной историографии российских немцев, показана работа исследователей в бывшем архиве АССР немцев Поволжья (г. Энгельс) с момента открытия его материалов для изучения (конец 1980-х гг.), исследуются некоторые источники по истории меннонитов в Сибири.

Публикуя материалы IX международной конференции исследователей истории и культуры российских немцев, оргкомитет конференции надеется, что доклады ее участников привлекут внимание и окажутся востребованными как специалистами, так и всеми, кого интересует история немецкого национального меньшинства в России и других государствах, образовавшихся на обломках бывшего СССР.

1.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЖИЗНИ НЕМЦЕВ В СССР
И НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ПОСТСТАЛИНСКОМ СССР (1950–1980-е гг.): ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А. А. Шадт

Проблема политико-правового статуса российских немцев в 1950 – 1980-е годы продолжает относиться к острым и актуальным темам российской истории. В центре внимания автора настоящей публикации находится трансформация отношения советского государства к российским (советским) немцам¹. Наиболее ярко отношение советского руководства проявилось через призму изменений в политико-правовом положении советских немцев. Эти изменения нашли отражение в советских правовых актах – Указах Президиума Верховного Совета СССР, принятых в 1955, 1964 и 1972 годах.

Политико-правовой статус и личности, и этноса характеризуется совокупностью прав, свобод, обязанностей, устанавливающей их положение в обществе. Поскольку права, свободы и обязанности закрепляются в законах, исключительная роль в установлении правового статуса принадлежит государству. Именно государство обладает легитимным, в данном случае – законным, правом решать судьбу всех проживающих на данной территории лиц. От государства же зависит, насколько реальными будут закрепленные законом права.

Права, свободы и обязанности содержатся не только в законах, но и в многочисленных нормативных правовых актах различных органов государственной власти. Однако именно законам принадлежит главная роль в установлении правового статуса личности, так как все остальные акты принимаются на их основе и в развитии их положений. В законах же находит выражение принципиальная позиция руководства страны. В связи с этим исследование Указов Президиума Верховного Совета СССР, в условиях тоталитарного государства фактически выполнявших функции законов, позволит определить принципы, которыми руководствовало Советское государство по отношению к советским немцам.

Известно, что и в условиях спецпоселения советские немцы формально пользовались «всеми правами граждан СССР», а значит, всем объемом

конституционно закрепленных прав и обязанностей «за исключением ограничений»², которые включали в себя запрет на свободу передвижения, выбор места жительства, работы и учебы, постоянный гласный и негласный контроль со стороны спецслужб и ряд других³. В 1955 г. произошла отмена режима спецпоселения, и система контроля за советскими немцами была ликвидирована. Это должно было, по мысли советского руководства привести и к выравниванию политико-правового положения советских немцев со всем остальным населением СССР. Реальная же картина оказалась достаточно далека от предполагаемой. Проанализируем фактическое состояние статуса советских немцев и его дальнейшую трансформацию с декабря 1955 г.

По нашему мнению, известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», положивший начало восстановлению статуса советских немцев, является документом, продолжающим традиционную юридическую практику советского правительства⁴. Текст Указа, несмотря на смену власти и критику сталинского режима Н. С. Хрущевым, является закономерным следствием предыдущей репрессивной политики. Более того, на наш взгляд, Указ не имеет реабилитационного характера, хотя подобное утверждение было достаточно популярно среди историков и публицистов начала 1990-х гг. Попытаемся обосновать данные утверждения. Проанализируем не только дух закона, но и его букву, согласно которой имеет значение не только каждое слово, но и порядок слов в предложении. Использование такого метода при анализе нормативного источника позволяет раскрыть его буквальный смысл, в котором отражается принципиальная позиция законодателя.

В преамбуле Указа говорится о том, что «существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев-немцев и членов их семей, высланных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью». Вышесказанное можно интерпретировать как **утверждение** об отсутствии на данный момент необходимости в применении правовых ограничений по отношению к советским немцам. Из этого также следует, что с точки зрения государства, ограничения, установленные ранее, уже выполнили свою задачу, больше не нужны и, следовательно, их можно отменить.

Под выполненной задачей мы, по всей видимости, «должны понимать» задачу закрепления советских немцев на новых местах жительства. К 1955 г. уровень жизни немцев повысился. Люди воссоединили семьи или

создали новые, обзавелись домами, постоянной работой, что резко ограничивало их реальную и потенциальную миграционную активность. Поэтому правительство в отношении советских немцев **уже** могло позволить отказаться от принудительных механизмов закрепления их на местах спецпоселения.

Пунктом 1 Указа снимались с учета спецпоселения и освобождались из-под административного надзора органов МВД не только немцы и члены их семей, выселенные на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, но также и немцы – граждане СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение. Одновременный характер снятия с режима спецпоселения как спецпереселенцев-немцев, депортированных в 1941 г., так и немцев-репатриантов, оказавшихся на спецпоселении только в конце войны, имеет свое объяснение. По данным В. Н. Земскова, решение о возвращении на родину советских граждан было принято СНК СССР 4 октября 1944 г⁵. Советские граждане-немцы были направлены на спецпоселение так же как и их соплеменники. И то, что именно в десятую годовщину Великой Отечественной войны советская власть решила показать, что для нее нет различий между спецпереселенцами и репатриантами, – закономерно. И первые, и вторые являлись гражданами СССР. И те, и другие использовались в годы войны на принудительных работах, правда, одни – в нацистской Германии, другие – в сталинском СССР. И те, и другие испытали немало моральных и физических страданий в годы войны. Но, с одной стороны, известно, что мировое сообщество в указанный период было в большей степени озабочено именно судьбой репатриантов. С другой стороны – освобождение со спецпоселения только немцев-репатриантов означало бы высокую вероятность роста недовольства среди спецпереселенцев-немцев, так и не воспринявших депортацию и спецпоселение как наказание. Выходом из сложившейся ситуации для советского правительства и явился особый характер отмены правовых ограничений, распространенный, во-первых, на представителей одной этнической группы – советских немцев, во-вторых, проявившийся в виде амнистии, что ярко высветилось в формулировке первого пункта данного Указа.

Если следовать букве закона, амнистия – это полное или частичное освобождение от наказания лиц, совершивших преступление, замена назначенного наказания более мягким или снятие судимости. Освобождение от ответственности и наказания по амнистии является освобождением по нереабилитирующему основанию, то есть оно не устраняет самого факта совершения преступления. Амнистия не предполагает восстановление лица, группы (народа) в его прежнем правовом статусе. При амнистии обоснованность

наказания и правовых норм, послуживших основанием для наказания, не ставится под сомнение. Таким образом, признается, что лицо, группа (на-род) совершило преступление (общественно опасное деяние), однако госу-дарство смягчает неблагоприятные последствия этого поступка. Реабилита-ция же предполагает признание государством того факта, что лицо или группа лиц не совершали преступления и были незаконно наказаны. Реабил-итация предусматривает полное восстановление нарушенных гражданских и политических прав, компенсацию – моральную и материальную, возмож-ность вернуться на прежнее место жительства. «Реабилитация признает действия государства, в результате которых произошло нарушение основ-ных прав человека, неправомерными, а законодательные акты, на основа-нии которых осуществлялись данные действия, преступными и подлежащими отмене»⁶.

Приведенные теоретические предпосылки позволяют нам определить характер Указа 1955 г. как амнистирующий.

В пункте 2 Указа говорится о запрете на возвращение имущества, «**кон-фискованного**» при выселении. Утверждается, что спецпоселенцы «не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены». В данном слу-чае законодатели пошли дальше, чем авторы печально известного Указа от 28 августа 1941 г. В последнем, принудительное переселение хотя бы формально описывалось как вынужденное мероприятие (с точки зрения разработчиков Указа). Как известно, Указом 1941 г. не предполагалось без-возмездное изъятие имущества. Кроме того, декларировалось оказание по-мощи при устройстве на новых местах жительства.

Конфискация предполагает насильственное отторжение или отчуждение имущества, нажитого «незаконным» путем. В современном понимании кон-фискация имущества – есть принудительное безвозмездное изъятие в соб-ственность государства всего или части имущества, являющегося собствен-ностью осужденного⁷. Следовательно, основанием для изъятия (конфиска-ции) является совершение преступления. (Так!) В Указе 1941 г. подобный подход не предусматривался в принципе. Наоборот, предполагалась «госу-дарственная помощь по устройству». А подзаконные акты предусматривали возмещение или компенсацию за утраченное имущество. В связи с этим закономерным является вопрос о причине появления в Указе 1955 г. фразы о конфискованном имуществе.⁸

Вероятно, это было вызвано несколькими причинами. Прежде всего обещанная немцам компенсация за оставленное имущество не состоялась. С момента депортации ни центральные, ни местные органы так и не смогли

решить эту проблему. Жалобы же немецкого населения продолжали поступать в государственные органы каждый год. Причины сложившегося положения заключались в целом комплексе как объективных, так и субъективных факторов. Необходимо отметить, что задача по выдаче компенсации за оставленное имущество спецпереселенцам-немцам была возложена на местные власти, которым постоянно не хватает ресурсов и средств. Среди остальных не менее важных причин следует отметить: отсутствие свободного жилого фонда в восточных регионах страны, низкий уровень жизни в колхозах, незначительное поголовье скота (которого не имели и многие местные жители), низкая урожайность зерновых (зона неблагоприятного земледелия), нежелание местных руководителей делиться последним с переселенцами (тем более, немцами), отрывая от своих колхозников. В 1941–1945 годы сказывались военные условия, когда на первое место ставились нужды армии. После войны – необходимость восстановления народного хозяйства. Свою роль сыграло и отсутствие объективных критериев при оценке оставленного имущества. Таким образом, компенсация не состоялась из-за отсутствия механизма ее реализации, недостатка ресурсов на местах и нежелания центральных и местных властей заниматься проблемами немцев.

Очевидно, что признание необходимости выплаты компенсаций в полном объеме в период массовых реабилитаций второй половины 1950-х гг. практически парализовало бы работу органов власти и судов. Государству было проще и выгоднее признать имущество депортированных немцев конфискованным, и, значит, не подлежащим возврату, чем подтверждать свои обязательства по компенсации этого имущества.

Однако такое «рациональное» решение вопроса имело серьезные последствия. Прежде всего признание имущества конфискованным означало придание юридической силы депортации и спецпоселению. Конфискация предполагает совершение лицом какого-либо преступления и выступает как дополнительный вид наказания. Следовательно, основными видами наказания для немцев явились депортация и спецпоселение. Это означало, что советские немцы данным Указом признавались преступниками, несмотря на отсутствие в тексте прямых указаний на совершение преступления.

Мы уже упоминали о половинчатом, неполном характере амнистирующих мероприятий Указа 1955 г. Сохранение ограничений в правовом положении немцев можно рассматривать в качестве своеобразной платы за «условное освобождение». На наш взгляд, оно выглядело как предложение немцам

отказаться от претензий материального и морального плана в обмен на снятие с них ограничений по спецпоселению.

Как известно, Указ 1955 г. не публиковался в открытой печати. Это является, на наш взгляд, еще одним доказательством опасения власти нарушить сложившееся равновесие. Постоянный мониторинг настроений советских немцев со стороны спецорганов выявлял достаточно устойчивый уровень недовольства среди советских немцев⁹. Не без помощи силовых структур, получилось так, что фактически об Указе знали только сами немцы. Все остальное население страны (за исключением номенклатурных работников) не имело возможности, ни определить позицию государства по отношению к немцам, ни истолковать причины отмены спецпоселения. Немцы не получили права объяснить характер своего освобождения окружающим. Это продолжало поддерживать среди немцев ощущение неуверенности, а следовательно, снижало остроту требований.

К середине 1950-х гг. международная обстановка значительно изменилась. Советский Союз стал полноправным членом мирового сообщества и был вынужден соотносить свою внутреннюю политику с внешней. Крупномасштабные перемены произошли и внутри СССР. Программы построения светлого будущего советского государства и формирования единой нации на основе общности советского народа стали все активнее воплощаться в жизнь. В подобных условиях власти не могли оставить столь значительную по численности этническую группу – советских немцев, на положении преступников, изгоев, как реальный и потенциальный источник недовольства против государственной и национальной политики СССР.

Следующим шагом в регулировании государством политико-правового положения советских немцев стал Указ Президиума ВС СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменения в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. „переселении немцев, проживающих в районах Поволжья“»¹⁰, приуроченный ко дню принятия решения о массовой депортации.

В преамбуле Указа говорилось о необоснованности обвинений немцев «в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам». В данном Указе (1964 г.) традиционная направленность советской внутренней политики в отношении немцев нарушается. Во-первых, власть отмежевывается от преемственности сталинской политики, объясняя происшедшее «проявлением произвола в условиях культа личности Сталина». И, на первый взгляд, это естественно и закономерно. Указываются успехи, достигнутые немецким населением СССР «за истекшие годы» как в условиях

спецпоселения, так и в постсталинский период. В качестве реабилитирующего основания признавалось, что «в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве». Как достижение и успех Коммунистической партии и Советского государства признавалось наличие у немцев всех прав граждан СССР. В качестве реабилитирующего признака можно было бы выделить те положения Указа, где упоминается о немцах – депутатах «Верховных и местных Советов депутатов трудящихся» ряда союзных республик; немцах, находящихся «на руководящих должностях в промышленности и сельском хозяйстве, в советском и партийном аппарате», а также сообщается о тысячах советских немцев, награжденных за успехи в труде орденами и медалями СССР, почетными званиями союзных республик. Но, по сути же, перечисление данных признаков позволяет классифицировать их как основания к амнистии, для которой именно и важны условия лояльного поведения, а не признание отсутствия вины.

В свою очередь упоминание в преамбуле того факта, что «благодаря большой помощи Коммунистической партии и Советского государства немецкое население за истекшие годы прочно укоренилось на новых местах жительства», явно выбивается из предполагаемого реабилитационного контекста данного законодательного акта. Не мене показательным является упоминание о том, что «в районах ряда областей, краев и республик с немецким населением имеются средние и начальные школы, где преподавание ведется на немецком языке, проводятся другие культурные мероприятия для немецкого населения». Очевидно, что в столь обширном введении продолжает проследиваться не реабилитационный, а амнистирующий порядок, как и в предыдущем Указе (1955 г.).

Из текста Указа 1964 г. со всей очевидностью следует, что немцы своим добросовестным трудом на предприятиях, в колхозах, совхозах, в учреждениях, своим активным участием в «общественной и политической жизни» **заработали** или **заслужили** себе право быть признанными невиновными в обвинениях 1941 г.

Весьма показательным с политической и правовой точки зрения выглядит первый пункт Указа. Отменяется только та часть Указа 1941 г., в которой содержатся «огульные обвинения». Факт же необоснованности принудительного переселения и последствий, с ним связанных, полностью обойден вниманием законодателя.

Большинство исследователей также считают Указ 1964 г. половинчатым¹¹. Однако в качестве доказательства указывается на отсутствие восстановления территориальной государственности немцев – Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (АССР НП). И это, бесспорно, так. Но ни Указ 1941 г., ни Указ 1964 г. не были призваны решать судьбу немецкой республики. Основанием, объединяющим эти два указа, являются те самые «огульные обвинения», которые в первом указе формулируются, во втором отменяются. Указ 1964 г. – это своего рода «частичная реабилитация» (которая на самом деле не может носить ограниченный характер). Подобная формулировка применима лишь к советской системе права, при которой «высшие» интересы, в данном случае – экономические, оказались превалирующими. Таким образом, с юридической точки зрения, в Указе (1964 г.) и ничего не должно было говориться по поводу судьбы республики. Подтверждением является само название Указов.

Признание необоснованности обвинений не означало признания необоснованности принудительного переселения и создания системы спецпоселения для советских немцев. Указ 1941 г. не был отменен! В него были лишь внесены изменения, позволяющие с точки зрения законодателя «сохранить лицо» и оправдать сохранение правовых ограничений в отношении немцев и после ликвидации культа личности. Указ подтвердил то, что немцы знали и сами, – их невиновность. Подтвердил *post factum*, для окружающих и для самих немцев, но не более.

С другой стороны, попытка признания заслуг немцев, чему так много уделялось внимания в преамбуле Указа, – это попытка выровнять их социальный и политический статус со статусом остального населения, снять клеймо изгоев и преступников¹², сохранив при этом «достижения», полученные государством в результате депортации и спецпоселения. К таким достижениям относилось наличие квалифицированных кадров среди советских немцев, увеличение численности населения в Сибири и Казахстане, а также участие немцев в экономическом освоении данных территорий.

На стремление государства сохранить существующую ситуацию указывает и второй пункт Указа (1964 г.). Ни о каком восстановлении исторической, политической и правовой справедливости со стороны государства речь не шла.¹³ Ключевым словом второго пункта Указа является термин «укоренение». Экономически законодатель поступил в собственных интересах, хотя и объяснял все интересами самих немцев. Это отчетливо видно там, где законодатель говорит об укоренении немецкого населения по новому месту жительства или заселении прежнего места жительства другим населением.

Законодателю было важно, чтобы немцы остались на прежних местах жительства, но уже как равноправные граждане государства – без клейма преступников. Не секрет, что многие немцы, особенно старшее поколение, продолжали воспринимать новые места проживания как территорию ссылки. Предполагалось, видимо, что немцы «полюбят» и примут в качестве новой Родины места принудительного поселения¹⁴. Взамен же обещалась всемерная поддержка в «хозяйственном и культурном строительстве».

Таким образом, проблема, если смотреть на нее с позиции государства, была разрешена вполне успешно. Процессы ассимиляции немецкого населения (особенно в Сибири) шли полным ходом. Дисперсное расселение, минимальное количество немецких школ, ограничение религиозных и культурных институтов, жесткие рамки института регистрации по месту жительства и учебы (прописка), давление государственной идеологии – все это служило средством дальнейшей ассимиляции и аккультурации советских немцев. В свою очередь резкое увеличение межэтнических браков, смена национальности в паспортах – говорили о «благополучном» разрешении для государства такой проблемы как советские немцы, которые «полным ходом» вливались в единый советский народ.

Характерным является то, что Указ 1964 г. уже даже косвенно не затрагивает вопросов о возвращении или компенсации за оставленное имущество, о снятии ограничений в выборе места жительства, о восстановлении автономии. Что касается последнего, то правительство никогда бы не пошло на реализацию этого проекта, так как он в условиях международного идеологического противостояния воспринимался бы как анклав иностранного государства и постоянная «головная боль» в будущем.

Указом не предусматривалась отмена ограничений при выборе места жительства, что, на наш взгляд, объясняется следующим. Середина 1960-х гг. – это время начала взрослой жизни первого поколения советских немцев, рожденных на новых местах жительства. Они еще умеют говорить на немецком языке, помнят традиции, обычаи, родину предков по рассказам своих родителей. Прежнее место жительства еще не потеряло для них реальных очертаний, не обросло покровом мифологизации и продолжает оставаться притягательным. Разрешение свободы выбора места жительства все еще было способно подвинуть тысячи немецких семей к массовой миграции. Это могло произойти, несмотря на все утверждения об «укоренении» немцев по новому месту жительства.

В отношении возврата имущества или компенсации за него можно сказать следующее. После выхода в свет Указа 1955 г., запретившего требо-

вать возврат «конфискованного» имущества, поток заявлений и жалоб по этому поводу практически иссякает к середине 1960-х гг. Одновременно отпадает насущная необходимость в возврате этого имущества. Большинство немцев уже давно устроились на новых местах, обзавелись хозяйством, а на протяжении 1950–1960-х годов уровень жизни населения СССР значительно повысился. Таким образом, данный указ только формально закрепил фактическое политико-правовое положение немцев в СССР, не меняя его содержания.

Естественным продолжением ассимиляционной политики государства, проявлением его внимания к необходимости выравнивания политико-правового статуса депортированного населения СССР стало издание в ноябре 1972 г. Указа Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан»¹⁵.

Указ, изданный к 55-летию Октябрьской революции, и это нужно подчеркнуть, продолжает стратегию амнистирующих нормативных документов и **дарует** право, в частности, немцам на свободное передвижение, выбор места жительства и, что характерно, – выбор работы на всей территории СССР.

Весьма примечательным является то, что Указ не имеет преамбулы, то есть объяснения его издания или причин, вызвавших необходимость его принятия. Это достаточно редкое явление в законодательной практике тех лет. В данном случае это было, по нашему мнению, связано со стремлением смягчить «подарочный» характер Указа и избежать всяких упоминаний о нарушении законности в прошлом. 1970-е годы характеризуются формированием нового культа личности, обращением к преемственности сталинской политики и признания непогрешимости Коммунистической партии и советского правительства.

С другой стороны, идеологические установки не могли позволить сохранять и далее в СССР правовые ограничения по этническому признаку. Признания наличия в государстве этнической дискриминации дискредитировало бы концепцию интернационализма и равенства народов. Таким образом, данный Указ одновременно решал задачи внешней и внутренней политики.

В 1970-е годы происходит взросление второго поколения советских немцев, родившегося на новой родине. Эти люди росли и формировались в условиях другого окружения и другой культуры. Они уже не считали себя вынужденными мигрантами, а воспринимали Сибирь, Казахстан или Среднюю Азию как свою родину. Это были люди, для которых историческая родина – Поволжье, Кавказ или Украина – являлись достаточно абстрактными местами, мифологизированными, с которыми у них не были связаны личные чув-

ства и переживания. Часть из них уже не знала родного языка, не являлась носителем этнических и религиозных ценностей прошлого. Депортация и жизнь на спецпоселении, «трудармия», война разрушили традиционную систему ценностей, прервали механизмы передачи этнокультурных стереотипов. Немцы перестали быть поволжскими или кавказскими немцами. Они стали сибирскими или казахстанскими немцами, и возврат на прежние места жительства перестал быть для них целью. Поэтому государство в 1972 г. уверенно отменяет ограничения в выборе места жительства.

Указ 1972 г. также сложно назвать реабилитационным. Частичное переселение немецкого населения с северных регионов в более благоприятные районы Сибири и Казахстана началось уже в условиях спецпоселения. Указ лишь закрепил сложившуюся ситуацию, отменив неработающие ограничения. Молодое поколение советских немцев уже не стремилось вернуться на родину предков, а старшее поколение предпочитало оставаться вместе со своими детьми. К тому же очевидцы периодически рассказывали о реальных и мнимых трудностях с проживанием и регистрацией по месту жительства в районах Поволжья, существовавших практически до конца 1980-х годов.

Однако законодатель не учел тот факт, что немцы, депортированные в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, проживали в условиях, значительно различающихся. В Сибири преобладало русское население, с которым немцы жили на протяжении многих поколений и к которому они ощущали свою сопричастность. Но в Казахстане и Средней Азии давление инонациональной, инокультурной среды было весьма значительным, что иногда вызывало элементарный культурный шок. Если русский этнос для немцев в условиях депортации и спецпоселения был достаточно притягательным, о чем говорит высокий уровень межэтнических браков, то в Казахстане уровень этнического взаимодействия был значительно ниже. Ответной реакцией на давление иной цивилизационной среды стал рост этнического самосознания депортированных немцев в Казахстане с середины 1960-х годов. Здесь процессы ассимиляции и аккультурации остановились, а затем и повернули вспять, что в 1990-е годы привело к массовому выезду немцев из Казахстана в Германию.

Анализ вышеприведенных законодательных актов позволил выделить ряд основополагающих принципов государственного регулирования политико-правового статуса советских немцев в 1950–1980-е годы, которые заключались, на наш взгляд, в следующем:

1. Статус советских немцев приблизился к статусу остального российско-

го населения в социальном контексте.

2. Политический статус советских немцев остался практически неизменным, что связано с отсутствием полноценных восстановительных мероприятий этнотерриториальной государственности советских немцев.

3. Правовой статус советских немцев имел выравнивающий характер и регламентировался через закрепление их прав, свобод и обязанностей как индивидуумов и граждан СССР независимо от их национальной принадлежности.

4. Одновременно исключалось признание правового статуса немецкого населения СССР как полноценного этноса.

Мы можем констатировать, что политика советского государства в отношении правового положения советских немцев в 1950–1970-е годы носила во многом амнистирующий характер. Как мы уже отмечали, реабилитация предполагает восстановление нарушенных прав и свобод в полном объеме, поэтому мероприятия советского государства не являлись реабилитационными. Более того, с нашей точки зрения, государство и не ставило себе цель реабилитировать немецкое население. Главным для советского руководства являлась необходимость выравнивания правового статуса советских немцев. С точки зрения самих немцев, этого было недостаточно. До депортации немецкое население пользовалось всеми правами, принадлежащими гражданам СССР. Но, как национальная группа, они обладали и дополнительными правами, такими как: наличие собственной государственности, возможности иметь национальные школы и печать. В результате депортации и в период нахождения на спецпоселении немцы утратили не только дополнительные, но и значительную часть основных прав и свобод граждан СССР. В течение 1950–1970-х гг. происходит восстановление основных прав и свобод немцев как граждан СССР, однако восстановление дополнительных прав немцев как этнической группы в указанный период не происходит.

Дальнейшие мероприятия государства в 1980–1990-е годы имели уже компенсационный (моральный и отчасти финансовый) характер. Однако непропорциональность статусных позиций российских немцев (не диаспора, но и не этнос) по сравнению с другими российскими этносами, имевшими свою государственность, привела после короткого периода борьбы за восстановление автономии к добровольному принятию диаспорального статуса, статуса национального меньшинства, и, как следствие, к резкому росту миграционных настроений.

И последнее. На наш взгляд, возрождение автономии немцев Поволжья в советский период как акт политической воли государства могло бы дать со-

ветским немцам гораздо больше, чем просто ощущение чувства восстановления исторической справедливости. Это событие могло способствовать росту этнического самосознания советских немцев, поскольку предполагало сознательное признание и выбор последними своей национальной принадлежности, подкрепляемой формальными и неформальными признаками. С позиций этнического самосознания для каждого этноса наличие Родины (территории), независимо – «большой» или «малой», но законодательно закрепленной именно за этим этносом, дает ему право на признание его «полноценным» народом. Через эти категории советские немцы могли бы прийти и к неразрывности своей исторической судьбы с судьбой государства, а не искать счастья за ее границами.

-
- 1 Термины «русские», «советские» немцы по отношению к рассматриваемому периоду являются синонимичными.
 - 2 Постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» // История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.) Сост. Ауман В. А., Чеботарева В. Г. М., 1993. С. 175.
 - 3 Подробно положение российских немцев на спецпоселении рассмотрено в статье автора «Правовой статус российских немцев (1940–1950-е гг.)». См.: Немцы СССР. 1941–1945 гг. М., 2001. С. 287–312.
 - 4 См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) Сост. Ауман В. А., Чеботарева В. Г. М., 1993. С. 177.
 - 5 См.: Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан, 1944–1945 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 126–127.
 - 6 Политическая энциклопедия. Т. 2. М.: «Мысль». 1999. С. 323.
 - 7 См.: УК РФ. ред. 1996.
 - 8 Наше пристальное внимание к юридическим коллизиям, возникшим в результате депортации и спецпоселения объясняется, в том числе, противоречиями и половинчатостью современных реабилитационных процессов, результатами которых осталось недовольно значительное число немцев-спецпоселенцев.
 - 9 См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». Сост. Н. Ф. Бугай. М., 2000. С. 324.
 - 10 См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) Сост. Ауман В. А., Чеботарева В. Г. М., 1993. С. 178.

- 11 См.: Там же. С. 437.
- 12 Экономический статус уже практически выровнялся «естественным путем».
- 13 С другой стороны, справедливость – это категория этическая, моральная, нравственная и политиками редко употребляемая.
- 14 Это дало свой эффект в отношении с немцами, но не сработало с чеченцами, калмыками, крымскими татарами, для которых понятие «историческая родина» оставалось важнейшей ценностью существования этноса. Для немцев ощущения предков-колонистов, осваивающих новые земли, были еще достаточно свежими в системе культурных ценностей.
- 15 См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) Сост. Ауман В. А., Чеботарева В. Г. М., 1993. С. 179.

РЕПАТРИАЦИЯ НЕМЦЕВ ИЗ СССР В ГДР (1956 г.)

А. А. Герман

Как известно, масштабы перемещения советских граждан в годы второй мировой войны в Германию и другие страны Европы были поистине грандиозны. За рубежами СССР оказалось, в целом, до 8,7 млн. человек, в том числе – военнопленные (ок. 3,3 млн.), «остарбайтеры»¹ (ок. 3,8 млн.), беженцы и эвакуированные (свыше 1 млн.) и др.² По мере освобождения оккупированных советских территорий и вступления советских войск в страны Восточной Европы высшее руководство СССР начало разрабатывать и принимать меры по репатриации советских граждан.

В общепринятом понимании, репатриация – это добровольное возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами вследствие войны, а также эмигрантов с восстановлением в правах гражданства. Репатриация советских граждан в СССР в последние месяцы второй мировой войны и после нее носила обязательный характер и осуществлялась, главным образом, принудительными насильственными методами. Во многом это было обусловлено Ялтинскими соглашениями 1945 г., где советскому руководству, несмотря на сопротивление союзников по антигитлеровской коалиции, удалось «пробить» себе такое право³.

Среди советских граждан, подлежавших насильственной репатриации, насчитывалось приблизительно 300 тыс. бывших граждан СССР немецкой национальности. Оказавшись на оккупированной германскими войсками территории все они в 1943–1945 гг. подверглись так называемому «административному переселению» в Германию и прилежавшие к ней районы Польши для «германизации» этих земель. Большинство переселенцев получило германское гражданство. Одной из специальных задач, стоявших перед советскими репатриационными органами, органами СМЕРШ и НКВД был поиск таких людей и обязательное их возвращение в СССР⁴.

Как показывают проведенные нами исследования, в процессе репатриации отмеченные выше ведомства допускали многочисленные злоупотребления, вылавливая и отправляя в СССР не только бывших «советских» немцев, но и людей, никогда не являвшихся гражданами СССР и не проживавших на его территории. Нами выявлено до 1 тыс. таких лиц. Их расселили по всему СССР вместе с немцами-репатриантами. На них, как и на всех советских немцев, был распространен режим спецпоселения.

Незаконные «репатрианты» постоянно напоминали о себе советским органам, просили и требовали вернуть их в Германию, однако пока был жив Сталин, об этом не могло быть и речи.

Начавшийся в середине 1950-х годов процесс десталинизации советской политической системы смягчил ререссивную деятельность: происходит постепенное сокращение и ликвидация таких неперенных институтов сталинского режима, как исправительно-трудовые лагеря, спецпоселение и т.п. Смягчение политических условий жизни позволило немцам и гражданам других государств, незаконно оказавшимся на территории СССР в качестве заключенных, трудмобилизованных («вестарбайтеров»⁵), спецпоселенцев и т. д., активизировать свою борьбу за возвращение на родину.

В это же время происходят серьезные изменения в советской внешней политике. На вооружение берется и активно реализуется принцип мирного сосуществования двух социальных систем. Возобновляется диалог с Западом. Советские лидеры все больше думают о поддержании имиджа советской державы в мире, стремясь придать ему благопристойный вид.

Десталинизация вызвала серьезный кризис в ряде стран «народной демократии» и привела к демократизации отношений между ними и СССР. Со стороны таких стран как Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария и др. появляются просьбы – вернуть их граждан, как пленных, так и насильственно вывезенных в Советский Союз во время второй мировой войны и сразу после ее окончания⁶.

Особенно много граждан, незаконно удерживаемых в СССР, было из Германии. К рассматриваемому нами времени уже несколько лет существовало два германских государства: ФРГ и ГДР. Советское руководство всячески стремилось укрепить ГДР, оказывая ей большую и всестороннюю помощь в становлении, защищая ее интересы на международной арене. Однако к Н. Хрущеву и его окружению приходит понимание необходимости установления и развития дружеских отношений и с другим германским государством, все более выступавшим в Европе в качестве серьезного и самостоятельного субъекта международных отношений.

На Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции в январе 1954 г. советское правительство выдвинуло предложение о нормализации отношений между СССР и ФРГ. В мае того же года канцлер Западной Германии К. Аденауэр заявил о согласии своей страны на установление дипломатических отношений с Советским Союзом. 25 января 1955 г. выходит в свет Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и

Германией». В июне 1955 г. Н. Хрущев приглашает канцлера посетить СССР, в сентябре К. Аденауэр наносит визит в нашу страну, главным результатом которого стало установление дипломатических отношений между двумя странами⁷.

В ходе переговоров в Москве и позднее западногерманское руководство постоянно ставило вопрос о возвращении в Германию всех ее граждан, удерживаемых по различным причинам в СССР. Речь шла прежде всего о военнопленных и «вестарбайтерах». Камнем преткновения стали, конечно же, советские немцы, получившие в годы войны германское гражданство, а после войны насильственно репатриированные в СССР. Практически все они желали выехать в ФРГ⁸. Уже отмечалось, что среди них были граждане Германии, по ошибке вывезенные в СССР и никогда не бывшие его гражданами. Наличие в СССР таких незаконных «репатриантов» тщательно скрывалось. Видимо, советские власти не хотели, чтобы на Западе узнали о том произволе, который допускался в ходе проведения репатриации.

Свою роль в решении проблем возвращения на родину германских граждан пыталась играть и ГДР. Ее руководители прежде всего из политического престижа пытались заполучить себе определенное количество таких людей и обращались к советскому руководству с соответствующими просьбами⁹.

Таким образом, к концу 1955 г. сложился целый ряд объективных и субъективных факторов, заставивших советское руководство обратиться к проблеме незаконных репатриантов из Германии. Решение об отправке их в ГДР складывалось постепенно в течение весны, лета и осени 1955 г.

28 апреля 1955 г. Совет министров СССР принял секретное постановление № 858-517с «О репатриации из Советского Союза находящихся в местах поселения граждан стран народной демократии». Постановление предписывало Министерству внутренних дел и некоторым другим ведомствам выявить таких людей и подготовить на них необходимые данные. На основе постановления министр внутренних дел издал приказ № 00205 от 23 мая 1955 г., который определил конкретные меры по выполнению постановления правительства. Через несколько месяцев были подготовлены списки на граждан Польши, Китая, Северной Кореи, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и ГДР¹⁰. Желавших выехать в ГДР оказалось совсем немного. Очевидно, основная часть германских граждан, проживавших в СССР, если и не знала, то подозревала, что их жизнь в ГДР вряд ли будет сильно отличаться от жизни в Советском Союзе.

18 августа 1955 г. вышло еще одно постановление СМ СССР – № 1535-858с, требовавшее активизировать работу по поиску «желающих» выехать

в страны «народной демократии», особое внимание обращалось на вербовку германских граждан для переезда в ГДР¹¹.

После визита К. Аденауэра в Москву советское руководство, связанное определенными обязательствами, было вынуждено более конкретно заняться проблемой германских граждан в СССР. Тогда-то осенью как раз и попали в поле его внимания незаконные «репатрианты». Чтобы не допустить утечки на Запад информации о наличии в СССР еще и такой категории германских граждан, было принято решение быстро переправить их всех в ГДР. В результате появилось еще одно секретное постановление Совета министров СССР – № 1848-989с от 31 октября 1955 г. «О порядке репатриации и эвакуации из Советского Союза некоторых категорий граждан»¹². Оно предписывало в кратчайшие сроки выявить незаконно вывезенных в ходе репатриации из Германии в СССР лиц германского гражданства, никогда не проживавших на территории СССР, и репатриировать их в ГДР.

Практическое воплощение в жизнь постановления СМ СССР было поручено 4-му спецотделу МВД СССР (отделу спецпереселений), который возглавлял полковник Новиков, а также его органам на местах¹³.

Анализ работы этих органов в период подготовки и проведения рассматриваемой операции позволяет акцентировать внимание на некоторых особенностях ее осуществления.

1. За время проживания в СССР многие репатрианты обзавелись семьями, в которых второй супруг оказался немцем-гражданином СССР. От брака появились дети, также записанные советскими гражданами. Советское руководство разрешило таким смешанным семьям в полном составе выехать в ГДР. Таким образом, за пределы Советского Союза выезжали не только граждане Германии, но и значительная часть немцев-граждан СССР. Но разрешение на выезд получали только советские граждане, непосредственно связанные браком с германским гражданином (муж или жена) и их дети. Родителям таких людей, даже если они проживали одной семьей с отправлявшимися в ГДР, выезд не разрешался.

Характерным в этом плане представляется ситуация с Екатериной Фрей, пожилой и очень больной женщиной-инвалидом. Ее единственный ребенок – дочь Марта в 1952 г. вышла замуж за незаконно репатриированного Отто Штоделя, у них родилось двое детей. Сама Екатерина, потерявшая мужа в трудовой армии, проживала в семье дочери и находилась на ее полном иждивении. Тем не менее она не была включена в список переселенцев. Не помогли никакие ходатайства и просьбы¹⁴.

2. Несмотря на строгое указание сверху и стремление на местах обнаружить и вывезти в ГДР всех «репатриированных» в СССР германских граждан, некоторые из них категорически отказались выезжать в ГДР, мотивируя отказ тем, что их родственники находятся в ФРГ и они желают выехать только туда. Так, например, в Марийской АССР сумели настоять на своем и не выехали в ГДР 77 из ста немцев – незаконных репатриантов, находившихся в республике¹⁵.

3. Не все граждане Германии – «репатрианты», желавшие выехать в ГДР, получили такую возможность. Некоторым было отказано по формальным признакам: они не смогли документально доказать свое германское гражданство. Косвенные доказательства и плохое знание русского языка в зачет не принимались. Среди этих несчастных оказалась и германская гражданка Марта Нут (немецкое написание фамилии – Nuth. В советских документах ее записали – Нат, Наат). Она родилась в 1913 году в деревне Зензуин уезд Остерузе, Восточная Пруссия. В 1939 г. в связи с замужеством переехала в г. Мариенбург. В 1942 г. там у нее родился сын Манфред. В январе 1944 г. при наступлении советских войск М. Нут эвакуировалась вглубь Германии. После капитуляции Германии она получила от местной полиции в г. Вандлиц пропуск на право возврата к прежнему месту жительства и в сентябре 1945 г. вместе с трехлетним сыном выехала домой. Однако доехать туда ей не удалось. В поезде она была схвачена советскими репатриационными органами и помещена в Бранденбургский проверочно-фильтрационный лагерь. Отсюда, несмотря на наличие документов и ее убедительные просьбы, она с сыном в числе немцев, имеющих советское гражданство, была «репатриирована» в Советский Союз и направлена на спецпоселение в г. Асбест Свердловской области. Трудно даже представить себе то, что испытала и пережила в своей душе эта еще молодая (32 года) женщина, когда ее с маленьким сыном, лишив родины, насильственно везли куда-то в страшную неизвестность.

Спустя десять лет руководство Управления МВД по Свердловской области, проявив определенную гуманность, пошло навстречу ходатайству Марты Нут и попыталось включить эту женщину с сыном в список лиц, отправляемых в ГДР. Однако руководство 4-го спецотдела МВД СССР в Москве вычеркнуло ее из списков. Мотивация: не имеет документов, подтверждающих ее гражданство и национальность. Последнее выглядит особенно циничным. У М. Нат при себе имелись пропуск полиции г. Вандлица и свидетельство о крещении ее сына в 1942 году в г. Мариенбурге. Бюрократам из МВД этого оказалось недостаточно, и женщину хладнокровно об-

рекли на второй круг страданий¹⁶. Дальнейшую судьбу Марты Нат, к сожалению, установить не удалось. Предпринятые нами в 2001 году поиски в г. Асбесте результатов не дали.

Репатриация в ГДР проводилась в декабре 1955 – январе 1956 г. г. Вывозившиеся люди проживали практически по всей территории страны, и это создавало определенные сложности в перевозке. Было сформировано три железнодорожных эшелона: первый (№ 94740) в Сталинабаде (столица Таджикистана), второй (№ 94741) – в Караганде и третий (№ 94742) – в Красноярске. Каждый из них двигался в ГДР, конечным пунктом всем была определена одна и та же станция – Фюрстенвальде, по маршруту движения каждого эшелона на заранее определенных станциях проходила посадка людей, определенных к отправке в ГДР.

Сталинабадский эшелон стартовал 2 декабря, принимал людей на станциях Ташкент, Арысь, Кзыл-Орда, Потьма. Карагандинский начал движение 5 декабря и осуществлял посадку на станциях Акмолинск и Оренбург. Оба эшелона прибыли в Фюрстенвальде 18 декабря. В первом находилось 525 взрослых и 290 детей, во втором – 196 взрослых и 95 детей. В тот же день они были переданы властям ГДР.

Наиболее причудливый маршрут движения оказался у Красноярского эшелона. Он тронулся в путь 22 декабря, забирал людей на станциях Новосибирск (25 декабря), Ижевск (28 декабря), Юдино (29 декабря), Вологда (30 декабря), Пермь (3 января), Киров (4 января). В пункт назначения эшелон прибыл 11 января. Властям ГДР было передано 134 взрослых и 48 детей¹⁷.

Таким образом, всего в ГДР было переправлено 1297 человек, из них граждан Германии, незаконно репатриированных в СССР, – 765, советских граждан – 532, из которых 98 взрослые члены семей и 434 ребенка в возрасте до 16 лет¹⁸.

В архивах сохранились списки лиц, вывезенных в ГДР, с указанием места рождения. Это позволило составить представление о географии проживания как граждан Германии, оказавшихся в СССР, так и членов их семей, выехавших вместе с ними в ГДР. Примерный подсчет позволил установить, что из граждан Германии непосредственно в этой стране родилось около 100 человек, в Австрии – 13, в Бессарабии – свыше 300 человек, в Северной Буковине – более 150, на Волыни – 130, в Прибалтике – 50. Небольшое число германских граждан оказалось родом из Чехословакии, Румынии, Польши.

Что касается советских граждан, то они в значительной части представлены Украиной и Поволжьем, в меньшей – Северным Кавказом, Централь-

ными областями РСФСР, Белоруссией, по несколько человек – из Закавказья, Сибири, Казахстана¹⁹.

Такая пестрая картина различных регионов подтверждает тот факт, что в первое послевоенное десятилетие на территории СССР уже не существовало каких-то серьезных барьеров между различными социальными, конфессиональными, территориальными и другими группами немцев, все эти группы были перемешаны в местах их спецпоселения в Сибири, Казахстане, Средней Азии, других регионах, и потому происходило достаточно быстрое смешение в браках их представителей. Формировалась единая национальная общность.

Бросается в глаза еще одна особенность. Незаконно «репатриированные» в СССР граждане Германии вступали в брак только с советскими гражданами немецкой национальности. Не удалось обнаружить браков с русскими, украинцами и представителями других народов СССР. Трудно объяснить этот феномен, тем более что в это время у советских немцев, особенно у бывших трудармейцев, оставшихся жить в местах своей трудармейской службы, смешанные в национальном отношении браки стали довольно частым явлением.

Описанное нами явление – наличие в СССР после второй мировой войны граждан Германии, незаконно завезенных в страну в процессе проведения репатриации, их последующая отправка в ГДР – не было столь уж значительным и не оставило какого-либо заметного следа ни в истории СССР, ни в истории Германии. Тем не менее изучение этого явления позволяет дополнить важными штрихами общую картину советско-германских отношений и роль в этих отношениях этнических немцев.

1 «Остарбайтеры» – советские граждане, проживавшие в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях и насильственно вывезенные на работу в Германию.

2 См.: Герман А. А. Репатриация граждан СССР немецкой национальности и отправка их на спецпоселение (1944–1946 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов. Выпуск 4. Саратов: Научная книга, 2000. С. 261.

3 См.: Там же. С. 264.

4 См.: Там же. С. 265–266.

5 См.: Айсфельд А. Указ. Соч. С.115–118.

- ⁶ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 916. Л. 39.
- ⁷ Подробнее см.: Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отечественная история. 1996. № 3. С. 115–128; Иларионова Т. С. После репрессий, накануне «оттепели»: положение немцев в СССР как проблема установления советско-западногерманских дипломатических отношений // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М.: Готика, 1999. С. 359–375; Ее же. Желания и возможности: Проблема выезда немцев из СССР в контексте послевоенных советско-западногерманских отношений (1955–1964) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М.: Готика, 1998. С. 367–384.
- ⁸ «Вестарбайтеры» – граждане немецкой национальности, насильственно вывезенные советскими оккупационными властями из Германии и стран Восточной Европы на заключительном этапе войны и в первые послевоенные месяцы. Из них были сформированы трудовые батальоны, использовавшиеся на различных объектах народного хозяйства СССР.
- ⁹ См.: Иларионова Т. С. Желания и возможности... С. 374.
- ¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 916. Л. 39.
- ¹¹ См.: Там же.
- ¹² См.: Там же. Л. 42.
- ¹³ См.: Там же. Д. 917. Л. 55.
- ¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 918. Л. 57, 58.
- ¹⁵ См.: Там же. Д. 916. Л. 9.
- ¹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 919. Л. 48–51.
- ¹⁷ См.: Там же. Д. 917. Л. 83, 84, 88, 91, 97, 98, 99, 102, 105.
- ¹⁸ См.: Там же. Д. 925. Л. 143.
- ¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 919. Л. 1–11, 18, 21, 25, 32, 42–45, 52, 78–79, 81, 83–85, 87, 89–90, 92–109, 169–194.

НЕМЦЫ В ЭСТОНИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: 1956–1991 гг.

В. Зибен

Многовековая история немцев Эстонии тесно связана с событиями, оказавшими влияние на этот регион. Начало немецкой колонизации Лифляндии и Эстляндии, т.е. территорий современных Латвии и Эстонии, относится к концу XII века, когда в 1180 году по инициативе епископата Бремена начинается миссионерство среди ливов и эстов. В 1201 г. епископом Альбертом фон Букховедемом основан город Рига, куда был перенесен и епископат. С этого времени в этих землях начинается многовековое господство вначале немецкого ордена, а затем и немецкого дворянства. Господство это продолжалось независимо от принадлежности этих территорий Дании, Швеции, Польше или России на соответствующий момент времени¹.

С возникновением суверенной Эстонской Республики в результате аграрной реформы 1919 года² было ликвидировано крупное немецкое землевладение, а отмена сословий 1920 года лишила немецкое дворянство его политических и общественных привилегий. Прибалтийские немцы вынуждены были занять позицию национального меньшинства в стране, в которой они многие столетия были правящим меньшинством и определяли все стороны жизни.

Окончательный исход немцев из Эстонии связан с началом второй мировой войны, когда в результате реализации пакта Молотова-Риббентропа³ Прибалтика оказалась в сфере интересов СССР, а прибалтийские немцы были переселены в 1939 и 1940 гг. на территории, отошедшие тогда Германии, а в 1941 г. и в саму Германию.

После установления советской власти в Эстонии в конце Второй мировой войны в отношении оставшегося немецкого населения были приняты репрессивные меры: после тщательной подготовки со стороны НКВД, неоднократного «подталкивания» со стороны Москвы, перенесения сроков и изменения места переселения, 15 августа 1945 г. немцы были высланы в Пермскую область.

И все же на этом не заканчивается история немцев Эстонии, несмотря на то, что это утверждалось в течение многих десятилетий. Во-первых, не были высланы тяжелобольные, находившиеся в больницах и лечебницах и не

оказавшиеся на месте во время акта «изъятия», и несколько человек были возвращены уже из эшелона. Во-вторых, некоторые были реабилитированы еще до 1955 г., так как доказали, что они не немецкого происхождения. Были и нелегально возвратившиеся в Эстонию, которые сумели незаконно «оформить» там себе документы с эстонской национальностью.

В связи с принятием 13 декабря 1955 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»⁴ и секретного приказа министра внутренних дел СССР от 16 декабря 1955 г. по реализации этого Указа, началось снятие с учета спецпоселения и освобождение «из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей»⁵. В Эстонии начался процесс возвращения высланных ранее немцев, «которые могут проживать в любом пункте Эстонской ССР, кроме г. Таллина, запретной пограничной береговой полосы и тех городов и районов Эстонской ССР, из которых они направлялись на спецпоселение»⁶. Но не всем немцам разрешалось возвращаться в Эстонию⁷.

В связи с изданием Указа от 13 декабря 1955 г. интерес представляет и «новая» сфера деятельности КГБ СССР. Например, «Справка»⁸ КГБ при СМ ЭССР, подготовленная для внутреннего пользования на основании документа № 2/3-1826 от 27/IX-57 г., полученного из Главного Управления КГБ при СМ СССР, в котором «говорится о том, что Правительством Советского Союза рассматривается вопрос о выдаче разрешения на репатриацию в ГДР и ФРГ немцев, имевших ранее немецкое гражданство»⁹. Поэтому в связи «с возможным выездом немцев указанных категорий в ГДР и ФРГ, считаем необходимым из их числа приступить к подбору способных, проверенных и закрепленных в работе с органами КГБ агентов для проведения мероприятий по выводу их в Западную Германию с разведывательными целями»¹⁰. И далее: «При подборе таких агентов следует ориентироваться на тех лиц, которые сами не стремятся к выезду в ФРГ, а поедут туда только для выполнения нашего задания»¹¹.

Подготовку «на вербовку в качестве «агента для закордонных мероприятий» проводили в городах Выру¹², Тарту¹³, Пайде¹⁴, районах Муствэ, Ряпина, Эльва, Вастселинна и Пылва¹⁵. Из доступных нам в настоящее время архивных документов становится понятно, что эта работа продолжалась до конца 1958 г.

Согласно переписи населения 1959 г. в Эстонии проживало 670 немцев. Это не только возвратившиеся из депортации 1945 г., но и различными иными путями и оказавшиеся здесь. Средства массовой информации обо-

дили этот вопрос, но с конца 60-х годов проблемы немцев в Эстонии приобрели остроту для партийных, государственных и административных органов на всех уровнях: на трех заседаниях бюро ЦК КПЭ принимались отдельные решения по немцам, проживающим в республике; дважды проводились открытые судебные разбирательства по немцам-экстремистам, запрещена прописка немцев в республике, приняты три совместных плана МВД и КГБ Эстонии по работе с немцами и т.д.

Во второй половине 60-х годов XX века началось активное и «целенаправленное» переселение немцев, граждан СССР, в Эстонию из других союзных республик и прежде всего из Средней Азии и Казахстана. Это перемещение стало началом многих проблем. Первым официальным документом, характеризующим этот процесс, служит сообщение Председателя Комитета госбезопасности при СМ ЭССР на имя Секретаря ЦК КПЭ Эстонии: «2-й отдел КГБ при СМ Таджикской ССР телеграммой № 2741 от 1.XII–1967 года сообщил, что согласно полученным агентурным данным, в конце октября того же года в Душанбе из Эстонии приезжали 2 человека (фамилии неизвестны), которые агитировали лиц немецкой национальности к выезду из Таджикистана на постоянное жительство в Эстонию, якобы для заселения вновь организованных совхозов, надеясь этим, по их словам, «...выселить из республики русских». И далее: «С учетом изложенного, целесообразно дать указание на места о прекращении организованного набора и завоза в республику граждан немецкой национальности»¹⁶.

Первый секретарь ЦК КПЭ И. Кэбин последовал совету генерала КГБ «дать указания на места», и, опираясь на аналогичный доклад министра общественного порядка ЭССР¹⁷ по линии СМ, началась подготовка соответствующего решения о запрете вербовки рабочей силы из лиц немецкой национальности. Таким образом, КГБ требует дать указания о «запрете вербовки», МООП просит рассмотреть этот вопрос, а ЦК КПЭ дает указание Совету Министров принять соответствующие меры.

Уже 20 мая 1968 г. принимается протокольное решение (№ 18) Президиума Совета Министров «О неофициальной вербовке рабочей силы предприятиями, учреждениями, совхозами и колхозами республики»¹⁸, где отмечается, что «у предприятий, организаций и учреждений нет соответствующего разрешения организованной вербовки» и что СМ ЭССР «обращает внимание на недопустимость таких действий»¹⁹.

В эстоноязычной прессе за рубежом (Нью-Йорк) появилось первое сообщение о переселении «волжских немцев» в Эстонию: «Корреспондент эс-

тонской газеты «Vaba Eesti Sõna» в Нью-Йорке сообщает, что во времена сталинской эры Поволжские немцы были высланы с их родины в Сибирь, а теперь отдельные из депортированных оказались в советско-оккупированной Эстонии»²⁰.

В начале 1970 г. центральные власти проявляют интерес к советским гражданам немецкой национальности, переселившимся в Эстонию, и МВД Эстонии делает по этому поводу отчет: «Учитывая, что все они являются гражданами СССР и родились на территории СССР, о выезде на постоянное жительство в ФРГ им отказано. Но несмотря на то, что мотивы отказа им разъяснены, они необоснованно упорно продолжают писать заявления в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, МВД СССР, МВД Эстонской ССР. Такие примеры в нашей республике не единичны». И далее: «МВД Эстонской ССР считает, что ходатайства советских граждан немецкой национальности, проживающих на территории СССР, о выезде на постоянное жительство в ФРГ и ГДР следует рассматривать на общих основаниях. Принадлежность их к немецкой национальности не дает еще основания для выезда их на постоянное жительство за границу, тем более что все они постоянно проживали на территории СССР. В данном вопросе действия посольства ГДР в Москве, которое вручает некоторым гражданам гарантийные письма, что они в ГДР будут обеспечены жилплощадью и работой, являются нецелесообразными»^{20а}.

24 сентября 1971 г. министр внутренних дел Эстонии В. Ани обращается в ЦК КП Эстонии с просьбой обсудить вопрос «О лицах немецкой национальности, ходатайствующих о выезде в ФРГ и ГДР на постоянное жительство из Эстонской ССР»: «В настоящее время в республике проживает более 7 тысяч лиц немецкой национальности, которые прибыли в Эстонскую ССР в последние два-три года из среднеазиатских республик. Все прибывшие лица родились в СССР, имеют сравнительно низкий общеобразовательный уровень, их семьи, как правило, многодетные. В республике в основном они работают механизаторами в сельском хозяйстве и на строительстве в сельской местности. Среди них есть и такие лица, которые враждебно настроены по отношению к советскому строю. В беседах заявляют, что они не имеют национальной культуры и вынуждены организовывать свои общины. Они принимают активное участие в разных религиозных группах. Свои ходатайства о выезде за границу на постоянное жительство они мотивируют следующими основными моментами: «Если не дадите нам автономию, то разрешите уехать на свою родину, где имеется возможность обучать своих детей на немецком языке, или создайте здесь школы с не-

мецким языком обучения, дайте нам свою литературу, газеты, радио на немецком языке, церковь». И далее: «В Эстонию они приехали именно с той целью, чтобы быстрее уехать на постоянное жительство за границу, и лишь на второй план выдвигают как причину – трудные климатические условия в среднеазиатских республиках»²¹.

Доклады районных отделов КГБ, МВД о нарушениях протокольного решения Президиума СМ ЭССР «О запрещении вербовки рабочей силы из среднеазиатских республик» привело наконец к тому, что было принято решение о запрещении прописки вообще для всех лиц немецкой национальности.

В «Протоколе совещания при министре внутренних дел ЭССР от 22 марта 1972 г.» сказано: «Министр приказал: 1. Запретить прописку в республике лиц немецкой национальности, прибывающих из других республик»²².

С другой стороны, в связи с получением отказов на выезд и сами немцы активизируют свою деятельность. Так, «20 марта с.г. в гор. Москве была задержана группа из 15 человек лиц немецкой национальности, которые пытались встретиться с послом ФРГ и побывать на приеме в Президиуме Верховного Совета ССР. Среди них было 11 человек из Эстонской ССР и 4 человека из Латвийской ССР»²³.

Итог опасениям МВД по поводу активизации деятельности немцев подводит записка отдела административных органов ЦК КП Эстонии от 5 мая 1972 г., направленная в ЦК КПЭ: «О нездоровых проявлениях среди лиц немецкой национальности, проживающих на территории Эстонской ССР»: «Добиваясь разрешения на выезд из Советского Союза, главным образом в ФРГ, они зачастую используют самые различные демагогические приемы, грубую клевету на советский строй и коммунистическую партию. С этой целью некоторые из них обращаются в международные организации и иностранные представительства, аккредитированные в нашей стране. По имеющимся данным свыше 50 человек имеют связи с посольством ФРГ в Москве. В прошлом году в этом посольстве побывало 14 человек. Попытки посетить посольство ФРГ имели место и в этом году. Так, 17 января с.г. группа немцев в количестве 11 человек дважды попыталась проникнуть в посольство ФРГ. Потерпев неудачу, они обратились в секретариат Президиума Верховного Совета СССР. Несмотря на полученные там разъяснения о существующем порядке подачи и оформления документов на выезд за границу, они все же направили коллективное письмо в Международный Красный Крест. В марте этого же года группа немцев в количестве 17 человек, в том числе 11 человек из республики, вновь выезжали в Москву с целью передачи посольству ФРГ коллективного заявления на имя президента США Никсона, канцлера

ФРГ Брандт и ООН с требованием оказать немцам, проживающим в СССР, содействие в выезде на жительство в ФРГ». И далее: «Со стороны некоторых немцев-переселенцев имеются попытки к объединению лиц немецкой национальности, желающих выехать за границу, чтобы повести организованную борьбу за решение этого вопроса»²⁴, а поэтому «органам внутренних дел и государственной безопасности следует усилить предупредительно-профилактическую работу среди этих граждан и более решительно призывать к порядку наиболее злобствующие элементы»²⁵.

Эту оценку деятельности МВД и КГБ дает орган ЦК КПЭ. В нижеследующем документе совершенно иная ситуация – МВД обращается в ЦК КПЭ с просьбой о поддержке в усмирении и приведении к послушанию районных партийных руководителей и председателей райисполкомов, которые нарушают приказ от 25 марта 1972 г. о запрете прописки в Эстонии лиц немецкой национальности. Этот документ²⁶ наглядно иллюстрирует взаимоотношения руководителей предприятий и хозяйств с партийными и государственными деятелями.

Министр жалуется на руководителей учреждений, нарушающих положение о прописке, и ссылается при этом на то, что он в создавшейся ситуации «испытывает затруднения в выполнении указаний ЦК КП Эстонии об отказе в прописке граждан немецкой национальности», т.е. тех указаний ЦК КП Эстонии, на основании которых он сам же подписал приказ от 25.03.1972 года.

Как видно, из-за поселения немцев в Эстонию возникло очень много проблем во взаимоотношениях хозяйственников и партийных работников, а теми и другими недовольны МВД и КГБ. Поэтому отдел административных органов ЦК КПЭ обращается напрямую к первому секретарю ЦК с просьбой помочь разобраться, а в общем-то с просьбой поставить на место хозяйственников и партийных работников районного уровня.

И ЦК КПЭ решило на очередном Пленуме рассмотреть этот вопрос отдельно. Пленум состоялся уже 6 июня 1972 г.²⁷, и на самом высоком партийном уровне были предупреждены о строгой ответственности горкомы и райкомы партии, городские и районные СДТ. Что же касается немцев с их проблемами, то говорится лишь о воспитательных мероприятиях, т.е. о вовлечении их в «общественно-политическую жизнь трудовых коллективов» и разъяснении им «идей пролетарского интернационализма, дружбы и братства народов СССР, политики КПСС по национальному вопросу...», т.е. ничего не советуется в части «карательных мер», но нет и никакого упоминания о проблемах, волнующих граждан немецкой национальности, проживающих в Эстонской ССР.

КГБ Эстонии подготовило для оперативного использования справку «О эмиграционных настроениях немцев, проживающих в Пярнуском районе Эстонской ССР», на материалах тайного изучения переписки немцев Эстонии: «Согласно плану «Альфа» 6-м отделением ОТО КГБ при СМ ЭССР изучается переписка граждан немецкой национальности, прибывших на жительство в Эстонскую ССР из других районов и областей Советского Союза. В ходе наблюдения за их перепиской выявлено, что значительная часть лиц данной категории стремится выехать на постоянное жительство в ФРГ. В документах, направленных в официальные инстанции ФРГ и СССР, а также родственникам, проживающим в ФРГ, они проявляют эмиграционные настроения и допускают националистические высказывания. Кроме того, предпринимают групповые выезды в город Москву в посольство ФРГ с целью ускорения их выезда из Советского Союза»²⁸.

Из этого документа видно, что все лица немецкой национальности, попавшие по какой-либо причине в поле зрения КГБ, подвергались детальной проверке путем включения их в план «К», т.е. тотальной проверке всей почтовой корреспонденции.

Менее чем через месяц после заседания Бюро ЦК КП Эстонии, обсуждавшего и проблемы «интеграции» граждан СССР немецкой национальности в эстонское общество посредством усиления воспитательной работы среди них, районные комитеты партии стали писать отчеты в ЦК КПЭ о выполнении его решений.

Спустя 7,5 месяцев после того как в Эстонии запретили прописку немцев, появляется Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», в котором сказано: «Снять ограничения в выборе места жительства, предусмотренного Указами Президиума Верховного Совета ССР от 13 декабря 1955 года в отношении немцев и членов их семей»²⁹. И далее: «Разъяснить, что лица, на которых распространялось указанное ограничение и члены их семей, являющихся гражданами СССР, пользуются как и все советские граждане, правом избирать место жительства на всей территории СССР в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме»³⁰. Таким образом, союзные власти разрешают, а республиканские запрещают, т.е. отнимают право «избирать место жительства на всей территории СССР», т.к. в Указе сказано и следующее – «избирать... в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режи-

ме». Ведь союзный Указ отменяет старый союзный Указ, а не новое решение республики.

8 июня 1973 г. министр внутренних дел ЭССР В. Ани докладывает заместителю МВД Союза ССР Шумилу Б. Г. «О лицах немецкой национальности, проживающих в Эстонской ССР»: «В настоящее время по предложению МВД Эстонской ССР вопрос о лицах немецкой национальности, проживающих в республике, готовится на обсуждение в Центральном Комитете КП Эстонии. Однако, по мнению МВД Эстонской ССР, целесообразно в соответствующих инстанциях Союза ССР в целом рассмотреть вопрос о создании на территории СССР немецкой автономной области или разрешить ходатайствующим выезд в Федеративную Республику Германии на постоянное жительство»³¹.

Подобное предложение на таком высоком уровне в Эстонии прозвучало впервые. Почему? Ответ далеко неоднозначен. Активизация деятельности немцев, усиление ее организованности, их требования в отношении школ, церкви, радио, газеты и т.п., в особенности же коллективные выступления в Москве и Таллине, а затем и требование от МВД ЭССР приема группы немцев, представляющих различные районы Эстонии, вызывает и призыв МВД к ЦК КПЭ и СМ ЭССР: «Министерство внутренних дел Эстонской ССР просит ЦК КП Эстонии информировать Центральный Комитет КПСС о сложившейся в республике обстановке с лицами немецкой национальности и о необходимости решения вопроса о немцах, проживающих в Советском Союзе»³².

Наконец, 21 августа 1973 года состоялось дважды откладываемое заседание Бюро ЦК КП Эстонии по вопросу «О фактах неудовлетворительной постановки воспитательной работы среди граждан немецкой национальности, прибывших на жительство в республику»³³, которое вновь приняло решения:

- обязать горкомы и райкомы КП Эстонии, первичные партийные организации принять меры по усилению политико-воспитательной работы среди населения немецкой национальности;

- обязать руководителей предприятий, учреждений, организаций, совхозов и колхозов при оформлении на работу граждан немецкой национальности, прибывающих из других союзных республик, строго соблюдать установленный действующим законодательством порядок приема на работу и предоставления жилплощади;

- МВД и КГБ Эстонской ССР обеспечить профилактическую работу по предупреждению нарушений общественного порядка лицами немецкой национальности. Своевременно пресекать нездоровые проявления среди этой категории населения.

Иллюстрацией принятых мер является резкое увеличение выезда немцев из Эстонии в Германию: в 1973 г. выехало 683 немца (при численности немцев в Эстонии в то время 10 354), а из СССР – 4 500 ³⁴ (при населении около 1,8 млн. немцев) ³⁵.

30 января 1974 года утвержден «План основных совместных мероприятий органов внутренних дел и государственной безопасности Эстонской ССР по предотвращению групповых нарушений общественного порядка со стороны эмиграционно настроенных лиц немецкой национальности». Кодовое название «ЗАПАД»³⁶. Этот очень детализированный план с тотальным охватом немецкого населения республики наглядно иллюстрирует потенциальные возможности МВД и КГБ.

Как уже выше отмечалось, все отчеты районов в конечном итоге попадают в отдел административных органов ЦК КПЭ, который 7 февраля 1974 г. представил «Секретарям ЦК КП Эстонии. Информация о гражданах немецкой национальности, проживающих в Эстонской ССР и проводимая среди них воспитательная работа»: По состоянию на 1 января 1974 г. в Эстонской ССР проживало 10 281 человек немецкой национальности, в том числе 3 575 детей. Большинство из них были спецпоселенцами, высланными в 1944–1945 годах в среднеазиатские республики и переехавшими в Эстонскую ССР в 1968–1970 годах.

По имеющимся данным более 2/3 немцев, проживающих в Эстонской ССР, желают выехать за границу, однако многие из них в настоящее время не имеют возможности представить оформленные ходатайства о выезде из-за отсутствия за границей родственников, приглашающих их к себе на постоянное жительство. Для достижения своих целей они организуют так называемые «инициативные группы» и «комитеты» по составлению списков желающих выехать в ФРГ, подготовке различного рода «обращений» как в советские, так и зарубежные органы, организации коллективных посещений правительственных учреждений и т.д.

13 февраля 1974 г. за подписями руководителей КГБ и МВД всем районам республики была дана информация о демонстрации немцев из Эстонии в Москве перед зданием ЦК КПСС: «Выезд немцев в Москву стал возможным потому, что органы КГБ на местах не приняли должных мер по приобретению надежных источников информации в указанной среде и не выявляют организаторов антиобщественной деятельности эмиграционно настроенных лиц.

Руководители местных органов КГБ и внутренних дел недостаточно энергично осуществляют совместные действия по предупреждению и пресече-

нию антиобщественной деятельности немецких экстремистов, наносящих политический ущерб Советскому государству»³⁷. Таким образом, план совместных мероприятий МВД и КГБ ЭССР «Запад» еще не сработал.

И уже 19 февраля 1974 г. принимается (совершенно секретно, «особая папка») Постановление Бюро ЦК КП Эстонии № 108 § 15 (ОП) «О нездоровых проявлениях среди граждан немецкой национальности, проживающих на территории Эстонской ССР»³⁸. Одновременно Бюро утверждает и текст информации для ЦК КПСС по этому вопросу: «Несмотря на принимаемые меры, среди граждан немецкой национальности по-прежнему активно поддерживаются эмиграционные и антиобщественные выступления. ЦК КПСС известен факт организации 30 января с.г. (в день принятия плана «Запад»! – **В.З.**) демонстрации перед посольством ФРГ в Москве и попытка проведения демонстрации 11 февраля с.г. перед зданием ЦК КПСС, в которой принимали участие 27 немцев из Эстонской ССР. Как уже сообщалось, 17 февраля с.г. немцами была предпринята попытка проведения демонстрации в гор. Таллине, для чего свыше ста человек из различных районов республики собрались у гостиницы интуриста «Виру». Некоторые из собравшихся имели при себе лозунги: «Требуем выезда в Германию», «Уважайте права человека», «Освободите участников демонстрации в Москве». Принятыми органами внутренних дел и госбезопасности мерами демонстрация была предотвращена, всего задержано 105 человек. В указанной акции в основном принимала участие молодежь в возрасте от 16 до 30 лет. За допущенные нарушения и неповиновение органам власти в отношении задержанных приняты предусмотренные законом максимальные меры административного наказания и общественного воздействия»³⁹. Эти мероприятия являются отражением активизации деятельности немцев.

Так, в справочном материале МВД для ЦК КП Эстонии сказано: «В целом необходимо отметить, что эмиграционные настроения многих граждан немецкой национальности переросли в довольно хорошо организованное националистическое движение, которое в настоящее время уже создает определенные затруднения в поддержании общественного порядка в республике»⁴⁰.

Особый интерес представляет анализ МВД состава немецкого населения: «Из 1 674 граждан немецкой национальности старше 30-летнего возраста, которые обратились в органы внутренних дел с ходатайством о выезде на постоянное жительство в Федеративную Республику Германии, 1 086 человек находилось во время Великой Отечественной войны в Германии и после войны, в основном в 1944 году, были возвращены в порядке репатриации в Советский Союз, где были направлены на поселение в

среднеазиатские республики и области РСФСР. Следовательно, можно сделать вывод, что до 28% немцев, проживающих в настоящее время в Эстонской ССР, относятся к репатриантам (до 2 800 человек)»⁴¹. И далее: «В последнее время в республике националистические сборища немцев или попытки их проведения стали явлениями, которые ежемесячно, иногда еженедельно, отрывают значительные силы Министерства и горрайорганов внутренних дел от выполнения более неотложных задач»⁴².

Статистика и сравнительный анализ, осуществленный МВД, дает материал и для собственного анализа, так как это не общедоступные данные⁴³.

Приехали из:

Казахской ССР	3 175
Таджикской ССР	2 111
Киргизской ССР	1 155
Узбекской ССР	722
Алтайского края	329
Омской области	203

Всего из более 60 мест Союза ССР.

И вновь две силовые структуры утверждают 22 и 23 апреля, соответственно, секретный «План совместных действий КГБ-МВД ЭССР по пресечению возможных антиобщественных акций со стороны немецких экстремистов»⁴⁴, эффективность которого оказывается на деле явно недостаточной, так как принимаются все новые и новые схожие планы.

Так, 17.12.1974 г. председатель КГБ при СМ ЭССР утвердил очередной секретный «План агентурно-оперативных мероприятий по выявлению и пресечению преступной деятельности, проводимой немецкими экстремистами на территории Эстонской ССР (ДРОГ № 56 «ЗАКАТ»)»: «Имеющиеся в распоряжении КГБ при СМ Эстонской ССР материалы свидетельствуют о том, что несмотря на принятые в отношении немецких экстремистов меры предупредительно-профилактического характера, а также административного и уголовного наказания, отдельные из них не прекратили враждебной деятельности... пытаются проводить среди немецкого населения работу по разжиганию экстремистских настроений. Они передают западногерманским корреспондентам тенденциозную клеветническую информацию. Продолжают обрабатывать во враждебном духе лиц немецкой национальности, толкают их на антиобщественные выступления»⁴⁵.

23.12.1974 г. министр внутренних дел Эстонской ССР докладывает в ЦК

КПЭ «О лицах немецкой национальности, проживающих в Эстонской ССР»⁴⁶: на «1 декабря 1974 г. в Эстонской ССР проживает 8 290 немцев». Несмотря «на принимаемые меры, эмиграционные настроения граждан немецкой национальности, проживающих в Эстонской ССР, продолжают возрастать. По сравнению с 1973 годом количество получивших в МВД Эстонской ССР ходатайств о выезде в Федеративную Республику Германии увеличилось более чем в два раза. За 1974 год МВД Эстонской ССР были рассмотрены материалы о выезде на постоянное жительство 4 701 граждан немецкой национальности»⁴⁷.

В середине 70-х годов активность немцев значительно снизилась, так как активисты выехали в Германию, но уже в 1978 г. в основном силами «отказников» создается общество «Защита семьи»: «Двадцать немецких семей в Эстонии, ходатайствующие о получении разрешения на выезд в ФРГ, основали в феврале прошлого года общество «Защита семьи». Они приняли «Акты планирования деятельности» и Устав. В акте значится: «Общественная организация «Защита семьи», согласно уставу, окончит свою деятельность как юридическое лицо тогда, когда устремления всех ее членов объединиться со своими в Федеративной Республике Германии будут удовлетворены». Сообщение о создании организации вместе с актом и уставом переслало Председателю Верховного Совета ЭССР (Президенту)»⁴⁸. Осенью того же года общество самораспустилось.

Массовый выезд немцев и евреев, а также связанные с этим внутри- и внешнеполитические проблемы вынуждают ЦК КПСС принять постановление «О работе по преодолению тенденции к выезду за рубеж на постоянное жительство части советского населения и усилению информационно-пропагандистской деятельности среди соотечественников и советских граждан за рубежом». В связи с этим Постановлением ЦК КПЭ разрабатывает детализированный план мероприятий по его реализации:

- повысить роль трудовых коллективов в деятельности по преодолению тенденции к выезду советских людей за рубеж на постоянное жительство;
- обеспечить справедливое представительство всех наций и народностей (в т.ч. немцев, евреев, финнов) в партийных, советских, комсомольских, профсоюзных органах, пресекать любые попытки дискриминации по национальным мотивам, особенно в вопросах получения образования, трудоустройства, изучения родного языка;
- держать под строгим контролем вопросы прописки и трудоустройства эмиграционно настроенных лиц;
- использовать временно выезжающих за рубеж советских граждан для

ведения пропагандистской работы среди эмиграционо настроенных лиц (прежде всего немецкой национальности);

– выявлять запросы граждан финской и немецкой национальностей в углубленном изучении их детьми родного языка в общеобразовательных школах и т.д.⁴⁹

И уже 18 ноября 1988 г. МВД ЭССР докладывает в ЦК КПЭ и СМ ЭССР «О выполнении пункта 4 Постановления Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии от 27 октября 1987 года № 44 § 3 следующее:

«В Эстонской ССР проживает 3 531 человек немецкой национальности. За 10 месяцев текущего года органами внутренних дел республики прописано 45 человек (в том числе: 7 детей), прибывших из других регионов страны:

- родители к детям13
- дети к родителям3
- к супругам14 (3 детей)
- по направлению3
- на учебу2
- к родственникам8 (4 детей)
- покупка дома (г. Нарва)2.

Прописка их оформлена в соответствии с требованиями действующего законодательства. Вопросы трудоустройства граждан контролируются органами внутренних дел совместно с территориальными бюро по трудоустройству населения.

Руководством органов внутренних дел постоянно информируются территориальные исполкомы и службы госбезопасности о лицах немецкой национальности, прибывших на постоянное жительство из других регионов страны»⁵⁰.

Этот документ, касающийся немцев, видимо, является последним составленным советскими властями в Эстонии.

Политика перестройки и гласности и борьба Эстонии за восстановление своей государственной независимости в 1987/88 годах способствовали и возрождению в 1989 г. немецких обществ в городах Таллине и Тарту. Созданное в 1991 г. «Общество немцев Эстонии» объединило пять местных немецких обществ и стремилось свою деятельность координировать с аналогичными обществами в Латвии и России («Видергебурт»). После признания независимости Эстонии со стороны России в августе 1991 г., а затем и СССР, деятельность Общества немцев Эстонии более связана с прибалтийскими обществами, Международным союзом немецкой культуры (Моск-

ва), а также с 1996 г. и с Федеральным союзом европейских национальных меньшинств.

После восстановления независимости Эстонии был создан Форум народов Эстонии, назначен министр по национальным вопросам и в бюджете республики отдельной статьёй выделялись денежные средства на поддержку деятельности национальных меньшинств.

С принятием конституции немцы Эстонии получили законодательное основание на восстановление своего культурного самоуправления, но не пользовались своим конституционным правом, так как лишь одна треть немцев, проживающих на территории Эстонии, твердо решила интегрироваться в эстонское общество⁵¹. Этот период активной деятельности Общества немцев Эстонии является предметом нашего специального исследования.

¹ См.: Зибен В.: Депортация немцев из Эстонии 15 августа 1945 г. и ее последствия. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19–22 октября 2000 г., М., 2001. С. 271–284.

² См.: "Maaseadus" – Riigi Teataja, Nr. 79/80, 25 Oktoobril 1919, lk. 625–627 («Земельный закон»).

³ См.: Nichtangriffsvertrag zwischen Deutschland und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken. – In: Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937–1945. Bd. VII Baden-Baden, 1956. S. 205–206.

⁴ № 129/23. «Без опубликования в печати». – См.: ERAF (Филиал эстонского государственного архива). Ф. 17. Оп. 3. Д. 113. Л. 95.

⁵ См.: ERAF. Ф.17. Оп. 3. Д. 113. Л. 94–94 р.

⁶ См.: Выписка из Постановления СМ ЭССР от 1 октября 1957 г. № 332 «О порядке проживания на территории Эстонской ССР лиц, освобожденных со спецпоселения» - ERAF. Ф.17/2. Оп.1. Д. 306. Л. 51. В то же время Исполкомам районных СДТ предоставлялось право «Разрешать престарелым, нетрудоспособным и положительно зарекомендовавшим себя лицам, из числа снятых со спецучета и освобожденных из под административного надзора, постоянное проживание в тех городах и районах, из которых они ранее направлялись на спецпоселение» (там же).

⁷ Например: Кюблер В. П., «немец-колонист», по отбытию срока наказания отправлен в ссылку на поселение в Коми АССР», куда были высланы немцы, но в освобождении из ссылки ему отказано. – См.: ERAF. Ф.17/2. Оп.1. Д. 46. Л. 38, 49.

- 8 См.: ERAF. Ф.138. Оп. 1. Д.13. Л. 270–272. Совершенно секретно, Экз. единственный.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 271.
- 11 Там же.
- 12 См.: ERAF. Ф. 139. Оп.1. Д. 19. Л. 383–384, 390–391 и далее.
- 13 См.: Там же. Л. 406–407, 412–413 и далее.
- 14 См.: Там же. Л.399–405.
- 15 См.: Там же. Л. 273–274.
- 16 (Исх. № 1/156 от 7. мая 1968 г., секр. ,Вх. № 0221 от 7.V.1968 г.). // ERAF, ф. 1, оп. 302, д. 86, л.14–17. Прямо по тексту резолюция 1-го секретаря ЦК КП Эстонии Кэбина: «Секретарям ЦК» и «т. Черников. Через инспекторов сообщите всем РК о том, чтобы они запретили всем район. учрежд. и организациям выезды с целью вербовки. 12.V.68г.».
- 17 См.: Фонд Правительства Эстонии. Ф.Р1. Оп. 3. Д. 2199. Л. 204–205. (Исх. № 1/862 от 8 мая 1968 г.) Председателю Совета Министров Эстонской ССР В. Клаусону (Вх. № 4071 от 13.V.1868) о вербовке рабочей силы в Эстонию: «Информируя Вас об изложенном, считая массовую вербовку лиц немецкой национальности в Эстонскую ССР неправильной, прошу Вас рассмотреть этот вопрос и дать свои указания».
- 18 См.: Протокол заседания Президиума СМ ЭССР, 20 мая 1968 г., Nr. 18 (MN-1365 as) – ERAF. Ф. 17. Оп. 1. Д. 473. Л.153. (на эст. языке).
- 19 Ibidem. Из этого протокольного решения видно, что хотя явно в СМ были обе докладные записки и вопрос обсуждался в ЦК, который дал соответствующие указания, в решении ссылаются лишь на МООП Эстонии, без ссылки на КГБ и ЦК КПЭ.
- 20 Vaba Eesti Sõna, 21.11.1969, с/o Nachrichten aus dem Baltikum, Nr. 46, 1969, S. 29. Персона, которая посетила оккупированную Эстонию, сказала в беседе: "Поволжские немцы – это нашего склада человеческий тип, они не русские." (См.: Vaba Eesti Sõna, Nr. 47, 20.11.1969, S. 2. „русские" в нехорошем тоне). «Они сильно обрусели, но хорошие и порядочные работники». Таков примерно рассказ проехавшего по родине из Швеции». (См.: ETK tähtis tegur Eestis. – Vaba Eesti Sõna. Nr. 10, 11.03.1971, lk.2.).
- 20а Заместитель министра внутренних дел Эстонской ССР – Заместителю начальника Управления административной службы милиции МВД Союза ССР. – Сообщение № 1/0096 от 20 января 1970 г. – ERAF. Ф. 17/1. Оп. 1. Д. 552. Л. 8–11.
- 21 «О лицах немецкой национальности, ходатайствующих о выезде в ФРГ и ГДР на постоянное жительство из Эстонской ССР» – Сообщение МВД В. Ани в ЦК КП Эстонии (Исх. № 1/0734 от 24.IX. 1971, секр.) – ERAF. Ф. 1. Оп. 302. Д.153. Л.122–123.

- 22 ERAF. Ф. 17. Оп. 1. Д. 574. Л. 26.
- 23 Ibidem; p. 146. Из тысяч ходатайств на выезд в ФРГ, поданных за «1970–72 годы, был разрешен выезд только 7 престарелым гражданам». Таким образом, пока еще выпускали лишь пенсионеров.
- 24 ERAF. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4197. Л. 30–35. «Для достижения своих целей нужно действовать не в одиночку, а объединиться», «евреи получают разрешение на выезд за границу, так как они борются, и что без борьбы и им не попасть на родину».
- 25 Ibidem, p. 35.
- 26 См.: Письмо министра внутренних дел Эстонии В. Ани первому секретарю ЦК КПЭ Кэбину И. Г. и приложение № 1. Сведения о количестве лиц немецкой национальности, прибывшие в ЭССР за 5 месяцев 1972 г. – ERAF. Ф.1. Оп. 302. Д. 184. Л. 3–7. Резолюция И. Кэбина по тексту: «т. Васиков, т. Пильдрю. Необходимо строго наказать виновных, прежде всего тех, кто организовал приглашение и испол. прописок в мае м-це.» В самом тексте им также подчеркнуты многие места, и на полях приписки «наказать директора» (за приглашение на работу), «наказать инспектора», «Кто конкретно? (речь шла о том, что «Некоторые руководители...» или «Надо установить виновника. Кто дал право на прописку, если отец уже подал на визу!», «Привлечь к ответственности за вызов» и т.д.
- 27 См.: Выписка из протокола № 47, § II заседания Бюро ЦК от 6 июня 1972 г. «О записке отдела административных органов ЦК КП Эстонии» (секретно). – ERAF. Ф. 1. Оп. 4. Д. 419. Л.140–141.
- 28 Справка о эмиграционных настроениях немцев, проживающих в Пярнуском районе Эстонской ССР. (Исх. № ОТО/1736, от 22.06.1972) – Ф. 139. Оп. 1. Д. 93. Л.17–23. Подобные справки были подготовлены по всем районам республики, где проживали немцы.
- 29 «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренных в прошлом для отдельных категорий граждан. – Указ Президиума Верховного Совета ССР от 3 ноября 1972 г. № 3521 – VIII (не подлежит опубликованию) – ERAF. Ф. 17/2. Оп. 1. Д. 572. Л. 122. (Вх. № 224 МВД ЭССР от 27.XI.1972 г.)
- 30 Ibidem.
- 31 Исх. № 1/0482, секр. – ERAF. Ф. 17/1. Оп. 1. Д. 614. Л. 24–26.
- 32 См.: О лицах немецкой национальности, проживающих в Эстонской ССР. – министр внутренних дел Эстонской ССР тов. Клаусону В. И. (3 июля 1973 г., Исх. № 1/0530, секр., экз. № 1) – ERAF. Ф.1. Оп. 302. Д. 207. Л. 45–49. За последние полтора года в городе Москве было задержано пять организованных групп немцев из Эстонской ССР, которые грубо нарушали общественный порядок, устраивали демонстрации и сидячие

- забастовки в приемной Президиума Верховного Совета СССР, на центральном телеграфе, в вестибюле гостиницы «Интурист» и в других местах, требовали немедленно дать им разрешение на выезд в Федеративную Республику Германии».
- 33 См.: Выписка из протокола № 93, § 28 (ОП) заседания Бюро ЦК от 21 августа 1973 г. (Особая папка, секр.) – ERAF. Ф. 1. Оп. 5. Д. 125. Л. 1–3.
- 34 См.: Докладная записка «О работе органов внутренних дел Эстонской ССР по линии виз и регистрации иностранцев за 1973 год. – ERAF. Ф. 17/1. Оп. 1. Д. 634. Л. 58–60.
- 35 См.: Simon, Gerhard: Aktuelle Probleme der sowjetischen Nationalitätenpolitik. – Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Günther Stökl zum 60. Geburtstag. Bühlau Verlag, Wien 1977, S. 283.
- 36 См.: ERAF. Ф. 17/1. Оп. 1. Д. 652. Л. 144–153.
- 37 Politseiamet. Politseiarhiiv. (Управление полиции, полицейский архив – В.3.).Ф. 17. Оп. 1. Д. 267. Л. 33–34.
- 38 См.: ERAF. Ф. 1. Оп. 5. Д. 126.
- 39 Ibidem, p.1. Все они относительно быстро получили разрешение на выезд.
- 40 «О лицах немецкой национальности, проживающих в Эстонской ССР» – в ЦК КП Эстонии (Исх. № 1/0289 от 22 марта 1974 г., секр.) – ERAF. Ф. 1. Оп. 302. Д. 225. Л. 77–87.
- 41 На 15 марта 1974 г. 2 111 граждан немецкой национальности (442 семьи), проживающих в Эстонской ССР, официально ходатайствуют о выезде на постоянное жительство в Федеративную Республику Германии. Это составляет 21% от немецкого населения, проживающего в республике.
- 42 Ibidem, p. 84.
- 43 Ibidem. Коренных жителей республики из числа немцев всего 298 человек. «Из общего количества, обратившихся с ходатайствами о выезде в ФРГ, проживало в Эстонской ССР до 1967 года 87 человек».
- 44 См.: ERAF. Ф. 17. Оп. 1. Д. 651. Л. 232–234. За 1973–1974 годы в адрес МВД Эстонской ССР поступило всего 12 коллективных заявлений от групп немецкой национальности.
- 45 ERAF. Ф. 139. Оп. 1. Д. 93. Л. 41–50.
- 46 ERAF. Ф. 17/1. Оп. 1. Д. 656 Л. 146–148. Исх. №1/0987, секр.
- 47 Ibidem, p. 147-148. «Комиссией по выездам за границу при ЦК КП Эстонии были в 1974 году даны разрешения на выезд в Федеративную Республику Германии 2 443 гражданам, из них детям до 16 лет – 973 или 493 семьи; (в 1973 году – 683 человека, 137 семей). В то же время из СССР выехало 6 000 немцев.
- 48 Nachrichten aus dem Baltikum. Stockholm. Nr. 83, 1979, S.11.

- ⁴⁹ См.: ERAF. Ф.1. Оп. 4. Д.6956. Л.32–40. Протокол № 44 Заседания Бюро ЦК Компартии Эстонии от 27 октября 1987 года (совершенно секретно).
- ⁵⁰ ERAF. Ф. 17/1. Оп. 2. Д. 400. Л. 4. № 1/104с. Таким образом, за эти годы немецкое население уменьшилось почти в три раза.
- ⁵¹ Согласно переписи населения 1989 г. в Эстонии проживало 3466 немцев (времена перестройки показали, что их значительно больше), так как после 1989 г. выезжало в среднем около 300 человек в год, а согласно переписи населения 2000 г. – 1228 человек.

ГАЗЕТА «АРБАЙТ» – ПЕРВОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР

Т. И. Шатских

Как известно, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. показала миру не только примеры мужества и патриотизма советских граждан, но и примеры беспощадной жестокости власти по отношению к собственному населению. В первую очередь, это касается тех групп населения, чьи исторические корни связывали их со странами – противниками СССР во Второй мировой войне. Немцы были самой многочисленной группой среди этих народов, а Германия воевала против СССР. Немцам, проживавшим на территории нашей страны, было предъявлено обвинение в пособничестве агрессору, они были депортированы из европейской России в Сибирь и Казахстан и переведены на положение спецпоселенцев.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. режим спецпоселения для этих людей был отменен. Но сохранялся запрет на возвращение в места прежнего проживания, то есть ссылка для большинства немцев фактически продолжалась. Они были лишены права на автономию и жили рассеяно по всей территории Сибири, Казахстана, некоторых других регионов¹.

Возрождение национального самосознания, по меньшей мере, замедлило неизбежную ассимиляцию немцев среди коренного населения. Процессу национального возрождения способствовало появление национальной газеты на Алтае. Формально газета «Арбайт» была органом крайкома КПСС, но фактически стала центром притяжения немецкой интеллигенции, всего немецкого населения даже за пределами Алтайского края.

Сразу же после принятия Президиумом ЦК КПСС 17 сентября 1955 г. решения об издании газеты на немецком языке² выявился целый ряд трудностей, связанных прежде всего с подбором кадров для издания газеты. На Алтае таких специалистов не было, поэтому первые квалифицированные сотрудники были приглашены из Москвы. Редактором немецкой газеты был назначен В. С. Пестов, восемь лет работавший до того в советской берлинской газете «Таглихе Рундschau».

Следующая проблема, вставшая перед коллективом редакционной коллегии – на каком языке издавать газету: на литературном немецком языке в его классической форме или ориентироваться на понимание газеты

простыми людьми. Было решено придерживаться средней линии – писать на литературном языке, но по возможности избегать иностранных слов, сложных оборотов. Поэтому язык газеты «Арбайт» можно было считать попыткой приспособления немецкого литературного языка к условиям Советского Союза.

Далее следовало определить тематику, наметить основные разделы и рубрики газеты. Передовые статьи были важным элементом газеты, они определяли содержание номера и большей частью были предложены сверху. Первая страница содержала обычно официальную информацию: сообщения о созыве съездов партии, доклады и речи руководителей страны, отчеты и призывы к выполнению социалистических обязательств. Наряду с передовыми статьями в газете были рубрики, посвященные жизни немецкого населения в Алтайском крае: «Kurz berichtet» («Краткая хроника»), которую в шутку называли «Kunz berichtet» («Кунц сообщает», так как эту рубрику вел заведующий отделом писем Йоахим Кунц), далее «Leser schlagen vor» («Читатели предлагают»), «Unsere Literaturseite» («Наша литературная страница»), «Arbeit» geht der Sache nach» («По следам выступлений „Арбайт“»), где редакция сообщала о том, что удалось сделать по письмам читателей, «Agronomische Ratschläge» («Советы агронома»), «Zotechnische Ratschläge» («Советы зоотехника»), и другие. Были такие постоянные рубрики как «Alltag unserer Heimat» («День нашей родины»), «Bei unseren Nachbarn» («У наших соседей»), «Weltumschau» («За рубежом»), «Weltgeschehen» («События в мире») и другие.

Кроме того, в газете публиковались произведения немецких писателей и поэтов Алтайского края, переводы из книги М. Шолохова «Neuland unterm Pflug» («Поднятая целина»), В. Овечкина «Der neue Direktor» («Новый директор»), стихотворение Е. Долматовского «Abschied vom Harmonisten» («Прощание с гармонистом») и многих других. На страницах газеты были обычно материалы о культурной жизни немцев – о художественной самодеятельности, о встречах с интересными людьми, о выступлениях школьников на немецком языке, об открытии выставок в краевой библиотеке, о появлении новых книг из ГДР на немецком языке, и, конечно, материалы о старых алтайских немецких деревнях в Кулундинской степи.

Газета систематически показывала передовиков производства, помещала фотографии, очерки о заслуженных тружениках, списки награжденных орденами и медалями³. 17 марта 1956 г. появилась уже первая литературная страница⁴, 14 апреля 1956 г. был объявлен первый литературный конкурс⁵, 19 сентября 1956 г. была напечатана первая пьеса для самодеятельности на немецком языке «Чудесный доктор» А. Сакса⁶.

Но существовали темы, которых редакции приходилось избегать. Прежде всего это были вопросы, связанные с Республикой немцев Поволжья, депортацией и трудармией. Несмотря на то, что редакционная коллегия пользовалась относительной свободой, так как начальство газету не читало по причине незнания немецкого языка, в коллективе была своя внутренняя цензура. Редактор «Арбайт» В. С. Пестов следил, чтобы сотрудники газеты не выходили за рамки тогдашних установок. Он был очень осторожен и внешне не допускал политических трений с руководством. Поэтому цензура, которая читала «Арбайт», никаких замечаний в этом отношении не делала.

Но серьезное недовольство со стороны краевого руководства вызывало то, что газета печатала много материалов национального плана, в то время как она была органом крайкома КПСС и была призвана освещать события в стране и крае с партийной точки зрения, то есть фактически игнорировать национальный вопрос. Пестов же не стремился перепечатывать материалы из центральных советских газет, не подражал советской прессе, не следовал слепо указаниям партийного руководства, и на этом фоне «Арбайт» выделялась среди других советских изданий. Газета служила немецкому населению, учитывала в первую очередь его интересы, справедливо полагая, что ее деятельность должна быть направлена на объединение людей единой национальности, способствовать росту национального самосознания, сохранению немецких традиций, языка, литературы. Для отвода глаз Пестов перепечатал по-немецки несколько статей из «Правды», о чем не преминул доложить в своем отчете о работе газеты за первые три месяца ее существования⁷, что было бальзамом на душу партийному руководству. В целом же газета публиковала статьи, касавшиеся больше национальной, а не партийной тематики, чего от нее никак не ждали. «Арбайт» благодаря своей национальной направленности выгодно отличалась от других краевых газет, не допускала огульного восхваления советского образа жизни, что дополнительно способствовало ее широкой популярности среди немецкого населения.

В целях дальнейшего распространения газеты, увеличения круга подписчиков коллектив газеты предпринял несколько смелых шагов. Уже через пять месяцев после основания газеты в Барнауле и в сельских районах, где большую часть населения составляли немцы, стали проводиться читательские конференции. Первая конференция состоялась 22 апреля 1956 г. в селе Сорокино, в ней участвовали более 250 трудящихся-немцев. Конференция обратилась ко всем советским немцам Алтая с призывом «Каждой немецкой семье – немецкую газету»⁸. Этот призыв был подхвачен читатель-

ской конференцией в селе Некрасово (ныне Гальбштадт), затем в Орлово, Сереброполье, Ключах, Белоярске, Смоленском, Бийске и других селах и городах края. Конференции проводились от имени и под маркой газеты, но фактически их можно было назвать политическими собраниями, где люди впервые имели возможность на своем языке заявить о своих требованиях и потребностях. Так, 10 июня 1956 г. в Сорокинском районе состоялась уже вторая читательская конференция, где руководители района отвечали на вопросы читателей, «не связанные непосредственно с газетой, а вообще со всей жизнью»⁹. Фактически на конференциях большинство присутствовавших не являлись юридически подписчиками газеты, там обсуждались хозяйственные и политические вопросы, интересовавшие немецкое население, прежде всего связанные с ликвидацией последствий культа личности и с развертыванием политико-массовой работы среди населения.

Кроме того, газета всячески стремилась развивать художественную самодетельность немцев: организовывались выступления на сцене с номерами, песнями и стихами на немецком языке, читались шванки – юмористические зарисовки о деревенской жизни. Была также организована передвижная выставка «Так выпускается „Арбайт“». Многие впервые увидели внутреннюю сторону жизни газеты, могли сами убедиться в ее реальном и самостоятельном существовании. Самые активные читатели организовывали выпуск стенных газет, в фойе перед началом конференций звучали немецкие вальсы и польки. Люди имели возможность общаться на родном языке, это были первые со времени их прибытия в Алтайский край собрания немецкого населения.

На конференциях выбирались общественные уполномоченные по распространению «Арбайт». Редакция выпустила рекламный плакат на русском и немецком языках с призывом читать и выписывать краевую немецкую газету. Усилиями редакции в Барнауле, Славгороде и Рубцовске прошли также недели немецкого фильма. Проводившиеся коллективом газеты многочисленные читательские конференции (в «Арбайт» встречается упоминание о 41 конференции) служили не только популяризации газеты, но давали ценный материал для суждения о настроениях и положении немецкого населения, были средством активизации этого населения, вовлечения его в общественную жизнь.

Читательские конференции зачастую вызывали недовольство местных партийных властей. Газета активно вмешивалась в жизнь немецкого населения, настаивала на незамедлительном решении наболевших проблем, в случае неудачи обращалась в вышестоящие организации, в крайком пар-

тии. На страницах газеты печатались заметки о том, что изменилось после читательских конференций. Иной раз виновники серьезно наказывались, либо снимались с занимаемых должностей. В результате к проблемам немецкого населения стали относиться более внимательно. Так, во многих районах края были организованы кружки художественной самодеятельности, проводились концерты на немецком языке, библиотеки приобретали книги на немецком языке из ГДР, были организованы агитпункты с лозунгами на немецком языке, на которых проводились лекции на немецком языке. Национальная жизнь постепенно возрождалась благодаря планомерной активной деятельности коллектива газеты.

Большое внимание уделялось также и заочному общению с читателями. Каждое письмо, приходившее в редакцию, рассматривалось, и читатели получали действенную помощь благодаря газете. Пестов регулярно печатал каждые два–три месяца отчеты о работе редакции: сколько писем пришло, сколько напечатано, какие вопросы волнуют читателей, что сделано по просьбе читателей. В рубрике «По следам наших выступлений» часто печатались сообщения, которые касались устранения конфликтов, возникших на национальной почве. Так, строгое партийное взыскание получил председатель кооперативного товарищества с. Сереброполье Табунского района за грубое поведение по отношению к немцу – члену кооператива¹⁰. Русская воспитательница детского сада уволена за оскорбления на национальной почве детей-немцев и их родителей. В другом случае газета защитила интересы двоих несовершеннолетних немцев, которых заставляли трудиться по 12 часов в сутки и обсчитывали на работе¹¹. Были прецеденты, когда благодаря «Арбайт» немецкому населению в распоряжение был отдан клуб для проведения встреч, праздников, просмотра кинофильмов на немецком языке, закуплены книги из ГДР на немецком языке¹². Таким образом, редакция газеты делала все возможное для защиты прав немецкого населения. Поэтому и связь читателей с газетой была двусторонней, ее читали, ей доверяли.

Общественная деятельность, развернутая редакцией «Арбайт», вызывала растущее беспокойство партийных властей и была расценена ими как отход от партийной линии. Независимая позиция коллектива газеты не устраивала партийное руководство. Занимавший в то время пост секретаря крайкома КПСС по идеологии В. И. Трушин пытался «надавить» на газету, запретить выступления против местных властей, не публиковать заметки, касавшиеся национальных проблем¹³. Однако начавшийся процесс сосредоточения национальных сил вокруг газеты было уже невозможно остановить такими мерами.

В редакцию поступали письма и от немцев, проживавших в других регионах. Уже 28 января 1956 г. появилась первая корреспонденция из Красноярского края¹⁴. Немцы из разных областей страны писали слова благодарности редакции газеты, сообщали о том, что рекомендуют газету своим друзьям и знакомым¹⁵. Так, например, читатель из Новосибирской области сообщил, что почти все немцы его села подписались на «Арбайт» на весь 1957 г.¹⁶ И такое письмо было не единственным. В редакцию газеты приходили письма из Омской, Молотовской (ныне Пермской), Кемеровской, Ярославской и других областей. В ряде случаев читатели просили редакцию проводить читательские конференции не только в Алтайском крае, но и выезжать с выступлениями в другие районы страны¹⁷.

Тираж газеты стремительно возрастал. Так, если первые номера выходили тиражом 5 000, то в апреле 1957 г. тираж составлял уже 8 800 экземпляров. Благодаря широкому распространению газеты (хотя она планировалась только как краевая газета) немцы находили своих родственников, потерянных в ходе депортации в Сибирь и Казахстан¹⁸. Газета способствовала воссоединению немецких семей и привлечению новоселов на Алтай¹⁹. Широкое эхо вызвала страница газеты «Приезжайте к нам на Алтай!», где рассказывалось о жизни новоселов на алтайской целине. «Приезжайте к нам на Алтай, где всесторонне учитываются национальные особенности и запросы и развивается немецкая культура. Приезжайте к нам, умножайте вашим героическим трудом славу и прославляйте доброе имя наших немецких деревень, колхозов и колхозников», – писали в своем очерке корреспонденты газеты К. Вельц и Й. Кунц²⁰. Это было уже конкретное вмешательство газеты в важный хозяйственно-культурный процесс, проходивший в то время на целине. Но тот факт, что в редакцию стали поступать письма из других областей, что газета стала популярной за пределами немецких районов Алтайского края, очень не понравился крайкому партии. Партийные власти оказывали давление на руководство газеты, пытаясь ограничить круг обсуждаемых на страницах «Арбайт» тем. В декабре 1956 г. крайком КПСС дал категорическое указание не печатать материалов из других областей и республик, кроме литературных.

К тому же вскрылся тот факт, что новые сотрудники газеты – И. Варкентин и А. Крамер – рассылали письма, агитируя за немецкую автономию, что и послужило дополнительным весомым поводом к закрытию газеты. Годовую подшивку газеты отправили в Москву и получили на нее рецензию с целым рядом консервативных критических замечаний. 5 марта 1957 г. бюро Алтайского крайкома КПСС приняло постановление «Об ошибках краевой

газеты «Труд» на немецком языке»²¹, 5 апреля было принято решение «О прекращении издания газеты «Труд» на немецком языке»²², а 27 апреля 1957 г. читатели в последний раз получили «Арбайт» за номером 142.

В то же время уже нельзя было совсем «закрыть» национальную печать. За короткое время существования газеты в стране произошли значительные перемены: прошел XX съезд партии, произошло осуждение культа личности Сталина, бывшие спецпоселенцы получили гражданские права, что способствовало росту национального самосознания, развитию национальной культуры. Проблема была решена путем организации других немецких изданий. В Москве с 1 мая 1957 г. стала выходить центральная газета «Нойес Лебен», а в Алтайском крае «Арбайт» заменили с июня 1957 г. две районные газеты на немецком языке: «Роте Фане» в Славгороде и «Арбайтсбаннер» в Знаменке. Эти две местные газеты с небольшим тиражом не могли освещать жизнь немецкого населения во всем Алтайском крае, их возможности были очень ограничены. В связи с этим значительно упрощался контроль над деятельностью редакций газет, новые издания не вызвали уже большого недовольства партийных властей.

Газета «Арбайт» была закрыта из-за своей национальной и оппозиционной направленности. Ее закрытие стало ударом по формировавшейся немецкой интеллигенции, по процессу возрождения национального самосознания и потому вызвало большое недовольство у немцев. Крайком КПСС вынужден был даже оправдываться на одном из совещаний рабселькоров. Закрытие газеты вполне справедливо расценивалось немецкой общественностью как рецидив сталинщины.

1 См.: Бугай Н. Ф. Л. Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию ...». М.: «АИРО – XX», 1995. С. 260.

2 См.: Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФАК). ФП. 1. Оп. 98. Д. 13. Л. 399.

3 См.: Arbeit. 1956. 14 марта. № 22 (26).

4 См.: Там же. 17 марта. № 23.

5 См.: Там же. 14 апреля. № 31.

6 См.: Там же. 19 сентября. № 76.

7 См.: ЦХАФАК. ФП. 1. Оп. 99. Д. 90. Л. 17–20.

8 См.: Jeder deutschen Familie – die deutsche Zeitung «Arbeit // Arbeit. 1956. 1 мая. № 36 (40).

- ⁹ См.: Zweite Leserkonferenz in Sorokino // Arbeit. 1956. 16 июня. № 49 (53).
- ¹⁰ См.: Beleidiger bestraft // Arbeit. 1956. 29 сентября. № 79 (83).
- ¹¹ См.: Und so eine Frau erzieht unsere Kinder // Arbeit. 1956. 3 октября. № 80 (84).
- ¹² См.: In Rubzowsk klingt kein deutsches Wort // Arbeit. 1956. 17 ноября. № 93 (97).
- ¹³ См.: Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. С.152.
- ¹⁴ См.: Bei unseren Nachbarn // Arbeit. 1956. 28 января. № 9 (13).
- ¹⁵ См.: Die Zeitung ist unser Freund und Helfer // Arbeit. 1956. 3 ноября. № 89 (93); Mein Wunsch: alle Deutschen sollen die «Arbeit» abonnieren // Там же. 1956. 21 ноября. № 94 (98); Wir danken für die Sorge // Там же. 1956. 15 декабря. № 101 (105).
- ¹⁶ См.: Neue Abonnenten der «Arbeit» // Arbeit. 1956. 17 ноября. № 93 (97).
- ¹⁷ См.: Grosse Freude // Arbeit. 1956. 12 декабря. № 100 (104).
- ¹⁸ См.: Dank der Zeitung fand ich meinen Vetter «Arbeit». 1956. 15 сентября. № 75 (79).
- ¹⁹ См.: Deutsche ziehen nach dem Altai // Arbeit 1956. 29 августа. № 70 (74).
- ²⁰ Kommt zu uns nach dem Altai! // Arbeit. 1956. 27 июня. № 52 (56). Перевод цитаты сделан автором.
- ²¹ См.: ЦХАФАК. ФП. 1. Оп. 100. Д. 11. Л. 7.
- ²² См.: Там же. Л. 333–334.

«НОЙЕС ЛЕБЕН» И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Т. С. Иларионова

После Великой Отечественной войны жизнь немцев в СССР была жестко регламентирована. Лишь обсуждение их положения в ходе переговоров в Москве канцлера ФРГ Конрада Аденауэра с первым секретарем Президиума ЦК КПСС Н. Хрущевым внесло в него определенные изменения. Как часто бывало на протяжении истории России и Советского Союза, прежде всего эти изменения носили информационный характер. В сентябре 1955 года прошли переговоры, а с декабря стала выходить первая послевоенная газета для немцев – алтайская «Арбайт».

К длительным межправительственным переговорам между СССР и ФРГ в Москве, состоявшимся в 1957–1958 годах, было приурочено открытие нового издания – центральной газеты «Нойес Лебен». Она увидела свет буквально в канун переговоров – 1 мая 1957 года¹.

Автору не удалось, к сожалению, найти в архивах текста решения властей СССР о создании газеты, которое, без сомнения, объясняло бы мотивы его принятия. Однако ясно, что существовала зависимость от международной обстановки вокруг Советского Союза.

Тотальная централизация средств массовой информации в советское время отразилась и на послевоенном строительстве системы периодики для немецкого населения. Эта система развивалась, в отличие от других нерусских изданий, крайне медленно, ее рост намеренно сдерживался властями. Нежелание кардинально решить судьбу репрессированного народа, осуществить полную его реабилитацию, возратить отнятую государственность и содействовать возрождению национальной, культурной и духовной его жизни нашло свое выражение в конструировании искусственных заменителей всего комплекса этнических институтов. Одним из подобных эрзацев был периодический орган, который легко поддавался контролю, мог улавливать и направлять настроения читателей.

И все же нужно отдать должное журналистам: несмотря на возможные препоны, редакция в самые тяжелые в моральном отношении годы оставалась рядом со своим подписчиком. И если ей не удавалось на своих страницах открыто и прямо обсуждать болезненные проблемы национальной

жизни, то в отношениях с партийными органами газета стремилась отражать весь их спектр.

Первоначально «Нойес Лебен» выделили помещения первого и второго этажей дома № 18/б по ул. Горького, рядом с типографией «Известий», где газета и печаталась. В структуре редакции предусматривались такие службы, как главная редакция, секретариат, отделы массово-политической работы, экономический, союзной информации, писем с картотекой, машинописное бюро, библиотека, группа оформления с фотолабораторией, хозяйственная часть, бухгалтерия, а также группа корректуры, бюро проверки, отдел переводов². Поэтому редакция, которая начала складываться заранее, просила комнаты для 48 сотрудников³. Просьба была удовлетворена⁴.

Планировалось, что издание будет распространяться лишь в тех республиках и областях, где проживало немецкое население. Об этом свидетельствует письмо главного редактора газеты заместителю министра связи СССР, в котором он именно этим обосновывал просьбу приравнять оплату за распространение газеты к ставкам, установленным для республиканских, краевых и областных газет. Экспедирование должен был осуществлять Московский почтамт. Это указывает на один очень важный момент. Содержание «Нойес Лебен» длительное время было как бы «безнациональным», сообщались лишь общесоюзные и международные новости, проблемы советских немцев на первый план не выдвигались, о ее особом статусе свидетельствовал только язык – немецкий. Однако она меньше всего была обращена к тем, кто его изучал как иностранный, ее адресатом с первых номеров было немецкое население СССР.

Газета, как и все прочие издания советского времени, подчинялась партийным органам. В ее «шапке», по примеру предшественницы - довоенной «Дойче центральцайтунг», значилось, что она является изданием газеты «Правда», хотя ни организационно, ни материально, ни содержательно к «Правде» не относилась. «Нойес лебен» была напрямую подчинена ЦК КПСС⁵. В ее титуле стояло, что это «центральная газета на немецком языке». С июня 1962 года запись изменилась. Теперь это был «еженедельник для немецкого населения СССР». Лишь в 1973 году «Нойес Лебен» стала «центральной газетой для немецкого населения СССР»⁷.

Один из первых ее корреспондентских пунктов был открыт на Алтае, где находились компактные немецкие поселения. В письме отделу пропаганды и агитации крайкома КПСС главный редактор газеты просил «оказать содействие в подборе опытного журналиста, свободно владеющего немецким языком, для работы в качестве собственного корреспондента»⁸.

После появления «Нойес Лебен» в июне 1957 года на Алтае на базе упраздненной «Арбайт» были открыты две новые газеты: в Славгороде – «Роте фане» и в Знаменке – «Арбайтсбаннер». Эти районные издания выходили два раза в неделю. Их положение было неустойчивым, подписка шла трудно. Бывший ответственный секретарь «Арбайтсбаннер» В. Шапар вспоминал: люди боялись абонировать издание, так как думали, что сведения из почтового отделения вновь могут послужить поводом для объявления читателя «врагом народа»⁹.

Сами газеты не в состоянии были развеять эти страхи, на протяжении десятилетий обходя молчанием трагические события прошлого и тем самым не вызывая доверия у читателя. Точкой отсчета в истории народа они избрали 1950-е годы, им не было разрешено писать ни о времени, предшествовавшем депортации, ни о самой депортации.

В 1959 году знаменская «Арбайтсбаннер» и славгородская «Роте Фане» были слиты, осталась только одна алтайская газета – «Роте Фане». Ее объем и содержание остались теми же, что и раньше, а в 1963 году даже предпринимались попытки превратить ее в переводное издание – дубликат русской районной газеты¹⁰. Местные органы власти опасались, что газета может вызвать среди немцев настроения вернуться на Волгу. С целью предотвратить это от «Роте Фане» требовали, чтобы она стала «настоящей партийной газетой»¹¹.

Этого не нужно было требовать от «Нойес Лебен»: она родилась партийной, и это ее «естество» поддерживалось целенаправленной кадровой политикой.

Коллектив формировался с соблюдением нескольких принципов, о чем можно судить по документам текущего архива редакции. Во-первых, туда были направлены те, кто в достаточной степени владел немецким языком и использовал его во время службы в Советской армии в ходе Великой Отечественной войны. Так, первый и второй главные редакторы – Г. Ф. Пшеницын (1957–1976 годы) и В. И. Чапанов (1976–1984 годы) – работали после Победы в советской зоне оккупации в Германии в качестве журналистов. В армии, преимущественно в разведке и контрразведке, служили и другие руководители редакции – члены редколлегии, заместители главного редактора.

Во-вторых, в газету приходили и знающие немецкий язык молодые кадры, в основном выпускники специфических вузов – института иностранных языков, института международных отношений, люди ненемецкой национальности. Так, специальным распоряжением по редакции были определены порядок работы с почтой, ее регистрация и форма ответов на

письма¹². На этот участок ставится откомандированный в 1957 году в редакцию из системы радиовещания на зарубежные страны новый сотрудник, участник Великой Отечественной войны, выпускник ИМО МИД СССР¹³.

В-третьих, в коллектив вернулась часть старых работников, начинавших сотрудничать с немецкой прессой еще до войны.

В-четвертых, редакция вела и самостоятельную кадровую работу с талантливой немецкой молодежью, стремясь помочь ей не только предоставлением постоянной работы в Москве, но и материальным обустройством в столице, хлопотала о выделении им квартир и льгот при переезде.

Значительная часть сотрудников появилась в стенах редакции после встреч делегаций советских немцев с руководством СССР в 1965 году. Тогда был урегулирован вопрос об их прописке в Москве, что делалось в соответствии с решением Секретариата ЦК КПСС¹⁴.

Подобная кадровая политика сохранялась на протяжении длительного времени существования газеты – вплоть до начала 1990-х годов.

В первые годы существования «Нойес Лебен» штаты редакции увеличивались, однако они никогда не превышали 60 человек, что для еженедельного издания подобного объема являлось тогда нормой. Связано это было и с неуклонным ростом разового тиража газеты. Если в 1959 году он составлял 86 тыс. экземпляров¹⁵, то в 1960-м – 95 тыс.¹⁶, в 1963-м – 130 тыс.¹⁷, год спустя он уже достиг уровня 180 тыс.¹⁸, а в 1966 году поднялся до 218 тыс.¹⁹

В последующем, когда разочарование от неудачи делегаций советских немцев к руководству страны стало усиливаться, тираж начал падать и к 1980 году снизился до 138,5 тыс. экземпляров, через год – до 119,1 тыс.²⁰ Затем динамика была такова: в 1982 году – 99,7 тыс. экземпляров, в 1983 – 93 тыс.²¹ Чтобы поправить положение, редакция добивается в 1980-х годах включения газеты в список партийных изданий, обязательных для подписки, и за счет этого удерживает на некоторое время уровень тиража.

С 1 июля 1958 года «Нойес Лебен» стала вместо трех раз выходить в свет два раза в неделю, но сохранила свой объем²². А с 1962 года издание было переведено на еженедельный выпуск. Общий объем остался прежним – 16 страниц в неделю.

Приглашая подписываться на газету, редакция в 1957 году очертила круг тем, которые планировалось сделать постоянными на страницах «Нойес Лебен»: важнейшие события в стране и за рубежом, опыт передовиков промышленности и сельского хозяйства, культурная хроника, спорт и отдых тру-

дядишхя. «Газета «Нойес Лебен», – говорилось в обращении к читателю, – ставит себе целью давать интересные и нужные материалы для каждой советской семьи, в которой говорят на немецком языке»²³.

Как всякое живое дело, газета развивалась. Шел процесс закрепления тематических разделов за определенными полосами. К 1964 году газета обрела свое «лицо», которое ей удалось сохранять без изменений тридцать лет. Свои страницы получили отделы пропаганды и культуры, международной политики, информации, экономики, молодежной политики, литературы, преподавания родного немецкого языка, «детский уголок», писем, юмора и сатиры. Газета стремилась восполнить существовавший вакуум в получении необходимой информации самыми различными социальными слоями читателей. В то время как у русскоязычного читателя была своя общественно-политическая, отраслевая, развлекательная пресса, у немцев была только одна центральная газета, и она освещала все те темы, которые составляли существо «Правды» и «Комсомольской правды», «Сельской жизни» и «За рубежом», «Учительской газеты» и «Крокодила».

Долгое время ведущим отделом «Нойес Лебен» оставался отдел пропаганды, его тематика преобладала. Часто материалы о жизни парторганизаций, советской работе, портреты депутатов и партийных секретарей, контрпропагандистские статьи и корреспонденции выходили на другие, не свойственные отделу страницы. Даже читательская почта группировалась порой под воздействием той или иной темы отдела пропаганды.

Издание целенаправленно работало с национальной интеллигенцией, прежде всего с литераторами. Газета была для них, по существу, единственной возможностью обнародовать свои произведения, что было, безусловно, удобно для контроля за их настроениями и творчеством. «Что касается детской литературы, редакционная коллегия не считает целесообразным публиковать широко известные старые немецкие сказки для детей. Для детей следует публиковать сказки народов СССР советского времени, а также сказки, которые создаются советскими авторами на немецком языке и современными немецкими демократическими авторами», – говорилось в одном из решений редколлегии²⁴. Аналогичным был подход и к другим произведениям прозы, поэзии, публицистики.

Это соответствовало общей концепции «Нойес Лебен»: ни намек на этническое родство с немцами в Германии, ни слова о трагическом прошлом народа. «Нойес Лебен» обходила молчанием многие волновавшие читателя темы. За пределами гласности оставались даже упоминания о ликвидированной в 1941 году республике на Волге. Так, даже Указ Президиума

Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года газета опубликовала с опозданием на пять месяцев²⁵.

И это при том, что «Нойес Лебен» внесла свой вклад в подготовку самого документа. Редакция постоянно передавала в «директивные органы» обзоры почты, копии и оригиналы поступавших писем читателей, в которых затрагивался вопрос о реабилитации немцев в СССР, восстановлении республики. Об этом свидетельствует, к примеру, обращение главного редактора газеты в ЦК КПСС перед принятием упомянутого Указа²⁶. Ссылаясь на читательскую почту, Г. Ф. Пшеницын анализировал положение немецкого населения в Советском Союзе, чья жизнь определялась правовыми актами 1941-го и 1955 годов, и указывал на назревшую необходимость принятия нового документа, который бы снял с граждан необоснованные обвинения, дозволил бы им проживать не только в местах бывших спецпоселений, но и подобно представителям других национальностей – на всей территории страны.

В письме обращалось внимание также на то, что неприязнь к советским немцам продолжала культивироваться на различных уровнях. Г. Ф. Пшеницын серьезно критиковал вышедшую книгу «Население СССР», в которой превратно оценивались «народы-переселенцы».

Однако партийная советская печать всегда отличалась исключительным конформизмом даже тогда, когда пыталась поднимать острые темы. Вот и «Нойес Лебен» говорила о реабилитации советских немцев так, как это было наиболее удобно слышать властям.

«Лейтмотивом большинства писем наших читателей... является настоятельная просьба о политической реабилитации советских немцев, причем преобладающая часть их считает, что для этого необходимо создание немецкой автономии, – указывал Г.Ф. Пшеницын, – Если в первые годы существования нашей газеты... в большинстве из них шла речь об автономии на Волге, то за последнее время в письмах читателей автономия выдвигается прежде всего как форма политической реабилитации советских немцев и связывается все чаще с местами их нынешнего постоянного компактного проживания (Сибирь, Казахстан).

Независимо от того, как будет решен вопрос о немецкой автономии, наши читатели надеются и ждут соответствующего государственного акта или официального выступления одного из руководителей партии и правительства, который бы ясно сказал, что советские немцы являются неотъемлемой частью советского многонационального народа, строящего коммунизм. Такое выступление сняло бы несправедливые обвинения, тяготеющие над советскими

немцами с 1941 года, и в значительной мере помогло бы устранению еще имеющихся место неправильностей в отношении к советским немцам.

Создание любой формы автономии для немцев (автономная область, национальный округ) в одном из мест их нынешнего компактного проживания наилучшим образом сняло бы все наслоения прошлого, покончило бы со стремлением восстановить бывшую Республику немцев Поволжья, и, учитывая значительную партийно-комсомольскую прослойку среди советских немцев, позволило бы создать надежную базу для эффективной борьбы против влияния различного рода религиозных сект, действующих среди немецкого населения, а также против происков западногерманской реакции».

В центре внимания газеты были и проблемы возрождения национальной школы, преподавания родного языка немецким детям, образования коллективов художественной самодеятельности и развития культуры. Так, в 1960 году в отдел науки, школы и культуры бюро ЦК КПСС по РСФСР направляется служебная записка, в которой речь идет о росте религиозных настроений среди немцев, поскольку богослужения в молельных домах и церковных общинах оставались практически единственными публичными собраниями, где можно было говорить на родном языке. Редакция подчеркивала, что это свидетельствует, в частности, о необходимости создания при Всесоюзном гастрольно-концертном объединении эстрадно-концертной группы, в программу которой входили бы песни на немецком языке, и лекционной группы, по форме близкой к «разъездному народному университету культуры»²⁷.

Спустя полгода главный редактор подробно писал об этом министру культуры СССР Е. А. Фурцевой. По его предложению, местом стационарирования эстрадного коллектива мог бы стать Омск. Одновременно он просил о материальной и профессиональной помощи действовавшему тогда концертно-эстрадному ансамблю при Кустанайской филармонии²⁸.

Газета помогла и единственному тогда педучилищу, готовившему кадры для школы с преподаванием немецкого языка как родного, – Славгородскому на Алтае. Вот строки из письма главного редактора «Нойес Лебен» в ЦК КПСС и министру просвещения РСФСР: «В 1960 году ни один отдел народного образования из областей РСФСР, где ведется преподавание по расширенной программе, не направил кандидатов для приема в Славгородское педучилище»²⁹. Проблемы же классов с расширенным преподаванием немецкого были постоянной заботой редакции³⁰.

После принятия Президиумом Верховного Совета Указа 1964 года о частичной реабилитации газета становится штабом приезжавших в Москву

делегаций от советских немцев. Их совещания, подготовка к визитам в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР проходили в стенах «Нойес Лебен». По воспоминаниям членов делегаций, журналисты помогали им в составлении прошений, а также в установлении нужных контактов с аппаратами Брежнев и Косыгина³¹.

После безуспешных попыток делегаций добиться изменений в положении народа, ЦК тем не менее пошел на определенные уступки. Открылись новые немецкие редакции. С 8 сентября 1965 года началось радиовещание на Алтае (в Барнауле), с 1 января 1966 года в свет стала выходить газета «Фройндшафт» в Казахстане, в 1967 году организуется немецкая редакция в издательстве «Казахстан» для выпуска учебной и художественной литературы³².

В распоряжении автора находится копия служебной записки первого главного редактора газеты «Фройндшафт» А. Шмелева секретарю КП Казахстана С. Н. Имашеву, которая свидетельствует о спешности формирования нового журналистского коллектива. Было немало трудностей с техническим и материальным обеспечением редакции. Однако главная проблема, – и с нее А. Шмелев начинал свое письмо, – заключалась в оторванности редакции от центральных республиканских органов, так как располагалась в г. Целинограде, хотя с самого начала считалась «изданием газеты «Социалистик Казахстан», то есть напрямую подчинялась ЦК Компартии республики³³.

Помимо зависимости от партийных органов, немецкая пресса испытывала, как и другие периодические издания, негласное принуждение. Об этом говорят многочисленные цензурные «Указания о порядке подготовки к публикации сведений о...» и «Перечни сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению»³⁴. Даже сами эти «Указания...» и «Перечни...» подлежали уничтожению по истечении определенного срока³⁵. Готовящиеся к публикации материалы «Нойес Лебен» освободили от предварительного контроля только в 1983 году³⁶.

Как бы ни пытались газеты замолчать проблемы советских немцев, в их почте все больше было писем, подобных тому, что отправил Д. Д. Фелер 7 мая 1980 года. Он спрашивал: «...Сколько в настоящее время проживает в СССР граждан немецкой национальности? Где находятся центральные немецкие поселения в СССР? Почему у нас может быть только один немецкий театр... а не пять или семь? Почему нельзя достать немецкие книги и пластинки? Почему я за свои 34 года никогда не видел по телевидению ни одного советского немецкого концерта? ... Нам не нужно громкого назва-

ния «автономная республика», мы хотим только, чтобы немецкий язык проник в наши сердца»³⁷.

Такие обращения больше чем что бы то ни было говорили о полной несостоятельности национальной политики СССР. Если не согласные с этой политикой граждане начинали обивать пороги ОВИРОВ с просьбами разрешить им выехать из Советского Союза, то внутри редакционного коллектива центральной немецкой газеты неминуемо должен был произойти раскол. И линией противостояния стало освещение неотложных проблем народа.

Как и в других коллективах, в «Нойес Лебен» руководящими органами были редакционная коллегия и партийное бюро³⁸. В их состав входили журналисты и редакторы – представители советских немцев и люди других национальностей, работавшие в редакции. Разногласия начались вскоре после событий 1979 года, когда в Казахстане прошли антинемецкие демонстрации, и особенно усилились в 1981 году с организацией нового структурного подразделения газеты – альманаха «Хайматлихе вайтен»³⁹. Альманах возглавил член редколлегии «Нойес Лебен», участник делегаций советских немцев к А. Микояну в 1965 году Г. Вормсбехер, пытавшийся противостоять тогдашнему главному редактору В. Цапанову, а затем его преемнику В. Чернышову.

И раньше в коллективе складывались время от времени тяжелые конфликтные ситуации. Так, пики напряженности приходились на 1959 и 1969 годы. Тогда, правда, они были связаны, в основном, с трудовыми спорами или личной неприязнью сотрудников друг к другу. Теперь же, в начале 1980-х годов, вопрос стоял иначе, речь шла о роли газеты и альманаха в жизни советских немцев, об освещении ранее полностью замалчиваемых проблем. Руководство «Нойес Лебен» использовало заявление ответственного секретаря редакции А. Лянге о проведении в СССР линии на насильственную ассимиляцию советских немцев⁴⁰ для ужесточения внутриредакционной политики и проведения кадровых перестановок. В начале 1980-х годов многие журналисты покинули газету, часть из них выехала в ФРГ.

Внутренние столкновения надолго лишили редакцию инициативы и стали причиной того, что печать советских немцев опоздала с перестройкой. В то время, как вся советская пресса давно публиковала материалы о «белых пятнах» истории, советские немецкие газеты продолжали боязливо избегать «трудных» тем.

Перемены в немецкоязычной печати начались с внутриредакционного обсуждения в 1988 году двух вопросов: о выборе языка публикаций и об отношении к деятельности Немецкого театра в г. Темиртау, который в то вре-

мя постоянно обращался в различные инстанции с петициями, заявлениями и просьбами вернуться к рассмотрению проблемы репрессированного народа и воссоздать утраченную им автономию.

В почте «Нойес Лебен» на фоне неуклонного снижения тиража газеты все чаще встречались пожелания читателей публиковать статьи на русском языке. Это отражало реальное положение вещей, т.к. российские немцы после войны были отлучены от национальной школы и практически не владели родным языком настолько, чтобы свободно читать свою газету. Более того, «Нойес Лебен» становилась даже препятствием между пишущим и читающим, так как получала материалы на русском языке, затем переводила их на немецкий и предлагала их подписчику в такой форме, которая не была доступна читателям. В конце-концов журналистский коллектив принял решение давать часть материалов на русском.

Позицию же Немецкого театра в редакции официально не одобрили, максимализм актеров в постановке вопросов о состоянии проблем народа пугал тогдашнюю редколлегия «Нойес Лебен». Тем не менее газета никогда не писала негативно о театре, а в декабре 1988 года пригласила его руководителей на семинар в Москву с целью обсудить возникшие проблемы в своем кругу. И мнение гостей существенно повлияло на дальнейшую редакционную политику. С этого времени сначала в читательских письмах, а затем и в журналистских выступлениях звучат острые темы национальной жизни народа.

В 1990 году произошла смена главного редактора. Им впервые в истории газеты стал российский немец – Э. Шмидт, который, увы, в силу ранее занимаемых им в редакции должностей оказался слабо подготовлен к столь ответственной роли. Тем более, что ему, в отличие от предшественников, пришлось действовать в совершенно новых условиях, требовавших определенных личных и журналистских качеств. Тем не менее именно этот человек осенью 1990 г. объявит газету независимой от редакции газеты «Правда» и от ЦК КПСС⁴¹.

«Нойес Лебен» нашла себе спонсора, на первых порах достаточно активно взявшегося поддерживать издание, – это была Ульяновская промышленная ассоциация «Союз», которая впоследствии не смогла финансировать издание. Газета впервые столкнулась с реальной угрозой прекращения выхода в свет.

Положение центрального издания ухудшилось также из-за успешного развития местных газет на немецком языке, которые стали открываться одна за другой, отвлекая читателей и спонсоров на себя.

Немецкая пресса, естественно, не осталась в стороне от развития национального движения народа. Политические ориентации органов печати определились еще в 1990–1991 годах. Одни, например, «Санкт-Петербургские цайтунг», примкнули к обществу советских немцев «Возрождение», другие, как «Цайтунг фюр дих», «Цайтунг дер вольгадойчен», к его противнику – Союзу российских немцев. В период обострения борьбы между ними газеты, и прежде всего «Нойес Лебен», были основными источниками информации о том, что происходило в среде российских немецких политиков, печатали выступления лидеров движения, документы, принимаемые общественными организациями, и т.д.

Однако политическая инициатива уходила от газеты, ведь теперь у народа появились собственные представительные органы – «Возрождение», «Союз немцев», а затем и государственные институты, начиная от парламентских и правительственных комиссий по проблемам российских немцев и кончая образованным в 1991 году управлением в структуре Государственного комитета по делам национальностей. Газете предстояло занять иное общественное положение, превратиться из инкорпоранта властных структур в стороннюю силу – «четвертую власть», что давалось очень трудно. Кроме того, ей приходилось действовать в новой обстановке, которую формировала пресса на русском языке, чья позиция была такой: немцы уезжают из СССР – это единственный повод писать о народе.

После путча 1991 года в редакции вновь произошла смена главного редактора. Им стал молодой журналист В. Вайц, избранный на этот пост коллективом. При нем газета стремилась последовательно отстаивать свой независимый курс, не подчиняться какому-то одному из течений в немецком национальном движении. Это давалось очень непросто. Финансовый кризис заставил редакцию значительно сократить свои штаты, отказаться от служебных командировок по стране, закрыть корпункты в местах компактного проживания российских немцев. Связь с читателями ослабевала, тираж катастрофически падал. Это положение не исправилось и по прошествии лет, когда во главе «Нойес Лебен» встал О. Дель: не было ни денег, ни квалифицированных кадров, ни постоянной устойчивой связи с регионами. Из-за этого газета была вынуждена сократить с лета 1995 года свой объем вдвое, стала выходить на восьми полосах вместо шестнадцати.

Многолетнее отчаянное безденежье заставило редакцию в конце концов согласиться на то, чтобы после десяти лет свободного, но такого трудного существования вновь стать «органом». Сегодня «Нойес Лебен» выходит под маркой Федеральной национально-культурной автономии «Российские

немцы», ее фактическим владельцем и главным редактором является президент ФНКА В. Бауэр.

От газеты осталось только имя...

-
- 1 См.: Иларионова Т. Печать российских немцев (опыт исторического анализа).— М.: РАЗ, 1992, С. 92.
 - 2 См.: Сведения из письма главного редактора газеты Г. Пшеницына в исполнительный комитет московского городского Совета депутатов трудящихся от 28 февраля 1957 г. Копия находится в архиве автора.
 - 3 См.: Сведения из письма главного редактора газеты Г. Пшеницына в отдел нежилых помещений Моссовета от 28 февраля 1957 г. Копия — в архиве автора.
 - 4 См.: Сведения из Акта о приемке помещений под редакцию от 20 марта 1957 г., копия которого — в архиве автора.
 - 5 Копия письма от 1 марта 1957 г., — в архиве автора.
 - 6 См.: Иларионова Т. Печать российские немцев ...С. 92.
 - 7 См.: Газеты СССР 1917–1960. Библиографический справочник. Т. 1. М.: Книга, 1970, С. 43–44.
 - 8 Копия письма от 12 апреля 1957 г. — в архиве автора.
 - 9 См.: Spaar W. Der erstmalige Redakteur und seine Kollegen // Neues Leben, 1990, № 19, S. 8.
 - 10 Там же, С. 9.
 - 11 См.: Там же.
 - 12 См.: Копия распоряжения по редакции от 20 августа 1957 г. (в архиве автора).
 - 13 См.: Копия письма главного редактора газеты Председателю Государственного Комитета по культурным связям с зарубежными странами (в архиве автора).
 - 14 См.: Сведения из письма и. о. заместителя главного редактора газеты "Нойес Лебен" В. Полянского заместителю председателя Московского городского Совета депутатов трудящихся от 29 мая 1969 г., а также из письма главного редактора Г. Пшеницына тому же адресату от 17 июля 1969 г. (копии — в архиве автора).
 - 15 См.: Сведения из письма директора издательства «Правда» главного редактора газеты "Нойес лебен" и начальника планового отдела издательства «Правда» в управление делами ЦК КПСС (копия — в архиве автора).

- 16 См.: Сведения из служебной записки главного редактора «Об итогах работы по распространению газеты "Нойес лебен"» от 12 января 1960 г. (копия – в архиве автора).
- 17 См.: Сведения из письма главного редактора газеты в Управление делами ЦК КПСС от 15 июня 1963 г. (копия — в архиве автора).
- 18 Сведения из письма главного редактора газеты в ЦК КПСС от 14 мая 1964 г. (копия – в архиве автора).
- 19 См.: Сведения из статистической записки «Газета "Нойес лебен" в тыс.экз.» (копия – в архиве автора).
- 20 См.: Данные из документа «Сведения о подписном тираже по газете гНойес Лебен» по состоянию на январь 1981 г.» (копия – в архиве автора).
- 21 См.: Данные из документа «Сведения о подписном тираже по газете гНойес Лебен» по состоянию на январь 1983 г.» (копия – в архиве автора).
- 22 См.: Сведения из проекта «Постановления Секретариата ЦК ПСС «О газете "Нойес Лебен"», подготовленного главным редактором газеты 4 марта 1958 г. (копия – в архиве автора).
- 23 Neues Leben. 1957, № 86, S. 4.
- 24 См.: Копия документа «Решение редколлегии по вопросу публикации литературных материалов» от 4 апреля 1958 г. (в архиве автора).
- 25 См.: Neues Leben. 1965, № 4, S. 2.
- 26 Документ, к сожалению, не датирован. Цитируется по копии из архива автора.
- 27 Сведения из служебной записки заместителя главного редактора газеты Л. Гурвича «В отдел науки, школ и культуры бюро ЦК КПСС по РСФСР» от 28 июля 1960 г. (копия – в архиве автора).
- 28 См.: Копия письма от 15 сентября 1961 г. (в архиве автора).
- 29 Копия письма, помеченная сентябрем 1961 г. (в архиве автора).
- 30 См.: Копии писем о серьезных недостатках в организации преподавания немецкого родного языка в Новосибирской, Оренбургской областях, Алтайском крае от 1964 г. (в архиве автора). По инициативе редакции этот вопрос был рассмотрен в минис-терстве народного образования Киргизской ССР. В "Нойес лебен" для информации замминистра отправил копию решения от 20 февраля 1964 г. Копия документа – в архиве автора.
- 31 См.: Eisfeld A. Die Russlanddeutschen.- Muenchen.– Langen Mueller, 1992, S. 137.
- 32 См.: Там же.
- 33 См.: Копия письма от 18 января 1966 г. (в архиве автора).

- 34 Два подобных сборника с грифом «секретно» от 1965 и 1976 гг. – в распоряжении автора.
- 35 В распоряжении автора находятся копии актов №№ 13 и 14 «Об уничтожении документальных материалов по редакции газеты "Нойес лебен"» от 30 мая и 3 июня 1977 г.
- 36 См.: Сведения из письма заместителя начальника Главного управления по охране государственных тайн и печати при Совете Министров СССР (Главлит СССР) от 7 июня 1983 г. главному редактору газеты "Нойес лебен" (копия документа – в архиве автора).
- 37 Копия письма – в архиве автора.
- 38 Положение о редакционной коллегии принималось как минимум дважды – в 1974 г. и в 1983 г., после смены главного редактора. Копии обоих документов – в архиве автора. В последнем из них подробно расписаны задачи и функции редколлегии, при этом особо выделены творческие, кадровые, финансовые вопросы, определены права и обязанности членов коллегии. Это был, однако, совещательный орган при главном редакторе.
- 39 О положении альманаха подробно писал главный редактор газеты В. И. Цапанов в ЦК КПСС. Документ не датирован. Копия – в архиве автора. Кроме того, сведения об этом содержатся в письмах главного редактора газеты в ЦК КПСС «О проекте штатного расписания и сметы литературно-художественного и общественно-политического журнала «Хайматлихе вайтен» («Родные просторы»)» от 1983 г., в ЦК КПСС «Об изменении в штатном расписании редакции газеты "Нойес лейен" (с грифом «секретно») от 5 мая 1984 г., директору издательства «Правда» от 5 мая 1984 г. и приказе директора издательства В. Леонтьева № 424 от 11 июня 1984 г. Копии документов – в архиве автора.
- 40 См.: Копии протоколов партийных собраний редакции газеты "Нойес лебен" от 15, 17 и 23 июня 1982 г. (в распоряжении автора).
- 41 См.: "Нойес Лебен" зарегистрирована как независимая газета // Нойес Лебен, 1990, № 40, С. 2.

ПРОТУБЕРАНЦЫ МУЖЕСТВА И НАДЕЖД (1-я и 2-я делегация советских немцев в 1965 г.)

Г. Г. Вормсбехер

Прошло почти сорок лет с тех дней, когда впервые после ликвидации АССР НП, депортации, после многих трудармейских лет за колючей проволокой, после страшных геноцидных указов и режима спецкомендатуры среди российских немцев сформировался актив, перешедший от молчаливого терпения и индивидуальных инициатив к коллективным действиям для восстановления государственности и полной реабилитации народа. Скрытно, чтобы не узнали власти, готовились делегации к поездке в Москву.

Судьба моя сложилась так, что я участвовал в подготовке делегаций, был в их составе, был их постоянным секретарем, готовил их основные документы, входил также в состав комитета по координации работы после поездки делегаций и имел активную переписку с другими членами комитета – руководством тогдашнего национального движения.

До сих пор главные документы делегаций известны лишь частично по подпольной брошюре¹, подготовленной мною тогда, в 1965 году, для активистов движения. Остальное (несколько папок) хранилось у меня долгие годы. Затем, перед угрозой обыска, я передал папки на время своему коллеге, а тот, как выяснилось, своему брату, выезжавшему в Германию, и двадцать лет я не мог их получить обратно. Недавно они все же вернулись ко мне, и теперь можно говорить о тех событиях не только по воспоминаниям, но и документам, письмам, из мест горячих событий.

Данная работа – не научное исследование. Но и не просто воспоминания. Это, с одной стороны, описание тогдашних событий и того, что стояло за ними, с другой – это попытка осмыслить эти события на уровне сегодняшней информированности. Практически это и первый материал о первом этапе движения российских немцев, ставшем вехой в истории народа, этапе, о котором десятилетия нельзя было говорить и писать – и потому до сих пор мало кому известном. Однако этот этап имел большое значение для движения в дальнейшем. Лично мою жизнь он определил всю, по сегодняшний день.

Я счел себя обязанным подготовить этот материал, потому что этой информацией больше никто не располагает. Я хотел бы этой публикацией выразить свое глубокое уважение поколению наших отцов, показавших нам тогда высокий пример исполнения долга перед своим народом.

Время подготовки делегаций. Всякое событие является, с одной стороны, результатом, с другой – причиной. Чтобы понять, результатом чего были делегации 1965 года, надо знать то время.

Тогда в стране царил только одна идеология, у власти была одна партия, и существование других идеологий и других партий в стране не допускалось. Даже внутри партии, внутри идеологии должно было торжествовать только одно мнение. Отсюда важнейшее условие действий делегаций: эти действия, а также требования и аргументы, не могли выходить за рамки официальной идеологии, правовых норм и политической практики того времени. Поэтому делегации, поднимая вопрос о реабилитации советских немцев (так называли тогда российских немцев), выступали не против господствующей идеологии и основ власти в виде «ленинских принципов», а за их соблюдение в государственной национальной политике по отношению к советским немцам.

Знание этой идеологии, этих основ, этих принципов позволяло аргументированно показать, что по отношению к российским немцам они грубо нарушены. То есть критика действия властей государства велась за несоответствие этих действий законам самого государства. Это придавало ощущение правоты, внутреннюю силу и стойкость участникам делегаций – несмотря на весь трагический опыт народа, несмотря на личный тюремный и лагерный опыт многих членов делегаций, несмотря на жесткое пресечение властью подобных инициатив, тем более в национальном вопросе и тем более у российских немцев.

Мы знали также, что в 1956 году прошел XX съезд КПСС, потрясший основы всей жизни страны и осудивший культ личности Сталина, на которого партия списала практически все преступления прежних десятилетий, в том числе массовые репрессии и депортации народов. То есть ликвидация АССР НП, выселение российских немцев вполне могли теперь трактоваться как антипартийное, антиленинское преступление времен культа личности, которое надо исправить.

Мы знали и то, что после XX съезда другие репрессированные народы восстановили свою государственность. Только немцы да крымские татары остались без своих автономий. Почему? Это ведь явное нарушение «ленинских принципов» и новой политики партии.

Наконец, в октябре 1964 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором был снят Н. С. Хрущев. Очередным главой партии, а значит, и государства, стал Л. И. Брежнев. Смена власти несет в себе, по меньшей мере, один положительный момент: все недоработки и недостатки сваливаются на преж-

нее руководство, а значит можно предположить, что новое руководство сделает, наконец, то, что не сделало прежнее. Если съезд партии признал депортацию народов преступлением, и если до сих пор это преступление по отношению к российским немцам не было исправлено, и если допустившие такое сняты, то новое руководство, наверняка, сделает все как надо. Это тоже вызывало надежды.

То есть идеологическая, правовая, политическая база под нашими действиями и требованиями не только не противоречила официальной идеологии и законодательству государства, но полностью опиралась на них; более того – требовала устранить их нарушения, допущенные по отношению к советским немцам.

Однако одно дело закон и декларируемые принципы, и совсем другое – практика государственной жизни. Ведь тогда любое обращение в ЦК расценивалось как чрезвычайное происшествие. Тем более коллективное письмо – это как групповое преступление в уголовном кодексе. А делегация в Москву – это вообще было беспрецедентным явлением.

Уже после снятия Хрущева нам стало известно еще одно важное обстоятельство: оказывается, еще 29 августа 1964 года, т.е. еще при Хрущеве, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым все обвинения, выдвинутые в Указе 1941 года, с российских немцев были сняты. Однако вопрос о восстановлении государственности так и не был решен. А это делало маловероятным повторное возвращение к нашему вопросу так скоро.

Об Указе только ходили слухи. Впервые ознакомиться с его текстом нам удалось на совещании актива газеты «Нойес лебен», которое собрали в ЦК КП Казахстана, когда в Алма-Ату приехал заведующий отделом пропаганды газеты В. Медведев. Собственно, разговор на встрече должен был идти о делах газеты, но кто-то задал вопрос об Указе. Начальство заявило, что его в ЦК нет, и только после долгих и все более категоричных требований Указ был «найден». Естественно, после этого разговор пошел уже о том, почему Указ, правильно сняв обвинения, оставил наказание за эти необоснованные обвинения, и о том, что Автономию на Волге нужно восстановить. Но вопрос этот решался, конечно, не в ЦК Казахстана, поэтому мы еще более укрепились в необходимости ехать в «большой» ЦК.

Таковы были опорные моменты намечаемых действий. Они были чрезвычайно важны для защиты самих действий и действующих лиц от неизбежных обвинений и преследований. Но сложившееся положение не

гарантировало успех. Ведь одного желания справедливости недостаточно, чтобы бороться за ее восстановление. И национальный вопрос народа, – всегда кровное дело самого народа. Если есть в нем личности, для которых будущее народа, его достоинство, справедливость по отношению к нему дороже их собственной жизни, значит, будет кому начать и вести борьбу. Нет таких – и народ покорно, безгласно и тупо исчезнет с арены истории.

То есть в народе должны быть люди, убежденные в том, что альтернативы борьбе за будущее нет, что исчезновение народа – это прежде всего их собственная смерть и что большей потери, у них лично быть не может.

Несмотря на все репрессии тридцатых годов, несмотря на все ужасы депортации и трудармии, на годы спецкомендатуры и дискриминации, несмотря ни на что народ продолжал жить. И надеяться. И бороться. И старшее поколение в нем помнило еще жизнь в дореволюционных немецких колониях, среднее поколение помнило жизнь в довоенных национальных районах и в республике. И эта прошлая жизнь была, невзирая на пережитое, все еще живой частью жизни народа. И от той жизни нас отделяло не 60 с лишним лет, как сейчас, а всего лишь 23 года. И все было еще свежо в сердце и памяти большинства народа, его старшего и среднего поколений.

Даже поколение двадцатилетних еще успело впитать в себя эту прошлую национальную жизнь, которая по инерции продолжалась даже в изгнании, даже под спецкомендатурой – в семейном укладе, в строгой морали, в обычаях и традициях, в языке и культуре, в общении между родными и близкими, между соседями и друзьями; продолжалась в постоянных живых воспоминаниях старших о прежней жизни, о том, как было «дома». И все, чем продолжал жить народ, было тем дороже, что оно все больше было под угрозой исчезновения, да вдобавок еще запрещалось и преследовалось. А потому требовало от каждого защиты. И понимание этого превращалось в долг и необходимость действовать.

И многие действовали. Так, еще в 1957 году в редакции первой в стране послевоенной немецкой газеты «Арбайт» (Барнаул, Алтай) было подготовлено письмо в ЦК о восстановлении государственности российских немцев. Каким-то образом об этом стало известно за пределами узкого круга авторов. Реакция была скорая: газету закрыли.

Многие проявляли инициативу лично. О том, что положение советских немцев не оставляло равнодушным и молодое поколение, могу судить по собственному опыту. В январе 1963 года, т.е. еще за полтора года до Указа 1964 г. и за два года до первой делегации, я написал письмо Н. С. Хрущеву о проблеме российских немцев, о необходимости восстановить их ав-

тономии. Написал в стихах – проза для этого мне казалась тогда недостаточно выразительной. Перед тем, как отправить, показал его И. Варкентину – поэту, одному из авторов того письма, подготовленного в «Арбайт». Варкентин переправил письмо в Новосибирск Виктору Клейну – писателю, самой крупной и авторитетной фигуре среди российских немцев. Ответ был: пока лучше не надо – старшее поколение, видимо, лучше чувствовало тогдашние опасности. (После этого я отправил письмо сам в наивной вере, что оно действительно дойдет до адресата и не сможет оставить его равнодушным к судьбе так несправедливо наказанного народа².)

Несмотря на опасности, сопряженные с борьбой за торжество ленинских принципов в стране ленинизма, люди, готовые постоять за свой народ, находились среди российских немцев всегда. В трудармии, за колючей проволокой, под конвоем они добивались права работать не для «искупления вины перед Родиной», а под лозунгом, под которым работала вся страна: «Все для фронта, все для победы!». С подконвойной работы в тайге и на шахтах они бежали на фронт, хотя за это могли расстрелять. Там, под чужой фамилией, они воевали против врага и доказывали этим, пусть в случае смерти лишь себе одному, всю несправедливость обвинений против российских немцев. После отмены спецкомендатуры они отказывались подписывать бумаги о том, что не имеют права возвращаться в места прежнего проживания.

Такие люди направляли в Москву свои письма с требованием восстановления справедливости. Некоторые даже добивались до Москвы, чтобы лично донести до высоких чиновников чаяния народа, – неизбывная вера в высокое начальство, которое, якобы, не знает правды, и только поэтому людям живется плохо. Но все это были действия одиночек. Требовалось что-то более значимое, более массовое. Требовалась делегация, представительная и уполномоченная народом.

Первая делегация (январь 1965 г.) В разных регионах страны – в Красноярском крае, в Поволжье, в Киргизии, в Алма-Ате – начался сбор подписей под требованием восстановить автономию и сбор средств для поездки. Естественно, делалось это максимально скрытно.

В Москву был послан Отто Гертель – преподаватель из Фрунзе. Он должен был разведать обстановку и условной телеграммой дать потом знать, ехать или нет. Поездка планировалась на самое начало января – на школьные каникулы, чтобы в делегации смогли принять участие и преподаватели.

Когда телеграмма от О. Гертеля – «Свадьба состоится» – пришла, мы быстро купили билеты на самолет, и вот мы уже в пути. Из Алма-

Аты нас летело трое: И. Варкентин, из крымских меннонитов, писатель, преподаватель немецкого языка в вузе; Яша Ольферт – розовощекий комсомолец, 19-летний учитель немецкого языка в сельской школе под Алма-Атой; и я, успевший еще за три года до выселения родиться на Волге, тоже школьный учитель немецкого языка и физкультуры. Мы вылетели 2 января, чтобы максимально использовать время каникул.

Самым импозантным из нас выглядел Яша: ему не в чем было лететь, и Варкентин дал ему свое шикарное бордовое зимнее пальто с серым каракулевым воротником. (Позже, в Москве, после обеда в каком-то кафе, когда мы стали одеваться, гардеробщик лишь ему одному помог надеть пальто и в почтительном ожидании замер. И дождался: Яша, не привыкший к такому классу обслуживания, вместо чаевых искренне сказал ему «спасибо».)

Первая встреча делегатов состоялась 4 января утром в редакции газеты «Нойес Лебен», издававшейся в Москве для советских немцев с 1957 года. Отнеслись к нам в редакции достаточно приветливо, даже выделили один из кабинетов. Гораздо позже я пришел к мысли, что наше пребывание в редакции, наверняка, было оперативно согласовано с соответствующими органами, как и во время приезда второй делегации: зачем давать нам возможность собираться где-то, когда здесь мы были все и слышимы, и видимы, и все готовившиеся нами материалы также были сразу доступны? Предположить, что редакция без согласования укрывает у себя делегацию немцев и помогает ей, трудно даже сейчас.

Всего должно было приехать 11 человек. Кроме нас троих на первую встречу прибыло еще пятеро: Генрих Кайзер из Красноярского края, пенсионер, бывший экономист; Константин Борнеман из Волгоградской области, персональный пенсионер, член партии с 1918 года, участник Гражданской войны; Рейнгардт Кельн из Краснодарского края, бывший партработник в АССР НП, член партии с 1924 года, прошедший 20 лет в лагерях, писатель; Николай Дельва из Свердловской области, рабочий, тоже член партии; и из Красноярска – Доминик Гольман, пенсионер, бывший педагог, член партии, известный впоследствии писатель. Все они были из немцев Поволжья. Делегация из Киргизии прибыла к концу следующего дня: Иван Бруг, тоже из немцев Поволжья, пенсионер и беспартийный; Отто Гертель, педагог, член партии; и Георг Михель, инженер, беспартийный.

Кроме того, к делегации присоединились сотрудница редакции «Нойес лебен» Мария Фогель, работавшая и до войны в газете в АССР НП, мать всемирно известного потом композитора Альфреда Шнитке; и Вольдемар

Шнайдер, инженер из Красноярского края, беспартийный, находившийся в это время в Москве.

Привожу эти данные, чтобы показать, что делегация составлялась продуманно: в ней были заслуженные члены партии, комсомольцы и беспартийные, интеллигенция и рабочие, немцы Поволжья и немцы из других районов. Это придавало делегации представительность и позволяло претендовать на прием не только в советских, но и в партийных органах. В том числе в ЦК. Тогда это имело большое значение. К тому же делегация имела с собой 662 подписи под обращениями с просьбой восстановить немецкую автономную республику.

Официально мы называли себя «Инициативной группой советских немцев, прибывших в Москву по вопросу о восстановлении немецкой автономной республики». Обращаю внимание на очень важный момент в этом названии: прибыли по вопросу восстановления не АССР НП, а немецкой автономной республики. Ниже будет объяснено, почему.

Итак, 4 января мы впервые собрались вместе. Работа началась с того, что заслушали проект Заявления в Президиум ЦК КПСС, подготовленный Р. Кельном³. Проект содержал историческую справку о советских немцах и заявление, в котором выражалась неудовлетворенность Указом 1964 года, выдвигалось требование полной реабилитации советских немцев через отмену всех дискриминационных указов и распространение на немецкое население страны прав, предоставленных Указом от 9 февраля 1957 года другим репрессированным народам.

Было решено принять этот проект за основу и внести в него поправки, суть которых – считать единственным требованием, отвечающим интересам советских немцев, восстановление их автономии, и отразить в документе интересы не только немцев Поволжья, но и украинских, крымских, кавказских и др. То есть с самого начала удалось договориться о том, что главная наша цель – восстановление республики, а не другие связанные с этим вопросы, и что выступать мы должны от имени не одних немцев Поволжья, а всех советских немцев.

На следующий день работа началась с того, что было зачитано несколько приветствий, уже поступивших с мест. В частности, Г. Келер из Красноярска писал:

«Ваше дело народное и справедливое, и поэтому нужно действовать серьезно. Alle wollen Heim. Но только при таких условиях, как были у калмыков... Я был одним из первых, кто писал в ЦК КПСС о восстановлении Немреспублики, и, поднимая людей для этой цели, хочу быть одним из

первых, кто пожелает вам успехов в нашем святом вопросе... Желаю вам также быть очевидцами быстрейшего восстановления Немреспублики на прекрасной реке Волге!»

Кто находился в подобных ситуациях, тот знает, какое большое значение имеют такие письма. Иногда даже одно письмо. Ведь поддержка, понимание того, что кто-то душой с тобой, так нужны...

В этот день шла работа над документами, а 6-го января нас ждала еще одна радость: нам принесли свежий номер газеты «Нойес Дойчланд» из Берлина, где был практически полностью опубликован ... Указ от 29 августа 1964 года! Было ли это простое совпадение, или это была оперативная реакция советской стороны на появление нашей делегации в Москве, и можно ли было позволить себе воспринимать это как шаг на пути к тому, зачем мы приехали, – в любом случае, это было важно...

Наконец, Заявление было подготовлено. Оно было адресовано Первому Секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу и Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну. В нем выражалась благодарность за снятие с народа обвинения в пособничестве германскому фашизму и ставился вопрос об отмене последствий этого необоснованного обвинения: ликвидации республики немцев Поволжья, выселения всех немцев и запрета на возвращение в родные места. Ставился также вопрос об отмене дискриминационных указов.

Обращалось внимание на то, что ряд положений, содержащихся в указе от 29 августа 1964 г., в действительности не реализуются у советских немцев нет национальных школ, нет представителей в Совете Национальностей, крайне неудовлетворительно поставлено или вовсе отсутствует преподавание немецкого языка как родного, а также политико-воспитательная и культурно-массовая работа на родном языке.

Единственно справедливым решением проблемы советских немцев в Заявлении называлось восстановление немецкой автономной республики.

К письму были приложены список участников инициативной группы и историческая справка, которую существенно доработали, дополнив ее разделом о текущем положении советских немцев, О. Гертель и особенно И. Варкентин.

Когда все было готово, четыре человека во главе с К. Борнеманом, которого мы избрали руководителем Инициативной группы, поехали сдать Заявление в приемную ЦК. Через 40 минут ожидания нас направили к заведующему приемной Строганову. Этот «прием» длился всего минут пять, но сказать нам хозяин кабинета смог за это время много:

«Вы Указ читали? Что же вам еще нужно? Там все сказано: никакой рес-

публики вам не будет. ЦК не может каждый день собираться, чтобы обсуждать вопрос о немцах. Вы пришли не к директору рынка. Меня партия посадила сюда не для обсуждения указов. А что, вы недовольны Указом? Что, вам Советская власть не нравится?» и т.д.

После такого «приема» мы сдали наше Заявление в бюро пропусков ЦК. Результат должен был стать известен на следующий день.

Готовясь к приему, мы распределили темы, назначили основных выступающих и дублеров. Мы решили, что в случае отказа в восстановлении автономии на Волге, не дадим закрыть вопрос о республике вообще, а поставим вопрос о восстановлении государственности в принципе.

8-го мы позвонили в секретариат Л. Брежнева, его помощнику Цуканову. Он ответил нам, что Л. И. Брежнев принять нас не может потому, что не имеет времени, что вопрос еще не созрел, что вопрос очень сложен и что вопрос изучают. Он порекомендовал нам поехать домой, передав имеющиеся у нас документы в ЦК, и сказал, что при необходимости нас пригласят.

После этого мы решили отправить Л. И. Брежневу, А. И. Микояну и Председателю Совета Министров А. Н. Косыгину телеграммы с просьбой о приеме.

На следующий день нам удалось добиться приема у заведующего приемной Президиума Верховного Совета М. П. Складорова. Мы изложили ему цель приезда и задали основные для нас вопросы: означает ли Указ, что будет осуществлена полная реабилитация, будет восстановлена автономная республика, будут сняты все ограничения, и что духовные и языковые потребности советско-немецкого народа будут удовлетворены более полно.

Ответ был жесткий: на все эти вопросы Указ дает ясный и исчерпывающий ответ. Вы ставите вопрос об автономии? Этот вопрос в Указе не затрагивается, и я на него ответить не могу.

В дальнейшем М. П. Складоров снова и снова повторял: Я могу дать разъяснения только по Указу. О том, что лежит за пределами Указа, «я не берусь и не могу говорить. Президиум Верховного Совета много занимался вопросом советских немцев, хорошо ознакомился с состоянием дел, знает все, о чем писали и говорили советские немцы. В ближайшее время Президиум не намерен вновь заниматься этим вопросом. Если есть на местах беззакония по отношению к советским немцам, надо об этом говорить, и они будут устранены».

И дальше произошло то, чего некоторые из нас очень опасались и что затем резко усилило расхождение в тогдашнем национальном движении. Видимо, отчаяние от безнадёжного ответа на главный вопрос вызвало стремление попытаться добиться хотя бы чего-то по частным вопросам. И вопре-

ки всем нашим договоренностям, что мы будем ставить вопрос только о восстановлении государственности и полной реабилитации и ни в коем случае не опускать его до снятия ограничений в прописке на Волге, до возврата конфискованного при выселении имущества («курятников», как это называли противники этих устремлений), и вообще до мелких, частных вопросов. Вопреки всему этому члены делегации начали говорить именно о таких вещах:

«Когда немцы приезжают на Волгу, им предлагают уехать в 24 часа – будет ли это изменено?»

«Я был в родном селе, там нужны рабочие, но немцев там не прописывают, потому что они немцы»

«Когда будут приняты законы, позволяющие советским немцам опять стать равноправными с другими народами?»

«Культура советских немцев гибнет, национальных школ нет, так называемая расширенная программа изучения немецкого языка – это фикция, она ведется лишь в части школ при большом недостатке учителей и учебников.»

«Немцы живут слишком распыленно, и нет даже возможности составить в школах группы немецких детей для их обучения родному языку».

Был задан и вопрос о том, могут ли участники делегации после возвращения из Москвы подвергнуться на местах преследованиям.

Склярлов по ходу выступлений делал себе заметки. По последнему вопросу он заверил, что никаких преследований не будет. А по вопросу о прописке четко заявил: «Мы не можем заняться массовым переселением немцев на Волгу, там тоже живут люди, нельзя совершать новую ошибку». И, завершая, добавил, что он обо всем доложит А. И. Микояну, и что любой из членов делегации может в любое время по любому вопросу обратиться в Приемную.

Хотя все затронутые вопросы были вполне актуальны, решение их не давало решения главного вопроса – восстановление автономии. Если же был бы решен главный вопрос, то эти вопросы были бы решены автоматически. Поэтому говорить о них, когда нет еще принципиального решения главного вопроса, значило свести все к этим вопросам, пообещав что-то сделать, улучшить, поправить, не меняя ничего по сути. Что впоследствии и произошло. Конечно, произошло не потому, что мы говорили и о таких вопросах, но такое нарушение всех договоренностей уже на встрече низшего уровня не могло не осложнить обстановку в делегации.

Между тем через день заканчивались школьные каникулы. И никаких надежд на прием на более высоком уровне. И – горькая мысль о том, можно ли вообще чего-то достичь, если на первых же шагах люди забывают о главном.

На следующее утро мы, алма-атинская группа, поехали покупать билеты на самолет, на ночной рейс, чтобы утром 12 января успеть на работу. Готовились уехать также О. Гертель и Д. Гольман.

И. Варкентин был после приема вне себя. Это было естественно: поездка, в которую было вложено столько сил, времени и переживаний, заканчивалась безрезультатно, да еще и таким серьезным «проколом». К тому же он человек взрывной, легко возбудимый. После приема он ушел куда-то в гости, вечером не вернулся, и утром мы выписались из гостиницы и поехали уже с вещами в редакцию. Он тоже приехал туда. По его виду можно было заключить, что взрыв неминуем.

Собственно, переживали все: пора уезжать, и каждый ясно представлял себе реакцию на такие итоги тех, кто ждал нашего возвращения. Это ведь и удар по всем надеждам, по дальнейшим усилиям.

Р. Кельн, когда все собрались, спросил: «Что будем делать?» Классический в российской истории вопрос был и для нас основным.

Решили еще раз позвонить в ЦК, в Президиум Верховного Совета и после обеда очередной группе пойти в Президиум. Сидевший все время молча мрачный И. Варкентин наконец не выдержал: он встал и, все больше теряя самообладание, резко стал говорить то, что произошло. «Я обвиняю!» – с этих слов он начинал каждый свой пассаж (и о «прописке», и о «курятниках», и о стремлении «Наам» («домой»), и о забвении главного, о предательстве дела республики). «Я обвиняю!» – звучало уже на грани истерики среди гнетущей тишины.

Надо сказать, что И. Варкентина уважали многие. Он был самым образованным не только из нас, но, пожалуй, вообще из советских немцев; во всяком случае, он был лучшим знатоком немецкого языка, он владел хорошо английским (читал позже лекции по Шекспиру), знал французский, церковнославянский, преподавал когда-то в мединституте латынь, прекрасно владел своим родным «платдойч», что было близко к голландскому (он даже по паспорту был голландец, что позже в Союзе писателей Казахстана отмечалось с гордостью: у нас такой многонациональный Союз – есть даже один голландец!). И он хорошо был знаком не только с немецкой и русской, но и с мировой литературой.

Вряд ли кто из слушавших теперь его филиппику знал, что рефреном повторяющееся «я обвиняю!» взято у Эмиля Золя, из его известного памфлета «Я обвиняю!» – протеста против знаменитого дела Дрейфуса.

Лексические, литературные, смысловые ассоциации вообще имеют большое значение не только в языке и творчестве И. Варкентина,

но и в его поведении, в его жизни. Об этом обязательно надо помнить будущим исследователям жизни и творчества этого незаурядного человека. Но если бы он имел иной характер, то смог бы сделать гораздо больше хорошего и не нанес бы другим много обид. При этом И. Варкентин мог быть и бесконечно добрым и милым и буквально растворяться в заботе о других...

После Варкентина встал наш старый, с совершенно белой головой, Р. Кельн, по-крестьянски мудрый и добрый, несмотря на пережитые 20 лет лагерей, и произнес: «Мы думаем, что Иван Абрамович сказал все это сгоряча, от боли. Примем это к сведению. Предлагаю по этому вопросу – о наших разногласиях – дискуссию не открывать».

Так всем нам был преподан хороший урок: как подняться над эмоциями и думать о пользе общего дела.

Закончили мы наше последнее совместное заседание тем, что твердо договорились: те, кто еще останется в Москве, никаких изменений в совместно выработанные документы не вносят, в своих действиях соблюдают выработанные положения и принципы и оперативно информируют уехавших о происходящем.

После обеда Г. Михель позвонил в ЦК и в Президиум ВС и сказал нам, что наше письмо туда еще не поступило.

Уже в седьмом часу вечера мы, алма-атинская группа, поехали в аэропорт. Когда добрались, уже заканчивалась посадка в самолет, и нам пришлось бегом бежать по летному полю, чтобы успеть...

13 января вечером мы получили телеграмму от Кельна, что делегация была 12-го утром принята А. И. Микояном. И. Варкентин позвонил в Москву М. Фогель, и та сказала, что о приеме стало известно еще 11-го, что Д. Гольмана, который тоже уезжал в этот вечер, еще успели задержать, нас нет. На приеме был поставлен вопрос о восстановлении автономной республики на Волге, и Микоян ответил: «Нельзя, там все заселено». Тогда был поднят вопрос о прописке на Волге, и Микоян обещал разрешить. Все были обрадованы.

Мы находились в отчаянии: свершилось то, чего мы так опасались – вместо республики прописка!

Между тем пришли письма от участников встречи с Микояном, первое – от Г. Михеля. Он писал, что на приеме ими были поставлены вопросы о полной реабилитации и восстановлении автономной республики советских немцев. Микоян ответил, что вопрос естественный, но сложный. При существовании немецкой республики в ней было 350 тысяч немцев. На Украине тоже жили немцы. Собрать их и создать автономию практически невозмож-

но. Можно сохранить немецкую культуру для тех, кто хочет. Территория Немреспублики заселена. Можно создать немецкие средние школы, выпускать литературу на немецком языке.

Был также поставлен вопрос и о публикации Указа 1964 года. Микоян обещал опубликовать его в немецкой газете и в изложении – в центральных русских газетах. На повторно поднятый вопрос о восстановлении автономии он ответил: «У вас нет территории».

Были подняты также вопросы о немецких школах, издании газет, книг, о том, что о советских немцах ничего не публикуется в центральной прессе, что их существование замалчивается даже в Большой советской энциклопедии. Микоян обещал поручить Верховному Совету РСФСР разработать мероприятия по снятию всех ограничений, в том числе в прописке советских немцев в местах их жительства до выселения, и отметил, что немцы во время войны вели себя хорошо, хорошо трудились, честно трудятся и в настоящее время, их заслуженно награждают. Потом извинился, что у него скоро еще одна встреча, и попрощался.

Скляр, прощаясь, сказал, чтобы в случае плохого отношения к членам делегации на местах они писали на его имя, он доложит Микояну.

Заканчивал письмо Михель так: «Перед отъездом нам заявил тов. Пшеницин (главный редактор «Нойес Лебен». – Г. В.), что получил разрешение ЦК напечатать Указ. «Ваши труды дают всходы», – его слова. Очень сожалеем, что Вы так легко разочаровались и уехали».

Последние слова нас просто потрясли: оказывается, мы «легко разочаровались» и потому уехали! Но впереди нас ждало еще много сюрпризов...

Пришло письмо еще от одного участника встречи, писателя Доминика Гольмана. Оно в целом подтвердило написанное Михелем по содержанию встречи и опровергло написанное им по сути требований и по акцентам. Говорили все же в основном не о восстановлении республики, и совсем не говорили о восстановлении республики советских немцев в принципе, без привязки к Волге. Позже это подтвердили также письма Борнемана, Кельна и других участников встречи. Значит, Михель преднамеренно вводил нас в заблуждение?

Для дальнейших взаимоотношений в движении эта неверность договоренностям и неискренность в описании встречи имели очень негативное значение.

По-разному можно оценивать итоги работы первой делегации, и при желании можно найти немало моментов для критики. Однако если подняться над восторженным, то результаты радовали.

Во-первых, сам факт приема имел большое значение и для советских немцев, и для властей на местах. Он говорил о том, что нашу проблему и наши инициативы не могут просто так игнорировать.

Во-вторых, даже сегодня вызывает удивление, как небольшой группе, поднимавшей такой острый вопрос впервые за 23 года, удалось за короткий срок да еще в такое неудобное время добиться приема практически на высшем уровне.

В-третьих, нам было отказано в восстановлении республики не потому, что вообще не допускали об этом речи, а потому, что считали территорию бывшей АССР НП заселенной.

Отсюда следовало три вывода:

а) если мы докажем, что территория не заселена, то республика может быть восстановлена;

б) если не получится волжский вариант, то есть надежды на восстановление государственности в другом месте;

в) впервые после многих лет репрессий, спецкомендатуры и дискриминации власти вели с советскими немцами диалог на уровне аргументов.

В-четвертых, хотя этой первой, маленькой, слабо подготовленной делегации и отказали из-за неубедительных аргументов в восстановлении республики, делегатам все же обещали снятие запрета на прописку, а также руководство намеревалось способствовать открытию немецких школ, издательств, устранять всяческие ограничения и нарушения, рассматривать различные обращения, а также опубликовать важный Указ. Значит, если собрать делегацию побольше, подготовить ее лучше, если наши аргументы сделать неопровержимыми, то мы добьемся большего?

И в-пятых, делегатам на прямо поставленный вопрос дали и прямой ответ – преследований за участие в поездке не будет. А это означало, что у многих будущих активистов страхи и опасения будут сняты, и вторая делегация сможет быть не только более многочисленной, но и действовать смелее, увереннее.

В этом плане все выглядело довольно неплохо. Значительно хуже было с единством в только-только зарождающемся национальном движении: удастся ли преодолеть принципиальные расхождения в постановке целей?

Как бы то ни было, после первой делегации многое прояснилось. Появилась, казалось, вполне обоснованная надежда, зовущая к действию. Как разведка боем, первая делегация позволила перейти от сомнений и предположений к разработке и выполнению плана главного сражения.

Сегодня интересно, как воспринимались нами итоги работы первой делегации тогда. К заседанию 11 января, когда еще не было приема у Микояна и не было известно, будет ли он вообще, я подготовил выступление, которое завершалось так:

«Какие недостатки можно отметить в организации нашей поездки?»

1. Плохая подготовка к поездке на местах: некоторые вопросы, которые пришлось решать здесь, можно было решить до приезда в Москву.

2. Отсутствие тесной связи между членами группы до поездки.

3. Слабая материальная обеспеченность нашей поездки.

4. Неподготовленность к длительному пребыванию в Москве.

5. Отсутствие достаточно массовой работы среди советских немцев.

Мы собрались по такому важному вопросу впервые за годы нашего университетского положения. Но мы убедились в том, что за эти черные для нас годы мы не потеряли любви к своему народу, нас не смогли лишить национальной гордости и человеческого достоинства.

Наша заслуга в том, что мы выдвинули главным требованием восстановление республики, а не место ее восстановления.

Мы пришли к единому мнению о необходимости выдвинуть на первый план требование республики, а не снятие запретов на пропуск и другие требования.

Мы договорились, что будущая республика должна быть для всех советских немцев, а не только немцев Поволжья.

Мы выработали основные документы, необходимые для постановки этого вопроса, и думаю, мы их выработали правильно, сумев подняться выше личных желаний и интересов. Тот, кто возьмется теперь за это дело, будет иметь ясную программу действий. Ему не нужно будет начинать все сначала; ему нужно будет только добиваться осуществления наших требований.

Мы хорошо понимаем, что известие об отъезде нашей группы из Москвы с болью в сердце будет воспринято советскими немцами. Понимаем также, что наша неудача пригасит поднимающуюся волну надежд и деморализует многих. Но мы не можем сделать иначе, у нас нет пока нужной организации дела.

И вряд ли кто может упрекнуть нас в боязни, бездействии или нерешительности. Вряд ли кто может упрекнуть нас в отсутствии преданности делу. Если бы мы могли добиться республики ценой нашей жизни, она бы у нас была уже сегодня...»

Полагаю, такой вывод был тогда сделан не только на основе личного восприятия происходящего. Эта готовность к самопожертвованию была, на мой

взгляд, еще больше выражена у членов второй делегации. Поэтому нас с И. Варкентиним тогда и удивила последняя строчка в письме Г. Михеля.

А два года назад Г. Михель (во второй делегации он не участвовал), давно живущий в Германии, выступил с воспоминаниями о первой делегации в журнале Землячества немцев из России «Volk auf dem Weg». Там он, в частности, пишет о том, какие страхи испытывал он сам во время этой поездки и, по его мнению, другие члены делегации, особенно после отъезда нашей алма-атинской группы. И вновь высказывает предположение, как и в своем отчете о приеме у Микояна, что алма-атинцы уехали, испугавшись.

Публикация вызвала резкий протест И. Варкентина, который, кстати, немало способствовал как раз утверждению принципиальности и стойкости членов делегации своим личным примером. Я тоже откликнулся тогда на эту публикацию следующим письмом.

«...Воспоминания показывают сложную атмосферу того времени, в которой приходилось начинать нашу борьбу. Кто тогда мог предположить, что ее придется вести еще долго, по сегодняшний день!

Я бесконечно благодарен моим тогдашним старшим коллегам за мужество, чувство ответственности за судьбу народа и готовность идти до конца. Все они прошли через тяжелейшие репрессии, через трудармию и спецкомендатуру, а некоторые – и через тюрьмы и лагеря (Р. Кельн и в редакции «Нойес Лебен», где работала делегация, ходил по коридору, держа по привычке руки за спину). Они показали нам пример, который сыграл большую роль и в работе второй делегации в том же 1965-м, и в деятельности делегации 1988 г., и вообще в движении российских немцев.

Для меня члены делегации, тем более старшего поколения, были людьми, знавшими на что они пошли, т.е. готовыми, если надо, пожертвовать собой ради будущего своего народа. Я считал естественным долгом, если не потребностью, эту готовность к самопожертвованию и у нас, более молодых. Во всяком случае, когда летом того же года и вторая наша делегация не добилась решения вопроса, я серьезно подумывал о том, чтобы сжечь себя на Красной площади перед Кремлем (несколько таких акций было тогда в Юго-Восточной Азии), чтобы таким способом привлечь к нашей проблеме внимание и мировой общественности. При этом я был уверен, что сделать это готов каждый из членов делегации; мой долг лишь в том, чтобы взять это на себя как наименее ценному для нашего движения.

Знаю, что и позже, в конце 1980-х гг., когда мы были очень близки к восстановлению автономии, среди нас было немало людей, готовых, если надо, отдать за это свою жизнь. Убежден, они есть и сейчас.

Поэтому для меня было совершенно неожиданным предположение Г. Михеля о том, что группа членов делегации уехала, испугавшись. Особенно алогично предположить такое в отношении Иоганна Варкентина, широко известного и своей принципиальностью, и мужеством, и большим личным вкладом в подготовку и осуществление идеи делегации.

Считаю, что Г. Михель поступил очень мужественно, признавшись сегодня в собственных тогдашних опасениях и страхах после нашего отъезда, и в опасениях остальных членов делегации. Это показывает, какой психологический груз испытывали на себе люди, и еще больше возвышает их в наших глазах, ибо они сумели преодолеть все опасения и страхи ради будущего своего народа. Об этом должны знать российские немцы...»

К сожалению, редакция журнала не смогла опубликовать отклик...

Вторая делегация (июнь–июль 1965 г.) Информация о поездке первой делегации разошлась достаточно широко для того времени и для тех возможностей, хотя ни на радио, ни в газетах ничего о делегации появиться не могло. «Нойес лебен» смогла опубликовать только фотографию группы, принятой Микояном, назвав ее группой гостей редакции (так же она потом сделала и со второй делегацией). Но многие читатели поняли, кто это на самом деле.

В некотором замешательстве были партийные и прочие органы: с одной стороны, вроде таких «инициативных групп» допускать никак нельзя; с другой – сам Микоян принял ее и обещал, что преследований не будет. Все это вызывало у людей еще больше надежд и активности.

То, что нужна вторая делегация, было ясно многим. Она должна была вновь выдвинуть требование о восстановлении государственности, не дать себя при этом отвлечь на второстепенные вопросы, опровергнуть главный контраргумент о заселенности территории бывшей АССР НП. Нужно было также сделать делегацию гораздо представительнее, для этого увеличить ее численность и собрать как можно больше новых подписей и, естественно, быть готовыми к более длительному пребыванию в Москве, а значит, собрать больше средств, предусмотреть второй эшелон делегации после окончания отпусков у первого состава и т.д. Вся эта работа в разных регионах и началась как направленная на единую цель.

Но очень скоро выяснилось, что хотя цель у всех в принципе одна, есть в ее рамках еще и своя цель одной отдельной группы – красноярской. Она действовала по собственной программе – собрать делегацию только из немцев Поволжья, выступать под лозунгом «Волга или вечная ссылка» (т.е. никаких вариантов), и республика только для немцев Поволжья. Для других

немцев – Украины, Крыма, Закавказья – должны быть отдельные делегации и требования.

Выдвигалось опять и требование возврата конфискованного имущества. Определен был уже срок поездки – 3 июня (наше предложение было – июль, чтобы могли участвовать в делегации преподаватели и студенты). При этом в Москве предполагается допустить в состав делегации только тех, кто письменно подтвердит свое согласие с такой программой.

К чему такие действия могли привести, нетрудно было себе представить. Это могло бы значительно ослабить представительность делегации: одно дело – быть делегацией всех советских немцев, совсем другое – только немцев Поволжья, которые составляли до войны лишь четверть от общего числа. Такой делегации легче было и отказать, мотивируя тем, что если республика только для немцев Поволжья, то надо будет восстанавливать и национальные районы на Украине, в Крыму (куда хотят вернуться и крымские татары), на Кавказе, на Алтае, в Оренбуржье, и переселять в гораздо более заселенные, чем на Волге, места огромное число людей.

Такие действия означали также, что все другие советские немцы должны создавать свои собственные делегации и требовать параллельно с немцами Поволжья восстановления своих прежних национальных районов, отмены запрета на прописку, возвращения в родные места.

Это означало, что даже при удовлетворении всех требований всех групп немцев, что в принципе было невозможным, довоенная территориальная разобщенность советских немцев будет возрождена и сохранена в будущем вместо того, чтобы собрать народ наконец вместе, и что по отдельности никто не сможет обеспечить своего национального будущего, а значит, ассимиляция будет неизбежной и скорой.

Это означало, что сепаратными действиями немцы Поволжья могут построить против себя всех остальных немцев, т.е. большинство, и не только не получают от них поддержки в решении своего вопроса, но могут вызвать в отместку и противодействие этому решению.

Это означало также, что даже подписи и средства предстояло теперь собирать под разными требованиями и для разных делегаций, что вносило полный сумбур во всю подготовительную работу.

А требование возврата имущества, выдвигаемое до принятия политического решения о восстановлении государственности, могло еще больше осложнить его принятие.

Но все это наших коллег не смущало. Стремление сделать что-то только для себя, игнорируя общие интересы; стремление иметь дело только с те-

ми, кто безоговорочно поддерживает и не задает вопросы, вместо учета всех мнений и выработки общей позиции – это будет преследовать наше движение и через десятилетия. Наиболее афористично такую политику выразил ее продолжатель через 30 лет Г. Гроут: «Нам нужны не умные, а преданные», за что и поплатился крахом всех своих начинаний...

8 мая мы собрали в Алма-Ате совещание, на котором приняли предложение: республика на Волге должна быть для всех советских немцев, делегация должна быть единой, а ехать надо в июле. И хотя в других регионах нас многие поддержали, сепаратный процесс пошел дальше. Чтобы не потерпеть поражение, мы решили не игнорировать малопривлекательные действия красноярцев. Было решено присоединиться к ним: кто-то это сделал с самого начала, кто-то – позже...

И вот 3 июня мы в Москве. Всего прибыло 28 человек (уже вдвое больше, чем первая делегация) из 15 республик, краев и областей. У всех делегатов с собой письма-полномочия с подписями: всего 3 498 подписей (позже подъезжавшие делегаты привозили с собой еще, а также досылались подписи с мест). Разместились мы в гостинице «Заря», которая была не очень дорогая и от которой удобно было ехать на электричке до редакции «Нойес Лебен», где нас опять приняли.

4 июня мы собрались на первое заседание делегации. Красноярцы, чувствовалось, провели основательную подготовительную работу, – привезли с собой проект протокола этого заседания. Председателем собрания избрали Ф. Шесслера из Красноярска. Избран был и «Постоянно действующий комитет для разработки и представления материалов в Президиум ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР по вопросу о восстановлении АССР немцев Поволжья и полной реабилитации советских немцев». Председателем этого комитета также был избран Шесслер, а всего в него вошло 8 человек: 4 из членов первой делегации – Борнеман, Бруг, Кайзер и я, и 4 новых, но тоже все из немцев Поволжья – Берш, Гельфенбейн, Вельц и Шесслер.

Комитет этот был избран не только на период работы делегации в Москве, но и для дальнейшей координации всей работы на местах: с ним должны были согласовывать свои будущие действия делегаты. Эти действия должны были «соответствовать духу положений и решений, выработанных всей делегацией», комитет обязывался «не допустить различных противоречивых направлений и течений и добиться полного единства действий».

На собрании было принято еще одно существенное решение: новые делегаты, прибывающие в Москву, могли включаться в делегацию лишь «при ус-

ловии, что они полностью принимают и соглашаются с теми решениями и документами, которые выработала делегация». И если учесть, что «выразить согласие» все должны были своей подписью в первый же день работы, то здесь впервые в нашем движении был создан прецедент установления единства не через согласование разных позиций и выработку единого мнения, а через утверждение одного мнения путем недопущения других мнений.

В этот раз мне пришлось заниматься в основном подготовкой проектов документов, их доработкой после обсуждения, контактами с редакцией, а также записью состоявшихся встреч и подготовкой их текстов. Поэтому работы было не только очень много, но она всегда была очень срочная, и вести «хронику» для этой делегации мне просто было не под силу. Однако сохранившиеся документы отражают, на мой взгляд, достаточно полно и работу делегации, и ее исключительное упорство в достижении поставленной цели, и промежуточные и конечные ее результаты, и формирование официальной позиции от начального серьезного изучения вопроса до полного отказа решить его.

Работа шла интенсивно, несмотря на то, что обсуждение вопросов в составе 30 человек, из которых только небольшая часть уже имела опыт работы в первой делегации, требовало очень много времени и сил. Вдобавок заседания проходили в небольшом кабинете, от силы 15 кв.м., так что с трудом удавалось в нем разместиться и часто просто было нечем дышать.

Уже 5 июня на имя Брежнева и Микояна было подготовлено по два заявления: одно короткое, с просьбой о приеме, и другое более полное, с оценкой положения советских немцев и просьбой полностью реабилитировать их, восстановив АССР НП и отменив все ограничения, содержащиеся в дискриминационных указах. К письму на имя Брежнева были приложены и привезенные нами письма-обращения с собранными подписями – 137 листов, 3 498 подписей.

Уже на следующее утро члены Комитета были приняты заместителем заведующего приемной Президиума Верховного Совета СССР А. Н. Копенкиным. Шесслер как руководитель делегации говорил первым. Надо отметить, что Шесслер был инвалидом – он в трудармии потерял ногу и ходил на костылях. Он был совершенно лысым, с почти круглым лицом, довольно крупным и несколько полноватым, так что передвигаться ему было нелегко. Возможно, чтобы не перегреваться, он постоянно ходил в темно-серой холщовой рубашке на выпуск, с расстегнутым воротом. Он также заметно заикался – следствие допросов. Тем не менее он очень ясно и четко мыслил и излагал свои мысли.

Шесслер изложил цель нашего приезда, сказал, что Указ 1964 года ре-

шил наш вопрос неполностью, что вопрос должен быть решен до конца, и это наше обращение должно быть последним, «чтобы ленинская национальная политика целиком и полностью была применена и к нам».

Борнеман сосредоточился на вопросе о территории. Он привел свою любимую цитату из Ленина: «Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом и неравноправием». И продолжил: «Эти золотые слова направлены против ревизионистов, которые утверждают, что у нас нет территории». (Всем присутствующим было хорошо известно, что утверждал это на приеме первой делегации никто иной как сам Микоян, который теперь, согласно ленинским словам, был ревизионистом.) И далее Борнеман сказал пророческую фразу: «Ведь после таких утверждений могут появиться мысли о том, что раз у нас нет территории здесь, то пусть нас пустят в другую страну». И еще один важный для полемики тезис высказал наш старейший член делегации: «Нам иногда говорят, что многие немцы не хотят домой... Но мы, коммунисты, не должны ориентироваться на тех, кто потерял надежду».

Такие аргументы имели тогда большое значение – пусть не для решения вопроса, но для неуязвимости наших требований.

Опровергали мы и тезис о заселенности территории бывшей республики. Приводились конкретные примеры: в родном селе Шесслера было раньше 600 домов, теперь – 47; в селе Штрасбург было 995, сейчас – 42; в Мариентале осталась максимум четверть домов; в селе Мессер проживало раньше 10 000 человек, сейчас там 25 дворов. Не хватает и рабочих рук, создан отдел по переселению, людей привозят со всей страны, но они не задерживаются, опять уезжают. Рост же населения, который действительно есть на Волге, вызван приростом городского населения. Если огромные деньги, впустую расходуемые на переселение, пустить на восстановление республики, толку будет гораздо больше.

Выслушав нас, Копенкин высказался по всем затронутым вопросам. Он отметил, что наш вопрос за последние двадцать с лишним лет рассматривался неоднократно. Указ 1964 года четко и ясно признал все обвинения в пособничестве фашизму, выдвинутые против немцев в условиях культа личности Сталина, необоснованными и снял их; это и есть полная реабилитация советских немцев.

О восстановлении республики на Волге объяснил, что там раньше проживала лишь часть советских немцев, остальные не имели автономии, но жили, работали. Сейчас на территории республики больше населения, чем было в ней до ее упразднения. Что же делать с ним? Не выгонять же его оттуда. Оно

же не виновато в том, что были допущены ошибки в период культа личности. «Ведь вы же коммунисты. Нужно думать и о государственных интересах».

В отношении неравноправия. Нет оснований говорить о нем: среди граждан немецкой национальности много коммунистов, депутатов, героев Социалистического Труда. Если встречаются отдельные случаи нарушения прав, то это не линия партии.

В школах введено больше часов немецкого языка. Микоян говорил с Кунаевым, первым секретарем ЦК КП Казахстана, там тоже будет увеличено количество часов немецкого языка как родного. Ведется радиовещание на немецком языке. Есть коллективы художественной самодеятельности... Указ опубликован в «Ведомостях Верховного Совета СССР», так что многие о нем знают; опубликован и в немецкой газете...

Такие утверждения показывали нам официальную позицию, но никак не могли удовлетворить нас. О чем делегаты тут же и сказали, отметив, что если неравноправие советских немцев – не линия партии, то следствие ее. «Ваши аргументы необъективны. Самодеятельность – это не сохранение культуры. Мы лишены права свободно передвигаться по Союзу. Указы запрядают нам вернуться в родные места. Идет насильственная ассимиляция, преступление, совершаемое коммунистами. Если нам не восстанавливают республику, значит нет равноправия. У 80 тысяч калмыков 11 человек в Совете Национальностей, и столько же – в Совете Союза, а нас в 20 раз больше – и в Верховном Совете никого; разве это равноправие? Являемся ли мы одним из советских народов? Имеем ли мы по Конституции СССР право на самоопределение? Имеем. Так почему же у нас нет автономии?»

Копенкин отметил, что на этот раз мы более резко ставим вопрос. Но нельзя все сводить к автономии. А по вопросам национальной культуры, самодеятельности, школы – меры принимаются... Он обещал о состоявшейся встрече проинформировать Микояна.

Что можно из сегодняшнего далека сказать об этом приеме?

Во-первых, он показал нам, что власти опять хотели отмахнуться от делегации «разъяснением Указа» и опять свести разговор к обещаниям – без решения главного вопроса.

Во-вторых, этот прием показал властям, что заготовленные ими заранее проекты нас не устраивают – нам нужно восстановление государственности.

В-третьих, опыт первой делегации не прошел для нас даром: мы все сконцентрировали наши выступления на главном вопросе и не дали себя увести от него.

В-четвертых, мы не только дискутировали с представителем власти, мы его опровергали практически по всем позициям, показывая несостоятельность его аргументов.

В-пятых, мы не защищались, мы вели встречу наступательно и вынудили представителя власти защищаться.

Одним словом, это была хорошая проверка дееспособности Комитета и хорошая проработка нашей позиции по всем аспектам, которые могут быть затронуты в наших дальнейших встречах. У меня лично Шесслер вызвал после этой встречи несомненное уважение.

Между тем на наши обращения к Брежневу и Микояну о приеме мы пока не получили ответа, и 11 июня мы направили им телеграммы одинакового содержания: «Мы, делегация советских немцев из 15 республик и областей в количестве 31 человека, настоятельно просим принять нас согласно нашему Заявлению от восьмого июня сего года». В качестве подписей в телеграмме были даны фамилии всех членов делегации.

Тогда мы не знали, как будут разворачиваться события. Сегодня, судя по тому, что произошло дальше, судя по сохранившимся документам, можно сказать, что прием у Копенкина был, видимо, тщательно изучен, и было решено еще раз серьезно рассмотреть наш вопрос, потому что на 15 июня нам была назначена встреча с группой заместителей заведующих ряда отделов ЦК КПСС. Руководство «Нойес лебен» искренне поздравило нас, объяснив, что прием в таком составе – это очень серьезно.

Принимали делегацию Скворцов – зам. зав. отделом партийных органов; Грачев – зам. зав. отделом административных органов; Егоров – зам. зав. идеологическим отделом; Полехин – зам. зав. партийным отделом по РСФСР. Присутствовал и Строганов, зав. приемной.

Скворцов сказал, что они ознакомились с нашим письмом; есть ли у нас что добавить к нему?

Шесслер отметил, что Указ от 29 августа 1964 года нас политически реабилитировал, вина с нас снята, но наказание осталось. Наше положение не изменилось, т.к. в по-прежнему действуют указы от 1948-го и 1955 года. Полная реабилитация – это значит отменить дискриминационные указы и восстановить республику на Волге. То, что территория бывшей республики якобы заселена, не соответствует действительности.

По этим трем основным тезисам говорили и остальные делегаты, приводя конкретные факты неравноправия российских немцев и аргументируя невозможность решения каких-либо вопросов без восстановления республики.

Резко высказался Борнеман: «Некоторые говорят нам, что у советских немцев нет территории для восстановления их автономии. Видно, эти люди оторвались от ленинизма. Когда помотришь на теперешнее отношение к нам, вспомнишь слова Ленина: „Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом и неравноправием“. Эти золотые слова относятся как раз к тем, кто утверждает, будто у нас нет территории. Нас больше, чем эстонцев, таджиков и других народов, имеющих союзные республики, а у нас нет даже автономной. Наши дети служат в Советской Армии, они защищают свою Родину. Но когда они демобилизуются и приезжают туда, где они родились, их выселяют за 24 часа. Существующее положение противоречит и нашей Конституции, и национальной политике, и Программе партии».

Делегаты привели конкретные факты о незаселенности территории, об игнорировании советских немцев в русской печати, о формировании враждебного отношения к ним в ряде учебников и научных работ, о низкой эффективности мер по введению преподавания родного языка, об отсутствии у народа представителей в Верховном Совете, о запрете на возвращение в родные места, а также о том, что проблему советских немцев пытаются связать с Германией, хотя это чисто внутренняя проблема страны. Отметили и то, что писателям негде публиковаться: за 23 года вышел лишь один сборник.

«Мы не можем совместить то, что творится по отношению к советским немцам, ни с ленинской национальной политикой, ни с Конституцией СССР, ни с Программой КПСС. Как мы можем оправдать линию нашей партии, защитить ее авторитет при таком явном, грубом нарушении ленинских принципов по отношению к двум миллионам человек? Являемся ли мы советским народом? Имей ли мы согласно Конституции СССР право на автономию? Почему ее у нас нет?»

В делегации была и дочь бывшего шофера Ленина Гиль. Она сказала: «У меня 8 детей, из них семь комсомольцев и одна пионерка. Я сама была комсомолкой, когда нас выселяли. У меня два сына служат в армии, один из них недавно был в отпуске за хорошую службу. Я горжусь, что мои дети хорошо служат. Но почему они не могут быть равноправными?»

Делегаты настаивали на том, чтобы их принял Брежнев.

Скворцов обещал доложить руководству все сказанное нами. О восстановлении республики он сказал, что массовые переселения требуют больших затрат и принесут большой урон хозяйству. Отметили принимавшие и

то, что выборы в Верховный Совет СССР проходили до издания Указа от 29 августа 1964 г., и при следующих выборах будут приняты меры, чтобы от немцев было больше депутатов. То же при выборах в партийно-советские органы. Трудности с печатанием произведений – поможем. Нельзя сводить все к восстановлению автономии.

На это очень резко ответил бывший нарком земледелия в республике Фрицлер: «Вы хотите убедить нас в том, что так должно все остаться. Говорите об экономических трудностях. Национальный вопрос должен стоять выше рублей. В отношении заселенности: я называю это болтовней. Это формальный подход, это не ленинское решение вопроса. Вы хотите отговорить нас от нашей цели».

Скворцов: «Мы понимаем ваши желания, чувствуем вашу настойчивость. Вы хотите, чтобы этот вопрос был решен. Мы высказали мнение о трудностях, которые возникают при решении этого вопроса. Мы объективно доложим обо всем Правительству».

Егоров: «Вопрос серьезный, нужно подойти к нему всесторонне. Все, что вы сказали – от чистого сердца. Но есть ряд вопросов, которые нужно еще изучить. Нам нужно доложить о встрече Центральному Комитету. Чтобы кардинально решить проблему, вы ставите вопрос о восстановлении автономии. Нам нужно посмотреть, есть ли перенаселение или нет. Вы сами понимаете, что решение проблемы требует затрат. Нам нужно их подсчитать. Дайте проделать нам эту работу, чтобы обстоятельно доложить о результатах ЦК КПСС».

Скворцов: «Нужно все продумать. Сказать, сколько времени для этого потребуется, не могу. Ответ может дать только Правительство, и оно должно еще раз собраться. Нам поручили разобраться и доложить».

Вельц: «Я думаю, если вы доложите так, как вы нам объяснили, то республики не будет».

Скворцов: «Мы доложим ваше мнение. У вас много убедительных доводов, но вопрос сложный. Мы все передадим Центральному Комитету».

Просматривая сегодня запись этой беседы, не можешь не обратить внимание на то, что никто из принимающих делегацию ответственных работников ЦК КПСС ни разу не задал ни одного вопроса. Наоборот, они, пусть и терпеливо, лишь выслушивали всех, а сами говорили только о трудностях, связанных с решением нашей проблемы, как бы пытаясь убедить нас в невозможности ее решения. Одновременно они полностью использовали уже наработанный арсенал «мер», которые можно применить для «решения» частных вопросов.

Возникает искушение и всю встречу оценить как очередную попытку все свести к обещанию этих частных мер. Однако можно рассуждать и по-другому.

Чтобы отказать делегации в ее требованиях, не нужно было принимать ее на уровне руководства ключевых отделов ЦК КПСС. Достаточно было на уровне Копенкина жестко заявить, что всего несколько месяцев назад она делегация уже была принята, и председатель Президиума Верховного Совета СССР четко изложил позицию руководства страны: республику восстановить невозможно, а меры по улучшению удовлетворения национальных запросов советских немцев будут разработаны. Больше вас никто не примет, так что поезжайте домой. Даем вам на это три дня. Если вы не хотите понимать человеческого языка, будут приняты другие меры, и вас всех доставят домой. Но мы не советуем вам дожидаться такого развития событий... (Впоследствии именно так поступали с теми, кто вновь приезжал в Москву и пытался снова поднять этот вопрос.)

Принимающим делегацию партработникам не нужно было и задавать никаких вопросов: во-первых, они без сомнения знали каждое слово, сказанное нами на всех встречах первой делегации и на встрече у Копенкина; во-вторых, мы сами высказали все достаточно полно. Вполне можно поверить и тому, что прежде чем дать конкретный ответ на такой серьезный вопрос, тем более ответ другой, чем дал в январе Микоян, и прежде чем говорить о встрече у Брежнева, вопрос должен быть детально изучен и ответ этот подготовлен. Причем ответ для встречи с первым руководителем страны должен быть подготовлен положительный – иначе не нужна и встреча. Отрицательный ответ готовить было не надо – он всегда готов.

Конечно, вся встреча проведена и в режиме проверки серьезности намерений делегации: не зря же здесь, как и у Копенкина, отмечается, что делегация ставит вопрос более жестко и настойчиво. Это, видимо, и не позволило принимавшим делегацию повторить тактику, использованную Микояном – члены делегации как один говорили о восстановлении республики, показывая, что проблемы у советских немцев связаны именно с отсутствием у них республики.

Даже то, что они говорили в основном о трудностях, связанных с решением проблемы, выглядит порой так, будто они хотели услышать от нас контраргументы. И то, что для решения вопроса его нужно предварительно хорошо изучить, что все будет доложено ЦК и что Правительство должно будет еще раз собраться – эти заявления никак нельзя рассматривать как стремление уйти от поставленных делегацией вопросов. Даже вопрос о

представительности делегации, возникший в ходе беседы, производит впечатление, что работникам ЦК нужны были конкретные аргументы больше для информации вышестоящего начальства, чем для себя.

И еще один момент позволял говорить о серьезности подхода к нашей проблеме. Дело в том, что в текст сделанной тогда записи беседы вошло не все. Когда официально беседа была закончена, она продолжалась еще минут тридцать, но уже стоя, группами, образовавшимися вокруг каждого из работников ЦК. В той группе, в которой находился я, нам был задан такой вопрос: «А как вы смотрите на то, если создать автономию в другом месте?»

Надо ли говорить, какое значение имел этот вопрос для нашего будущего? Ведь если на Волге так и не разрешат восстановить республику, то мы не получим ничего, и народу остается только исчезнуть.

Но те, кто допускал иной вариант (лучше где-то, чем нигде), был связан обещанием и подписью: только Волга! А те, кто об иных вариантах не допускал и мысли (Волга или нигде), ответили сразу: нет, Волга или вечная ссылка...

Между тем время шло, ответа по существу наших обращений и заявлений все не было. С одной стороны, мы понимали, что быстрым ответом может быть только отрицательный ответ; с другой – у членов делегации заканчивались отпуска и деньги, было неясно, сколько еще ждать, и никаких больше встреч и приемов тоже не было.

В конце месяца мы дали Микояну еще одну телеграмму с просьбой о встрече. Подписали все оставшиеся – 13 человек. Из чего видно, что нас оставалось немного. Сможет ли кто-нибудь еще подъехать? Мы решили также попытаться найти в Москве тех, кто мог бы присоединиться к нашей делегации. Связались еще раз с Александром Дотцем, старым большевиком (ему было за 80), первым председателем городского Совета в Марксштадте. Разыскали в Подмосковье в Доме старых большевиков Анну Пауль-Хорст, комсомолку 20-х годов, бывшего ректора Немпединститута в Энгельсе – ей тогда было лет 65. Несмотря на пережитое, вся седая, она сохранила удивительный заряд энергии и жизнелюбия, носила короткую стрижку времен ее комсомольской юности. Как-то мы поехали с ней на знаменитое Новодевичье кладбище, и там она, пройдя к могиле Маяковского, вдруг неожиданно прочитала его известные стихи:

Мне и рубля не накопили строчки...

И кроме свежевымытой сорочки,

Скажу по совести, мне ничего не надо.

Видимо, бессребренничество в пору ее юности было не только неизбежностью, но и моральной нормой, иначе она вряд ли запомнила бы эти строки.

Решили мы и попытаться через газеты и журналы добиться какой-нибудь публикации о проблемах советских немцев. В частности, мы с Варкентиним сходили в редакцию популярнейшего тогда журнала «Новый мир», где нас приняли очень приветливо и сказали, что редакция сама выступить по такому вопросу не может, но если у нас есть что-то подходящее для публикации, пусть и художественное произведение, то журнал готов помочь. У нас, естественно, ничего не было, и мы договорились, что когда будет что-то написано, мы придем.

6 июля нам стало известно, что 7-го нас примет Микоян. В этот день было очень жарко, а прием был назначен на 14 часов. Вдобавок транспортная развязка у Савеловского вокзала напротив редакции тогда только еще строилась, все движение в тот день было перекрыто, и нам пришлось идти пешком по раскаленной улице Новослободской. Со стороны мы производили, наверное, очень необычное впечатление. Нас было 19 человек; мужчины, несмотря на жару, были в костюмах и галстуках; выглядели мы явно не по-московски.

Но центральной фигурой в нашей растянувшейся веренице был, конечно, Шесслер – на костылях, в своей серой, местами темной от пота рубашке на выпуск, с блестящим лысым черепом и спокойным, упорным взглядом чуть исподлобья детски чистых, ясных, не знающих сомнения, голубых глаз. Еще двое держали под руки А. Дотца, которому вряд ли было легче идти, чем Шесслеру.

В Кремле нас привели всех в очень большой кабинет, предложили сесть за длинный стол, стоявший посредине. За нами вдоль стен сели несколько плечистых незнакомых нам молодых людей. Наступила напряженная тишина. Сейчас должно все решиться: не могли же нам еще раз назначить прием у Микояна, чтобы вторично сказать «нет»! И вместе с тем никакого ощущения предстоящей радости... В этой гнетущей тишине вдруг раздался громкий голос А. Пауль-Хорст: «Не робей, ребята! Mir welle polutschaje, was uns polagajetse!». Поняли ли сидящие за нами, почему вдруг все не очень весело засмеялись?

Вскоре зашел тот, кто должен был объявить нам дальнейшую судьбу нашего народа. Сухонький, серенький, он просто и спокойно поздоровался и сразу перешел к делу. Во время всего разговора он ни разу не присел – все ходил по кабинету: подражание Сталину или просто естественная потребность в движении при малоподвижной работе? С ним вошло еще несколько человек, которые заняли места за столом, стоявшим поперек в конце нашего длинного стола.

В более сжатой форме мы повторили основные наши требования и аргументы, высказанные на приеме в ЦК. Они были серьезны. И вывод из них был серьезен:

«Все народы Советского Союза имеют свою государственность, только советские немцы не имеют ее. Закономерно возникает вопрос: являемся ли мы советским народом? Согласно Конституции СССР мы имеем право на автономию. Почему же ее у нас нет? Почему в отношении всех советских народов соблюдаются положения ленинской национальной политики, а в отношении советских немцев они нарушаются? Выходит, в ленинское учение нужно внести поправку: все нации равноправны, кроме советских немцев. Мы не можем совместить положение советских немцев ни с ленинской национальной политикой, ни с Конституцией СССР, ни с Программой КПСС».

Микоян и на этот раз умело переводил разговор с главного вопроса на третьестепенные. Так, он удивился, что у нас нет национальных школ, что в «Нойес лебен» практически не работают немцы; он попросил рассказать о конкретных фактах дискриминации, и о том, какие публикации были против советских немцев, и долго слушал длинный перечень таких фактов...

Ответ его на все услышанное был короток: «Думаю, высказываний было достаточно. Советские немцы вели себя хорошо во время войны, после войны и ведут себя хорошо сейчас. Они хорошо работают. Сейчас в Целинном крае (тогда ряд областей северного и центрального Казахстана) без немцев вести сельское хозяйство невозможно.

У вас есть депутаты. В Верховном Совете – Беккер. Конечно, этого мало, теперь будет увеличено их число.

Полная реабилитация немцев есть. Вы ставите вопрос о восстановлении республики. Мы хорошо понимаем, что это было бы лучшим решением вашего вопроса. Но это невозможно, т.к. нужно взять полмиллиона человек и переселить их.

Нельзя считать, что немцы не могут жить без республики. Ведь две трети немцев до войны жили не в республике и жили хорошо. Мы не можем сейчас восстановить республику. Это связано с большими трудностями. Не все исправимо, что допущено в истории. Что касается школ, газет – этого, конечно, мало. Будем создавать самодеятельность, издавать газеты, создавать школы. О том, что намечается сделать, будут говорить представители разных министерств».

Это был, конечно, сокрушительный удар по нашим ожиданиям. Все-таки после двух серьезных встреч, особенно после встречи в ЦК, после такой массовой делегации и такого долгого пребывания в Москве мы надея-

лись, что вопрос будет решен. Да и как можно было предположить, что Микоян примет представителей советских немцев второй раз, чтобы опять отказать? Хуже того: результат второй встречи был даже меньшим, чем у первой делегации – тогда он обещал и снятие запрета на прописку, и публикацию Указа, пусть в изложении, в русских газетах. Мы сидели убитые, и то, что говорили «представители министерств», уже почти не имело значения...

В конце он еще раз повторил: «Мы не можем пойти на восстановление республики на Волге при существующем положении, потому что это вызовет огромные экономические затраты, но в отношении культурных потребностей мы пойдем навстречу. Что касается отдельных беззаконий – в аппаратах есть неправильно действующие люди. Если у вас есть факты плохого отношения к вам, здесь сидит товарищ, можете передать ему. Мы будем вмешиваться. Желаю вам успехов. До свидания».

Прием длился 1 час 40 минут.

...Прошло 38 лет с того приема. И за два дня до того, как я пишу о нем, у меня состоялась встреча с В. А. Михайловым, бывшим министром по делам национальностей Российской Федерации, с которым мы знакомы еще с того времени, когда он в годы перестройки был приглашен на работу в ЦК КПСС заниматься национальными вопросами. Ученый, доктор наук, знающий проблему российских немцев, пожалуй, лучше всех из официальных лиц России, он много помогал нам и тогда, и позже, когда возглавил Миннац. Я затронул тему российских немцев, и Михайлов рассказал следующее.

В 1960-х годах он был очень близко знаком с А. Аджубеем, зятем Хрущева. Михайлов, по своей работе в Казахстане соприкасавшийся с немецкой проблемой, как-то спросил Аджубея, почему же не была восстановлена автономия немцев вместе с автономиями других репрессированных народов? Аджубей ответил, что в подготовленном проекте указа были все, но в вышедшем указе советских немцев уже не было. Оказалось, Хрущева отговорил вернуть республику немцам... Микоян.

Какие причины подвигли его это сделать, теперь можно только предполагать. Была ли это забота о том, чтобы не лишать экономику Сибири и Казахстана очень нужных там немецких рабочих рук; были ли это опасения, что немцы, вернувшись к своим заселенным домам, не удержатся от эмоций; или это была память о чем-то личном, связанном с немцами в многогранной и туманно-изворотливой жизни всегда остававшегося на плаву политика – вряд ли уже когда-нибудь прояснится...

Есть еще один любопытный момент. В конце 2002 г. с задержкой на целый год вышел наконец второй том книги А. Солженицина «Двести лет вместе», охватывающий советский период истории еврейства в России. В нем приведена информация о том, что наряду с проектом создания еврейской республики в Крыму (эта идея 20-х годов была особенно активизирована после выселения крымских татар; была ли она в какой-то степени и причиной их выселения, об этом в книге ничего не говорится), «в Еврейском Антифашистском Комитете был и другой проект: основать Еврейскую республику на месте высланной республики немцев Поволжья (где ... образовались еврейские поселения после ссылки немцев). Эстер Маркиш, вдова члена ЕАК Переца Маркиша, подтверждает, что Маркиш подавал письмо по поводу передачи евреям бывшей республики немцев Поволжья»⁴.

Могли ли сказаться эти планы на невозможности АССР НП, на запрете немцам возвращаться на Волгу, который официально существовал до 1972 года, а на практике и много лет после этого; в частности, оставались ли после войны, и как долго, «еврейские поселения» в бывших селах выселенной немецкой республики – над этими вопросами могли бы поработать историки. Как и над тем, мог ли повлиять каким-либо образом этот неожиданный для нас аспект на позицию Микояна в 1957-м, а затем и в 1965 году.

Во всяком случае, то, что именно противник реабилитации советских немцев и восстановления их автономии Микоян принимал обе их делегации по поручению или по собственной инициативе, чтобы не допустить иного решения, чем обеспечил он в 1957, позволяет сегодня сказать, что другого результата у этих встреч и не могло быть.

Собственно, если повнимательнее отнестись к тому, как обе делегации доходили до Микояна, то возникает немало вопросов. Так, первая делегация сдала свое Заявление на имя Брежнева и Микояна 9 января. 10 января было воскресенье. А 11-го, самое позднее после обеда, было уже принято решение о приеме у Микояна 12-го утром, и делегатов разыскивали вечером в гостиницах, чтобы этот прием состоялся. Чем можно объяснить такую спешку? Нужна ли она была властям в нормальной ситуации? Тем более, чтобы дать отрицательный ответ? И на высшем уровне? Ведь на высшем уровне ходок, чтобы отказать, не принимают.

Вопросы возникают и в связи с приемом второй делегации. В самом деле, чтобы отказать, не нужен был на таком уровне даже первый прием, а тут снова принимают на этом же уровне, лишь чтобы повторить данный ранее отказ. Такого в политике не бывает. Для этого второй прием вообще был не нужен. Не нужен был и самому Микояну: глава государства не сотрудник

приемной, чтобы снова и снова часами выслушивать одно и то же от назойливых посетителей и устало повторять им «нельзя».

Но прием очень нужен был Микояну в том случае, и только в том, если он действительно опасался, что кто-то другой из руководства страны мог подержать идею восстановления нашей автономии. И тут лучшим способом не допустить это было, конечно, принять делегации самому. Если бы отказ был дан руководителем более низкого ранга, то делегации могли добиваться приема дальше, в том числе в ЦК и у Брежнева, где как правило и решались все вопросы. Прием же у Микояна означал фактически прием на высшем уровне и таким образом лишал делегации возможности еще какого-либо приема, даже у Брежнева. В этом смысле оба приема выглядят даже как-то нечистоплотно.

Однако существовала ли реальная «опасность» восстановления республики? Трудно сегодня об этом говорить, но судя по тому, где и как принимали делегации и что при этом говорилось, исключать возможность положительного рассмотрения этого вопроса никак нельзя.

Вспомним, какая разница в уровне и содержании встреч была по линии Микояна – линии Президиума Верховного Совета, и по линии ЦК КПСС. Если в Президиуме дальше Приемной никто с делегатами не говорил, и только в «рамках Указа», то первая же встреча в ЦК была на уровне руководства ряда ведущих отделов! И ответ, который там дали делегатам, тоже никак нельзя было воспринимать как отказ: «Нужно изучить вопрос», «Нужно посчитать расходы» (на восстановление республики), «Правительство должно еще раз собраться», «Для этого потребуется время», «Дайте нам время». Чтобы отказать, в ЦК тем более могли ограничиться уровнем Приемной.

Не было ли такое «уважение» Микояна к немцам, в отношении которых только что вышел Указ, где «все сказано», обусловлено именно тем, что по линии ЦК проявлялся серьезный подход? Была ли «оперативность» Микояна, особенно с приемом первой делегации такой, если бы мы не обратились параллельно в ЦК?

Конечно, то, что делегации дважды принял именно Микоян, исключало возможность приема у Брежнева. Но мог ли Микоян единолично принимать решение по такому вопросу, ведь тогда без согласования с ЦК никто решений не принимал? Но и тут особых проблем не было: многоопытный в интригах Анастас Иванович мог, как в свое время Хрущеву, убедительно объяснить и Брежневу, например, что восстанавливать АССР НП никак нельзя, потому что тогда полмиллиона немцев уедут из Целинного края, и героиче-

ское дело освоения Целины, в которое дорогой товарищ Леонид Ильич вложил, будучи секретарем ЦК Казахстана, так много сил и дальновидной мудрости, рухнет, что очень повредит высокому и заслуженному авторитету любимого всеми Леонида Ильича...

Но это сейчас, спустя столько лет, можно пытаться логически рассуждать о том, что было. Тогда же нас не покидало чувство оскорбленности и оплеванности, а также абсурдности произошедшего, противоречия всему, чем руководствовались мы и чем должно было руководствоваться государство. Мы решили написать Микояну письмо. Мы не могли просто так уехать, не написав ему, – это значило бы молча утереться. Мы понимали также, что обида, оскорбление нанесены всем советским немцам, и оставить это без ответа мы не имеем права – это деморализует весь наш народ.

Подготовить проект письма было, «согласно обязанностям», поручено мне, но сделали мы это вместе с Варкентиним. Видимо, все члены делегации были наполнены одним чувством, потому что после некоторых незначительных, в основном смягчающих поправок текст был одобрен. На следующий день мы его отправили сразу по нескольким адресам. Привожу это письмо полностью:

*«Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Тов. Микояну А. И.*

*Копии: т.т. Брежневу Л. И., Суслову М. А., Шелепину
А. Н., Косыгину А. Н., Пейве Я. В.*

*от делегации советских немцев, принятой 7 июля 1965 г.
по вопросу о восстановлении АССР НП.*

Уважаемый Анастас Иванович!

Так как на приеме мы были лишены возможности выразить свое мнение в ответ на Ваши слова, мы решили сделать это письменно.

Мы ни в коей мере не удовлетворены результатами приема. Народ послал нас к Правительству не за газетами, не за кружками самодеятельности, а добиваться полной реабилитации двух миллионов человек, установления их равноправия с другими гражданами СССР и восстановления их государственности – бывшей Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья. Ни на одно из этих требований мы ответа не получили.

Вы сказали, что Указ от 29 августа 1964 года сделал советских немцев равноправными гражданами СССР. Это утверждение не соответствует

действительности, т.к. мы ставим вопрос не о правах отдельных граждан, а о равноправии национальном, без которого не может быть подлинного гражданского равноправия.

Указ от 29 августа 1964 года вносит лишь изменения в Указ от 28 августа 1941 года и снимает с советских немцев клеветнические обвинения в пособничестве фашизму, на основании которых ликвидация Республики немцев Поволжья была актом грубого произвола и преступлением перед советско-немецким народом.

Указ снял политическое обвинение с советских немцев, но не изменил их положения и полностью оставил наказание за мнимую вину. Ни один из указов, на основании которых невинный народ подвергался репрессии, еще не отменен. Согласно Указу от 26 ноября 1948 года мы являемся вечными ссыльными, согласно Указу от 13 декабря 1955 года мы не имеем права возвращаться в родные места. Где же здесь равноправие?

Если передать смысл Указа от 29 августа 1964 года образно, получится так: человеку, осужденному за самое тяжкое преступление и сидящему в тюрьме уже 23 года, говорят: «Ты осужден по ошибке, ты не виноват. Но так как ты привык быть здесь, «укоренился», то и оставайся тут».

Разве это реабилитация? Разве это восстановление в правах?

Вы сказали нам, что немцы всегда трудились и трудятся хорошо, но республика немцев Поволжья не может быть восстановлена, так как отъездом немцев из районов, где они сейчас работают, будет нанесен урон народному хозяйству. Таким образом, два миллиона человек, отдающих все силы на укрепление своего государства, обрекаются этим государством на вымирание как национальности. Из них хотят выхолостить все, что еще указывает на их принадлежность к нации, так как это будто бы мешает их работе.

Отсюда можно сделать только один вывод: к советским немцам относятся потребительски, пренебрегая их национальными чаяниями.

То, что записано в Конституции СССР и Программе КПСС о равноправии наций и языков, к советским немцам не применяется, так как это «может нанести урон экономике».

Ленинская национальная политика к советским немцам не применяется, так как это «может нанести урон экономике».

Вы сказали, что две трети советских немцев жили вне автономной республики и жили хорошо, следовательно не обязательно советским немцам иметь теперь свою автономию. Но разве не ясно, что немцы, жившие вне республики, жили хорошо только потому, что такая республика была, что у

них было свое государство, которое всесторонне заботилось и о них, помогая в вопросах культуры и образования, в хозяйственном строительстве? Республика немцев Поволжья была кузницей кадров для всех остальных немецких районов, была живым воплощением политического равноправия советских немцев.

Что означает ряд жалких мероприятий, проектируемых в области культуры и просвещения?

Во-первых, при нынешней разбросанности советских немцев эти мероприятия обречены на провал.

Во-вторых, даже при наиболее полном их осуществлении они, в лучшем случае, явились бы лишь частью программы культурно-национальной автономии. А нам нужна не культурно-национальная автономия, а государство. Мы – советские люди, коммунисты, а не бундовцы, и бундовская программа по национальному вопросу нам не нужна.

Такова юридическая основа политического неравноправия одной из советских национальностей. Но повседневный быт советских немцев, отношение к ним других народов нашей страны определяются не только антиленинскими, геноцидными указами от 1941-го, 1948-го и 1955 годов, но и психологическим наследием военных лет вообще. Никогда советские люди не забудут жертв Великой Отечественной войны, никогда не простят жутких злодеяний фашизма. И не должны простить! Но этот праведный гнев, эта великая ненависть необоснованно направляются и против советских немцев.

И так будет до тех пор, пока не последует акт о восстановлении нашей советской национальной государственности. Тут не помогут ни жалкие кружки самодеятельности, ни центральная газета на немецком языке. Вот уже восемь лет этот орган, помимо выполнения своих прямых функций, пытается бороться против тех или иных случаев грубого произвола, взятых каждый раз в отдельности. Но эти попытки остаются и останутся донкихотской борьбой с ветряными мельницами, ибо это – борьба с отдельными проявлениями зла, с единичными результатами постоянно действующих причин. А корень зла в противоречивости, в ложности положения советских немцев.

В то время как ГДР с момента ее образования обласкана Советским Союзом всяческим вниманием и заботами, советские немцы до сих пор расхлебывают моральные последствия войны. Можно подумать, что фашисты были не в Германии, а среди советских немцев.

Время от времени, например, по поводу посылок из-за границы, на местах организуются шумные кампании под девизом: «Они – наши, свои, советские». Между тем как вот уже четверть века ни в одном русском печат-

ном издании, в том числе и в полусекретном Указе от 29 августа 1964 года, наши немцы не признаются советским народом. Центральная печать вообще забыла о нашем существовании, если не считать двух безобразных статей в газете «Труд» (от 31.01.1965 г. и от 22.06.1965 г.).

Все народы, огульно обвиненные и репрессированные во время Отечественной войны, были полностью реабилитированы XX съездом. Почему же советские немцы до сих пор остаются пасынками?

Для зарубежных туристов и журналистов возводятся разные потемкинские деревни, вплоть до лживого утверждения о том, что все немецкие дети у нас учатся в национальных школах, а на деле с молчаливого согласия высоких инстанций повсеместно умышленно срывается осуществление даже самых куцых полумер.

Устами Председателя Президиума Верховного Совета СССР воздается высокая хвала трудолюбию, сознательности и дисциплине советских немцев, а между тем именно эти исторически сложившиеся традиции разрушаются повседневно, сознательно и весьма эффективно. Ведь разложение, распад любого народа неизбежно сопровождается его моральной деградацией.

Сотни тысяч людей обращают взоры, полные надежды и веры в правду, к Кремлю, ибо стоит роковой вопрос – быть или не быть одному из советских народов, а в ответ совершенно официально предлагается убогая «программа» культуртрегерства, которая к тому же пестрит формулировками вроде: «намечается», «при наличии возможности», «по желанию». Мы-то знаем цену этим оговоркам!

Делегация советских немцев принимается в ЦК партии и в Президиуме Верховного Совета СССР, а члены делегации и помощники ее на местах подвергаются открытым угрозам и даже увольнению «за разжигание национальных страстей».

Но чему бы Вы, Анастас Иванович, посвятили свою жизнь, если бы Берия в один из черных дней своего всевластья разогнал Армению?

Пока мы будем считать и чувствовать себя советскими людьми, пока мы не утратили своей веры в Партию, в торжество исторической справедливости, в полную победу ленинских начал нашей жизни, до тех самых пор мы, советские немцы, не признаем нынешнего положения правомерным, нормальным или хотя бы терпимым, и будем считать своим гражданским долгом до конца отстаивать принципы ленинской национальной политики.

Мы не виноваты в людоедстве Гитлера, не виноваты в реваншизме его последышей, не виноваты в бесконечных осложнениях международного положения. Мы также не повинны в хронической лихорадке, которая трясет наше

сельское хозяйство, не повинны в том, что восстановление республики упирается, как нам было заявлено с предельной откровенностью, в проблему экономических расходов. Не мы создали эту проблему, да и совершенно ясно, что не она должна быть определяющей в социалистической национальной политике. А уж если говорить об этой проблеме, то ясно также и то, что все затраты на восстановление АССР НП за несколько лет окупятся с лихвой.

Мы совершенно и неоспоримо правы в своем требовании, и Вы, Анастас Иванович, сами признали это. Ведь Вы нам сказали, что наши «стремления вполне понятны» и что восстановление автономии «было бы лучшим выходом». Так кто же согласится с Вашим утверждением, что не все ошибки, допущенные историей, могут быть исправлены? Да, по отношению к мертвым, к бессмысленно загубленным, ошибки не исправишь. Но жива и будет жить Советская власть! И пока жив народ, с которым обошлись несправедливо, допущенную ошибку можно и нужно исправить.

Единственно справедливым решением нашего вопроса является отмена всех порочащих нас указов и возрождение нашей национальной государственности, т.е. восстановление автономной республики немцев Поволжья.

Ленинская правда восторжествует – мы верим в это!

Москва, 9 июля 1965 года.

Подписи: Шесслер Ф., Вормсбехер Г. Ф., Кайзер, Лерх, Фогель, Вельц, Гинц, Вормсбехер Г.Г., Хромова, Штейнбах, Сиптиц, Варкентин, Гиршфельд, Гребер»⁵.

В течение того же дня было подготовлено 6 первых экземпляров этого письма (нельзя же было посылать высшему руководству страны вторые экземпляры!), и на следующий день, 10 июля, оно было отправлено.

Проявила ли редакция «Нойес лебен» сама такое мужество, чтобы отпечатать у себя это письмо, или согласовала с соответствующими органами, что вероятнее, – нам точно известно не было. Но размножить это письмо редакция отказалась – дала только по экземпляру участникам встречи. Нужно также сказать, что в процессе отношений между делегацией и редакцией – а это было в основном моей обязанностью при печатании наших документов нам несколько раз настоятельно советовали снять резкости, чтобы не ставить редакцию под удар. Позже, когда мы начали готовить новую поездку, нам стало известно, что редакции запретили принимать очередную делегацию, предоставлять ей помещение для работы и помогать ей даже с машинописью. Значит, для нас разрешение, или указание, было?

Письмо это имело большое значение не только для нас, членов делегации, для нашего чувства самоуважения, для осознания того, что мы не стерпели молча самоуверенную бесцеремонность, пусть и главы государства, по отношению к людям, с искренней верой в справедливость приехавшим к руководству страны по поручению своего народа. Это письмо позволило нам еще раз, максимально концентрированно, показать, что наша позиция, наши требования не только не противоречат официальной идеологии и законодательству, но полностью им соответствуют, являются фактически их выражением. Наши чаяния полностью соответствуют и неприкосновенным тогда ленинским принципам национальной политики, и основному закону государства – Конституции, и идеологии монополюльно правящей партии, Программе КПСС.

Письмо позволило также показать, что позиция официальных властей по отношению к советским немцам, как и аргументы главы государства, не только не соответствуют незыблемым основам самого государства, но и противоречат им, являются их кричащим нарушением. Логика доказательства этого несоответствия, аргументы, приведенные членами делегации, были фактически неопровержимы. Эти аргументы, выраженные и зафиксированные в Письме, укрепили и нас самих еще больше в сознании собственной правоты. После такого приема это тоже имело немалое значение: вместо уныния и депрессии, вместо чувства бессилия и безнадёжности, которые без, сомнения, могли после этого приема овладеть нами, а также советскими немцами на местах, мы смогли мобилизоваться и выработать прочную основу для дальнейших наших действий.

Мы «проиграли сражение», но вышли из этого «сражения» более опытными, умелыми, стойкими и еще более убежденными в своей правоте и правильности своих действий. Мы даже добились признания правильности наших требований на высшем уровне. Более того, мы добились прямых доказательств противозаконности игнорирования властями наших требований. И теперь каждый, прочитав материалы делегаций или хотя бы это письмо, мог прийти к выводу о том, что требование восстановления нашей государственности является законным, что восстановление ее признается самим руководством страны «лучшим выходом» и что участие в движении за восстановление государственности не должно преследоваться, о чем было тоже сказано на высшем уровне.

Можно сказать, что это письмо, это выражение единой боли и единого протеста всей делегации, этот обогащенный уран всех остальных материалов делегаций, стало как бы ядерным топливом для нашего нацио-

нального движения в дальнейшем. Содержащиеся в нем глубокая и горячая тревога о будущем народа, уверенность в законности своих действий, мощный протест против нарушений властью собственных законов и правил помогали потом многим, вселяя энергию и уверенность в трудные минуты, зовя к действию.

Даже на представителей советских и партийных органов, которым приходилось потом заниматься членами делегации и нашей проблемой, письмо это неизменно производило впечатление. Недаром же два месяца после возвращения нас, например, в Алма-Ате практически не трогали, хотя мы сразу передали все материалы делегации в ЦК КП Казахстана, и там состоялся с нами вполне нормальный, даже заинтересованный, разговор.

Мы имели благодаря этому письму и право честно смотреть в глаза тем людям, которые помогали в подготовке делегации, которые ждали 56 дней результатов и перед которыми нам приходилось теперь выступать: они видели, что их интересы, их честь защищали достойно.

И пусть сегодня никого не смущает такое эмоциональное выражение в письме веры в ленинские принципы, в советскую власть, в дело партии.

Во-первых, эти фундаментальные для той системы положения были прочной опорой и для наших требований.

Во-вторых, именно этим основам государства противоречили действия государства в решении нашего вопроса.

В-третьих, эти принципы, эти идеи, эти основы, которые были оружием власти, мы сделали нашим самым сильным и неотразимым оружием против власти.

В-четвертых, в те времена, в той системе никто не мог действовать, тем более в национальном вопросе, с других позиций. Наша сила, наша убедительность, наша неопровержимость заключались как раз в том, что мы были правы с точки зрения самого государства, что мы действовали строго в рамках его законов и идеологии, вполне достаточных для оправдания наших действий. И протест наш, наши аргументы тоже опирались на идеологические, политические и законодательные основы самого государства.

Можно сказать, что мы выступили фактически как защитники этих государственных основ от их несоблюдения и нарушения руководством страны. И эти нарушения мы во многом персонифицировали в одной личности – Микояне, формально не обвиняя всю политическую систему и ее идеологию, не трогая других руководителей государства, а даже как бы обращаясь к ним за поддержкой и защитой этих основ...

27 июля последние делегаты разъехались по домам, договорившись о дальнейших действиях и о том, что если до предстоявшего в начале следующего года Пленума ЦК КПСС наш вопрос не будет решен, то будет организована третья делегация. Однако организовать ее удалось только через 23 года...

О значении первых делегаций советских немцев, приехавших в Москву. Когда усилия, даже огромные, не приносят нужного результата, о них обычно не говорят и постепенно забывают. Это несправедливо, потому что за этими усилиями – вера, надежда, самопожертвование, нередко драмы и трагедии сотен и тысяч людей, исковерканное будущее, сломанные души. В итоге этих усилий не было только таких, кто был бы счастлив. Ни одного. И это тем больше должно бы вызывать уважение к людям, знавшим, на что они шли, знавшим, что их ожидает, и тем не менее пошедшим на это.

Достоинство особого уважения то, что члены делегации, несмотря на пережитые репрессии, несмотря на свой иногда очень немолодой возраст и далеко не цветущее здоровье, с таким высоким чувством ответственности боролись за общее дело, когда многие и многие осторожно наблюдали за их действиями издалека.

Мы не имеем нашей республики и сегодня, через почти 40 лет, прошедших с того времени. И естественно возникает вопрос: а стоило ли всем этим тогда заниматься? Стоило ли снова ставить под удар понемногу успокоившуюся жизнь «укоренившихся» в местах высылки немцев? Стоило ли опять привлекать внимание к ним – к людям, которые внутренне еще не отошли ни от репрессий, ни от ужасов трудармии, ни от спецкомендатуры, и пугливо озирались при любом громком слове? В том, что о них чуть подзабыли, что они могли без конвоя ходить на работу, что они могли даже ездить теперь в гости друг к другу, постепенно находя своих родственников, раскиданных выселением и трудармией, было ведь по сравнению с еще совсем недавними годами определенное счастье.

И пусть продолжалась жесткая дискриминация по национальному признаку, пусть выше колхозного бригадира немцу трудно было подняться в своей «карьере», пусть получить высшее образование немцу было в десять раз труднее, чем представителям других национальностей, пусть поколение отцов, обращаясь к своим детям по-прежнему по-немецки, получало теперь ответы только по-русски, пусть не было немецких школ, книг, газет, театров, общественной и национальной жизни – все же никто немцев никуда больше

не выселял, открыто не преследовал, никто из немцев не умирал с голоду, дети могли ходить в школу, пусть все больше отдалявшую их от своего народа. И даже в разбросанности проживания и отсюда в межнациональных браках и быстрой ассимиляции некоторые находили «положительное»: детей из этих браков можно было записать русскими и таким образом избавить от дискриминации в будущем – «лучше быть с русским именем, чем вечно преследуемым». И вот теперь этот процесс ухода из-под надзора опять нарушен, опять внимание властей привлечено к «этим немцам»...

Но многие хорошо понимали и то, что если ничего не изменится, то через одно – два поколения с российскими немцами будет покончено. Многие не могли смириться и с несправедливостью, с оскорблениями, которые выпали на долю народа – на каждого его представителя, от глубокого старика до грудного младенца. Чувство собственного достоинства, горячее желание избавиться от незаслуженного клейма предателя родины, стремление добиться равноправия с другими советскими людьми, чтобы не жить вечно с втянутой в плечи головой, под подозрительными взглядами соседей и товарищей по работе – для многих это было не менее, а часто и более важно, чем потихоньку налаживающаяся вегетативная жизнь. И главное – речь шла о будущем народа. Если бы среди советских немцев не нашлось никого, кто – после реабилитации других репрессированных народов, после снятия несправедливых обвинений с советских немцев – не сделал бы всего, чтобы добиться реабилитации для своего народа и обнадеживающего будущего для него, это стало бы национальным позором.

Поэтому оставим вопрос о том, стоило или не стоило начинать тогда (как и потом) эту борьбу, тем, для кого любые действия имеют лишь тогда смысл, когда приносят личную выгоду. Для актива народа, для тех, кто не может мириться с унижением, кто не представляет своего будущего без будущего своего народа, этот вопрос никогда не стоит и выбора никогда нет: категорический императив всегда только один – действовать!

Две первые делегации, даже не приведя к нужной цели, имели большое значение.

1. Делегации показали, что в народе есть еще силы, готовые бороться за его будущее, за восстановление справедливости по отношению к нему, за его полную реабилитацию.

2. Делегации однозначно утвердили мнение, что без восстановления государственности будущего у народа быть не может.

3. Делегации не были организованы сверху или извне, они были порождены самим народом, они вышли из самых низов (впрочем, верхов у наро-

да и не было), несмотря даже на огромную разбросанность всех немцев по стране. Идея делегаций возникла одновременно в ряде регионов.

4. Делегации, несмотря на очень нелегкие тогда времена, были основательно поддержаны народом и морально, и подписями под обращениями, и материально, без этого они не могли бы состояться. То есть это были делегации самого народа.

5. Вторая делегация была многочисленная для того времени и для тех возможностей. Впервые она так долго находилась в Москве и так организовано, упорно, так жестко и грамотно ставила и отстаивала вопросы полной реабилитации народа.

6. Делегации наработали опыт, выработали эффективные формы действий, четкие убедительные аргументы и позицию, причем в рамках самой официальной идеологии, что позволило в диалоге с властью одержать несомненную победу.

7. Делегации показали неопровержимую правоту своих требований, что имело большое значение в дальнейшем и, наверняка, смягчило последовавшие репрессии.

8. Делегации выявили полное отсутствие убедительных аргументов у властей против восстановления государственности советских немцев, против требований народа; вместо аргументов власти вынуждены были использовать более привычный им метод решения спора – силу.

9. И первая, и вторая делегации заставили власти еще раз заняться изучением проблемы советских немцев, рассмотреть возможность восстановления АССР НП.

10. Делегации дали советским немцам богатый и ценный материал для грамотных действий в будущем; размноженный и распространенный, этот материал также сыграл большую роль.

11. Хотя делегации и не добились решения главного вопроса – восстановления государственности, – они добились все же принятия ряда мер, имевших в то время существенное значение: большего внимания к изучению немецкого языка как родного, расширения подготовки учителей родного языка, выпуска учебников, открытия издательства в Казахстане, создания новой ежедневной газеты («Фройндшафт») в Казахстане, пополнения редакции газеты «Нойес лебен» национальными кадрами, расширения радиопередач на немецком языке, выпуска книг немецких писателей и поэтов, публикации Указа от 29 августа 1964 года в «Нойес лебен». Пусть мы на приемах и в наших документах отвергали все это как полумеры и элементы национально-культурной автономии, но мы отвергали, чтобы нам не

предлагали это вместо республики; когда же вообще нет ничего, то такие «полумеры» тоже имеют значение – хотя бы для формирования национального кадрового потенциала, необходимого для дальнейшей борьбы.

12. Делегации показали, что слежка и надзор за нами, прежде предполагаемые, являются постоянными и жесткими, поэтому, если мы впредь хотели что-либо предпринять, это нужно было серьезно учитывать.

13. Сегодня можно с полным основанием сказать, что первая и вторая делегации (а их, по-моему, нельзя разделять – это единый по идеологии, цели, содержанию и во многом по участникам процесс, занимающий по времени отрезок с ноября 1964 по конец 1965 года) – это был наивысший взлет в национальном движении за все прошедшие с тех пор 40 лет:

- по убежденности и единству участников делегаций в главной цели;
- по их чувству ответственности за будущее народа;
- по их стойкости, мужеству, готовности к самопожертвованию;
- по их способности подняться над личными интересами ради интересов народа;
- по уровню организованности обеих делегаций, особенно второй;
- по живой, мощной связи делегаций с еще недалеко ушедшим прошлым и живым настоящим народа;
- по глубине и мощи оказанной делегациям народной поддержки;
- по политической грамотности подготовленных документов и выступлений, по высокому уровню выражения в них интересов и чаяний народа;
- по уровню достигнутых официальных встреч;
- по значению и количеству вырванных у властей решений; и даже:
- по широте, масштабности и протяженности во времени последовавших репрессий.

Ни одна из последующих трех делегаций по всем этим характеристикам не сопоставима с первыми двумя. Даже все национальное движение, причем в совсем других, неопасных условиях, не достигало таких результатов, хотя имело и официально зарегистрированные массовые организации, и постоянно расположенные в Москве офисы, и штатных сотрудников, и выборные представительные органы, и собственные средства массовой информации, и немалую материальную поддержку.

Превзойти по результатам первые две делегации смог только один общественный орган – это так последовательно замалчиваемый в движении российских немцев Оргкомитет по подготовке первого Съезда советских немцев. Может быть, кому-нибудь когда-нибудь удастся написать и о нем.

Но Оргкомитет не был органом движения советских немцев, он не был делегацией. Это была структура, которая упорно преследовала главную цель – восстановление государственности советских немцев, не отступая от нее ни на шаг и не позволяя себя увести от нее. И в своей напряженнейшей, труднейшей работе она вынуждена была бороться, с одной стороны, против мощного, небывалого противодействия центральных и региональных властей; с другой, что было во много раз сложнее, – с невиданным разгулом демагогии и клеветы, организованных против Оргкомитета рядом тогдашних лидеров «национального движения» под руководством «друга российских немцев» полковника КГБ А. Кичихина...

Две первые делегации можно сравнить с протуберанцами – выбросами раскаленной плазмы на Солнце, – которые излучаемой энергией вызывают магнитные бури и изменения погоды на Земле. Протуберанцы народного мужества и надежд достигли самого Кремля, вызвав там заметные колебания и реакции. Их излучение, небывало мощное тогда, сильно влияло на движение российских немцев и потом, доходит и до сегодняшнего времени. В их плазме одни участники сгорели дотла, другие – получили облучение и ожоги на всю жизнь, третьи – еще больше закалились для будущих действий на благо своего народа, а некоторые, потеряв надежду, перебрались из зоны их облучения на более спокойные и благополучные территории.

Дальнейшее развитие событий. Вернувшись домой, члены делегации привезли с собой и материалы делегаций. Везде проходили встречи делегатов с немецким населением. Везде, несмотря на нерешенность главного вопроса, приходили к выводу, что надо действовать дальше, надо готовить третью делегацию, и готовить ее еще лучше. Комитет рекомендовал членам делегации проинформировать о работе делегаций, о состоявшихся официальных встречах местные партийные и советские органы, – нам нужно было показать, что мы действуем открыто, что нам нечего скрывать от официальных властей.

Власти нам на первых порах не мешали. Видимо, они просто не знали, как им на все это реагировать. С одной стороны, такая инициативность в таком щекотливом вопросе без каких-либо указаний сверху недопустима; с другой – люди дважды ездили в Москву, были приняты в ЦК и самим Председателем Президиума Верховного Совета. Хотя советским немцам и не дали республику, но пообещали многое сделать и даже заверили в том, что никаких преследований на местах за участие в делегациях не будет.

Но так было лишь на первых порах. Видимо, в Москве еще не выработали позицию по этому вопросу и не подготовили установки на места. Вскоре все пошло иначе.

От некоторых делегатов стали поступать письма, что их приглашали «для серьезного разговора», что участие в делегациях, сбор подписей и средств были расценены как впредь недопустимые, звучали обвинения в национализме и пр. Вскоре это все пришлось услышать и лично.

3 октября я зашел в очередной раз к И. Варкентину, он был необычно озабочен. Оказалось, что его вызвали к Генеральному Прокурору Казахстана, и ему надо уже фактически идти. Я предложил пойти вместе, он не возражал. Так и я получил возможность побеседовать с прокурором, его фамилия была Кудрявцев.

Оказалось, что он в этот день был во Фрунзе (видимо, знакомился с опытом в этом вопросе в Прокуратуре Киргизии), и на обратном пути заехал в поселок, где жил и преподавал в школе наш самый молодой член делегации Яша Ольферт. Как выяснилось, Яша в пылу революционной борьбы за правое дело своего народа подготовил и разбросал в своей школе какую-то листовку. Прокурор пообщался с Яшей целых три часа и узнал от него много нового: что должен быть создан фронт национального спасения, что нужен революционный комитет, что не помешает демонстрация на 7 ноября и т.д. После такого содержательного разговора прокурор и захотел, видимо, встретиться с Варкентином как более значимым человеком.

Прокурор, хотя и выразил удивление по поводу моего «добровольного» прихода, не возражал против моего участия в разговоре. А разговор он вел профессионально. Внешне вроде все было достаточно интеллигентно, но мы хорошо чувствовали, как постепенно все больше и больше нагнетается атмосфера. Когда уже становилось трудно дышать, прокурор разряжал ее какой-нибудь человеческой фразой или даже шуткой, чтобы затем снова, нагнетая обстановку, показать, какие последствия могут иметь действия, которые теперь за нами уже неотъемлемо числятся.

Несколько выводов мы должны были запомнить хорошо. Он согласен, что наши требования вполне естественны и законны, но хочет предупредить нас, чтобы мы и действовали в рамках законности. Ездить без разрешения по таким вопросам в Москву – законом не запрещено, но нежелательно. И работа с населением без ведома официальных органов – это нарушение. И собирание подписей под разными обращениями и воззваниями, проведение собраний и встреч с населением – это фактически наруше-

ние порядка. А собрание денег у людей на поездку делегаций – за это можно привлечь к уголовной ответственности, как и за распространение неофициальных материалов и листовок, за подготовку несанкционированных демонстраций и т.д.

Но основное, что отпечаталось в сознании на всю жизнь, – это его тезис о том, что никаких инициатив и никаких собраний подписей, никаких делегаций в общем-то не нужно вообще, потому что такие вопросы решаются совсем иначе.

«Неужели вы думаете, что руководству страны нужны ваши подписи и делегации? Если оно сочтет, что восстановить республику необходимо, оно примет решение, и уже назавтра газеты сообщат, что советские немцы как один с благодарностью одобряют это решение», – утверждал Кудрявцев.

Хотел ли он этой циничной откровенностью деморализовать нас, показать бессмысленность всех наших усилий? Или он, чтобы мы не навредили себе в будущем, пытался освободить нас от иллюзий?

«Беседа» – а говорил практически только он – длилась 4 часа 40 минут. На улице мы вышли измочаленные – мы побывали у профессионала...

А через несколько дней я был вызван в райком партии, Варкентин же как беспартийный – на заседание месткома профсоюза.

В школе у меня отняли преподавание физкультуры, что сразу лишало меня и семью возможности нормально существовать. А где-то в ноябре в Алма-Ату приехал из Москвы А. Шмелев, назначенный главным редактором создаваемой газеты «Фройндшафт». В «Нойес лебен» ему для новой редакции рекомендовали нескольких своих нештатных авторов из Казахстана, в т.ч. и меня. Шмелев пригласил меня для разговора, предложил перейти к нему в газету, которая будет размещена в Целинограде, где после снятия Хрущева был расформирован «Целинный край» и освобождалось много помещений. Мы договорились, что я как можно быстрее увольняюсь и переезжаю в Целиноград.

Препятствий моему увольнению, как ни странно, не было, хотя найти во время учебного года учителя немецкого языка, да еще в поселок в горах, в десяти километрах от города, было почти невозможно. И когда я уже уволился, и заказал контейнер для вещей, – вновь приехал Шмелев. На этот раз он сказал, что не сможет взять меня. Сегодня обо мне целых полчаса спорили на заседании Президиума ЦК КП Казахстана. Взять в редакцию «автономиста и националиста», который «будет ездить в командировки за счет редакции и собирать подписи за восстановление автономии», не разрешили...

Это была катастрофа: я уже без работы, жена тоже, у нас семья из четырех человек, жилплощадь от школы предстояло освободить, обратно в школу меня не возьмут. В общем, и оставаться нельзя, и уехать невозможно.

Обсудив ситуацию с Варкентином, мы пришли к выводу, что надо обратиться в отдел пропаганды ЦК КП Казахстана, где мы после возвращения из Москвы имели довольно деловую беседу. Принял меня русский сотрудник отдела П. Н. Константинов, интеллигентный и приветливый. Оказалось, что у заведующей отделом как раз были похороны отца, поэтому Константинов и принимал меня вместо нее. Выслушав меня, он выразил готовность решить этот вопрос под свою ответственность.

Перед отъездом я зашел попрощаться в школу. Старая учительница математики, когда мы остались наедине, призналась, что ей было предложено подслушивать, о чем я буду говорить по телефону (в школе был единственный на весь поселок телефон, по которому можно было позвонить в Алма-Ату и по которому я часто говорил с Варкентином), но она отказалась. Для такого отказа тогда тоже требовалось мужество. Значит, согласился кто-то другой...

Я написал так подробно о своих злоключениях не потому, что они были такие уж драматичные – у других, наверное, было не лучше, и далеко не всегда им встречался человек типа Константинова, – а потому, что даже на моем примере можно проследить, как начали преследовать членов делегации вопреки обещаниям ЦК и Микояна.

Коротко о судьбе ряда других членов делегаций.

Шесслера после возвращения из Москвы как-то вызвали в горком партии, туда же были приглашены несколько соответственно подготовленных немцев, которые выступили с обвинениями против него, его исключили из партии, произвели у него обыск, установили надзор. В последнее время Шесслер с трудом передвигался на костылях, часто падал, жене было трудно ухаживать за ним, и он попросился в дом инвалидов, где и умер. Жена потом вынуждена была пойти в дом престарелых, где тоже умерла.

Кайзер, когда Шесслера исключали из партии, был тяжело болен, долго лежал в больнице. Но надзор за домом, за супругой Кайзера был такой, что даже через 4 года после его смерти жена его, помогавшая в автономистских делах, вынуждена была продать дом и уехать.

Хромова и ряд других членов делегации из Киргизии после получения отказа в восстановлении республики решили добиваться выезда в ФРГ. Они составили обращение в ООН, копию в Верховный Совет СССР и, несмотря

на запрет КГБ, нелегально поехали в Москву. Там после передачи ими обращения в Приемную Президиума Верховного Совета СССР Хромова и его товарищей арестовали на квартире, где они остановились, подогнали автобус, отвезли в одиночные камеры, раздели догола, обыскали. В Киргизию хромов и его товарищей привезли обратно в сопровождении сотрудников милиции. Позже они все-таки выехали в ФРГ.

В Германию выехали О. Гертель (стал там со временем директором крупной образцовой средней школы, был награжден орденом, умер 26 апреля 1999 г. на 80-м году жизни), М. Штейнбах, Г. Михель, Я. Ольферт, значительно позже К. Видмайер.

К. Винтера, с его слов, «почти полгода таскали и в госбезопасность, и в прокуратуру, и в партийные органы Красноярска. При обыске изъяли все документы, даже фотографии».

Р.Кельн «за неправильное понимание национальной политики» получил выговор по партийной линии, но продолжал и дальше очень активно писать в Москву, требуя реабилитации советских немцев. В одном из своих последних писем, за два месяца до смерти в 1988 году, он сообщал одному из своих коллег на Волге в ответ на приглашение принять участие в очередной делегации, что сам, к сожалению, не может поехать, т.к. лежит в больнице; вместо него поедет другой. «Как долго я еще пробуду в больнице, неизвестно. Пишите мне, какие будут новости, моя дочь приносит мне все письма. Я очень надеюсь на успех в нашем святом деле. Желаю бодрости и удачи». Ему было 88 лет.

К. Вельц также был принят в редакцию «Фройндшафт», где мы с ним некоторое время работали в отделе литературы. Умер 9 июня 1991 года в возрасте 80 лет.

И. Варкентин вынужден был уйти из Академии наук Казахстана, где работал преподавателем, переехал в Уфу, оттуда был приглашен в редакцию «Нойес лебен», куда после 2-й делегации по решению ЦК было разрешено пригласить кадры немецкой национальности и когда к тому времени уже трое немцев было приглашено. Он проработал в газете до пенсии, затем уехал в ГДР, живет сегодня в Берлине, в свои 83 года активно занят литературным трудом.

В. Шнайдера я встречал позже несколько раз, он возглавлял где-то в Сибири электростанцию. Последний раз, когда приехал ко мне в Москву, он был заметно болен и все говорил о какой-то математической формуле, которую он изобрел и по которой может точно определить судьбу каждого человека. С тех пор прошло лет 15, больше вестей о нем ко мне не поступало.

В. Гинц имел большие сложности по работе в Контрольно-ревизионном управлении Минфина Казахстана, где он был ревизором. Его даже смогли поместить в психиатрическую больницу, но через свою жену он переправил мне в Москву заявление в ЦК о том, как поступили с ним. Мне удалось передать письмо по назначению. Он был выпущен. Приехал ко мне, чтобы пройти обследование для опровержения местных диагнозов. В 1979 году мы написали с ним два письма Л. И. Брежневу о восстановлении государственности советских немцев. Вскоре после этого он переехал в ГДР, где ему психологически тоже было очень нелегко, и через некоторое время умер там от сердечного приступа.

Я проработал во «Фройндшафт» пять лет, иногда публикуясь и в «Нойес лебен», куда мне потом предложили перейти на работу, и где я оказался последним из тех, кто был приглашен в качестве национальных кадров. Через 20 лет, с началом второй волны в нашем движении, я ушел из редакции, и с тех пор занят только проблемой российских немцев.

Вместо эпилога. В настоящее время на территории бывшего СССР из всех участников первых двух делегаций 1965 года остался я один, поэтому и счел своим долгом рассказать о событиях 1965 г. и о людях, проявивших тогда большое мужество, чтобы добиться восстановления справедливости для своего народа. Хотел бы выразить этим материалом и свое глубокое уважение к поколению наших отцов, показавшему нам тогда высокий пример исполнения своего долга перед своим народом.

Представители этого поколения были тогда как корни народного дерева, вырванного недавно из родной почвы. Эти корни были еще наполнены соками родной земли, и этих соков еще хватало на то, чтобы поддерживать в дереве затухающую жизнь, но не хватало, чтобы сохранить дерево растущим и цветущим. И эти корни пытались любым путем – пусть через одно лишь разрешение вернуться «домой» – добраться опять до родной почвы, зацепиться за нее, слиться с ней, чтобы ожить самим и оживить, спасти все дерево. Но и этого тогда не удалось.

Хватит ли теперь сил у полузасохшего дерева, лишившегося многих ветвей и листьев и многих-многих корней, чтобы обрести опять почву и ожить?

Впрочем вопрос должен быть поставлен совсем иначе: что сегодня мы должны сделать, чтобы дерево народное опять обрело почву, ожило, зазеленело, зашумело листвой и вновь стало плодоносить? Что нужно сегодняшнему поколению, уже в совершенно безопасных условиях, когда даже не требуется никакого мужества, что нужно ему кроме простого чувства долга перед своим народом, кроме чувства ответственности за его буду-

щее и кроме неприятия вопиющей несправедливости по отношению к его народу, длящейся уже 60 лет, чтобы – ничем не рискуя! – добиться, наконец, решения этого вопроса?

Этот вопрос, который не удалось решить тогда, в закоряченной системе закоряченной идеологии; не удалось решить в ходе крушения этой закоряченной системы; не удалось решить в процессе оголтелого мародерского разграбления великой и богатой, и оттого бесконечно трагичной, страны и ее народа; не удалось решить во время мучительного пребывания страны в состоянии клинической смерти. Что нужно, чтобы сделать это сегодня, после вывода страны из клинической смерти, в ходе сдерживаемой ее реанимации и медленного, осторожного восстановления ее жизненных функций, требующего решения и нашего вопроса как возрождения одного из неотъемлемых органов большого государственного организма?

Иначе: найдутся ли у народа сыны, достойные памяти своих отцов и дедов; найдутся ли те, кто понимает, сегодня их черед взять на себя ответственность за будущее своего народа? Или остались только работники ритуальных услуг, с привычно-скорбным выражением лица, еще иногда вздыхающие о «многострадальном народе», но при этом спокойно исполняющие весь перечень оплачиваемых для этого народа услуг и расчетливо ждущие рваческой mzды, чтобы приступить к последнему акту – навсегда укрыть национальное прошлое, настоящее и будущее народа и свое не той землей, которая дает жизнь, а той, которая ее завершает?

Будем надеяться, что все же найдутся.

К ним я и обращаю эти воспоминания об одном из высоких примеров, оставленных им отцами.

Выступление в дискуссии по докладам Т. Шатских «Краевая немецкая газета «Арбайт» как национальный и оппозиционный орган» и Т. Иларионовой «Газета «Нойес лебен» и ее роль в формировании национального самосознания российских немцев»

После 1941 года у российских немцев национальных газет не было. Они сами не имели возможности создавать и выпускать газеты, не могли определять их содержание. Они могли только выписывать их и читать да иногда писать в них по узкому перечню дозволенных тем.

Это были газеты не российских немцев, а для российских немцев. Они были просто частью государственной советской прессы, которая вся была

партийная: с одним руководством, одной идеологией, одним источником финансирования, одной цензурой. Различия в ней заключались лишь в статусе (центральная печать, республиканская и местная) да в читателе, определенном по сфере деятельности («Крестьянка», «Работница», «Советская культура», «Социалистическая индустрия» и т.д.) или по возрасту («Комсомольская правда», «Пионерская правда»). Особенностью изданий для российских немцев было то, что они делались для специфической национальной группы и выходили на немецком языке.

Газеты для российских немцев создавались не по решению российских немцев и не для освещения жизни российских немцев и их проблем; они создавались по решению ЦК КПСС и для политико-воспитательной работы среди немецкого населения.

Не были российскими немцами и тогдашние главные редакторы газет. И первую послевоенную немецкую газету «Арбайт» на Алтае, и центральную «Нойес лебен», и затем «Фройндшафт» в Казахстане возглавляли бывшие политработники советских оккупационных войск в Германии. Отсюда и менталитет газет, особенно в первые годы – разъяснение «местному населению» политики «военной администрации» своим языком.

В редакции «Нойес лебен» долгое время вообще не работали российские немцы, что тоже ясно говорит о том, насколько она могла считаться газетой российских немцев. Лишь после того, как вопрос о национальных кадрах в газете был поставлен в 1965 году делегацией советских немцев как один из фактов дискриминации, в редакцию были приняты и российские немцы. Максимум был достигнут, когда в ней установилась красноречивая пропорция: треть русских, треть евреев, треть немцев. Но на высших трех должностях двадцать лет не было российских немцев, даже в редколлегии первый немец появился лишь почти через двадцать лет после основания газеты.

Впрочем, даже наличие в штате российских немцев могло тогда проявляться больше в инициативах, чем в результатах: все зависело от руководителя газеты, от того, насколько строго он соблюдал партийные установки. Это мы могли видеть на примере газеты «Фройндшафт», где кроме главного редактора практически все были немцами. Партийно-цензурный пресс и надзор были тогда такими, что русский человек во главе газеты был даже предпочтительнее – он вызывал у властей меньше подозрений, а значит, мог быть смелее там, где немец втягивал голову в плечи.

Не могли быть немецкие газеты национальными и по содержанию, потому что им разрешалось писать не о том, как немцы живут, что их волнует, какие у них проблемы, а о том, как они работают. Можно сказать, что газе-

ты писали о российских немцах не как о немцах, а как об обычных советских гражданах, только с немецкой фамилией. Причем эти газетные граждане не имели никакой истории, никакого прошлого, не имели и в настоящем кроме работы никакой жизни, тем более национальной.

Даже о немцах деятелях культуры, интеллигенции, депутатах и редких партработниках писали не как о людях, занятых национальной культурой, национальными проблемами, депутатах от немецкого населения или работников немецких партийных организаций (таких вообще не было), а как об обычных представителях этих сфер, только имевших немецкую фамилию.

Одна из главных задач этих газет – формирование у немецкого населения иллюзии равноправия с другими народами страны, активной включенности в жизнь страны, иллюзии о том, что у российских немцев, как у всех, есть свои депутаты, своя интеллигенция, свои работники культуры и т.д.

На самом деле они были не у российских немцев, а из российских немцев. И были не потому, что они российские немцы, а вопреки этому. И многие из таких людей очень не хотели, чтобы о них писали как о немцах. Когда, например, по свидетельствам очевидцев, первого после войны Героя Социалистического Труда и депутата Верховного Совета СССР из российских немцев тракториста Александра Беккера Хрущев как-то спросил: «Так ты что, немец что ли?», Беккер был очень смущен: «Да ну что вы, да какой я немец...». Отказывались, чтобы о них писали как о немцах, и видные деятели советской культуры из числа российских немцев.

Совершенно запрещено было газетам писать об истории российских немцев, о том, что у них была когда-то своя республика на Волге. Даже слово «Волга» до начала перестройки не пропускалось на страницы газет. Показательный пример: популярнейшая песня на стихи Л. Ошанина «Течет река Волга...», прекрасно переведенная на немецкий язык И. Варкентинном, долгое время не публиковалась в «Нойес лебен», чтобы не вызывать ностальгии «по прежним временам».

Нельзя было писать о проблемах российских немцев, об их тогдашнем положении, о ситуации с национальной культурой, с изучением родного языка.

Когда я предложил для публикации в «Нойес лебен» первую главу из моей повести «Наш двор» о военном детстве, в которой отец маленького героя повести, отпущенный как дистрофик из трудармии к своей семье в сибирское село, умирает, глава была воспринята очень тепло, но мне предложили «чуть поправить» ее: пусть отец возвращается не из трудармии, а из фашистского концлагеря. Так маленькая повесть ждала публикации 16 лет...

Или когда я подготовил очерк о состоянии преподавания немецкого языка как родного в ряде областей Казахстана, показывающий, что преподавание это за десять лет сократилось разительно, зам. главного редактора вполне по-человечески мне объяснил, что можно бы что-то напечатать об одном конкретном случае в одной конкретной школе, но «77 интервью по одному вопросу» (так назывался очерк) о ситуации вообще печатать нельзя. Так очерк вместе с командировочными блокнотами и черновиками лежат в перевязанной папке до сих пор.

Даже когда я однажды после семинара наших писателей, где слишком много, на мой взгляд, говорилось о форме и слишком мало о содержании нашей литературы, написал на диалекте шванк о том, что "wenn die Moddr am Sterwe ist, schwetzt mr net iwr Riwwelssupp" (когда мать, т.е. народ, при смерти, не говорят о достоинствах похлебки), это не решились опубликовать, даже в такой иносказательной форме, даже на диалекте, которым ни руководство газеты, ни цензоры не владели.

Это лишь несколько примеров из собственной практики – практики сотрудника редакции, знавшего все рогадки и имевшего возможность отставить свой материал в самой редакции, и тем не менее... О том, сколько по этим причинам отклонялось материалов нештатных корреспондентов, можно только догадываться.

И тем не менее, роль этих газет для российских немцев была очень велика. Они давали людям хоть какой-то материал для чтения на родном языке кроме уже редкой, прихваченной как драгоценная реликвия при выселении, напечатанной еще готическим шрифтом, фамильной Библии.

Газеты вызывали несомненный интерес у людей: действительно, часто возникало ощущение, что это «наши» газеты, что это забота о нас, что мы действительно имеем право писать и читать о собственной жизни.

Газеты, пусть виртуально, но сближали своих подписчиков; через постоянные печатающиеся в течение нескольких десятилетий объявления в газетах о розыске родственников, а также среди авторов и героев публикаций, многие находили своих близких и друзей.

Несмотря на все трудности, газеты все же содействовали тому, чтобы поддерживались национальная художественная самодеятельность, преподавание родного языка, издание нужных учебников, подготовка учителей.

Даже то, что о российских немцах постоянно писалось как о хороших работниках, пользующихся уважением, что их тоже награждают орденами и медалями, что их куда-то избирают, что у них есть свои писатели, которые регулярно публикуются на литературных страницах газет, морально под-

держивало народ в те трудные годы. Думаю, к нашим газетам вполне можно отнести высказывание классиков: религия – это вздох угнетенной твари, религия – это душа бездушного мира, религия – это опиум для народа, если заменить слово «религия» словом «газеты». Наши газеты выполняли в эти трудные безнадежные годы в определенной степени очень схожие под-держивающие функции религии.

Через газеты приходили к своим читателям и наши писатели. Хотя ни одна национальная литература в стране не находилась в таких чудовищно узких рамках по издательским возможностям и по тематике, когда все, что пишет нормальную литературу, было для нее табу: история народа, жизнь народа, проблемы народа, надежды и чаяния народа – писатели тем не менее пробивались к своим читателям, доносили до них свои мысли и переживания – в подтексте, между строк, потому что иначе было нельзя. И они могли надеяться, что читатели их поймут, потому что писатели были плоть от плоти народа, прошли с ним через все его страдания, и их понимали с полуслова.

Могли ли наши газеты быть тогда в оппозиции к власти? В сегодняшнем, обычном понимании этого слова, предполагающем открытую критику власти и ее действий, – конечно, нет. Ни одна из многих тысяч советских газет не могла быть тогда в оппозиции к власти, тем более газета, издаваемая для российских немцев.

Но газета могла быть неравнодушной к проблемам своих читателей, могла содействовать решению этих проблем, могла ходатайствовать перед властью за своих читателей – хотя бы под тем же флагом выполнения решений партии об улучшении политико-воспитательной работы среди немецкого населения.

То есть газета могла себе позволить иногда выступить с предложениями по повышению эффективности проводимой среди немецкого населения работы в конкретном селе или клубе, не обобщая, не критикуя местное начальство и линию партии. В этом смысле и в такой форме газеты могли себе позволить «оппозиционность». И тут очень многое зависело от личности главного редактора.

Газета «Арбайт» действительно активно выступала за улучшение положения немецкого населения в Алтайском крае. Совсем в духе ленинских требований, оставаясь на почве официальной идеологии, она выступала часто не только как «коллективный пропагандист и коллективный агитатор», но и как «коллективный организатор» культурных мероприятий, вечеров как части читательских конференций, что вызывало небывалую активность у немецкого населения и все большее беспокойство у краевого на-

чальства. Естественно, руководству края это не нравилось, и газете это все больше давали понять, чтобы она знала свое место. Но, видимо, главный редактор – Пестов – был достаточно масштабной фигурой, имел опыт даже зарубежной работы, поэтому относился к этим указаниям местного начальства без должного пиетета туземного жителя. И при первой возможности она была закрыта.

Помню, в 1967 году мне пришлось на несколько месяцев заместить заведующего отдела писем в газете «Фройндшафт», и тогда я узнал, что несмотря на жесткое подавление всяческих инициатив после деятельности двух делегаций советских немцев, ставивших в 1965 году в Москве вопрос о восстановлении автономной республики, в редакцию все же приходят письма по этому вопросу, по ряду других серьезных проблем немцев Казахстана и советских немцев вообще. И раза два я с изумлением видел, какие закрытые (т.е. не для публикации, а только для начальства) обзоры писем читателей посылал в ЦК КП Казахстана наш главный редактор А. Шмелев – русский, представитель власти в национальной газете.

Фактически обзор писем превращался в жесткую записку о серьезных недостатках в работе с немецким населением, о грубых нарушениях прав советских немцев, о неправильных действиях местных властей как конкретных проявлениях нерешенности главной проблемы немецкого народа. По этим «обзорам» главному редактору приходилось потом беседовать и в самом ЦК, и у меня вызывало глубокое уважение то, что человек, не являясь российским немцем, не боялся вызвать на себя ради немецкого населения гнев начальства.

Помню также, как я принес главному редактору «Нойес лебен» Г. Пшеницину очерк о селе Подсосново на Алтае – немецком селе, тогда передовом в крае по экономическим достижениям, очень красивом и благоустроенном. Прочитав последнюю фразу о том, как же сделать, чтобы «было как нужно, чтобы было как у всех? Чтобы, как в далекой и суровой Кулунде – зоне рискованного земледелия, – цело, и хорошо, и ставило рекорды, и говорило на родном языке Большое и Прекрасное Подсосново?..» – он как бы мимоходом заметил: «Хм, тут вы, конечно, опять о своей автономии... Ну да ладно...». И показав таким образом, что его не проведешь, все же подписал в печать. И читатели тоже поняли, о чем речь.

Помню и пришедшего на смену Пшеницину В. Цапанова. Он не был журналистом, он был помощником секретаря ЦК Кулакова, которого убрали из ЦК, и поэтому Цапанова нужно было где-то «пристроить». Человек он

был сложный, самолюбивый, опытный интриган и вдобавок достаточно смелый. С ним приходилось уже работать иначе. Когда еще до перестройки у нас был подготовлен для альманаха очерк «Изобразительное искусство в АССР немцев Поволжья», цензор, естественно, завернул его нам, потому что упоминать о республике было нельзя. Мне удалось «убедить» Цапанова, сыграв на его самолюбии: как же так, ведь он все же главный редактор, он политический руководитель газеты, он подписал очерк в печать, а какой-то формалист-цензор вмешивается в вопросы, о которых не имеет представления. Ведь если читатель не увидит в очерке названия бывшей республики, какие эмоции это вызовет у него и по отношению к газете, и по отношению к ее руководству, и по отношению к линии партии, которая не осмелится даже через сорок лет назвать то, что было и что всем читателям известно? Цензор исходит только из своих инструкций, руководитель же газеты исходит из авторитета партии.

И Цапанов взял на себя ответственность, очерк вышел без цензурной правки. Так, впервые за все послевоенные годы в советско-немецкой печати появилось название республики немцев Поволжья и был напечатан целый очерк об одной из сторон ее культурной жизни...

(Для справки: если начальный период работы Цапанова был довольно эффективным: газета стала значительно смелее и активнее, был проведен первый после войны семинар по истории российских немцев, за что Цапанов получил нахлобучку, был создан литературный журнал – альманах «Хайматлихе вайтен», сыгравший большую роль в литературном процессе 80–90-х годов, – то второй период его правления был просто катастрофичен по расколу коллектива редакции, по установлению в ней атмосферы 30-х годов, по преследованию всего национального).

Приход в редакцию В. Чернышева – преемника Цапанова – показал, как много зависит в работе и положении газеты от личности главного редактора. В. Чернышев панически боялся всего, что ему было непонятно, и в первую очередь национальной проблематики российских немцев. Его «правление» – самый черный период в истории газеты: по трусости, по конформизму, по отставанию от общего процесса гласности и перестройки в стране, а главное – по разгрому, который был учинен им в редакции, когда из нее вынуждена была уйти почти половина творческого состава, причем ведущие работники и в основном немцы – такого невозможно было ожидать даже в самые «застойные» времена.

Не лучше было и в редакции «Фройндшафт», когда интеллигентного, умного, профессионального журналиста и писателя А. Шмелева (Дебольско-

го) сменил графоман и самодур Л. Вайдман, так третировавший боль и трагедию российских немцев в собственной газете, что вызывал даже коллективные письма протеста читателей и писателей – небывалое явление в нашей прессе.

Все это еще раз подтверждает сказанное в начале: у российских немцев не было своих газет, потому что направление, содержание этих газет и положение в них ни в коей мере от них не зависело. Так было при Советской власти, но еще хуже стало потом, когда газеты стали частными: их направление, их содержание, их уровень целиком стали зависеть от уровня и материальных интересов их владельцев, видевших в издании только частный бизнес, и от тех, кто платил.

Нет у российских немцев и сегодня ни одной общенациональной газеты. Мы совершенно лишились нашей центральной печати: худший образец того, во что она превратилась, являет собой газета «Нойес лебен», приобретенная в частную собственность В. Бауэром. Ни «Московская немецкая газета», ни «Moskauer Deutsche Zeitung» также не имеют отношения к российским немцам – ни по своим задачам и целям, ни по своим издателям, ни по источнику финансирования, ни по адресату, хотя издаются обе эти газеты на средства, выделяемые для российских немцев, и часть тиража рассылается в регионы проживания российских немцев.

Частные газеты в регионах, несмотря на все потуги, остаются больше органами удовлетворения амбиций их владельцев и средством для их пропитания. Лишь газеты двух национальных районов, являясь официальными изданиями, могут считаться локальными национальными газетами, да мужественная «Цайтунг фюр Дих» на Алтае продолжает удивлять своей стойкостью и верностью проблемам российских немцев, их родному языку.

**Выступление в дискуссии по докладам В. Ф. Дизендорфа
«Немецкое национальное движение в 1989–1993 гг.»
и В. А. Аумана «Советское руководство и автономистское движение
российских немцев в период перестройки»*.**

Хорошо, что в программу конференции включены такие важные темы о нашем национальном движении. Доклады, однако, показывают, как серьезно и осторожно надо подходить к этим темам. Во-первых, потому что сами освещаемые события имели большое значение для новейшей истории российских немцев. А во-вторых, потому что, как оказалось, личное восприятие этих событий даже у непосредственных их участников может очень

деформировать картину самих событий. И особенно осторожно надо будет отнестись к подготовке публикаций на эти темы. Было бы хорошо, чтобы такие публикации отражали мнение как можно более широкого круга компетентных людей. Ведь речь идет об оценке важного периода в истории нашего народа.

Позвольте мне, тоже участнику этих событий, высказать свою позицию по ряду тезисов докладов.

Если за движущие силы национального движения российских немцев действительно принимать самих участников этого движения и оценивать их активность по социальным группам, к которым они принадлежали, то творческую интеллигенцию я бы поставил не на четвертое место, как было предложено, а на первое. Об этом свидетельствует как состав делегаций, поднимавших вопрос о восстановлении нашей государственности – в них практически всегда первую скрипку играли писатели и журналисты, – так и роль творческой интеллигенции в движении вообще. Наиболее яркий пример – коллектив Немецкого драматического театра, который не только своими спектаклями, но и непосредственной работой с немецким населением формировал, укреплял и распространял автономистские настроения, доставляя немало хлопот партийным органам и работникам КГБ. Отрадно, что автономистский заряд, полученный актерами во время учебы в Москве, не пропал даром. Отсюда сам собой отпадает и тезис о конформизме творческой интеллигенции; во всяком случае, к российско-немецкой это относится меньше всего.

Надо отметить также ведущую роль представителей старшего поколения немцев Поволжья, независимо от их социальной принадлежности: в подготовке как минимум трех первых делегаций они сыграли определяющую роль. Однако участники движения были лишь носителями движущей силы. Самой же движущей силой было и остается, на мой взгляд, стремление российских немцев добиться восстановления справедливости, снять с себя необоснованные обвинения, избавиться от многолетней дискриминации, стремление остаться российскими немцами. Это стремление проявилось в разных формах: в желании остаться немцем вообще, что выразилось позже наиболее полно в виде выездных настроений; в стремлении добиться равноправия со всеми другими народами; в горячем стремлении вернуться в родные места, откуда они были выселены (отсюда борьба за снятие ограничений в прописке); в стремлении добиться восстановления государственности российских немцев (основной вариант – АССР НП); в стремлении хотя бы к совместному компактному проживанию (на-

циональные районы, немецкие поселения); в стремлении остановить ассимиляцию (отсюда многолетняя борьба за изучение родного языка, за поддержку художественной самодеятельности, за создание театра, издание книг и т.д.).

Такой широкий спектр проявлений главной движущей силы позволял практически каждому российскому немцу находить в национальном движении свой кровный интерес. И активность, роль участников в движении вряд ли определялись их социальной принадлежностью. Скорее здесь сказывалось то, насколько в человеке сохранились национальные черты, насколько ему еще дороги родной язык и культура; насколько он не сломался под грузом пережитого и готов еще бороться за восстановление справедливости, за будущее своих детей, своего народа. А это во многом зависело от интеллектуального, культурного, национального развития личности, что позволяло участвовать в движении наиболее осознанно и убежденно; отсюда и лидирующая роль таких людей.

Не могу согласиться и с тем, что единственными структурами в движении российских немцев были общество «Видергербурт» и Межгосударственный совет немцев (МГСН). Тем более, что Совет был лишь вершущим продолжением «Видергербурт», а не самостоятельной организацией. Как тут можно вообще не упоминать Оргкомитет по подготовке съезда немцев СССР, сыгравшего очень большую роль в принуждении высших органов власти СССР заняться самым серьезным образом проблемой российских немцев, в отмене всех дискриминационных актов по российским немцам, в подключении всех региональных и местных властей СССР к проблеме российских немцев в процессе подготовки съезда и выборов делегатов на него, в выработке документов и разработке путей перехода к национальному самоуправлению, в принятии решения Правительства о создании Государственного Комитета по делам российских немцев? Можно сказать уверенно, что если бы не путч и не развал СССР, сделанное Оргкомитетом привело бы к восстановлению нашей государственности.

И тем более непонятно, почему даже не назван Союз немцев СССР, позже Международный Союз российских немцев, который в течение многих лет после раскола «Видергербурт» фактически один нес дальше начальную консолидированную идеологию движения; сохранил в себе значительную часть национального потенциала Оргкомитета и продолжил его идеологию и практику; стал в самые трудные ельцинские времена конструктивным крылом национального движения; поддержал, в отличие

от «Видергебурт», идею создания национальных районов и компактных поселений, обеспечил кадрами Департамент в Миннаце, руководство национальными районами, Общественно-государственный фонд российских немцев, Общественную академию наук российских немцев. Люди из руководства Союза возглавили разработку Федеральной целевой программы по российским немцам. Союз во многом определял позицию российских немцев в Межправительственной российско-германской комиссии по проблемам российских немцев; и именно Союз донес идеологию всего национального движения до момента создания ФНКА, став основной силой по ее созданию.

На мой взгляд, нельзя также при определении этапов второй, массовой волны движения опускать чрезвычайно важный начальный ее этап – 1988 год, когда через 23 года после первых двух делегаций в Москву были направлены за один год целых три делегации российских немцев, которые фактически добились положительного ответа на свое требование о восстановлении государственности: оно было им обещано к середине следующего года. Только после этого многие опасения и страхи для людей были сняты, и движение начало стремительно становиться все более массовым.

Также не закончилось движение российских немцев и провальным III съездом, которым оно закончилось лишь для авантюрного его крыла. Конечно, в конкретной безнадежной ситуации, в ельцинской России, движение вынуждено было трансформироваться, оно даже было в значительной мере подменено приземленной практической деятельностью в рамках российско-германских программ. Это продолжается по сей день: главная движущая сила этой деятельности – не интересы народы, а уже личные интересы.

И вообще невозможно согласиться с выводом о том, что результатом национального движения начала 1990-х гг. стало сохранение народа и поддержка ассимиляции. Ассимиляция продолжалась не менее, а даже более стремительно; а народ, разорванный распадом СССР и выездом 2,5 миллионов человек, понес огромные потери – и в своей численности, и в языковом, культурном потенциале, и через утрату своего авангарда, и в накале, в массовости своего движения, и в вере в возможность национального будущего.

Можно в какой-то мере согласиться с названными недостатками движения, но мне представляются все же иные основные недостатки и ошибки. Так, резкие заявления и выпады части руководства «Видергебурт» против

властей Саратовской и Волгоградской областей не только настроили эти власти против восстановления нашей автономии, но и позволили им поднять против автономии местное население.

Лозунг «Видергебурт»: «Восстановление АССР НП за три месяца – или массовый выезд!» также сыграл убийственную роль, потому что любому нормальному человеку было ясно: за три месяца никакую республику не восстановишь, и если российские немцы требуют именно этого, то трудно считать их разумными партнерами в решении их же проблемы. И раз другого требования, кроме неосуществимого, у них нет, а единственной альтернативой неосуществимому требованию они видят всеобщий выезд, то значит они вообще не хотят автономии, а только выезда. Тогда зачем государству заниматься их проблемой вообще – пусть уезжают!

Так был надолго поставлен крест на участии государства в решении нашей проблемы. Это ли не «недостаток» движения?

На мой взгляд, огромную негативную роль сыграли в движении российских немцев внедренные в него сотрудники КГБ, из которых легализован был только подполковник А. Кичихин. Его провокационно-сокрушительные статьи против руководства Саратовской и Волгоградской областей «в защиту российских немцев» настроили эти регионы жестко против идеи восстановления автономии, а деятельность по расколу движения, по стравливанию двух лагерей привела не только к взаимонейтрализации их сил, но и к насаждению, развитию и торжеству чудовищной для российских немцев нетерпимости, митинговости и неспособности слышать другого. Думаю, эта тема должна стать предметом отдельного исследования для наших ученых.

Многие сложности в движении напрямую связаны с тем, что наша проблема стала финансироваться. Если раньше, когда заниматься ею было и опасно, и приходилось это делать за свой счет, в движение приходили люди, готовые постоять за идею, за реабилитацию народа, готовые пожертвовать многим, даже собою, ради этой идеи, то теперь участие в движении стало для новых активистов выгодным. А это привлекло в движение людей уже совсем другого склада, с желанием пробраться поближе к месту распределения средств. И борьба для таких людей пошла уже не за будущее народа, не за его реабилитацию, а за выделяемые на это средства.

Отсюда такой, на первый взгляд, непонятный по своей жесткости и нетерпимости накал борьбы между некоторыми лидерами, которого не было раньше, когда речь шла только об идее, о целях и путях их достиже-

ния. Накал этот задается именно теми, кто пришел в движение ради появившихся в нем выгод. И здесь борьба идет у них или с такими же, как они – тогда слабых отбрасывают, а сильные приходят к необходимости «делиться»; или борьба у них идет с теми, кто еще отстаивает интересы народа, и накал, длительность этой борьбы зависят уже только от стойкости последних.

Не надо нам обольщаться и насчет массовости движения. Причина его тоже во многом заключается в том, что участие в движении стало для многих выгодным. Как, кстати, и религиозность. Дело в том, что в антраги были включены вопросы об участии в движении российских немцев и об отправлении религиозных обрядов. Естественно, это было воспринято как критерии немецкости и благонадежности, учитываемые при выдаче разрешения на въезд. Поэтому все кинулись в «Видергебурт», которая к тому же помогала в оформлении документов на выезд, и в церковь. Так лавинообразно возросла массовость и движения (по сути направленного уже на выезд), и обращения к Богу. Тут мы не должны заблуждаться.

Но главная причина, по которой мы в те годы не смогли получить назад нашу автономию, – это, на мой взгляд, стремительная утрата власти Центром и столь же стремительное приобретение власти регионами. Сложилась ситуация, когда Центр уже не мог, как раньше, решить наш вопрос без согласия регионов, а регионы уже могли себе позволить быть против мнения Центра. Да и речь в государстве шла уже не о проблемах страны и народов, а о том, как удержаться у власти, а затем уже и как побольше лично получить от пребывания во власти. Этот процесс шел гораздо быстрее, чем процесс формирования готовности решить наш вопрос. Распад СССР и приход на долгие годы режима Ельцина эту ситуацию не только закрепил, но и усугубил.

Как-то странно слышать сегодня и упреки в адрес делегаций российских немцев о «закулисности» их действий, об «оторванности от народа», об «отсутствии у них конкретной программы восстановления государственности». Это напоминает мне времена почти 40-летней давности. Когда после поездки в Москву меня прорабатывали на бюро райкома партии, то меня обвиняли в том, что я «за спиной партии» ездил в ЦК КПСС. Но было бы странно, если бы члены делегации перед поездкой в Москву пришли бы за разрешением в райком. Мы не могли действовать открыто на местах, это означало поставить под удар работу делегации вообще!

Что касается «оторванности от народа», то, например, первая делегация имела с собой 660 подписей российских немцев под требованиями о восстановлении государственности российских немцев. Вторая делегация привезла с собой 3 500 подписей и еще 1 000 ей дослали, пока она была в Москве. Это несмотря на то, что подписи собирались нелегально и что люди часто боялись ставить подпись, опасаясь, что с этим листом могут пойти в КГБ. Так что члены делегации и сами были представителями народа, и в Москву ехали с его требованиями.

А то, что делегации не представили руководству страны программы восстановления государственности, это же естественно. Во-первых, мы ставили вопрос о принятии политического решения о восстановлении нашей автономии, а не о механизмах осуществления этого восстановления, что является прерогативой и обязанностью государства. Во-вторых, если бы мы приехали с какой-то программой, то вопрос о принятии политического решения могли бы легко свести к «недостаткам программы» и вообще снять из-за ее «непроработанности». Мы тогда это понимали и действовали с учетом этого.

Не могу также согласиться с тем, что «сегодняшняя борьба в движении уходит корнями в прошлое». Не уходит, потому что это совсем другая борьба. Тогда разногласия были по действительно кардинальным вопросам: что важнее – государственность или место ее восстановления? Сегодня в «борьбе» о государственности и о месте вообще речи нет. Сегодня у «борцов» речь идет только о средствах. Поэтому сегодня главная задача в движении – защитить и движение, и его подзабытые прежние большие цели от таких «борцов».

Еще раз о том, с чего я начал: нам надо быть максимально осторожными с публикациями на такие темы. Наш народ не заслужил поверхностно-высокомерного взгляда и оценок его многолетних усилий по своей реабилитации. Наоборот, он сделал, что мог. И он достоин того, чтобы мы ему поклонились за это.

* От научного редактора: К сожалению, отмеченные доклады В. Ф. Дизендорфа и В. А. Аумана в сборнике не опубликованы из-за отказа авторов предоставить их для публикации.

¹ Материалы 1-й и 2-й делегаций советских немцев. Алма-Ата: Самиздат, 1965. От научного редактора: Материалы обеих делегаций опубликованы еще в 1994 г. См.:

История российских немцев в документах. Т. 2. М., 1994. С. 10–51.

- 2 См.: Подземные колокола. Сборник поэзии российских немцев. М.: Варяг, 1997.
- 3 Здесь и далее, где упоминаются и цитируются документы, автор использует личный архив.
- 4 Солженицын А. И. Двести лет вместе. Ч. 2. М.: Русский путь, 2002. С. 394.
- 5 От научного редактора: Письмо опубликовано. См.: История российских немцев в документах. Т. 2. М., 1994. С. 37–41.

ЦЕЛИНОГРАДСКИЕ СОБЫТИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КПСС В ОТНОШЕНИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ

С. Ханья

Прошло более 15 лет после того, как официально стали упоминать о целиноградских событиях 1979 года: информация об этих событиях просочилась на Запад практически сразу, но подробности стали известны только при Перестройке¹.

Насколько я знаю, первым официальным упоминанием об этих беспорядках является постановление ЦК КПСС от 1-го июля 1987 года², осудившее казахский национализм, и сославшееся на события в Целинограде как на зловещее предшествование алма-атинских событий в декабре 1986 года.

После снятия запрета на упоминание волнений в Целинограде развернулась работа по исследованию этого белого пятна истории. Были опубликованы воспоминания очевидцев беспорядков. В 1993 году вышел в свет сборник документов по истории российских немцев, содержащий материалы ЦК КПСС о планах создания немецкой области в Казахстане и проливший дополнительный свет на сведения о целиноградских событиях³. На основе этих материалов, можно сказать, прояснился основной ход событий.

Примерно в то же время – во второй половине 1990-х гг. – появилось несколько научных работ, освещающих те события. Из них наиболее авторитетными считаются труды А.Айсфельда⁴, В.Бауэра и Т.Иларионовой⁵, которые касались этого вопроса в своих исследованиях послевоенной истории советских немцев, а также казахстанских исследователей М.Омарова и А.Какена⁶, сосредоточивших свое внимание, в основном, на волнениях в Целинограде. Первые затрагивали целиноградские события кратко – как один из эпизодов истории советских немцев, не анализируя их подробно. Большой же научный вклад последних – в том, что они обнаружили и сделали достоянием общественности многие новые свидетельства самоуправления партийных руководителей Казахстана того времени и детально изобразили живую картину тех событий. В конечном итоге они, рассматривая эти волнения в общем контексте истории Казахстана, делают вывод о том, что события в Целинограде сыграли существенную роль в развитии национального самосознания казахов так же, как алмаатинские события 1986 года.

Однако, с одной стороны, мое мнение несколько расходится с точкой зрения Омарова и Какена, и я не могу целиком согласиться с ними. Но, с другой, я высоко оцениваю их попытку вывести вопрос о целиноградских событиях за рамки, ограниченные российско-немецкими интересами. Июньские события 1979 года более значимы в истории СССР, и я считаю необходимым рассмотреть на роль нетолько в истории советских немцев, а с самых разных точек зрения.

Настоящий доклад как раз и является одной из таких попыток нового толкования волнений в Целинограде. Я считаю, что роль этих событий имеет важное значение, которое нельзя игнорировать при рассмотрении советской национальной политики в послевоенный период. Я хотел бы в своем докладе сосредоточить усилия в этом направлении.

Кроме того, занимаясь изучением данной тематики, я сумел обнаружить протокол заседания Политбюро ЦК КПСС от 31 мая 1979 года, где приняли постановление об образовании Немецкой автономной области в Казахстане. Я нашел его в 89-м фонде Центра хранения современной документации (ЦХСД), который, как известно, был составлен как свидетельство по «делу КПСС» в 1993 году⁷. Этот материал, хотя и небольшой по объему (всего 2 листа), открывает нам с довольно неожиданной стороны план создания немецкой автономии. На основе этого материала я хотел бы представить свое новое толкование целиноградских событий.

I

К созданию Немецкой автономной области в Казахстане власти вынудил прежде всего массовый выезд советских немцев. Немцы, потерпевшие неудачу московских ходок в середине 1960-х годов., все больше чувствовали разочарование в возможности восстановления Автономной республики немцев Поволжья – своей «советской Родины», а также опасность исчезновения национальной культуры из-за ассимиляции в русском обществе. Кроме того, они находились под влиянием внешней политики ФРГ, и среди них усилились тенденции к переосмыслению своей связи с «исторической Родиной».

Местные органы Казахстана были перегружены проведением мероприятий по сдерживанию масштабов выезда. В руководстве Казахстана в 1970-х годах, нередко обсуждали и принимали постановления по вопросу роста эмиграционных настроений среди советских немцев, но они не содержали

каких-либо коренных отличий от тех положений, что были высказаны А. И. Микояном еще в 1965 году, являлись к тому же не более чем повторением прежних решений по этому поводу⁸. Несмотря на частое рассмотрение местными властями вопроса о выезде немцев, они так и не смогли предпринять сколько-нибудь действенных мер для сдерживания растущего эмиграционного движения; безвыходность положения властей была очевидна.

А тем временем в ЦК КПСС крепла идея создания немецкой автономии как путь к выходу из тупиковой ситуации. 6 августа 1976 года ЦК КПСС поручил разработку предложений по этому вопросу группе восьми ответственных работников под председательством Ю. В. Андропова. Комиссия изучила документы и материалы, касающиеся советских немцев, рассмотрела различные аспекты, связанные с предоставлением автономии, а также члены комиссии обменялись мнениями с местным руководством Казахстана.

В августе 1978 года рабочая группа сделала окончательный вывод о том, что «к вопросу о предоставлении немецкому населению национально-территориальной автономии можно было бы отнестись положительно», и внесла предложение о предоставлении автономии немецкому населению в составе Казахстана в форме создания автономной области.

31-го мая 1979 года на заседании Политбюро ЦК КПСС этот вопрос стоял на 11-м месте повестки дня. Сначала секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов, представляя комиссию, прочитал обзорный доклад о ее работе, доложил, что комиссия поддерживает идею создания немецкого автономного образования, и добавил, что и Д. А. Кунаев дал согласие на это предложение. Следом М. А. Сулов, председательствовавший на заседании, высказал мнение, что «предложение вполне приемлемо», а Ю. В. Андропов указал, что нужно сейчас принять решение для предстоящих выборов в местные Советы депутатов трудящихся, и предложение одобрили сразу без всяких возражений⁹.

В ЦК Компартии Казахстана была создана организационная комиссия для подготовки к образованию немецкой автономии под руководством второго секретаря ЦК Компартии республики А. Г. Коркина. 15 июня ЦК Компартии Казахстана после детальной проработки вопроса комиссией уже на месте, в Ерментау, передал в ЦК КПСС конкретные предложения о составе и границах автономии, а также о структуре и штатах ее партийных органов.

Однако накануне создания этой автономии образования для немцев произошли целиноградские события¹⁰. Под давлением казахской молодежи, которая выступила против ее создания на казахской земле дважды: в ию-

не 1979 года, в феврале 1980 года, центральные власти в конце концов отказались от планов создания Немецкой автономной области¹¹.

II

Строго говоря, центральные власти при разработке планов немецкой автономии беспокоились не только и не столько о немцах. На заседании Политбюро ЦК КПСС 31-го мая 1979 года, одоббившем создание Немецкой автономной области в Казахстане, был затронут и вопрос о национально-территориальной автономии крымско-татарского населения. Секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов говорил тогда, что «этот вопрос рассмотрен ЦК Компартии Узбекистана; имеется в виду создать автономный округ»; составилось мнение, что создание автономии для немцев и крымских татар имело бы большое политическое значение¹².

О возможности предоставления крымским татарам автономии в Узбекистане Л. Алексеевой однажды была выдвинута гипотеза в связи с назначением С. Таирова (крымско-татарского коммуниста) на должность первого секретаря Джизакского райкома партии в 1974 году¹³; впоследствии ее предположение оказалось подтвержденным историческими источниками.

Тем не менее протокол заседания Политбюро ЦК КПСС от 31 мая 1979 года четко доказывает, что проект создания двух автономий был разработан на основе общей концепции с целью справиться с неразрешенным вопросом депортированных народов, и более того, что национально-территориальное образование немцев в Казахстане являлось первым шагом к его реализации. Само собой разумеется, что после успешного завершения создания Немецкой автономной области следовало приступить к созданию Крымско-татарского автономного округа.

В ходе депортации народов СССР, которая началась во второй половине 1930-х годов и достигла своего апогея во время Великой Отечественной войны, несколько миллионов людей были принудительно переселены в Сибирь и Центральную Азию¹⁴. После разоблачения Хрущевым культа личности Сталина на XX съезде КПСС народам Северного Кавказа и калмыкам разрешили вернуться на свою Родину и их автономии были восстановлены. Поскольку не все депортированные народы были реабилитированы – не только немцы, но и к крымске татары, постольку отвергались их требования о возвращении на Родину и восстановлении их автономии под предлогом того, что они «укоренились» в нынешних местах прожива-

ния. В 1970-х годах представители депортированных народов стали предпринимать активные действия протеста: немцы выступали с требованием выезда в ФРГ, а крымские татары пропагандировать идею возвращения в Крым – в тесном контакте с диссидентским движением СССР¹⁵. Под их неустанным давлением Москва в конечном счете вынуждена была приступить к разработке соответствующих мер; в кругу центральных партийных руководителей поднималась идея о создании автономии депортированных народов в тех местах Центральной Азии, где, как часто повторялось в официальных постановлениях, они «укоренились».

Однако этим дело не ограничилось. По результатам исследований-слуханий, проводившихся одной японской коллегой в Казахстане выяснилось, что на официальном уровне обсуждалось и создание корейского автономного района в Кызыл-Ординской области республики¹⁶. В 1937 году корейцы были депортированы с Дальнего Востока в Центральную Азию, а на момент переписи населения 1979 года из 389 тыс. корейцев в СССР 163 тыс. (42%) проживали в Узбекистане, 92 тыс. (24%) в Казахстане. По поводу корейской автономии в Казахстане пока не найдены документальные доказательства, однако ее существование представляется вероятным, если вспомнить о планах создания автономий для немцев и крымских татар¹⁷.

Таким образом, с высокой степенью вероятности можно предполагать, что по отношению к ряду депортированных народов (вопрос о которых оставался неразрешенным и после разоблачения Хрущевым культа личности Сталина) в Москве шла корректировка прежней национальной политики, предполагавшей создание автономных территориальных образований в районах фактического проживания представителей ряда национальностей. Другими словами, относительно ряда национальностей, утративших автономию ввиду применявшейся Сталиным политики депортации (и из-за этого ощущавших определенную отчужденность в советском обществе), органы власти осознали необходимость обращения не к прежним устаревшим методам, а применение новых радикальных мер для того, чтобы эти национальности все-таки вновь смогли вписаться в орбиту советского режима. Эти меры состояли в создании для этих народов «новой Родины» в пределах тех территорий, куда они были перемещены.

Следовательно, Немецкая автономная область с центром в Ерментау, можно сказать, являлась первым испытанием либо первым опытом для развития новой национальной политики СССР. Целиноградские же события и отказ от образования немецкой автономии в Казахстане уничтожили

в зародыше саму возможность осуществления этой новой политики не только для советских немцев, но и для иных депортированных народов.

* * *

Подведем итоги. Если рассматривать целиноградские события с точки зрения национальной политики КПСС в отношении депортированных народов, можно сказать следующее: после разоблачения Хрущевым культа личности Сталина и освобождения из мест спецпоселения ряда народов Северного Кавказа и калмыков вопрос о других народах еще оставался неразрешенным. Немцы, будучи некоторое время из них самой многочисленной группой, после неудачи московских ходок в середине 1960-х годов активно выступали с требованием выезда в ФРГ. Чтобы сдержать их масштабный выезд, центральное руководство КПСС вынуждено было пересмотреть свою прежнюю политику. Так появился план создания Немецкой автономной области с центром в Ерментау, который основан на той позиции, что немцы «укоренились» в нынешних местах проживания. Однако попытка создать новую «Родину» потерпела неудачу из-за вспыхнувших в Целинограде волнений казахской молодежи. Провал идеи о немецкой автономии в Казахстане повлек серьезные последствия, поскольку немецкая автономная область должна была стать первым шагом в серийной подготовке новых радикальных мер для того, чтобы вновь вписать в орбиту советского режима ряд депортированных народов. Целиноградские события в результате уничтожили в зародыше возможность создать «новую Родину» не только для советских немцев, но и для некоторых других депортированных народов.

¹ См.: Der Spiegel, Nr.42/1979, S.185–190.; Heitman S. The Soviet Germans in the USSR Today (Cologne: Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien 35, 1980), pp.67–68.

² См.: Правда, 1987, 16 июля.

³ См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). Ч. 1. М., 1993, С.190–199.

- 4 См.: Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отечественная история. 1996. № 3. С.115–128.; Eisfeld A., Die Russlanddeutschen. München: Langen Müller, 1999.
- 5 См.: Бауэр В. А. Иларионова Т. С. Российские немцы: право на надежду. М., 1995.
- 6 См.: Омаров М. Ш. Какен А. Г. Познание себя: к вопросу несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане. Алматы, 1998.
- 7 См.: ЦХСД. Ф. 89, Оп. 25, Д. 3.
- 8 См.: Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.). Алматы – Москва, 1997, С.261–265, 270–272.; История российских немцев в документах). Ч. 1, С.180–190.
- 9 См.: ЦХСД. Ф. 89, Оп. 25, Д. 3. л. 1–2.
- 10 Подробно о целиноградских событиях, См.: Омаров М. Ш., Какен А. Г. Указ. соч. С. 53–64.; Дик О. Июльский урок 1979 года // Восточный Экспресс. 2000, № 11, С. 32.; Бетц В. Целиноград, год 1979-й... // Восточный Экспресс, 2000, № 13. С.16.; Эрлих К. Судьба и люди // Собеседник (прил. к «Комсомольской Правде»). 1989. № 52. С.13.; Владимиров В. Кремлевская карусель // Феникс (Алматы), 1993. № 1(март). С.300.
- 11 См.: История российских немцев в документах. Ч. 1. С.199.
- 12 См.: ЦХСД. Ф. 89, Оп. 25, Д. 3, Л. 2
- 13 См.: Alexeyeva, Soviet Dissidents: Contemporary Movements for National, Religious and Human Rights. (Middletown: Wesleyan Univ. Press), 1985, p.158.
- 14 Среди работ о депортации народов СССР последней является: Martin T., The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History, 70 (December 1998), pp.813–861.
- 15 Подробно о движении крымских татар см.: Alexeyeva, Op. cit. pp.146–156.
- 16 См.: Oka N. The Korean Diaspora in Nationalizing Kazakhstan: Strategies for Survival as an Ethnic Minority // Koryo Saram: Koreans in the Former USSR, Vol.12, Nos. 2/3, 2001, p.101.
- 17 Если была возможна корейская автономия в Казахстане, нельзя исключать возможность такой же автономии и в Узбекистане, так как там проживали не менее половины корейцев СССР. Но, к сожалению, у автора настоящей работы об этом нет никакой информации.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ КЕМЕРОВСКОЙ, НОВОСИБИРСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ в 1970–80 годы.

Е. В. Конев

В Советском государстве статус немцев, как и других граждан иностранного происхождения, во многом зависел от отношений СССР с зарубежными странами. В 1940-е годы в результате крайнего обострения противоречий между СССР и Германией советские немцы были депортированы с запада страны на восток. Во время «холодной войны» они находились под особым контролем государственных структур.

В предлагаемой статье исследуется социально-политическое положение немецкого населения на территории трех западносибирских областей на протяжении двух последних десятилетий советской истории. Основная часть немцев в Кемеровской, Новосибирской и Томской областях появилась в годы Великой Отечественной войны, а также в первый послевоенный период в результате репатриации из Автономной республики немцев Поволжья и из западных регионов СССР

После снятия немцев со спецучета в конце 1955-го – начале 1956 года большинство представителей немецкого национального меньшинства пожелало возвратиться в места довоенного проживания. Однако властными структурами и МВД предпринимались меры по нейтрализации автономистских проявлений немецкого населения. В 1950–1960-е годы партийные органы, УКГБ и МВД по отношению к деятелям эмиграционного и автономистского движения применяли методы жесткого административного нажима. Только в 1970-е годы в результате международной разрядки, в целях снижения эмиграционных и автономистских проявлений, советское правительство издало ряд постановлений, касающихся немецкого вопроса.

26 октября 1972 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об отдельных категориях граждан, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы страны». Партийные органы проводили работу по закреплению немецкого населения на новых местах жительства, привлечению к активному участию в общественно-политической жизни, в хозяйственном и культурном строительстве¹.

26 июня 1974 г. секретариат ЦК КПСС принял постановление «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности», которое явилось основой национальной политики советского правительства по отношению к немцам вплоть до второй половины 1980-х годов. 9 июля 1974 г. бюро Новосибирского обкома КПСС, 16 июля бюро Кемеровского обкома и 29 ноября того же года бюро Томского обкома КПСС приняли соответствующие постановления². Областные комитеты предложили горкомам, райкомам, рай- и горисполкомам, первичным партийным организациям глубоко и всесторонне разобраться с состоянием работы среди граждан немецкой национальности. Горкомы и райкомы наметили планы работы с немецким населением. Уже 22 июля 1974 г. на заседании бюро Новосибирского горкома КПСС были выработаны мероприятия по выполнению постановления ЦК КПСС от 26 июня 1974 г.³

В течение лета – осени 1974 г. специальные комиссии обкомов КПСС изучали структуру немецкого населения. На основе этого изучения райкомы и горкомы партии предоставили статистические отчеты о проделанной работе среди немецкого населения. Местные органы власти учитывали партийный и социальный состав немецкого меньшинства, образовательный уровень, количество награждений медалями и орденами. В процессе работы комиссии анализировали взаимоотношения немцев с местным населением, эмиграционные и автономистские настроения. На территории Томской области в 1974 г. из 15257 проживавших здесь немцев насчитывалось 508 коммунистов, их удельный вес в областной парторганизации составлял 1,1 %. Из числа немцев-коммунистов 192 являлись депутатами местных Советов, 154 были избраны в партийные органы, 110 работало в партийных, советских аппаратах управления. Вместе с тем на предприятиях Кожевниковского района и г. Колпашево среди немцев не было ни одного коммуниста⁴.

В середине 1970-х годов по-прежнему оставался низким образовательный уровень немецкого населения. В 1974 г. в Томской области 983 представителя немецкой национальности в возрасте до 30 лет не имели среднего образования⁵.

В результате выполнения постановлений бюро западносибирских обкомов КПСС значительно выросло количество коммунистов из числа лиц немецкой национальности. Так, если в Новосибирской области в 1965 г. насчитывалось 1277 немцев-коммунистов, то в 1975 г. – уже 1919, а в 1980 г. – 2439. По удельному весу в Новосибирской областной партийной организации немцы-коммунисты уступали только русским и украинцам⁶. В Томской

областной партийной организации в 1970 г. членами и кандидатами в члены КПСС являлись 432 немца, в 1975 г. – 525, а в 1987 г. – 9667.

Таким образом, в результате принятия и реализации постановления ЦК КПСС отделы организационно-партийной работы и пропаганды и агитации обкомов КПСС, горкомы и райкомы партии, первичные партийные организации, советские, комсомольские, хозяйственные и общественные органы приняли меры по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности. Выдвижение передовых рабочих на руководящие должности, награждение и поощрение их частично нейтрализовали эмиграционные и автономистские настроения. Более того, в Кемеровской, Новосибирской и Томской областях в 1970-е годы молодое поколение немцев было втянуто в советскую общественно-политическую систему. Не случайно многие представители немецкого национального меньшинства, выдвинутые в это десятилетие на партийную работу, в 1990-е годы возглавили областные административные структуры.

Несмотря на советско-западногерманский договор 1970 г. и международную разрядку, выезд из СССР в 1970-е годы по-прежнему оставался закрытым. Граждане, которые вели переписку с родственниками и знакомыми за границей, находились под контролем Управления КГБ. В 1970-е годы устойчивую письменную связь с родственниками, знакомыми, благотворительными организациями и официальными учреждениями западных стран поддерживали 350 лиц немецкой национальности, проживавших в Томской области. Двести восемьдесят (80 %) из них имели возраст 50 лет и старше. Переписка велась с адресатами из ФРГ (264 человека), а также США и Канады. Более 100 человек регулярно получали из ФРГ посылки. В основном переписка носила семейно-бытовой или дружеский характер. Но во многих письмах родственники и знакомые писали об условиях жизни на Западе: отсутствие очередей, изобилие продуктов питания и промышленных товаров в магазинах, хорошие квартирные условия, всевозможные пособия и льготы лицам, приезжавшим на жительство в ФРГ из СССР. В некоторых письмах присылались вырезки из западногерманских газет о том, что в 1970 г. между СССР и ФРГ заключена договоренность о разрешении выезда значительной части советских немцев⁸.

На протяжении второй половины 1970-х – начала 1980-х годов местные партийные власти применяли меры по улучшению работы среди немецкого населения. В частности, в августе 1977 г. исполняющий обязанности начальника Управления КГБ при Совете Министров по Томской области А. Н. Татаркин направил записку первому секретарю Томского областного

комитета Е. К. Лигачеву, в которой содержалась информация о профилактических мерах по снижению эмиграционных настроений и план дальнейшей работы. Согласно постановлению ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности» Томским обкомом КПСС по рекомендации Управления КГБ были приняты дополнительные меры по усилению воспитательной работы. В обкоме состоялись индивидуальные беседы с руководителями и секретарями партийных комитетов коллективов предприятий, в которых трудились немцы. На ГПЗ-5, «Сибэлектромоторе» г. Томска партийные комитеты проделали большую индивидуальную воспитательную работу с лицами, вынашивавшими эмиграционные намерения⁹. Аналогичную деятельность проводили партийные организации на крупных предприятиях г. Новосибирска (на приборостроительном заводе им. Ленина, швейной фабрике и др.)¹⁰. В результате индивидуальной воспитательной работы ни один немец, работавший на этих предприятиях Новосибирска и Томска, во второй половине 1970-х годов не выехал в ФРГ.

В целях снижения эмиграционных и автономистских настроений бюро Кемеровского обкома КПСС 30 мая 1980 г. приняло постановление «Об улучшении работы среди граждан СССР немецкой национальности»¹¹. В течение года в Кемеровской области горкомы и райкомы должны были доложить о ходе выполнения постановления. Контроль осуществлял отдел пропаганды и агитации. Партийные органы провели мероприятия по совершенствованию работы с лицами немецкой национальности, по активизации участия их в общественно-политической жизни, по снижению у некоторой части населения эмиграционных настроений. Вместе с тем на многих предприятиях в Кемеровской области так и не были созданы группы для индивидуальной воспитательной работы с лицами, желавшими выехать в Западную Германию, и почти не использовались в ней немцы-коммунисты. Из г. Юрги за 1975–1980 годы в ФРГ на постоянное место жительства выехало 57 человек, из них 20 ранее работали в тресте «Юрпромстрой»¹².

Управление КГБ совместно с партийными властями принимали профилактические меры по предотвращению эмиграционных намерений. В частности, использовалось такое обстоятельство: некоторые выехавшие из СССР в Западную Германию лица немецкой национальности в письмах к родственникам сообщали о том, что не могут привыкнуть к новым условиям жизни. По письмам эмигрантов в областных, районных и городских газетах публиковались статьи. Например, были напечатаны статьи в Томском «Красном знамени» («На Рейне туман», март 1977 г.), в «Шахтерской правде» г. Прокопьевска («Запоздалое раскаяние» в 1980 г.)¹³. Под

воздействием жесткой идеологической кампании многие лица немецкой национальности, желавшие эмигрировать в ФРГ, были вынуждены отказаться от выезда.

Основная причина эмиграционных настроений немецкого населения, упоминаемая в заявлениях о выезде, – наличие за границей родственников, желание объединить семью, помочь престарелым родителям, наследовать оставленное по завещанию имущество и различные ценности. Увеличению ходатайств о выезде за границу способствовало получение вызовов от родственников с указанием возможности быстрого получения жилья и высокооплачиваемой работы. Некоторых лиц привлекал «наивысший» образ жизни на Западе, а также возможность заниматься частным предпринимательством. Люди старшего поколения были более замкнуты в общении и обижены тем, что после репатриации они не были возвращены к прежнему месту жительства, а, находясь на спецпоселении, иногда ощущали к себе неприязненное отношение со стороны окружения по месту работы и жительства. Улучшение отношений между СССР и ФРГ в 1970-е годы послужило определенным толчком для многих граждан немецкой национальности к активизации подачи заявлений о выезде в Западную Германию.

В начале 1980-х годов в связи с вводом советских войск в Афганистан резко усилилась конфронтация между СССР и странами Запада. В результате число разрешений на выезд немцев за границу уменьшилось. Если в 1979 г. из СССР выехало 7226 немцев, в 1980 г. – 6650, то в 1981 г. – лишь 3723, а в 1982 г. – 1958¹⁴. В стране в это время осуществлялось активное глушение западных радиостанций. Органы власти усилили методы административного нажима по отношению к деятелям национального движения и верующим. Но, несмотря на глушение радиостанций, фальсифицированную информацию о Западе в советской печати, в первой половине 1980-х годов немцы получали обширные сведения из-за границы. Многие из них переписывались с родственниками из стран Запада и в условиях холодной войны являлись наиболее опасными для государственных органов.

28 декабря 1984 г. Секретариат ЦК КПСС принял постановление «О мерах по противодействию пропагандистским кампаниям на Западе вокруг вопроса о положении граждан немецкой национальности в СССР»¹⁵. Партийные и советские органы развернули в середине 1980-х годов контрпропагандистскую работу. При идеологических комиссиях партийных комитетов были созданы секции, рабочие группы по контрпропаганде. Во многих областях СССР они стали проводить социологические исследования, анкетные опросы с целью изучения состояния и эффективности воспитательного про-

цесса среди немецкого населения. К работе идеологических комиссий привлекались партийные рабочие из числа лиц немецкой национальности.

Так, в г. Новосибирске в 1985 г. среди пропагандистов политического просвещения Ленинского района работали 17 представителей немецкой национальности от различных предприятий. В составе лекторов общества «Знание» Дзержинского района находилось 18 немцев. В трудовых коллективах Октябрьского района 42 человека немецкой национальности работали политинформаторами и агитаторами¹⁶.

На предприятиях, где трудились немцы, идеологические комиссии уделяли больше внимания вопросам разъяснения положения немцев в СССР, существования двух германских государств, оценке позитивных достижений ГДР и негативных сторон ФРГ. Долгое существование двух германских государств в Европе – социалистической ГДР и капиталистической ФРГ – позволяло советским пропагандистам и агитаторам показывать «преимущества» социалистического образа жизни перед буржуазным. Многие крупные предприятия Западной Сибири и ГДР сотрудничали между собой.

Партийные комитеты в 1980-е годы использовали такие формы поощрений за хорошую и производительную работу, как туристические путевки за границу. Передовые рабочие и инженеры выезжали в туристические поездки в ГДР и были задействованы в работе идеологических комиссий. Например, в 1984 и 1985 годах в Кировском районе г. Новосибирска путевками были награждены 10 представителей немецкой национальности. В 1985 г. на Оловокомбинате двум немцам были выделены путевки в Венгрию, двум – в ФРГ. Своими впечатлениями о поездке за границу немцы делились в многотиражных газетах предприятий. Так, в газете «Станкостроитель» была опубликована статья «Лучше моего города нет» под рубрикой «два мира, два образа жизни».

В трудовых коллективах и учебных заведениях активно действовали клубы интернациональной дружбы. В г. Новосибирске насчитывалось 130 таких клубов, а в Кемеровской области – 513. В г. Томске на базе школы № 6 развивалась интернациональная дружба немецкой части молодежи с молодежью ГДР¹⁷. Пионерские группы и комсомольские классы активно переписывались со своими сверстниками из-за рубежа. В г. Новосибирске с начала 1960-х годов работал немецкий клуб при Доме ученых СО АН СССР. Руководил им Совет клуба, председателем которого в 1980-е годы была И. П. Березина с кафедры иностранных языков СО АН СССР. Целями и задачами клуба являлось укрепление дружбы между учеными СССР и ГДР; обмен научной информацией; знакомство с общественно-политической жизнью,

культурой, искусством и обычаями немецкоязычных стран; пропаганда советского образа жизни и совершенствование знаний ученых в немецком разговорном языке. Заседания немецкого клуба проводились два раза в месяц. Формы работы: выступления ученых СССР, ГДР и других немецкоязычных стран, дискуссии, беседы. В мероприятиях принимали участие и советские ученые, для которых немецкий язык был родным (И. И. Ерш, В. И. Фельдбуш, А. И. Гросс). У клуба установились контакты с некоторыми учеными из ГДР¹⁸.

В книжных магазинах крупных городов Западной Сибири существовал отдел литературы стран социализма. Большая часть книг продавалась на немецком языке. Но в 1980-е годы спрос на немецкоязычную литературу упал. Перестала также проводиться подписка на немецкие издания. Подобной литературы было достаточно на русском языке.

В декабре 1985 г. ЦК КПСС провел совещание заинтересованных руководящих работников ЦК союзных республик, обкомов партии, КГБ, УКГБ с повесткой дня «О мерах по противодействию пропагандистской кампании на Западе вокруг вопроса о положении граждан немецкой национальности в СССР». На совещании было отмечено, что во многих районах страны, в том числе в Кемеровской, Новосибирской и Томской областях сложился костяк коммунистов-немцев. Вместе с тем в Казахстане и Средней Азии слабо выдвигали немцев на руководящую работу. На этом совещании впервые был поставлен вопрос об издании книги «Немцы в СССР»¹⁹.

С началом гласности во второй половине 1980-х годов значительно ослаб идеологический контроль государства за населением. С 1 января 1987 г. вступил в силу «Закон о въезде и выезде». Многие желавшие ранее эмигрировать в ФРГ могли теперь свободно оформить документы на выезд. В это время в СССР обострились межнациональные отношения. Страна вступала в полосу кризиса. Нерешенная немецкая проблема в СССР и обострение социально-политических противоречий привели к массовой эмиграции в ФРГ.

Таким образом, представители немецкого национального меньшинства с момента снятия их со спецучета и до начала массовой эмиграции в ФРГ в большинстве оставались в местах ссылки и были включены в единую советскую общественно-политическую систему. Отдельная категория немцев, бывшие репатрианты, находилась под особым контролем государственных органов власти. Политика Советского государства по отношению к немецкому населению во многом зависела от отношений СССР со странами Запада. Не случайно советское правительство активно стало заниматься немецким вопросом в 1970-е годы, в период международной разрядки.

Постановление ЦК КПСС от 26 июня 1974 г. «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности» явилось основой национальной политики правительства по отношению к немцам до второй половины 1980-х годов. С помощью идеологической и пропагандистской работы органам власти в течение нескольких десятилетий удавалось сдерживать эмиграционные и автономистские настроения немцев. Но во время гласности и перестройки ситуация кардинально изменилась.

-
- ¹ См.: Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 4224. Л. 10; Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 47. Л. 56; Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 4504. Л. 75.
 - ² См.: ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 4224. Л. 10-12; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 47. Л. 56–58; ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4504. Л. 75–77.
 - ³ См.: ГАНО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 18. Л. 36–38.
 - ⁴ См.: ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 123.
 - ⁵ См.: Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 120.
 - ⁶ См.: Новосибирская организация КПСС в цифрах. 1920–1980 гг. Новосибирск, 1981, С. 50–51.
 - ⁷ См.: ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 552. Л. 5.
 - ⁸ См.: Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 125.
 - ⁹ См.: Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 112.
 - ¹⁰ См.: ГАНО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 20. Л. 95.
 - ¹¹ См.: ГАКО. Ф. П-75. Оп. 39. Д. 48. Л. 52–54.
 - ¹² См.: Там же. Ф. П-75. Оп. 42. Д. 139. Л. 63.
 - ¹³ См.: ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 115; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 42. Д. 139. Л. 3.
 - ¹⁴ См.: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Вильнюс–Москва, 1992, С. 140.
 - ¹⁵ См.: История российских немцев в документах. 1763–1992. М., 1993, С. 199–200.
 - ¹⁶ См.: ГАНО. Ф. П-22. Оп. 46. Д. 50. Л. 27.
 - ¹⁷ См.: ГАНО. Ф. П-22. Оп. 46. Д. 50. Л. 30; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 42. Д. 139. Л. 3; ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 129.
 - ¹⁸ См.: ГАНО. Ф. П-22. Оп. 46. Д. 50. Л. 45, 53–54.
 - ¹⁹ См.: История российских немцев в документах... С. 211–216.

МЕЖДУ НАДЕЖДОЙ И ОТЧАЯНИЕМ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ (1991–2000)

Т. С. Иларионова

Десятилетие новейшей российской истории стало немалым испытанием для всех граждан нашей страны какой бы национальности они ни были. Начиналось оно с межэтнических конфликтов, вызвавших серьезные политические потрясения, которые привели в конце концов к полномасштабному экономическому кризису. А сегодня, после всех событий непростого завершения ушедшего века, общество, обладающее удивительной избирательной памятью, думает прежде всего об экономическом развитии, принимая установившуюся политическую стабильность как данность, а межнациональные конфликты и вообще жизнь национальностей и вовсе не берет в расчет.

Между тем именно это десятилетие для некоторых народов нашей страны обернулось настоящей трагедией, несмотря на то, что особых жертв и потрясений, по сравнению с прошлыми эпохами, когда советские граждане в лагерях и тюрьмах гибли миллионами, вроде бы и не было. Так, несмотря на депортацию, смогли сохраниться все, народы ей подвергшиеся, в том числе и российские немцы. А вот мирное время, демократические преобразования в бывшем СССР настолько все перемешали, перелопатили, что прежние общности распались, массовым стал выезд из страны.

Именно выезд поставил под вопрос само существование ряда народов. Эмиграция из Советского Союза в начале 90-х годов носила ярко выраженный этнический характер: новую Россию, как и другие республики бывшего СССР, покидали прежде всего представители тех народов, национальные государства которых находились за их пределами, народы, которые подвергались скрытой или явной дискриминации на протяжении десятилетий. Это были российские немцы, евреи и греки. Именно они сотнями тысяч устремились на историческую родину.

Выезд фактически решил судьбу национальных общин: в путь собирались в первую очередь активные, имевшие сильное самосознание люди. «Мотором» эмиграции были те, кто питал надежды – в новых условиях найти себе достойное место, т.е. работоспособные и молодые.

Не могло вследствие этого не измениться и положение общественных национальных организаций, взявших на себя смелость говорить от имени народов – эти союзы и общества, громко заявившие о себе в конце 1980-х годов, стали сходить со сцены. Общая утрата социального интереса к такого рода организациям обуславливала и их слабое финансовое состояние: кризисы, внутренние раздоры, противостояние с властями стали главным в их деятельности.

Двусмысленной была и роль лидеров. Эти политики в большинстве своем остались в России, на новую родину они либо не стремились переехать, либо их просто не принимали. Несмотря на кардинальную перемену общественной обстановки, бывшие лидеры продолжали жить представлениями конца 1980-х – начала 1990-х годов.

I.

Современная история российских немцев как общности, пережившей массовый исход в Германию своих членов, и их лидеров более чем показательна для понимания всех непростых проблем развития межнациональных отношений в условиях социального перехода от тоталитарного к демократическому государству.

Эта недавняя история российских немцев делится на два неодинаковых по своей продолжительности и социально-политической активности периода: 1991–1993 и 1994–2000 годы. И если первый период можно охарактеризовать как время надежд и разочарований, то второй – как время расставания с иллюзиями и безуспешного поиска альтернатив.

Все это десятилетие было обусловлено предшествующим развитием немецкой общности в Советском Союзе. Оно шло под влиянием социальной травмы, полученной в результате депортации. Тогда, в послевоенное время, сложилась парадоксальная ситуация. Сами немцы СССР боялись заявить о себе, предъявить выселившей их из мест прежнего проживания власти свой счет, потребовать восстановления утраченного. Активность в постановке этих проблем проявляла Федеративная Республика Германия, которая постоянно, начиная с 1955 года, ставила перед руководством Советского Союза вопрос об освобождении немцев из спецпоселений, разрешении переезжать в ФРГ. Однако только руководство СССР, действовавшее произвольно, без оглядки на внутренние и внешние факторы, могло реально что-то сделать .

Эти три силы: российские немцы, руководство Федеративной Республики Германия и руководство СССР, а потом Российской Федерации – в послевоенные годы и особенно в десятилетие с 1991-го по 2000 год в своих политических взаимодействиях удивительным образом распределили «роли». Так, если Германия в опережающем порядке ставила наиболее острые вопросы жизни народа в СССР, то руководство нашей страны затем по своему разумению отвечало на эти вызовы. Российским же немцам приходилось только после принятых решений пытаться отстоять свои права.

Так было в 1955 году, когда после первого официального визита канцлера ФРГ, поднявшего вопрос о положении находившихся на спецпоселении немцев, был принят Указ о снятии режима спецпоселения. Только после этого начинают поступать письма людей в органы власти с просьбой разъяснить, реабилитированы ли они, могут ли вернуться на Волгу, преимущественно откуда и были выселены.

Так было и в 1964 году, когда после оживления контактов, перевода политики ФРГ с пути противостояния и конфронтации, закончившейся сооружением Берлинской стены, перешли на более спокойный путь переговоров и взаимодействия. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ 1964 года, признавший огульными обвинения, которые в начале войны были выдвинуты против советских немцев и которые послужили формальным поводом для депортации. На следующий год формируются две делегации немцев к руководству СССР, отправившихся с намерением добиться полной реабилитации народа, возвращения на Волгу, восстановления там ранее существовавшей автономной республики.

Так было и в 1979 году, когда после подписания Московских договоров с ФРГ, заключения Хельсинкского акта, поднявшего на уровне общеевропейской политики проблемы прав человека, Политбюро ЦК КПСС вознамерилось образовать Немецкую область в Казахстане, что вызвало протест местного населения и глубоко деморализовало немцев. Ответом на те события стало распространение в их среде эмиграционных настроений.

Так было и во второй половине 1980-х годов, когда после начала перестройки Западная Германия приветствовала перемены в СССР, и только потом пробудилась инициатива самих российских немцев: было сформировано три новых делегации к советскому руководству, а в 1989 году образовано Всесоюзное общество советских немцев «Возрождение», ряды которого сразу пополнились сотнями тысяч людей.

Перечисление этих фактов говорит о том, что после массового выселения у российских немцев не было протестного потенциала. Несогласие с курсом

государства, осуществившего депортацию, было латентным, и это сказалось на позиционировании немецкого населения по отношению к власти. В свою очередь руководство СССР действовало вовсе не под давлением проблем российских немцев, а под воздействием той политики, какую вела Федеративная Республика.

Может быть, именно этим было обусловлено позднее вступление в самостоятельную политическую деятельность организаций российских немцев и их лидеров. Может быть, именно из-за этого время активной политической деятельности было столь недолгим.

II.

В 1991 году состоялся первый съезд немцев СССР, показавший все противоречия и самой клонящейся к закату советской эпохи, и состояния общности советских немцев. Как известно, этот съезд прошел в два этапа – в марте и в октябре. И этот факт, как и все остальные, вновь продемонстрировал несамостоятельность национального движения народа и его общественных организаций, зависимость от решений жизненно важных его проблем, которые могли принять только руководители Советского Союза. С санкции ЦК КПСС проводились выборы делегатов на съезд, по согласованию с ЦК был назначен срок его проведения. Однако буквально накануне, когда выяснилось, что власть не готова к диалогу с делегатами, что главный вопрос – о восстановлении автономии на Волге – не будет урегулирован, съезд был перенесен на более поздний срок.

Его второй этап начался уже в «другой стране» – после августовского путча 1991 года, когда руководство СССР даже при всем своем желании не будет обладать реальными рычагами воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию, а значит все вопросы, которые станут обсуждать съезд, окажутся чисто риторическими, то есть оставшимися без ответа.

Первый съезд немцев СССР тем не менее сформулировал все эти вопросы¹. И под их знаком прошли последующие десять лет. Среди этих вопросов были:

- восстановление государственности российских немцев в пределах Российской Федерации, выделение территории для государственности российских немцев, оформление государственности в виде автономной республики;
- возмещение ущерба, выплаты компенсаций за утраченное в годы войны имущество, выплаты за годы работы в трудармии, на спецпоселении,

- оформление пенсий на уровне тех категорий граждан, которые внесли вклад в развитие страны или, напротив, пострадали от преступных действий властей;
- обеспечение открытого выезда из СССР, которого добивались многие сотни тысяч людей – немецкой национальности;
 - формирование государственных органов, которые были бы наделены необходимой компетенцией для решения проблем народа;
 - организация системы образования на немецком языке, восстановление культурной и традиционной среды российских немцев, либерализация вероисповедной политики;
 - установление отношений нового уровня между Российской Федерацией и ФРГ с участием российских немцев и в их интересах ;
 - достижение единства в национальном движении российских немцев, установление контактов его представителей с органами государственной власти.

В 1990–91 году я проводила масштабные социологические исследования, которые показали, какие надежды и чаяния были в среде российских немцев. Первое из них проводилось в виде опроса в прессе (на опубликованную в газете «Нойсе Лебен» анкету откликнулось около трех тысяч человек, к обработке было принято 2612 заполненных бланков). Второе исследование представляло собой опрос-интервью в гостинице «Олимпиа-райзен» в Москве, где переселенцы перед отъездом на постоянное место жительства в ФРГ останавливались на один–три дня (респондентами стали 229 глав семей переселенцев). Результаты были опубликованы². Общая картина социальных настроений в среде российских немцев, которая тогда предстала перед исследователем, характеризовалась исключительным накалом эмоций, высочайшей степенью надежд и горькой уверенностью в том, что эти надежды в СССР осуществить не удастся.

В ходе этих опросов люди высказали главные свои ожидания. Прежде всего речь шла о восстановлении Автономной республики на Волге. Однако только половина из принявших участие в опросе, проведенном прессой, большинство из которых к тому моменту еще не решило переселяться в ФРГ, а, напротив, связывало жизненные планы с Советским Союзом, высказало намерение вернуться туда. Однако даже этот итог был показателен: в целом миграционная готовность российских немцев в начале 1990-х годов была очень высокой, она свидетельствовала и о сохранении травмы насильственного выселения, и о неудовлетворенности тем положением, в каком находились респонденты в местах своего тогдашнего проживания.

Такая готовность к миграции, как показали последующие события, была реализована благодаря открывшейся для российских немцев возможности уехать в Федеративную Республику. Это принципиально для понимания логики минувшего десятилетия: настроения российских немцев развивались от чаяний остаться к уверенности, что непременно нужно уехать. Советское государство, сотни тысяч граждан которого находились в непростой ситуации выбора, фактически сделало за них этот выбор, открыв границы для их выезда и не приложив никаких усилий для улучшения положения людей в СССР.

Однако было бы совершенно неправильно утверждать, что в условиях прежней закрытости могли бы осуществиться в нашей стране долгожданные демократические перемены. Российские немцы понимали демократизацию прежде всего как возможность свободно ездить, в том числе и уехать навсегда. У многих в Федеративной Республике были родственники, с которыми люди не виделись все послевоенное время. Для других надежда посетить ФРГ ассоциировалась с приобщением к национальным традициям, с национальной самоидентификацией, мечтой свободно говорить о себе как о немце.

Изучение родного языка также являлось одной из главных целей российских немцев. В ходе прессового опроса стало ясно, что степень его утраты очень велика. И как всякое социальное явление, потеря знаний языка проявляла себя в разных настроениях людей. Так, при подведении итогов опроса выяснилось, что готовность к выезду в ФРГ в большей степени показывают те, кто языка не знает, тогда как владевшие им старики были в своем большинстве нацелены на то, чтобы остаться в СССР, восстанавливать автономию. Если учесть, что в начале 1990-х годов Федеративная Республика не предъявляла к переселенцам требований знать немецкий язык, то последующее изменение этого требования властей фактически «выкачало» из СССР тех, кто владел родным языком, заставив остальных его учить.

Среди мотивов выезда были и такие: возможность обеспечить благополучное будущее своим детям, быть среди своих.

Наши исследования показали, что российские немцы – это люди с глубоко укоренившимися советскими представлениями о жизни. Так, в ходе опроса-интервью меня и моего помощника в каждой из комнат гостиницы, куда бы мы ни пришли, сажали за стол, угощали тем, что ели их хозяева сами. Наш отказ людей обижал, и мы перестали сопротивляться, видя, что за столом легче идет разговор, люди быстрее раскрываются.

Эта «советскость» проявлялась, конечно, и в ожиданиях от переселения.

Многие совершенно не представляли себе, как все у них сложится после переезда, что это за страна – Федеративная Республика (ранее в Германии смогли побывать только 11 из опрошенных нами 229-ти человек). Поэтому и страхи, которые их мучили, и иллюзии, которые они питали, по большей части совершенно не соответствовали действительности. Я смогла в этом убедиться в ходе группового интервью с переселенцами в июле 1991 года в Бонне. Люди рассказывали, что легко устроились с жильем, получили возможность переучиваться, хотя как раз это казалось им в СССР самым проблематичным, а вот изучение языка и особенно установление новых социальных связей, поиск друзей, круга общения из местных немцев оказались совершенно неразрешимым делом, раньше они даже не задумывались о подобных проблемах.

Мне кажется, что феноменология массового выезда российских немцев в 1990-х годах из бывшего СССР вообще еще не осмыслена. По сути, на наших глазах, с нашим участием был проведен своего рода социальный эксперимент по смене жизненных координат целого народа. И только политическое его изучение, социологические сведения, психологические особенности миграционного процесса не позволяют понять происшедшее людское перемещение из страны в страну как социальную проблему, по-прежнему актуальную и для России, и для Германии.

III

Все эти противоречия нашли свое отражение в ходе подготовки и проведения I съезда немцев СССР. Именно он внес глубокий раскол в национальное движение российских немцев, последствия которого ощущались все десятилетие, сохраняются и теперь. С 1989 по 1991 год, это период начальной стадии борьбы за восстановление автономии и сплочения рядов тех, кто взял на себя миссию говорить от имени миллионов соотечественников, он позволил раскрыться политическим талантам ряда лидеров, которые стали публичными фигурами именно в переломном 1991 году, накануне распада той страны, от которой они ждали реабилитации.

Расклад сил в немецком движении был следующим: к марту 1991 года, когда состоялся первый этап съезда, все были объединены в рядах «Возрождения», однако два очевидных центра внутри него уже сформировались: с одной стороны были радикально настроенные люди, которые хотели решить проблемы с помощью ультиматумов и требований, с другой – готовые на компромисс

представители национального истэблишмента. Водораздел между двумя группами был тогда очевиден: если «радикалы» в массе своей состояли из представителей регионов, то главную роль среди «умеренных» играли москвичи. Если первые раньше не занимались активной политической деятельностью, более того, были далеки от партийной или иной к ней приближенной работы, то вторые, напротив, не просто состояли в рядах КПСС, но и занимали руководящие посты в редакции немецкой газеты, Академии наук СССР, ЦК КПСС, избирались депутатами, в том числе и народными депутатами СССР.

Внутренняя граница в общественно-политической организации российских немцев прошла в соответствии с отношением к власти. Одни в «Возрождении» не хотели с ней сотрудничать, другие, напротив, демонстрировали в общении с ней предельную гибкость.

Сам раскол произошел, как известно, благодаря действиям властей. Из-за внезапного переноса сроков проведения съезда немцев СССР противоречия внутри немецкого движения обострились настолько, что затем, в течение весны и лета 1991 года, о себе заявили самые разные организации, вышедшие из рядов «Возрождения». Среди этих организаций были «Союз немцев СССР» (Г. Вормсбехер, П. Фальк), «Международный союз немецкой культуры» (Г. Мартенс), «Балтийская Лига» (К. Видмайер). Накануне проведения второго этапа I Съезда немцев СССР в Государственном комитете по делам национальностей был создан департамент по делам народов, не имеющих собственной государственности. Его возглавил П. Фальк, ранее народный депутат СССР, председатель Союза немцев СССР.

Второй этап I Съезда немцев СССР, как и два других съезда, как и все последующее десятилетие, показал самое главное: все силы, которые причастны к проблемам российских немцев, воспринимают его решение, реабилитацию народа совершенно по-разному. У этих сил не то что взаимопонимания не было – не было даже в их позициях точек соприкосновения. В чем заключались эти различия между российскими немцами, властями Российской Федерации, которой досталось решение проблемы, властей Германии, игравшей значительную, если не решающую роль во всех событиях тех лет?

Российские немцы полагали, что реабилитация – это:

- восстановление территориальной государственности – Автономной республики Поволжья немцев;
- решение территориального вопроса, то есть или возвращение народу Поволжья в границах июня 1941 года, когда там была АССР НП, или предоставление земель в Калининградской области;

- выплата компенсаций за утраченное во время депортации имущество, начисление пенсий с учетом лет, проведенных людьми в трудармии;
- восстановление институтов национальной культуры, включая школы, средства массовой информации на родном языке;
- предоставление желающим возможности свободно выезжать в Федеративную Республику.

Мы говорим «российские немцы» и имеем в виду тех вполне определенных, конкретных людей, взявших на себя смелость говорить от имени всего народа.

Россия полагала, что реабилитация – это:

- положение, уже сложившееся к 90-м годам (за давностью лет нет смысла менять что-либо в территориальном устройстве страны, а на выплату компенсаций просто нет денег);
- закрепление status quo в законе – им стал в значительной мере Федеральный Закон 1996 года «О национально-культурной автономии».

Мы говорим «Россия» и имеем в виду ее руководство – вполне определенных, конкретных людей, стоявших в тот момент у руля государства.

Германия полагала, что реабилитация – это:

- свободный выезд российских немцев из бывшего СССР;
- денежная помощь и переселенцам, и тем, кто решил остаться в местах своего проживания.

Мы говорим «Германия» и имеем в виду ее руководство – вполне определенных, конкретных людей, стоявших в тот момент у руля государства.

Ни тогда, ни по прошествии десяти лет никто из заинтересованных в разрешении проблемы народа сторон и не думал прислушиваться к аргументам партнеров, строить свою политику, сообразуясь с их доводами и аргументами.

IV

После 1993 года, когда был проведен последний на общесоюзном уровне съезд – III Съезд немцев бывшего СССР, а затем Российская Федерация приняла свою Конституцию и стала строить государство на новых принци-

пах, в том числе и национально-территориальных, начался странный период, когда не было ни ярких событий, ни заметных перемен. Нет, в стране бушевали кризисы, не выплачивались зарплаты, происходили столкновения на этнической почве, начался чеченский конфликт. А вот в среде российских немцев, казалось, не было перемен. Как и другие российские граждане, немцы пытались выжить. И часто единственным разумным способом для этого был выезд в Федеративную Республику. Несмотря на то, что пик эмиграции пришелся на 1991–1993 годы, поток переселенцев все равно планомерно опустошал города и села России.

Перемены происходили, но латентно, подспудно. И по мере того, как все больше и больше людей покидало нашу страну, менялось и соотношение сил внутри немецкой общины. Она стала в своих действиях отходить как бы на второй план. А первый заняли государственные органы – департамент Министерства по делам национальностей, призванный заниматься проблемами российских немцев, и органы исполнительной власти Федеративной Республики, прежде всего федеральное министерство внутренних дел, которым также было поручено осуществлять политику в отношении немцев в России от имени германского правительства. Уполномоченный Федерального правительства по делам переселенцев Хорст Ваффеншмидт стал благодаря своей активности, частым приездам в Россию и энергичным переговорам с руководителями нашей страны, в том числе и с президентом Б. Ельциным, фигурой внутренней политики Российской Федерации.

Однако вовсе не это делало органы государственной власти двух стран реальными силами в определении будущего большой этнической группы, какой по-прежнему оставались российские немцы. Главным рычагом решения проблем народа стали в условиях обострявшегося экономического кризиса выступать финансовые средства. Именно это стало важным фактором изменений в соотношении веса и влияния немецких организаций в России.

После долгих проволочек российское правительство стало, как и германская сторона, выделять средства на проблему российских немцев. В 1996 году принимается Федеральная программа поддержки развития российских немцев, ее практическое осуществление ведет государственно-общественный фонд «Российские немцы» во главе с Иваном Беккером.

Помимо этого, произошла своеобразная политическая «селекция», в результате которой в дееспособном состоянии остались лишь немногие из ранее созданных объединений и союзов. Одним из немногих, если не единст-

венным, остался «Международный союз немецкой культуры» во главе с Генрихом Мартенсом. Ставка, сделанная им на подготовку и проведение конкретных мероприятий – как разовых, так и долгосрочных – оказалась правильной для взаимодействия с органами государственной власти и России, и Германии: обе стороны охотнее, чем политические форумы, финансировали культурные акции.

Разумеется, «селекция» немецких организаций велась и с применением, как теперь принято говорить, «административного ресурса». В его роли выступил Федеральный закон 1996 года «О национально-культурной автономии», в соответствии с которым стали создаваться взамен прежних, утративших эмоциональный и организационный потенциал объединений, новые – местные и региональные автономии. 19–20 декабря 1997 года прошел учредительный съезд Федеральной национально-культурной автономии «Российские немцы», президентом которой был избран Владимир Бауэр.

Эта автономия стала первой в ряду подобных образований в Российской Федерации. Ее руководство, первоначально собравшее всех бывших тогда на виду общественных деятелей из числа российских немцев, рассчитывало на получение помощи от обеих стран для политической деятельности. Как выяснилось позднее, ни Россия, ни Германия не собирались поощрять политическую активность, напротив, замысел создания национально-культурной автономии состоял как раз в деполитизации межэтнических отношений в стране. Между намерениями лидеров и реальным курсом руководства стран-родителей российских немцев возникло непреодолимое препятствие.

Общественные союзы немцев, когда-то исполненные иллюзий, теперь превращались в проектные организации: для своей деятельности они просили средства у органов власти, те их предоставляли под конкретные дела. Экономический смысл этой деятельности «закрывал» политику: теперь если и шла речь о реабилитации, то имелось в виду прежде всего ее стоимостная составляющая.

Таким образом, к концу 1990-х годов образовалось три новых (старых) центра генерации идей о будущем российских немцев и притяжение государственных средств на решение их проблем:

– Государственно-общественный фонд «Российские немцы» (Иван Бекер), призванный решать проблемы освоения средств в рамках Федеральной программы развития российских немцев;

– Федеральная национально-культурная автономия «Российские немцы» (Владимир Бауэр);

– «Международный союз немецкой культуры» (Генрих Мартенс).

Именно эти три структуры стали, в зависимости от обстоятельств, набирать или терять силу, образовывать или разрушать альянсы, формулировать или дискредитировать цели реабилитации народа.

V

Несмотря на значительные различия, на отчаянную борьбу друг с другом, все три организации показали много общих, сходных черт своего политического поведения. Назовем некоторые из этих черт, которые вопреки всему объединяли организации российских немцев.

1. Стремление заручиться поддержкой государственных органов России и Германии в любом из своих предприятий и начинаний. Фактически тем самым всеми организациями признавалось, что решение любых проблем российских немцев – в руках власти.

2. Отсутствие четких позиций у лидеров организаций приводило к постоянным «миграциям» из Фонда в Федеральную автономию и обратно и позволяло вчерашним ярым противникам, публично обвинявшим друг друга во всех смертных грехах, уже сегодня спокойно образовывать новую коалицию – против третьего «врага».

3. Усилилась тяга к получению максимально больших средств для ведения своей деятельности. Именно бюджетные деньги становятся мерилем успеха той или иной организации. Соревновательность организаций переместилась в сферу финансового обеспечения, именно эта сфера требовала приложения основных интеллектуальных и организационных усилий.

4. Борьба за выделение бюджетных средств убила самостоятельность этих организаций и их инициативу. Ни одно из объединений не стало, да наверное, и не могло стать независимым с собственными источниками финансирования, с расчетом только на свои силы, а значит, и с независимым курсом и свободой политических суждений.

5. Это предопределяло все большую корпусуляцию немецких организаций: они уже не были теми массовыми структурами, которые в конце 80-х годов объединяли в своих рядах сотни тысяч человек. Главным было юридическое оформление филиальных организаций вне зависимости от того, как велико количество их членов. Это, в свою очередь, позволяло лидерам смотреть на организации российских немцев, как на своего рода личные предприятия, которые действуют по воле одного или нескольких руководителей.

6. Беспрестанная борьба показывала полное отсутствие гражданской солидарности в среде политиков так и российских немцев; эта борьба разрушала цели и идеалы движения, провозглашенные в конце 1980-х годов.

По прошествии десяти лет новейшей истории национального немецкого движения стало ясно, что наряду с силами, заявившими о себе в самом начале: российскими немцами и их организациями, Российской Федерацией и ее руководством, Федеративной Республикой и ее политиками, – есть и новый участник процесса преодоления последствий депортации. И он, этот новый «игрок» на поле решения проблем российских немцев, в отличие от прочих, совершенно виртуальный.

Этот «игрок» – время.

За десять лет, большинство из которых вовсе не было наполнено событиями, все изменилось. Прежние истины и требования перестали казаться правильными, даже сама актуальность когда-то поставленных и оставшихся без всякого ответа вопросов пропала.

Эти вопросы касались прежде всего комплекса проблем реабилитации.

Кого реабилитировать? Стариков, большая часть которых уже ушла из жизни или уехала в Германию? Или их потомков, родившихся в местах спецпоселений, имевших уже возможность учиться, работать, жить, как они считали нужным – как все советские люди.

Как реабилитировать? Выдать денежную компенсацию или все-таки восстановить республику, значение которой в федеративном устройстве современной России не сравнимо с прежними автономиями советского времени? Поедет ли кто-нибудь восстанавливать эту гипотетическую республику?

Где реабилитировать? В России, где мало желающих в условиях экономического и политического кризиса все начинать с нуля, или в Германии, где вообще вопрос о реабилитации автоматически решается, по убеждению властей, благодаря акту переселения?

Когда реабилитировать? Немедленно, чтобы вызвать новый виток международной напряженности в разорванном российском обществе, или поэтапно, хотя уже одно упоминание об этих этапах у всех причастных к проблеме людей вызывало полное отвращение?

Ни на один из вопросов не был дан ответ. Отсутствие ответов – тоже ответ.

В этом сплетении ложных и истинных целей, различий во взглядах, борьбы с промежуточными победами и поражениями обнаружила себя еще одна особенность: включенные в события лидеры и их организации оказались в плену прежних представлений о путях реабилитации. Не было новых идей

и, что еще хуже, не было новых людей для активизации самой национальной жизни, решения проблем российских немцев.

* * *

Выход из лабиринта нашли не те, кто десять лет говорил от имени народа, а сами представители народа – губернаторы Россель и Кресс, министры Греф и Франк, предприниматели Беккер и Миллер, многие другие российские немцы, которые в условиях свободной России делали свои успешные карьеры.

Только глядя на них, мы можем сказать, что реабилитация как восстановление в правах, как торжество равноправия и справедливости, наверное, состоялась.

¹ См.: Бауэр В. А., Иларионова Т. С. Российские немцы: право на надежду. К истории национального движения народа (1955–1993). М.: Республика, 1995, С. 121, 239.

² См.: Иларионова Т. Читатель – газета // «Нойес Лебен». 1990, № 28, С. 3, 14, 15; Иларионова Т. Эмиграция глазами эмигрантов // «Нойес Лебен». 1991. № 27, С. 6 – 7.

2.

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ,
ДЕМОГРАФИИ, СТАТИСТИКИ

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Т. Б. Смирнова

При изучении этнической истории какой-либо конкретной этнической общности этнограф прежде всего обращает внимание на собственно этнические аспекты – на изменения в системе компонентов данной общности, вызванные как спонтанным развитием, так и межэтническими контактами, на динамику этнических свойств этих компонентов. В первую очередь, речь идет о таких компонентах, как язык, культура, быт, этническое самосознание, где этнические свойства проявляются относительно четко¹.

Под этническими процессами в этнологии понимаются изменения этнической общности, которые происходят с течением времени.

Изучение современных этнических процессов проводится с целью определения демографической структуры этнической общности, ее социальной структуры, уровней этнического самосознания, современного состояния национального языка, этнической культуры, процессов межэтнического взаимодействия. Современные этнические процессы исследуются методами, разработанными в этносоциологии – достаточно новым научном направлении, сформировавшемся на стыке этнологии и социологии².

Изучение современных этнических процессов у немцев Западной Сибири было начато сотрудниками кафедры этнографии Омского государственного университета в 1989 г. Целью исследования было изучение этноязыковых, этнокультурных и межэтнических процессов у немцев Западной Сибири, а также их этнического состава и этнического самосознания.

Этносоциологическое обследование немецкого населения Западной Сибири проводилось несколько раз. Первый раз этносоциологический опрос проводился в 1989–1991 годах. В результате этого опроса были получены данные, фиксирующие достаточно стабильное состояние этнотерриториальной общности немцев Сибири. В этносоциологии общепринятым является проведение повторных опросов для выяснения динамики этнических процессов через 10 и 20 лет. Но после распада Советского Союза те экономические, политические и социальные изменения, которые произошли в нашей стране, привели к изменению и этнических процессов. В 1990-е годы этнические проблемы стали совершенно иными, начались массовые этнические миграции, произошли большие изменения в этническом самосознании.

Поэтому в 1996–1997 гг. был проведен, по несколько измененной программе, промежуточный этносоциологический опрос немецкого населения Сибири. И, наконец, в 1999–2002 гг. был проведен плановый повторный опрос, результаты которого показывают те изменения, которые произошли за последние 10–12 лет в этнической общности немцев Сибири, самой большой на сегодняшний день этнотерриториальной группе российских немцев.

Все три опроса проводились методом стандартизированного интервью, поэтому результаты опросов вполне сравнимы. Отличия состояли лишь в том, что во время второго опроса в опросный лист были включены вопросы, касающиеся эмиграции, ставшей на тот момент одной из наиболее актуальных проблем для российских немцев. Во время последнего опроса опросный лист был дополнен блоками вопросов по этническим стереотипам и национально-культурному развитию.

В 1989–1991 гг. этносоциологический опрос немецкого населения проводился в Новосибирской, Кемеровской и Омской областях. В Новосибирской области опрос проводился в Баганском, Карасукском и Татарском районах, в Кемеровской области – в Топкинском и Юргинском районах, в Омской области – в Горьковском, Марьяновском, Исылкульском, Любинском, Одеском, Тарском и Шербакульском районах.

Необходимо отметить, что метод массового опроса населения является в настоящее время одним из основных методов этносоциологического исследования. В нашем случае этносоциологический опрос сельского немецкого населения проводился методом стандартизированного интервью. Опросный лист включал в себя 77 вопросов. Часть из них являлась демографическими индикаторами, как-то: пол, возраст, семейное положение, число детей. Индикаторы, фиксирующие проявление различных сторон жизнедеятельности этнической группы, были объединены в блоки по языку, материальной культуре, духовной культуре, семье и семейным отношениям, условиям жизни и быта, этническому самосознанию и межнациональным отношениям. В силу большой численности немецкого населения Западной Сибири (по данным переписи населения 1989 г. в Новосибирской области проживало 61 497 немцев, в Кемеровской области – 47 990 немцев, в Омской области – 134 199 немцев³), при его обследовании была применена выборка, базирующаяся на отборе респондентов по месту расселения, типу поселения, а также по полу, возрасту и социально-профессиональной принадлежности. Структура населения по этим признакам была определена по данным хозяйственных книг сельских администраций, которые содержат наиболее полные и точные

сведения. В ходе первого этносоциологического опроса было опрошено 1500 человек.

В 1996–1997 гг. был проведен этносоциологический опрос немцев Алтайского края. Опрос проводился в населенных пунктах Благовещенского, Кулундинского, Суетского, Табунского, Немецкого национальных районов. Данный опрос проводился по сокращенной программе, с помощью опросного листа, который включал в себя 30 вопросов. Всего было опрошено 574 человека. Целью этого опроса было сравнение основных этнических характеристик немцев Алтайского края и немцев Новосибирской, Кемеровской и Омской областей, и определение основных изменений, которые произошли в этнической общности за первую половину 1990-х годов.

Необходимо сразу сказать, что существенных отличий между немецким населением Алтайского края и немецким населением Новосибирской, Кемеровской и Омской областей нет. Это объясняется тем, что переселение немцев в эти районы происходило в одно и то же время (конец XIX – начало XX в. и 1941 г.), и состав переселенцев был примерно одинаковым. Этнические процессы на протяжении XX в. также носили практически идентичный характер. Наиболее наглядно это положение иллюстрируют этноязыковые процессы. Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. 51,7 % немцев, проживающих в Алтайском крае, назвали родным языком немецкий⁴. Это средний показатель и по городскому, и по сельскому населению. В сельской местности, где процессы межэтнической интеграции и ассимиляции идут медленнее, где этнические признаки «консервируются», этот показатель выше: родным языком немецкий назвали 86,7 % опрошенных. Расхождение с данными переписи 1989 г. свидетельствует об относительности данных переписей населения и конкретных социологических опросов. Переписи населения дают средние результаты и по сельской местности, и по крупным городам. В нашем случае, когда опрос проводился в основном в моноэтнических населенных пунктах, в местах компактного проживания немцев, были получены результаты, которые свидетельствуют о достаточной степени сохранности немцами в качестве родного немецкого языка. Репрезентативность этих данных подтверждается результатами опросов в Омской, Новосибирской и Кемеровской областях – 84,6 % опрошенных назвали родным немецкий язык.

Категория «родной язык» отражает не столько языковую практику, сколько национальную ориентацию. Поэтому помимо вопроса о том, какой язык является родным, респондентам задавался вопрос о степени владения немецким и русским языками. Степень владения немецким языком оказалась

гораздо ниже, чем уровень осознания немецкого языка родным: свободно владеют немецким языком только 37,7 % опрошенных немцев Алтайского края и 43,9 % немцев Новосибирской, Омской и Кемеровской областей. Необходимо учесть, что степень владения немецким литературным языком еще ниже, так как немцы Сибири употребляют в основном диалекты. Степень владения русским языком гораздо выше. Свободно владеют русским языком (то есть, говорят, читают и пишут) почти все опрошенные, за исключением нескольких женщин преклонного возраста. Многие пожилые люди отмечают, что до войны они практически не знали русского языка, говорили на диалекте, а русский выучили только в трудармии. В послевоенные годы сфера действия немецкого языка все более сокращалась. Немецкий язык употреблялся преимущественно в семейной сфере общения. Так, по данным опроса, разговаривают с родителями преимущественно на немецком языке 64 % опрошенных, с супругами – 61,7 %. Преимущественно на русском языке происходит общение с детьми (61,1 %, в средних возрастных группах опрошенных, имеющих, как правило, маленьких детей – 80 %), с коллегами на работе (75,8 %), с друзьями и соседями (79,2 %).

При ответе на вопрос, на каком языке предпочитают смотреть спектакли и концерты, большинство опрошенных (66,1 %) предпочли русский язык. 87,0 % опрошенных читают газеты и журналы на русском языке. Таким образом, опрос 1989–1991 гг. показал, что для немцев Сибири характерен развитый русско-немецкий билингвизм, с тенденцией к расширению действия русского языка.

В период проведения опроса 1996–1997 гг. актуальной стала проблема эмиграции немцев Сибири в Германию. Поэтому в опросный лист был включен блок вопросов, касающийся этой проблемы. Первый вопрос был связан с выяснением доли местных уроженцев и приезжих в изучаемой группе. Как правило, высокая доля приезжих (41 % в обследованных населенных пунктах) вызывает нестабильность, неустойчивость этнической группы и служит толчком к последующим миграциям. Среди приезжих в Сибири большинство составляют немцы из Казахстана и государств Средней Азии. Для того, чтобы определить тенденции миграционных процессов, респондентам был задан вопрос «Хотели бы Вы сменить место жительства?». Положительно ответили 39,2 % опрошенных немцев Алтайского края.

В качестве основных причин эмиграции респонденты указали следующие: желание улучшить условия жизни – 54,5 %, переезд к родственникам, воссоединение семей – 30,0 %, нестабильная политическая ситуация в России – 4,7 %, беспокойство за будущее детей – 4,7 %, необходимость лечения в

Германии – 3,1%, сложная криминальная обстановка в России – 1,5 % нежелание служить в армии – 1,5 %.

Примечательно и то обстоятельство, что одной из основных причин выезда стало воссоединение семей. Это придает эмиграции характер цепной реакции. Многие респонденты отмечают, что решение об эмиграции дается им с большим трудом, что если бы они хотели уехать, то сделали бы это раньше, в годы острого кризиса. Но сейчас в Германии живут родители (или дети), поэтому нужно уезжать.

В 1999–2001 гг. был проведен повторный этносоциологический опрос немецкого населения Новосибирской и Омской областей с целью выяснения динамики современных этнических процессов. Опрос проводился в тех же районах, что и раньше, за исключением Одесского района, часть территории которого вошла в созданный в 1992 г. Азовский немецкий национальный район Омской области.

Опросный лист был расширен до 94 вопросов за счет включения дополнительных вопросов по эмиграции, межнациональным отношениям и этническим стереотипам. Количество опрошенных составило 1302 человека.

Сравнительный анализ результатов последнего опроса с опросом 1989–1991 гг. показывает, что прежде всего изменился этнический состав немцев Сибири. В результате эмиграции в Германию доля местных уроженцев снизилась с 71,8 % до 48,7 %. Основную массу приезжих составляют мигранты из Казахстана. Если по данным первого этносоциологического опроса при определении этногрупповой принадлежности респондентов, «казахстанскими немцами» никто из опрошенных себя не называл, то при проведении повторного опроса группа «казахстанских немцев» составила 6,1 % от общего числа опрошенных. Следует учесть и то обстоятельство, что значительная часть немцев, приехавших из Казахстана, называет себя «поволжскими немцами». Самую значительную долю (46,2 %) среди опрошенных составляют немцы, назвавшие себя «сибирскими». Это свидетельствует о ходе процессов этнической консолидации на основе общей территории проживания. Кроме «сибирских» и «казахстанских» немцев, респонденты называли себя «поволжскими» (21,5 %), «украинскими» (5,7 %), «волынскими» (4,5 %) немцами, меннонитами (11,1 %) и др.

В стабильных условиях процессы этнической консолидации должны были привести к увеличению доли «сибирских» немцев в составе этнотерриториальной общности немцев Сибири. Однако в результате массовой эмиграции немцев в Германию этого не произошло. Доля немцев, назвавших себя «сибирскими» в 1989–1991 гг., составляла 45,4%, то есть за прошедшее с мо-

мента первого опроса время она практически не изменилась. Моноэтничность немецких сел нарушена, и в настоящий момент они представляют собой явление совершенно иного порядка, нежели десятилетием раньше.

До начала массовой эмиграции немецкие населенные пункты Сибири были однородными по своему этническому составу. В большинстве немецких сел и деревень проживали потомки нескольких, приехавших в конце XIX – начале XX века и разросшихся семей и немцы, депортированные из Поволжья. Многие жители села могли носить одну фамилию: Бартель – в Хортицах, Фризен – в Солнцевке, Нейфельд – в Неудачино и т.д. Благодаря тому, что длительное время существовал запрет на межконфессиональные браки, а после войны миграционная подвижность немецкого населения была низкой из-за ограничений в выборе места жительства, сформировались определенные эндогамные круги, произошло сложение семейных кланов, по крайней мере, в тех населенных пунктах, где немцы составляли большинство. В настоящее время ничего подобного не существует. Даже в тех населенных пунктах, где немцы являются этническим большинством, значительную часть из них составляют приезжие.

Произошли изменения в языковой сфере. По данным последнего опроса, родным языком немецкий язык назвали 71,2 % опрошенных. Изменилась ситуация с языковой компетентностью: с одной стороны, с 3,4 % до 8,2 % выросла доля немцев, не владеющих немецким языком. С другой стороны, до 51,1 % выросла доля респондентов, владеющих немецким языком свободно, что, несомненно, связано с проводимой в последние годы работой по совершенствованию преподавания немецкого языка.

Особенно выделяются в этом отношении Немецкие национальные районы. В 2002 г. был проведен опрос населения Азовского немецкого национального района Омской области. Было опрошено 292 человека во всех населенных пунктах Азовского района. С помощью этого опроса предполагалось выяснить, произошли ли изменения этнических параметров немецкого населения за десять лет существования национального района, есть ли положительные сдвиги по сравнению с этноязыковой и этнокультурной ситуацией немецкого населения, проживающего за пределами национального района.

Основные показатели в районе и за его пределами, разумеется, совпадают. Но и та работа, которая проводится в районе по развитию немецкого языка и национальной культуры, несомненно, видна. Так, если в целом по Омской и Новосибирской областям читают газеты и журналы на немецком языке 10,3 % опрошенных немцев, то в Азовском районе доля таких лиц со-

ставляет 33,9 %. Если на вопрос: «Каких поэтов и писателей своего народа вы знаете?» – положительно ответили 49,7 % опрошенных в целом, то в Азовском районе положительно ответивших было 53,4 %. На вопрос о знании сказок, легенд своего народа положительно ответили 15 % опрошенных в целом и 31,3 % жителей немецкого района.

По сравнению с периодом десятилетней давности произошли изменения и в сфере этнической культуры. Так, увеличилось число людей, празднующих народные и религиозные праздники. Например, если по данным опроса 1989–1991 гг. Пасху праздновали 78,0 % опрошенных, Рождество – 54,9 %, то по данным опроса 1999–2001 гг. – 87,2 % и 84,3 % соответственно. С 75,0 % до 91,8 % выросла доля лиц, одобряющих обряд крещения. Эти тенденции, конечно, связаны с большей религиозной свободой в стране по сравнению с предшествующим периодом. Увеличилось, хотя и незначительно, число лиц, празднующих свадьбу по народным традициям, причем, наши респонденты подчеркивали, что это традиции именно немецкие. Часто приходилось слышать фразу: «Мы стараемся вспомнить то, что наши деды старались забыть».

Достаточно заметными являются изменения при анализе данных похозяйственных книг сельских администраций немецких населенных пунктов десятилетней давности и современными. Во-первых, резко снизилась доля немцев во всех населенных пунктах. Во-вторых, расширился пофамильный состав жителей. Если раньше большинство немецких деревень состояло из 2–3 родственных групп, своеобразных кланов, половина деревни носила одну фамилию, то теперь от старожилов осталось несколько семей. И в-третьих, немцы по-прежнему заключают большое количество национально-смешанных браков (по данным архива ЗАГС Омской области в 1991 г. 68,3 % всех браков, заключенных немцами, были национально-смешанными). Но если раньше в похозяйственных книгах национальность детей в национально-смешанных семьях указывалась почти исключительно не немецкая, то сегодня ситуация прямо противоположная. Практически все дети в национально-смешанных семьях, независимо от того, кто является по национальности немцем, отец или мать, записаны немцами. На наш взгляд, это связано не только с эмиграционными настроениями части немцев Сибири (по данным последнего опроса в Новосибирской и Омской областях намерены уехать в Германию 50,0 % опрошенных, 44,4 % уезжать не хотят и 5,9 % затруднились ответить), но и возросшим этническим самосознанием немцев.

В заключение следует сказать следующее. Ведущими у немцев Сибири в настоящее время необходимо признать этноэволюционные процессы ме-

жэтнического характера и прежде всего этническую ассимиляцию. Факторы, определяющие течение ассимиляционных процессов следующие: во-первых, развитие русско-немецкого двуязычия, которое превратилось в массовое стойкое явление и может считаться этническим признаком российских немцев. Во-вторых, это влияние русской культуры на немецкую традиционную культуру. И, в-третьих, это глобальный процесс урбанизации, при котором традиционная национальная культура уходит в прошлое, а ее воспроизводство, восполнение, «подпитка» происходит в силу национального культурного вакуума за счет общероссийских эквивалентов.

Подобные стремительное изменение этнической ситуации требует появления мобильных образовательных, языковых и культурных программ, направленных на развитие языка и культуры российских немцев в местах их компактного проживания.

-
- 1 См.: Томилов Н. А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 17.
 - 2 См.: Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 271.
 - 3 Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. // Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 60, 68.
 - 4 См.: Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 60, 68.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОГО
СТАТУСА НЕМЦЕВ УКРАИНЫ
(по материалам историко-этнографических
экспедиций Института украинско-немецких
исследований Днепропетровского
национального университета)

С. И. Бобылева

Многие национальные проблемы настоящего имеют глубокие корни в прошлом. Посредством объективного изучения и анализа их корней представляется возможным выработать соответствующую оценку, правильное общественное сознание и исторически обоснованное мировоззрение.

Для гармоничного развития межнациональных отношений в современной Украине явно недостаточно. Необходимо учитывать региональную специфику с ее исторически сложившимися этническими и национальными особенностями. Сегодня в Украине наблюдается развитие процессов этнической дифференциации, с одной стороны, и национальной интеграции, с другой. Идет формирование наций гражданского образования, и в то же время происходит совершенно противоположно направленный процесс – консолидация людей на этнической основе с целью более полного выражения и защиты специфических социальных и национальных интересов. Необходимость изучения истории немецкого этноса в Украине и его ныне существующего положения обусловлена как задачами сугубо научного характера, так и проблемами практического значения.

Перед Второй мировой войной, согласно Справки НКВД СССР «О численности немцев по переписи 17 января 1939 года» на территории Украинской Советской Социалистической Республики проживало 392 458 лиц немецкой национальности. Они проживали в основном в 5 областях: Ворошиловградской, Днепропетровской, Запорожской, Сталинской, Харьковской. В этих областях процент немцев среди общего населения юга Украины составлял от 2 до 4,5 %.

Трагические события Великой Отечественной войны сказались на судьбах всего населения страны. Не обошли они и немцев Украины. Депортация, репатриация, вынужденная миграция определили основные вехи жизненно-

го пути немецкого населения СССР периода войны и послевоенной истории.

Тем не менее официальная статистика 1959 г. зафиксировала проживающих на территории УССР 23 тыс. лиц немецкой национальности.

По переписи 1989 года численность этнических немцев в Украине составляла 37,8 тыс. человек. В 1992–1994 гг. из стран СНГ в Украину переехали еще 3 617 немцев. Причем 70 % немцев проживали в семи областях, из них: 6,4 тыс. – в Днепропетровской, 6,3 тыс. – в Донецкой, 3,6 тыс. – в Одесской, 3,5 тыс. – в Запорожской и 2 тыс. – в Луганской области. Однако сегодня эта общая цифра существенно изменена в сторону ее увеличения (и это несмотря на имеющий место отток немцев, выезжающих в Германию). По мнению специалистов, число немцев в Украине сегодня приближается к 100 тысячам человек. В документах Фольксрата даже фигурирует число 150 тысяч. Такое разночтение объясняется рядом причин. Во-первых, при переписи 1989 г. не учитывалась национальность лиц, не достигших 16-летнего возраста. Во-вторых, дети из украинско-немецких и русско-немецких семей (а межэтнические браки немцев в Украине составляют практически 90%) в настоящее время чаще считают себя немцами, и за счет этого существенно увеличивается численность немецкого населения. В-третьих, идет процесс восстановления национальности, ранее усиленно скрывавшийся из-за репрессивной политики государственных структур. В-четвертых, очевидно, имеющий место факт завышения численности немецкого населения в Украине обусловлен желанием соответствующих структур получить большие объемы финансирования из Германии.

В силу выше перечисленного, изучение истории и современного состояния немецкого населения Украины, и взаимоотношения с титульной нацией являются необходимыми. Общество постепенно освобождается от идеологически обусловленной полуправды и игнорирования истории немецкого населения.

Приведенные аргументы объясняют большую важность анализа роли и места немецкого населения Украины в социально-экономической и общественной жизни страны на протяжении всей истории, а также определяют вклад немцев в общенациональное развитие Украины. Все это в конечном счете играет значительную роль в возрождении самосознания и гармонизации взаимоотношений между национальностями.

Исходя из того факта, что в отечественной историографии тема «Немцы Украины» недостаточно изучена, выполняемая в ходе экспедиции работа предусматривала, базируясь на значительном количестве документальных источников, устных и материальных свидетельствах культуры, исследова-

ние ряда вопросов, связанных с этнической и политической историей в частности:

- вопрос этнокультурных взаимоотношений в Украине;
- культурные традиции и образ жизни, а также формирование новых нравственных черт;
- исследование взаимоотношений, возникающих между этническими группами в связи с социальными проблемами;
- интеграции этнических групп на рубеже XIX–XX веков;
- анализ духовной жизни колонистов и их религиозное влияние на окружающее православное население;
- реконструкция социальных и демографических процессов в немецких и меннонитских общинах в годы революций и гражданской войны;
- этнические и политические изменения между двумя мировыми войнами;
- влияние политических событий 1930-х – 1940-х гг. на современное состояние бывших немецких колоний, на современное положение и самосознание немецкого населения.

Нынешняя ситуация в Украине такова, что самоорганизация немцев как социальной группы носит достаточно иллюзорный характер. Это связано в значительной степени с тем, что немцы Украины явно ощущают неопределенность своего статуса. Перед ними стоят проблемы, обусловленные значительной утратой национальных черт немецкого этноса: миграцией и эмиграцией в поисках приемлемых условий для выживания как представителей немецкого этноса; отставанием по образовательному уровню от средних показателей в Украине; преимущественно дисперсным проживанием в отсутствии собственных национально-территориальных образований; потребность в реабилитации немцев как народа и как нации.

Все, что интересует историка в прошлом, теснейшим образом связано с тем, что он желает понять или оправдать в современном ему обществе. Задача, которую участники экспедиции ставили перед собой, состояла в поисках обломков ушедших миров, их реконструкции, и с их помощью воссоздание реалий и событий прошлых лет, осознание нынешнего состояния этнических немцев Украины. Нам хотелось понять, как громадна толща этноконфессионального характера, ощутить эту глубину, почувствовать, что такое колонист, а, может быть, в чем-то узнать и самих себя либо, напротив, с некоторой досадой заметить нечто, чего лишен он сам и все мы вместе взятые.

Стремление целостно воскресить прошлое и понять настоящее предполагает изучение не только реалий и событий политической жизни, но и условий существования широких масс. Плотность слоя истории, который можно

назвать современностью, все более и более уменьшается: момент, когда прошедшее представляется «иным», т.е. отличающимся от настоящего, становится все более и более близким. Явления, которые еще вчера считались нашей современной историей, стремительно становятся прошлым, погружаясь в океан «иного». Прошлое настолько приблизилось к настоящему, что его уже трудно игнорировать: оно слишком бросается в глаза.

В то же время, по мере удаления от современности возможности социально-психологических изысканий для историка стремительно сокращаются.

История, изучающая человека и общество во времени, представляет собой науку об изменениях, развитии. При естественной установке историков на динамику они меньше замечают те стороны общественной жизни, которые тяготеют к повторяемости и неизменности. Поэтому вполне объяснимо столь длительное отсутствие интереса к статике в истории. А между тем «груз прошлого» тяготеет над историей любого общества, сколь мобильным оно не было бы. Изучая историю немцев и меннонитов, характер их взаимоотношений с автохтонным населением, мы получили возможность исследовать навыки, традиции, культуру быта, производства и взаимоотношений между народами, зафиксированную в народной памяти, в различных материалах, документах. Это требовало системного подхода и синтеза ряда наук – этнографии, исторической географии, филологии, демографии, генеалогии, биографических исследований, климатологии, социологии, политологии. Все это в целом позволяет создать своеобразную национальную матрицу, положив которую в основание исследования, возможно реконструировать в определенных хронологических рамках социокультурную жизнь немецкого и меннонитского населения региона.

Всего за три сезона экспедиций (1998, 2001, 2002 гг.) было обследовано 86 бывших колоний, имений, хуторов. Часть из них не была нанесена на карту Штумпа (хутора Гильца, Кильмана и Майера в районе с. Горки Синельниковского р-на, с. Леонофельд Михайловского сельсовета того же р-на, хутор Эппа в р-не с. Нововасильковки Васильковского р-на, хутор Кимльмана и Кнайба в р-не с. Письменного того же р-на). Обследовались как материнские, так и дочерние поселения.

Количественная сторона результатов экспедиций следующая: выявлены и исследованы памятники материальной культуры украинских немцев и меннонитов: 296 жилых помещений; 65 хозяйственных построек; 15 колодцев; 4 мельницы, маслобойка; 27 школьных зданий; промышленная постройка; 3 культовых сооружения, 57 кладбищ и мест их бывшего расположения; 309 надгробных памятников и их отдельных элементов; 91 предмет домашнего

быта; 23 – сельскохозяйственного инвентаря. Особенно следует отметить находку осени 2002 г. – надгробный памятник С. Х. Контениусу. Его поиски велись на территории бывшей колонии Йозефсталь. К этой работе активно привлекалось местное население, студенты университета. Усилия увенчались успехом. Была собрана коллекция строительных материалов, произведенных и использованных колонистами. Сделано более 2,5 тыс. фотоснимков, создается архив устной истории: 107 кассет с аудиозаписями. Но главное – это люди. Состоялись беседы с 400 жителями. Из них 93 человека – немцы. Это малое число вполне объяснимо, поскольку мы знаем о ранее существовавшем запрете лицам немецкой национальности поселяться в местах своего прежнего проживания.

Анализ памятников материальной культуры позволяет воссоздать планировку колоний, немецких подворий, производство, культуру и быт колонистов, их обычаи, место религии в их повседневной жизни, отношение к школе и вопросам культуры, традиции бывших жителей немецких и меннонитских поселений. Но главным, безусловно, были респонденты. Их значимость трудно переоценить. Причем значение информации украинско-русских респондентов иногда даже доминировало при реконструкции сложнейших социально-экономических и психологических потрясений, выпавших на долю колонистов и серьезно сказавшихся на мировосприятии живущих в этих селах немцев и меннонитов.

Беседы с респондентами как немцами, меннонитами, так и представителями других национальностей позволили яснее ощутить сущность межэтнических отношений, концентрируя свое внимание, как это делает известный немецкий социолог Фридрих Геккман, на ключевых понятиях этносоциологии:

- этничность как социальная категория и ее значение в современном обществе;
- типология этнических меньшинств;
- социально-культурное состояние этнических меньшинств;
- этническая самоорганизация;
- межэтнические конфликты;
- ассимиляция и этническая идентификация;
- политика по отношению к меньшинствам.

Большое внимание было уделено проблеме влияния прошедших социальных, политических, культурных потрясений на поведенческие характеристики немецкого населения. (Античность, безысходность, обостренное восприятие всего и вся).

Современные теоретико-методологические исследования показывают, что наиболее существенными признаками социально-этнического статуса в обществе являются национальность, профессия, квалификация (образование), уровень дохода, наличие собственности, территориальные и семейно-возрастные различия.

Социально-этнический статус – это интегральный показатель общественного положения той или иной социальной группы. Мы одновременно изучали этническую специфику общих социальных явлений и собственно этнические признаки: национальное самосознание, язык, обычаи, изменения в этнических и межэтнических установках, реализацию интересов этнических меньшинств.

В результате нашей работы мы пришли к ряду заключений, часть из которых в то же время порождает новые вопросы.

1. Уровень материального благосостояния обследованных колоний был далеко не одинаков и в какой-то мере тесно связан с религиозными взглядами людей. Наиболее бедными были поселения католиков, за ними шли лютеране. Меннонитские колонии, особенно материнские, отличались высоким уровнем благосостояния общин.

2. Представляется возможным отметить отдельные факты, сыгравшие позитивную роль в плане материальной составляющей колонистов Украины. Один из них – иммиграционный фактор. Сюда прибыли люди, стремившиеся уйти от прошлого с его запретами, непомерными налогами, ограничениями, преследованиями. Многие из них отличались особой предприимчивостью, деловитостью, настойчивостью, решительностью, трудолюбием. Им предстояло выживать в условиях дикой природы.

3. В процессе труда, в конечном счете, все решает людское мастерство, трудовые навыки, накопленные предшествующими поколениями (профессионализм колонистов).

4. Традиционная установка, что в люди человека выводит труд (этика протестантизма).

5. Идея «равных возможностей», оказавшая большое практическое влияние на жизненную организацию колонистов, развивая в них предприимчивость, расторопность, изобретательность.

6. Религия. Ее нельзя переоценивать, но и недооценивать ее также не следует.

На протяжении долгих лет культурное этническое своеобразие меннонитов и немцев во многом сохранялось – язык, обычаи, вероисповедание, чувство общности. Это являлось результатом их устойчивости, в первую

очередь, в культурном смысле. В нынешней ситуации следует более внимательно проанализировать степень сохранности немецкой духовной культуры, уделив особое внимание степени приобщения к этнической культуре в семье.

7. Одним из главных показателей этнического статуса немцев выступает степень сохранности родного языка. В Украине процесс ассимиляции немцев гораздо выше, чем в России. По результатам переписи 1989 г. в Украине немецкий родным языком назвали 23,2 % немцев, тогда как в 1943 г. эта цифра составляла 96 %. В СССР этот показатель тогда составлял в среднем 50 %. В Днепропетровской области степень утраты языка была еще выше. Немецкий в качестве родного языка назвали тогда 19,5 %, русский – 73,9 %, украинский – 6,4 % из 6396 немцев, проживавших в области. Современная ситуация требует глубокого изучения.

8. Немецким колонистам был свойственен индивидуализм, игравший роль стимула экономической предприимчивости на пути к богатству, сочетавшийся со значительной ролью религиозной сельской общины в жизни колонистов. Отсюда возникает проблема наличия или отсутствия сплоченности немецкой общины.

9. Ныне проявляется проблема фактора развивающихся связей немцев Украины с «материнским этносом», что требует внимательного отношения к вопросам современных миграционных и эмиграционных процессов по этническим мотивам, их последствий для экономических, политических, культурных проблем.

10. Социально-экономический статус этнических немцев присутствует в системе религиозных и идеологических отношений. Возникает опасность – нарушение свободы совести в рамках конфессионального характера религиозной среды Украины. Проблемы национализма, стремящегося формировать «титულную» идеологию, отношение немцев Украины с политическими партиями, с другими национальными меньшинствами (Крым).

11. И, наконец, проблема реально-теоретического этнического статуса немцев, проживающих в Украине. Кто они? «Народ», «нация», «нацменьшинство», «этнос», «этническая группа»? Почему их называют «украинские немцы», «волынские немцы», «немцы Крыма»? Это, скорее всего, проблемы социологов. Но они возникли у нас в ходе работы экспедиций.

Все авторы в значительной степени субъективны, во всяком случае, в гуманитарных исследованиях, особенно тогда, когда речь идет о национально-психологических или социально-психологических характеристиках. В своей работе над материалами экспедиций мы стремились избежать подоб-

ных вещей, стараясь максимально стремиться к достоверности. Результатом этой работы станет серия очерков по истории колоний.

Мы находимся лишь в начале пути. В нашей работе, безусловно, есть просчеты и ошибки, но главное все-таки сделано – произошло соприкосновение с подлинной историей народа. Хочется надеяться, что эти исследования будут продолжены. И мы сможем полнее, достовернее и разносторонне представить историю своего Отечества, народов, населявших и населяющих его.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ НЕМЦЕВ В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ (УКРАИНА)

Ю. Н. Лаптев

В годы Великой Отечественной войны немецкое население Крыма подверглось 100%-му выселению: в августе – сентябре 1941 г. было переселено 53 тыс. немцев, а включая лиц, состоящих с ними в браке – 61184 человека. В конце декабря 1941 г. решением Военного совета Крымского фронта в Омскую область были выселены 2233 немца. После окончательного освобождения Крыма весной 1944 г. от войск нацистской Германии и союзников прошли операции по выселению «социально опасных элементов», в числе которых были депортированы и 396 немцев¹. В ходе тотальной «чистки» территории Крыма от «немецких пособников» весной – летом 1944 г. с полуострова было выселено 194303 крымских татар, 9620 армян, 12420 болгар и 15040 греков. Вскоре на спецпоселения было отправлено около 9 тысяч военнослужащих из числа крымских татар и 1700 уволенных из Красной Армии военнослужащих из числа крымских армян, болгар и греков².

В период 1950–1970-х гг. в Крыму удавалось поселиться немцам, высланным из Крыма и других регионов СССР, но это были единичные случаи. Первые компактные места проживания немцев в Крыму образовались в с. Янтарное и с. Новопокровка Красногвардейского района. В с. Янтарное немцы приехали в 1973–1974 гг. из Омской области, а в с. Новопокровку в 1980 г. из Казахстана. К концу 1980-х гг. в Новопокровке проживало около 40 семей, 36 из которых приехали из одного места – Казахстан, Акмолинская обл. (более 80 человек). В с. Янтарное проживало более 50 человек, а в с. Мускатное (Красногвардейский район) проживало более 70 человек. В данных населенных пунктах проживали немцы, депортированные из других регионов СССР³, но находились они в центральной части Крыма – традиционные места расселения немцев до 1941 г.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Крыму проживало 2356 немцев (0,1 % от общего числа населения Крыма – 2458600 чел.)⁴. С середины 80-х гг. XX в. в обществе начался процесс, связанный с активизацией интереса широких масс разных народов к своей истории, культуре, быту, традициям. Наблюдался также повышенный интерес к возро-

дению в различных формах (через этнические организации, культурно-творческую деятельность, семью, научные и просветительские объединения) своей самобытности, которая отличает тот или иной народ в политической среде⁵. Особенно активно процессы «этнического возрождения» и «возрождения национальной культуры» происходили в среде советских немцев, которые ставили вопрос о создании автономной республики в Поволжье. Способствовала этническому восстановлению и работа общественно-политического и культурно-просветительского общества советских немцев «Возрождение» (официальная дата учреждения – март 1989 г.). В работе I Всесоюзной учредительной конференции советских немцев принимал участие и представитель Крыма Г. В. Шауфлер, вошедший в состав координационного центра⁶.

В декабре 1990 г в Крыму было организовано Общественное объединение советских немцев «Возрождение», которое в 1993 г. перерегистрировано как Республиканское общество немцев Крыма «Видергебурт»⁷. Особенностью формирования этнической группы немцев (1990–2000 гг.) на полуострове следует считать возвращение депортированных из различных регионов на общем фоне возвращения и миграционных процессов среди крымских татар, армян, болгар и греков. Начальный этап массового возвращения в Крым депортированных граждан относится к 1989–1991 гг. В это время начинается разработка концепции возвращения и обустройства крымскотатарского народа, мер по ее финансовому и материально-техническому обеспечению. Предполагались три формы добровольного возвращения: индивидуальная (без государственного обеспечения жильем), групповая (на основе организации различных кооперативов, семейной аренды и т. д.) и государственно-организованная в соответствии с разработанным графиком с 1991 по 1996 гг. Дальнейшие события показали, что процесс возвращения не удалось ввести в организованные и регулируемые формы, как не удалось и завершить его в намеченные сроки⁸. В возвращении крымских татар преобладала индивидуальная форма. Следует отметить и официальную позицию лидеров «Меджлиса» (самопровозглашенный орган национального самоуправления) в начале 90-х гг. к понятию «депортированный народ», считающих, что возвращение в Крым армян, болгар, греков и немцев «не может стоять в одном контексте с вопросом о возвращении на свою родину крымскотатарского народа и воссоздании его государственности»⁹.

В 1993 г началась практическая реализация программы возвращения и обустройства депортированных немцев, организован государственный комитет по делам национальностей. За основу возвращения депортированных

немцев была взята государственно-организованная форма. По одному из прогнозов разработанных, в 1992 г. в правительственных структурах Крыма, с 1993 по 2000 г. должно было переехать 45,7 тыс. человек (14281 семья). К середине 90-х гг. имелось более 3-х тысяч заявлений на переезд в Крым от немцев, проживающих в среднеазиатских странах СНГ. В сельской местности расселение предполагалось компактными поселениями по 2–3 тыс. человек¹⁰. По другому прогнозу, более реальному, на наш взгляд, возвращения и обустройства, разработанному в Киеве, предполагалось осуществить национальное возрождение немцев на полуострове в 2 этапа: в 1992–1996 гг. расселить 9 тыс. немцев, в 1997–2000 гг. – 6 тысяч. С 1992 г. началось строительство жилых блокконтейнеров, укомплектованных мебелью. Вскоре Республиканскому обществу немцев было выделено 2500 га земли в бессрочное пользование для строительства 7 национальных компактных поселений: на окраине г. Джанкой, вблизи сел Марьяновка и Новопокрорвка Красногвардейского района, с. Пионерское Симферопольского района, с. Алсфельд Сакского района и другие места. На второй этап переселения предполагалось выделение земли и строительство поселений в Белогорском и Черноморском районах¹¹.

На фоне общего ухудшения в экономике и социальной сфере Украины в середине 90-х гг. XX в. длительная полемика между Симферополем и Киевом по поводу источников финансирования программы возвращения и обустройства депортированных граждан завершилась дальнейшим сокращением бюджетных ассигнований и малопродуктивным решением о финансировании социально-культурных мероприятий из крымского бюджета. К этому следует добавить и скандал вокруг созданного в 1992 г. и ликвидированного Указом Президента Украины в 1996 г. Украинско-немецкого фонда¹².

По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Крымской области проживало 2356 немцев. По сводкам главного управления МВД Украины, в Автономной Республике Крым в 1995 г. проживало 2574 немца, в 1998 г. – 2309 немцев¹³. Данные Управления миграции при Совете Министров Автономной Республики Крым с 1991 по 1996 гг. показывают постоянное преобладание убывающих над прибывающими гражданами немецкой национальности, например, за указанный период прибыло 1192 человека, а убыло 1688 человек¹⁴. По сведениям Республиканского комитета по делам национальностей и депортированных граждан в АР Крым на 01.08.1999 г. на полуострове проживали и были прописаны 1832 немца, в том числе депортированных 504 человека¹⁵. По данным же общественных немецких организаций на 1 января 2002 г. в Крыму проживали 4998 немцев, в том числе 2100

ранее депортированных¹⁶. В настоящее время расселение немцев сравнительно спорадично.

Особенностью национального состава населения Автономной Республики Крым является его многонациональность. По данным Всеукраинской переписи населения 2001 г. на территории АРК проживают представители более 125 национальностей и народностей. Наиболее многочисленными национальностями – русские (1180,4 тыс. чел.), украинцы (492,2 тыс. чел.), крымские татары (243,4 тыс. чел.), белорусы (29,2 тыс. чел.), татары (11 тыс. чел.), армяне (8,7 тыс. чел.), евреи (4,5 тыс. чел.), поляки (3,8 тыс. чел.), молдаване (3,7 тыс. чел.), азербайджанцы (3,7 тыс. чел.), узбеки (2,9 тыс. чел.), корейцы (2,9 тыс. чел.), греки (2,8 тыс. чел.), немцы (2,5 тыс. чел.), мордва (2,2 тыс. чел.), чувашаи (2,1 тыс. чел.), цыгане (1,9 тыс. чел.), болгары (1,9 тыс. чел.), грузины (1,8 тыс. чел.), марийцы (1,1 тыс. чел.) и др. (Приведены данные о национальностях, доля которых в общей численности постоянного населения АРК составляет не менее 0,1 %.)

К общему числу населения полуострова необходимо добавить общую численность населения Севастопольского региона. Согласно уточненным данным Всеукраинской переписи населения на 5 декабря 2001 г. численность населения Севастопольского региона составила 379,5 тыс. человек, которые являются представителями более 97 национальностей и народностей. Наиболее многочисленные национальностями – русские (269,9 тыс. чел.), украинцы (84,4 тыс. чел.), белорусы (5,8 тыс. чел.), казанские татары (2,5 тыс. чел.), крымские татары (1,8 тыс. чел., но по уточненным данным, поступившим из органов МВД и сельских советов, в регионе на 1 февраля 2003 г. проживало 4175 крымских татар), армяне (1,3 тыс. чел.), евреи (1,0 тыс. чел.), молдаване (801 чел.), азербайджанцы (629 чел.), поляки (580 чел.), чувашаи (508 чел.), болгары (405 чел.), мордва (366 чел.), грузины (463 чел.) и др. (Приведены данные о национальностях, доля которых в общей численности постоянного населения Севастопольского региона составляет не менее 0,1 %.) Таким образом, всего в настоящее время на полуострове проживает 2403,5 тыс. человек, из них немцы (2,75 тыс. чел.) в процентном соотношении составляют 0,11%.

В настоящее время в АР Крым зарегистрировано две немецкие общественные организации: Республиканское общество немцев Крыма «Видергебурт» и Республиканское немецкое общество «Землячество депортированных немцев Крыма». Создан ряд немецких культурных центров встреч, работают различные творческие коллективы. Заслуживают внимания финансовая поддержка немецких центров немецкой фирмой GTZ (немецкое товарищество технической помощи) через своего представителя СП «Товарищес-

во Развития» (Одесса). На немецком, русском и украинском языках издается ежемесячная газета немцев Украины «Deutschen Німецький Канал», молодежная газета «Jugend», получаемая в Крыму, а на полуострове издается на немецком и русском языках газета «Hoffnung», «Landsmannschaft», в г. Севастополе – Информационный листок центра встреч «Немецкий дом – Юг». На крымском телевидении и радио выходят еженедельные немецкие программы. Зарегистрировано несколько евангелическо-лютеранских общин¹⁷.

Таким образом, к настоящему времени произошло формирование современной этнической группы немцев Крыма, в которую влились депортированные крымские немцы, «российские немцы», в том числе и люди, переехавшие из Казахстана, а также часть людей, психологически самоосознающих себя в смешанных браках немцами на общем фоне кризиса этничности в Крыму¹⁸. По одному из прогнозов из-за сложного экономического состояния в Украине на переселение и обустройство к 2015 г. в ряде областей Причерноморья, Приднепровья, Донецкого, Центрального и Крымского регионов около 75–80 тыс. граждан немецкой национальности необходим 1 млрд. гривен¹⁹. Но такую значительную сумму профинансировать государству в данный момент сложно.

-
- 1 См.: Брошеван В., Ренпенинг В. Боль и память крымских немцев (1941–2001 гг.). Историко-документальная книга. Симферополь, 2002. С. 124, 130, 132.
 - 2 См.: Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г., Кислый А. Е., Мальгин А. В., Никифоров А. Р., Павлов В. М., Петров В. П. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь, 1998. С. 56–65.
 - 3 См.: Полевой материал автора; Лаптев Ю. М. Проблеми влаштування німців, що повертаються в Крим // VII з'їзд Українського географічного товариства. Київ, 1995. С. 62–63; Зінич В. Т. Проблеми депортованих народів. Повернення німців в Україну // Український географічний журнал. 1998. № 4. С. 14–15.
 - 4 См.: Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР по Крымской области. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1989.
 - 5 См.: Брошеван В., Ренпенинг В. Боль и память крымских немцев (1941–2001 гг.). Историко-документальная книга. Симферополь, 2002. С. 18–21, 23.
 - 6 См.: Национально-культурные объединения Автономной Республики Крым. Справочное пособие. Общая редакция В. П. Петрова. Симферополь, 1999. Вып. 1. С. 71–88.
 - 7 См.: Етнічний довідник. — Поняття та терміни. Етнічні меншини в Україні. Київ, 1997.

- Ч. 1.; Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г., Кислый А. Е., Мальгин А. В., Никифоров А. Р., Павлов В. М., Петров В. П. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь, 1998.
- ⁸ См.: Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г., Кислый А. Е., Мальгин А. В., Никифоров А. Р., Павлов В. М., Петров В. П. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь, 1998. С 87–95.
- ⁹ См.: Там же. С. 194.
- ¹⁰ См.: История российских немцев в документах. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). Сост. Ауман В. А., Чеботарева В. Г. М., 1994. Т. 2. С. 9–10.
- ¹¹ См.: Белялова С. Л., Лаптев Ю. Н., Романова В. А., Савинова О. В. Население Крыма // Крым: настоящее и будущее. Сборник статей. Под ред. Г. М. Фомина. Симферополь, 1995. С. 196.
- ¹² См.: Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г., Кислый А. Е., Мальгин А. В., Никифоров А. Р., Павлов В. М., Петров В. П. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь, 1998. С. 147; Зінич В. Повернення, розселення та облаштування народів, які були депортовані з України // Етнонаціональні процеси в Україні: історія та сучасність. За ред. В. Наулка. Київ, 2001. С. 197.
- ¹³ См.: Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г., Кислый А. Е., Мальгин А. В., Никифоров А. Р., Павлов В. М., Петров В. П. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. С. 236.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 233; Овод В. Миграционные процессы в Крыму: история, проблемы, перспективы. Симферополь, 1997.
- ¹⁵ Сведения Республиканского комитета по делам национальностей и депортированных граждан при Совете Министров АР Крым.
- ¹⁶ См.: Полевой материал автора; Белялова С. Л., Лаптев Ю. Н., Романова В. А., Савинова О. В. Население Крыма // Крым: настоящее и будущее. С. 196.
- ¹⁷ См.: Белялова С. Л., Лаптев Ю. Н., Романова В. А., Савинова О. В. Население Крыма // Крым: настоящее и будущее. С. 197–199; Крымские репатрианты: интеграция в украинское общество // Сост. Габриелян О. А., Лаптев Ю. Н., Смирнов О. К. Симферополь, 2001 (запись на CD, электронная версия); Кудряченко В. І., Кулінич І. М., Хохлачов В. В. Вихідці з німецьких земель на теренах України минуле та сьогодні. Київ, 1995.
- ¹⁸ См.: Мальгин А. В. Кризис этничности в Крыму и проблема выхода // Предупреждение межнациональных конфликтов в Крыму и их разрешение через диалог культур и интеллектуальные усилия национальных элит. (Материалы круглых столов). Симферополь, 2001 г. С. 14–19.
- ¹⁹ См.: Белялова С. Л., Лаптев Ю. Н., Романова В. А., Савинова О. В. Население Крыма // Крым: настоящее и будущее. С. 199.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (на примере этнических стереотипов)

Ю. А. Виль

Образ жизни исследователи рассматривают как социальный феномен, обладающий высокой степенью интегративности, то есть определенной целостностью жизни индивида и социальной (этнической) общности. Образ жизни нередко изучают как совокупность форм жизнедеятельности, при этом оставляя за рамками проблемы социально-психологический аспект, хотя эмпирические исследования показывают, что на современном этапе «центр тяжести в этнической специфике переместился с материальной сферы в сферу духовной культуры этнических общностей. Эти изменения определяются концентрацией этнических различий, главным образом, в области этнокультурных и детерминируемых ими этнопсихологических особенностей».¹

Немецкое население Западной Сибири не является исключением. Опрос, проведенный под руководством Т. Б. Смирновой в ходе экспедиций Омского государственного университета в 1999–2001 гг. в сельских населенных пунктах Омской и Новосибирской областях, также показал, что следовало бы уделить больше внимания этнопсихологическим признакам. Не случайно 37,5 % наших респондентов в качестве этнодифференцирующего признака назвали особенности поведения.

При изучении этнических представлений немцев о своем народе и о других народах нами было подтверждено положение о возведении некоторых из них в абсолют, причем преобладали отрицательные этнические стереотипы по отношению к другим народам и положительные автостереотипы². Так, в структуре автостереотипов немцев на долю положительного полюса приходится 58 %.

Среди наиболее выраженных собственных позитивных черт немцы называют чистоплотность, трудолюбие, аккуратность и пунктуальность. Положительные гетеростереотипы от общего числа стереотипов, отмеченные немцами у русских составили 51 % (гостеприимство, доброта, трудолюбие), у украинцев – 40,5 % (веселый нрав, доброта), у казахов – 28,5 %

(гостеприимство, доброту, сплоченность). Учитывая, что автостереотип всегда характеризует высокая позитивная направленность, тем не менее на долю автостереотипов с негативной направленностью у немцев приходится 31,1 % всех атрибуций. Отрицательный полюс приписываний в отношении русских составляет 34,9 %, украинцев – 54 %, у казахов – 59,5 %. Наиболее выраженные отрицательные качества, по мнению немцев: собственные – скупость, у русских – пьянство, у украинцев – жадность и хитрость, у казахов – хитрость.

Сравнительно высокий удельный вес отрицательных стереотипов в отношении казахов объясняется, в первую очередь, разницей в этнокультурных ценностях казахского и немецкого населения. Отчасти негативное восприятие украинцев немцами сложилось исторически. Со времен Великой Отечественной войны в сознании пожилого украинского населения обусловлено существование бытового шовинизма по отношению к немцам как оккупантам. Этот факт и нашел отражение в самосознании немцев. Сохранение подобного негативного гетеростереотипа, несмотря на временную удаленность тех событий, которые способствовали его возникновению, объясняется рядом свойств стереотипов. Во-первых, стереотипы не всегда основываются на личном опыте. Чаше индивид воспринимает «групповой образ», выработанный на основе группового опыта и как бы пропущенный через себя. Во-вторых, стереотипы весьма устойчивы к новому знанию, тем более, если они продолжают срабатывать в конкретной ситуации, то есть стереотипы продолжают функционировать, пока они эффективны, а не истинны и достоверны.

Этнокультурные ценности у казахского населения немцы видят в типе хозяйства (скотоводство) и особенностях поведения (традиционность). Различия с украинцами выделены в материальном аспекте (пища). В качестве собственной и русской этнокультурной ценности немцы отметили духовную культуру (соответственно, религиозность и ментальность).

Этнические стереотипы далеко не всегда несут в себе негативное отношение к членам иноэтнических групп. И преобладание этнодифференцирующих признаков над этноинтегрирующими обусловлено тем, что выделение отличий скорее вероятно на уровне обыденного сознания, чем осознание общего. Интенсивность интеграционных процессов можно оценить с помощью анализа ответов на вопрос о том, какие национальности близки к немцам. Были выбраны два признака: язык и культура.

По языку наиболее близкими немцы считают русское население, несмотря на то, что принадлежат они к разным ветвям индоевропейской языковой семьи. Выделение подобного сходства объясняется развитым билин-

гвизмом немцев Сибири и высоким уровнем этноязыковой ассимиляции со стороны русского населения.

По близости к немцам по культуре и быту русские также находятся на первом месте – 37,5 %. Среди других национальностей названы латыши, эстонцы, поляки, голландцы, австрийцы, швейцарцы. И все же наибольшее языковое и культурно-бытовое сходство отмечено респондентами по отношению к русскому населению.

Кроме того, и в гетеростереотипах немцы сближают себя и русское население. Объединение идет по двум основаниям: общего стиля трудовой деятельности (трудолюбие) и отношение к людям (доброжелательность).

В настоящее время как никогда возросла динамика социального развития. Социально-психологическая сфера является чутким барометром этих изменений. Поэтому протяженность во времени существования стереотипизированных форм опыта сегодня намного короче, чем в предыдущие периоды человеческой истории.

¹ Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 112.

² См.: Смирнова Т. Б. Современные этнические процессы у немцев Западной Сибири. Диссерт... канд. ист. наук. Омск, 1995. С. 65.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ У ПОТОМКОВ «АРХАНГЕЛЬСКИХ НЕМЦЕВ»

(из опыта работы Архангельского областного
краеведческого музея)

Т. И. Трошина

Колония так называемых «архангельских немцев» сформировалась в северном портовом городе еще в XVII веке, и значительная часть ее членов не имела ничего общего с собственно «российскими немцами», чье переселение в страну началось лишь в екатерининскую эпоху.

В Архангельске выходцы из Западной Европы селились рядом с Немецким гостиным двором, образовав таким образом Немецкую слободу. Впоследствии именно здесь строили свои особняки предприниматели и коммерсанты с «иностранными» фамилиями – всех их, не зависимо от подданства и происхождения, стали называть «архангельскими немцами». К началу XX века в «Немецкой слободе» сложилась своя, особая городская культура. Обычай предписывал русской молодежи не заходить в Немецкую слободу, а «немцы», в свою очередь, «гуляли» только по своей части города. При этом следует оговориться, что антинемецких настроений в Архангельске не отмечалось, и даже в годы первой мировой войны все попытки разжечь подобные настроения, предпринимаемые «желтыми» журналистами, не встретили понимания у большинства горожан. Подобное «разделение» города на «нашу» и «не нашу» части является обычным явлением у молодежи, и встречается даже в наше время.

В ранний период своей истории, в XVI–XVII вв., Архангельск был транзитным пунктом на торговом пути из стран Востока в Западную Европу. Когда морская торговля переместилась на Рускую Балтику, предприимчивые иностранцы, поселившиеся здесь, занялись другими прибыльными делами – производством смолы, канатов, сахара, а позднее и лесопилением. Количество обитателей Немецкой слободы неумолимо сокращалось, что привело к созданию единого реформаторско-евангелистского прихода и постепенному переходу всех «архангельских немцев» – выходцев из Голландии, Англии, германских государств и других европейских стран – на единый язык общения, немецкий. Часть «немцев» сменила не только подданство,

но и вероисповедание, перейдя в православие, продолжая при этом носить иностранные фамилии и говорить в домашнем быту по-немецки.

Волею обстоятельств «архангельские немцы» были в большинстве своем верхушкой городского общества. После революции на них смотрели скорее не как на иностранцев, а как на социально чуждый элемент. У некоторых семей было реквизировано имущество, другие подверглись жилищному уплотнению и вынуждены были сами распродавать свои вещи. В результате, когда в 1970-х годах Архангельский областной краеведческий музей начал комплектовать фонды предметами городского быта, многие вещи из немецких семей оказались анонимными, приобретенными у совершенно посторонних людей. Работа же с потомками была затруднена тем, что эти люди не шли на контакт, привыкнув жить с клеймом «бывших», усугубленным с 1940-х годов еще и немецким происхождением.

Ситуация начала меняться с началом «перестройки». Потомки «бывших» стали интересоваться своим происхождением, у них появилось желание поделиться информацией о своих семьях; стали приезжать гости из-за рубежа, желавшие найти своих родственников, либо просто полюбоваться на город своего детства или родину своих родителей.

Архангельский музей в 1987 году открывает большую выставку «Город и горожане на старой фотографии». Представленные на ней анонимные фотографии были определены родственниками изображенных на них людей. Вещевые комплексы, представляющие городской быт, также привлекли большое внимание. В фонды музея стали поступать предметы уже с легендами, то есть рассказами о владельцах и подробностях бытования. Сотрудниками музея велась запись рассказов старожилов о старом Архангельске. Неоценимую помощь в формировании интереса к жизни старого города оказала книга эмигрантки из Архангельска Евгении Фрезер «Дом над Двиной». Она стала бестселлером в англоязычных странах, отрывки на русском языке печатались в местной прессе, и, наконец, с некоторым опозданием, книга была издана и в Архангельске.

В 1988 году, по инициативе потомков известных архангелогородских семей Сергея Гернета, Александра Шергольда, Натальи Лейцингер, дети и внуки «немцев» объединяются в историко-родословный клуб «Немецкая слобода». В его деятельности активно участвовали местные краеведы, архивисты, музейные работники, поскольку изучение «архангельских немцев» действительно представляло большой научный интерес – именно из их среды вышли наиболее заметные местные предприниматели и общественные деятели.

В 1998 году при помощи Немецкого культурного центра в лице его директора Марины Ефимовой и активистов музей построил большую историко-этнографическую выставку «Немецкая слобода в Архангельске», в которой были представлены все основные достижения местных краеведов в области изучения «архангельских немцев» и их вклада в развитие нашего города. Буклет, изданный по выставке, является наиболее доступным и популярным изданием, рассказывающем о жизни и деятельности обитателей архангельской «Немецкой слободы». Экспонатура выставки – не только из фондов музея, но и семейные реликвии, переданные сюда на время экспонирования.

Выставка рассказывает об истории возникновения Архангельска как необходимого транзитного пункта при торговле «Восток – Запад», о формировании Немецкой слободы как одного из центральных районов города, о быте, занятиях, общественной жизни, организации досуга архангельских немцев, о наиболее ярких представителях диаспоры, оставивших след в жизни города. Последний раздел выставки посвящен процессу разрушения слободы, которое началось в годы первой мировой войны (распространение антигерманских настроений, запрещение немецкого языка в общественных местах, контроль за службой в кирхе и обучением в евангелистском училище, закрытие Немецкого клуба). Вторым этапом этого процесса стала эвакуация этнических немцев в 1918 и 1919 году, в период интервенции, разрушение в связи с этим семейных и родственных отношений. Далее – физическое уничтожение представителей «немецких» семей в 1938 году, когда почти все мужчины были арестованы по так называемому «делу Вилкюнда». И завершилось существование Немецкой слободы в Архангельске в 1970-х годах, когда по генеральному плану перестройки города разрушению подверглись сохранившиеся особняки в центре города.

Выставка «Немецкая слобода» стала местом встреч потомков «архангельских немцев» и краеведов, занимающихся изучением этой темы. Выставка работает уже более двух лет, но до сих пор старожилы приносят сюда новые предметы, бытовавшие в их среде.

Выставка «Немецкая слобода в Архангельске» является одной из наиболее посещаемых экспозиций музея. Секрет в том, что, рассказывая о жизни этой, в сущности, малочисленной группы жителей города, мы рассказываем об истории и быте всего Архангельска. Посетители имеют возможность убедиться, что многие специфические моменты бытовой жизни Архангельска оказались привнесенными из Европы немецкими переселенцами, а затем были скопированы у них русскими жителями города. Недаром еще в конце XIX века путешественники воспринимали Архангельск как

«чисто немецкий город». Книги об Архангельске, выпущенные в советское время (особенно в 1930–60-е годы), в традициях того времени, критически оценивают деятельность предпринимателей, купцов, «отцов города». Поскольку последние были в основном «немцами», то отрицательная оценка распространилась и на них. Выставка на конкретных примерах показывает вклад «архангельских немцев» в развитие экономики и общественной жизни города, их усилия по повышению жизненного уровня и культуры рабочих, благотворительную деятельность.

Потомки «архангельских немцев» имеют на выставке не только благодарную аудиторию для рассказов о своей семье; здесь они получили возможность реабилитировать жизнь и деятельность своих предков, о которых вынуждены были так долго молчать.

Важно отметить, что выставка, рассказывающая о быте горожан в XIX – нач. XX вв., привлекает и этнических немцев, оказавшихся на Севере во время репрессий 1930-х годов, или высланных сюда уже в годы войны. Эти люди оказались полностью оторванными от своих корней; многие годы им приходилось хранить воспоминания о культуре своего народа глубоко в памяти. Но на этой выставке, пусть среди городских вещей, им удастся почувствовать нечто, присущее именно немецкой ментальности. По крайней мере, судя по «Книге отзывов», российские немцы чувствуют на музейной выставке присутствие своей культуры.

НЕМЦЫ КАЗАХСТАНА ПО МАТЕРИАЛАМ
ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1989 Г.
И ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 1999 Г.:
ОСНОВНЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ

Л. А. Бургарт

Источники демографической информации, как известно, весьма разнообразны¹. Важнейшим статистическим источником являются переписи населения. Именно переписи представляют собой наиболее полный процесс сбора демографических, экономических и социальных данных о населении в определенный момент (период) времени². Применительно к Казахстану следует отметить, что всего на его территории было проведено 10 всеобщих переписей населения. Одна – в период существования Российской империи (1897 г.), восемь переписей – в советский период: 1920 г., 1926 г., 1937 г., (данные переписи забракованы, перепись репрессирована), 1939 г., 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г., и, наконец, последняя перепись состоялась уже в постсоветский период на территории Казахстана как самостоятельного государства в 1999 г.

На сегодняшний день сделано многое в плане исследования демографии Казахстана³, хотя в то же время целый ряд демографических проблем остается пока не разработанным. В первую очередь это касается демографического развития отдельных этносов, населяющих Казахстан, в том числе и немецкого. Исследования, в которых проблемам демографии немцев Казахстана уделяется существенное внимание, единичны⁴. Недостаточно используется для исследования и потенциал такого мощного источника как перепись населения.

В данном исследовании сделана попытка представить главные демографические характеристики немецкого населения Казахстана на основе анализа материалов двух переписей: Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Переписи населения Республики Казахстан 1999 г.

Безусловно, что переписи населения, как и любой статистический источник, не лишены недостатков: недочетов, неточностей, затрудняющих объе-

ктивную исследовательскую работу. Не всегда есть возможность провести сравнительный анализ материалов переписей ввиду несопоставимости их данных (существенные различия в программах опроса, изменения административно-территориальных границ и т.п.).

Тем не менее, переписи содержат довольно солидный пласт статистических материалов, на основе которых можно проследить демографические процессы среди немецкого населения Казахстана на различных этапах, провести анализ отдельных проблем в демографическом аспекте, рассмотреть положение немцев в демографической структуре Казахстана.

Перепись населения 1989 г. стала последней переписью населения, проведенной на территории Казахстана как части СССР.

Перепись проводилась с 12 по 19 января и учитывала наличное и постоянное население. Для изучения населения в динамике в программу переписи было включено много вопросов прошлых переписей. В то же время она была значительно расширена. В программу был включен ряд новых вопросов о жилищных условиях, миграции, были расширены темы рождаемости, образования, изменены формулировки вопросов о возрасте, статусе в семье⁵. Всего программа включала 25 вопросов (на 13 отвечало все население, на 7 – постоянно проживающие, на 5 вопросов – 25 % постоянно проживающего населения).

Материалы Всесоюзной переписи населения 1989 года Республики Казахстан в полном объеме представлены в 12 сборниках, а также 3-х томном издании⁶.

Время публикации итогов переписи совпало с периодом прекращения существования СССР, что затруднило обработку данных по бывшим союзным республикам и вызвало задержку в их обнародовании.

Перепись населения 1999 года проводилась на территории Казахстана уже как отдельного государства. Следует отметить, что Казахстан провел перепись населения вовремя, с учетом сложившейся десятилетней периодичности переписей.

Перепись зафиксировала все наличное население Казахстана по состоянию на конец февраля – начало марта 1999 года. В национальном разрезе она включает в себя данные о 130 национальностях. При проведении переписи, как и в предшествующие годы, записывалась национальность, которую называл сам опрашиваемый. Национальность детей определялась родителями.

Значительное внимание в ходе проведения переписи было уделено вопросу о владении языками. Данные по этому вопросу также записывались

со слов опрашиваемых. При этом, если опрашиваемый указывал, что свободно владеет кроме государственного еще несколькими языками, то записывались два, по его выбору.

Перепись отражает владение населения языком своей национальности, а также другими языками. В то же время следует указать на то, что в перепись не был включен вопрос о том, какой язык опрашиваемый считает родным, и насколько им владеет, что, как представляется, составляет значительный изъян в программе переписи.

Положительным моментом при разработке материалов переписи стало то, что опубликованные итоги представляют целый ряд важнейших демографических признаков и характеристик не только в проекции на крупные по численности этносы, но и на все учтенные переписью национальности.

Существенное внимание было уделено в ходе переписи характеристике населения по уровню образования, состоянию в браке и занятости.

Отдельно разрабатывался переписью вопрос о миграции населения в 1989–1998 гг. При этом учитывалась как межрегиональная, так и международная миграция.

Программа переписи включала в себя вопросы об источниках средств существования и о жилищных условиях населения. Но при подведении итогов переписи, проекция на национальности не проводилась. Сборник материалов по этому вопросу представляет население в целом.

Несмотря на отдельные недостатки, присущие программе переписи и процессу разработки ее итогов, перепись представляет довольно солидный источник для анализа демографических процессов, имевших место в Казахстане в 1989–1999 гг., а также освещения современной демографической ситуации в государстве.

Итоги переписи населения опубликованы в нескольких тематических сборниках, представляющих Казахстан в целом⁷, а также в виде отдельных сборников по каждой области.

ВПН 1989 г. зафиксировала пик численности немецкого населения в Казахстане – 957518 (946855) человек. Практически все послевоенные переписи населения, начиная с 1959 г. фиксировали рост численности немцев в Казахстане. Общий прирост численности немецкого населения по отношению к 1979 году составил 6,4 %⁸.

Прирост 1979 г. к 1970г. составил 4,9 %, прирост 1970 г. к 1959 г. составил 30,1 %.

По данным ВПН 1989 г. доля немцев в составе населения Казахстана составила 5,8 %, т.е. тенденция постепенного снижения удельного веса не-

мецкого населения, наблюдавшаяся по переписям 1970 и 1979 гг., получила свое дальнейшее развитие.

В то же время немцы по-прежнему, как и в 1979 г., занимали 3 место по численности среди этносов Казахстана. Следует отметить, что у населения Казахстана в целом, а также русских и казахов тоже наблюдалось снижение уровня прироста до 12,1 %, 3,9 % и 6,4 % соответственно.

Перепись населения РК 1999 года прежде всего показывает мощное сокращение общей численности немецкого населения в Казахстане до 353441 человека.

Сальдо прироста к 1989 г. составило – 62,7 % (593414 человек). У населения Казахстана также отмечается отрицательное сальдо – 7,7 %. По абсолютному уменьшению численности своей группы в сравнении с 1989 г. немцы уступают только русским (1582399 человек), на третьем месте украинцы (328637 человек). Общая численность немцев в Казахстане за 10 лет сократилась почти в 2,7 раза.

Удельный вес немцев в составе населения Казахстана снизился до 2,36 %. С 3-го места по численности среди этносов Казахстана немцы сместились на пятое: после казахов, русских, украинцев и узбеков.

Естественно, что основным фактором, вызвавшим значительное снижение численности немецкого этноса, является эмиграция в Германию и Россию. Кроме того, за общими цифрами скрывается и снижение уровня воспроизводства немецкого населения. В то же время следует отметить, что сокращение численности немцев отчасти было компенсировано «притоком» представителей других национальностей, сменивших после 1990 года свою национальность в паспорте на немецкую.

Интересным представляется анализ картины размещения немцев Казахстана в разрезе город-село. Перепись 1999 года впервые показала преобладание городского немецкого населения над сельским (51,1 % и 48,9 % соответственно), тогда как все предшествующие переписи показывают преобладание сельского немецкого населения.

В 1959 г. соотношение сельского и городского немецкого населения выглядело как 69,1 % и 30,9 %; в 1970 г. – 59,3 % и 40,7 %; в 1979 г. – 54,7 % и 45,3 %; в 1989 г. – 51,2 % и 48,8 %, то есть немецкий этнос, бывший некогда аграрным, таковым быть перестал. Это объясняется мощным миграционным оттоком немецкого населения из сельской местности в Германию и Россию, а также увеличением внутреннего миграционного оттока в города Казахстана.

Следует отметить, что процесс урбанизации населения Казахстана в целом в 1959–89 гг. проходил еще более быстрыми темпами.

По переписи 1989 г. соотношение сельского и городского населения составляло 42,9 % и 57,1 %, в то же время по переписи 1999 г. – 44 % жителей Казахстана проживает в селе и 56 % – в городе. В 1989 г. доля немцев в составе городского населения равнялась 5 %, в составе сельского – 6,9 %; в 1999 г. наблюдается сокращение до 2,4 % и 2,6 % соответственно.

Прирост городского немецкого населения в 1989 г. к 1979 г. составил 16,1 %, в 1999 г. отрицательное сальдо прироста составило – 61,3 %, у сельского немецкого населения сальдо прироста в 1989 г. составило – 0,2 %, в 1999 г. – 64,8 %.

Соотношение численности немцев – мужчин и женщин – в 1989–99 гг. значительных изменений не претерпело. В 1989 г. немцы-мужчины составляли 48,5 %, женщины – 51,5 %, в 1999 г. – 47,6 % и 52,4 % соответственно.

Обращаясь к вопросу о размещении немецкого населения по областям Казахстана, следует отметить несопоставимость данных 2-х переписей в связи с изменением в административно-территориальном устройстве Казахстана, имевшем место в межпереписной период⁹. В границах 1989 г. наиболее крупными областями проживания немцев в Казахстане были Карагандинская (15 % этноса), Целиноградская (11,7 %), Кустанайская (11,2 %), Павлодарская (10,0 %), Кокчетавская (8,6 %). Немцы были представлены в национальной структуре всех областей Казахстана. Самая высокая доля отмечалась в Целиноградской области (12,9 %), самая низкая – в Гурьевской и Кызылординской (0,3 %). Перепись 1999 г. содержит данные о расселении немцев в новых границах областей. Пять первых мест по абсолютной численности немецкого населения занимают Кустанайская (16,2 %), Карагандинская (16,1 %), Акмолинская (14,7 %), Павлодарская (12,3 %), Северо-Казахстанская (11,7 %) области. Наиболее высокая доля немцев в составе населения отмечается в Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Карагандинской и Кустанайской областях.

Сопоставление данных 2-х переписей в границах на 1 января 1999 г. показывает, что наибольшие потери немецкого населения по абсолютным показателям понесли Карагандинская (–102 тыс. человек), Акмолинская (–86,7 тыс. человек), Алма-Атинская (–75,2 тыс. человек) области. В процентном соотношении к 1989 г. наибольшие потери понесли южные области Казахстана: Южно-Казахстанская (–88,2 %), Жамбылская (–83,8 %), Кызылординская (–80,8 %), Алма-Атинская (–79,9 %). Наименьшие процентные показатели в Западно-Казахстанской (–46,5 %), Костанайской (–48,0 %) областях и г. Астана (–49,3 %).

По данным переписи 1989 г. в 10 из 14 областей Казахстана сельское население преобладало над городским. Перепись 1999 г. показывает, что сельское население преобладает над городским только в 4-х областях: Акмолинской, Алма-Атинской, Кустанайской, и Северо-Казахстанской областях, почти равное соотношение в Восточно-Казахстанской и Павлодарской областях. В остальных регионах преобладает городское немецкое население.

Одним из важнейших этнических признаков, входящих в состав программ переписей, является владение языками.

Данные ВПН 1989 г. свидетельствуют о неуклонном продолжении тенденции на снижение доли немцев, владеющих немецким языком.

В 1959 г. немецким языком владело 83,5 % немцев Казахстана. В 1970 г. – 75 %, в 1979 г. – 64,5 %. Перепись 1989 г. зафиксировала дальнейшее снижение этого показателя до 54,4 %.

У городских немцев этот показатель еще ниже – 48,6 %, тогда как у сельских – 60,0 %. Аналогичная картина наблюдается в проекции на мужчин и женщин: доля женщин-немок, владеющих немецким составляет 56,8 %, тогда как у мужчин этот показатель составляет 51,8 %. Городское немецкое население утрачивало немецкий язык более быстрыми темпами в отличии от сельского, подверженного ассимиляционным процессам в меньшем объеме.

Параллельно с процессом утраты родного языка шел процесс увеличения доли, считающих родным языком русский. По данным ВПН 1989 г. этот показатель составил 45,4 % (у городских немцев – 51,3 %, у сельских – 39,7 %). Доля свободно владеющих русским языком как вторым составила 50,6 %.

Как изменились показатели владения немецким языком в течении межпереписного периода 1989–1999 гг.? Перепись населения РК 1999 г. свидетельствует о том, что ситуация с владением немцами Казахстана немецким языком приближается к катастрофической. Лишь 21,8 % немцев «владеют языком своей национальности».

В сравнении с 1989 г. доля немцев, владеющих немецким, сократилась на 32,6 %. Процесс утраты родного языка стал идти более быстрыми темпами. Для сравнения: в период 1970–1979 гг. доля немцев, владеющих немецким, уменьшилась на 11,5 %, в 1979–89 гг. – на 10,1 %. По-прежнему степень сохранения родного языка выше у женщин – 24,2 %, тогда как у мужчин – 19,2%. В то же время почти равными стали показатели владения немецким языком у городского и сельского населения – 21,5 % и 21,8 % соответственно.

Таким образом, впервые мы видим нарушение традиционной картины, при которой у сельского немецкого населения отмечался всегда более высокий, в сравнении с городским, уровень сохранения родного языка. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, нужно исходить из того, какие данные дает перепись по вопросу владения языками. Как уже отмечалось выше, программа переписи не выделяет понятия «родной язык». В то же время известно, что именно сельское немецкое население лучше владеет немецким языком в форме диалекта, тогда как у городского населения больше шансов выучить немецкий язык. Вместе с тем, с уходом старшего поколения (смерть или выезд в Германию) молодежь на селе уже в меньшей степени получает язык в семье. В связи с ростом эмиграции усиливается процесс ассимиляции сельского немецкого населения, проживающего уже в большей мере не компактно, а дисперсно.

Ситуация с немецким языком у городского населения изменилась за счет нескольких факторов, среди которых следует назвать приток немецкого населения из села; а также наличие больших возможностей для изучения немецкого языка (школа, институт, дополнительные языковые курсы при поддержке Правительства Германии). Но в то же время городские немцы в меньшей степени владеют диалектом, т.е. языком, полученным от родителей в семье. Следует еще раз подчеркнуть, что перепись отражает именно ситуацию со знанием немецкого языка вообще без разделения понятий родного языка и языка выученного.

Переписи содержат очень важные сведения об уровне образования населения. Перепись 1989 г. показывает, что доля немцев (в возрасте 15 лет и старше), имеющих высшее образование, составила 4,8 % (у мужчин – 4,6 %; у женщин – 5,0 %; у городского населения – 6,6 %, у сельского – 3,0 %).

В сравнении с данными предшествующих переписей, наблюдается некоторый рост числа немцев, имеющих высшее образование. Однако сравнительный анализ данных по другим этносам Казахстана свидетельствует о том, что немцы по-прежнему уступают более чем в 2 раза казахскому (10,3 %), русскому (10,9 %), украинскому (9,1 %) и татарскому (9,9 %) населению.

По-прежнему у немецкого населения в возрасте 15 лет и старше отмечается наиболее высокая доля лиц имеющих только начальное образование – 18,1 %, а также не имеющих начального образования – 8,4 %.

У населения Казахстана в целом доля лиц, имеющих только начальное образование составляет 10,3 %, у казахов – 7,5 %, у русских – 10,8 %. Картина в области среднего специального образования выглядит у немецкого населения несколько лучше. Доля лиц, имеющих среднее специ-

альное образование, составляет у немцев в возрасте 15 лет и старше –16,7 %, у населения Казахстана этот показатель составляет 18,1 %, у казахов – 15,6 %, у русских – 21,7 %.

Как изменилась ситуация в течение десятилетия? Перепись 1999 г. дает более развернутую характеристику населения Казахстана по уровню образования. При общей численности немецкого населения в возрасте 6 лет и старше в 326217 человек лишь 16873 (или 5,12 %) имеют высшее образование, 0,89 % – имеют незаконченное высшее.

Сравнительный анализ данных по населению Казахстана в целом, данных по казахскому и русскому населению, а также данных по корейцам, полякам и чеченцам (т.е. народам, пережившим депортацию) показывает, что доля лиц, имеющих высшее образование, у немцев оказывается самой низкой. Она в 1,9 раза ниже чем у населения Казахстана в целом (9,99 %), более чем в 2 раза ниже, чем у русских (10,37 %) и казахов (10,44 %). Уступают немцы и депортированным в прошлом народам, хотя у чеченцев и поляков уровень высшего образования тоже невысок (5,8 % и 7,9 % соответственно). Доля лиц со средним специальным образованием у немцев почти совпадает с показателем по Казахстану в целом и лишь немного уступает показателям русского, польского и корейского населения, превосходя при этом показатели казахов и чеченцев.

Чем объяснить значительное «отставание» немцев от других этносов Казахстана по доле лиц, имеющих высшее образование. Некоторые казахстанские чиновники от статистики склонны видеть основную причину только в оттоке значительной части немцев, имеющих высшее образование в Германию и Россию. Но это лишь один из факторов.

Интересные результаты, значительно поясняющие сложившуюся выше ситуацию, можно получить на основе анализа данных по уровню образования и возрасту. Наиболее низкий из показателей высшего, незаконченного высшего и среднего специального образования имеют немцы в возрасте 60 лет и старше (2,8 % имеют высшее образование, 0,2 % – незаконченное высшее и 6,2 % – среднее специальное). Это объясняется опять же тем, что эта возрастная категория (люди, родившиеся в 1920–1940-е годы) более всего пострадала в результате войны, депортации, трудармии и действия режима спецпоселения. Период, когда они могли получить образование, в основном приходится на 1940–1950-е годы. В условиях действия режима спецпоселения немцы не могли покинуть место ссылки для получения образования. Более того, многие не могли пройти даже полный курс школы. Об этом свидетельствует высокий процент лиц, имеющих только начальное общее образо-

вание (54,7 %). Уровень высшего образования у казахов старше 60 лет составляет 9,3 %, русских 9,0 %, в то же время население, имеющее лишь начальное образование, у казахов – 36,5 %, у русских – 34,5 %.

Таким образом, еще одну важную причину следует усматривать в исторических последствиях периода войны и спецпоселения. В то же время анализ материалов переписи показывает, что ситуация с получением высшего образования у немецкого населения Казахстана сегодня также не выглядит благополучно. Если мы возьмем возрастную категорию 20–29 лет (наиболее вероятный период получения высшего образования), то выясняется, что лишь 6,1 % немцев в этом возрасте имеют высшее образование, тогда как у русских этот показатель составляет 10 %, у казахов – 11,6 %.

Сопоставление данных последней переписи с данными ВПН 1989 г. можно сделать только в проекции на население в возрасте 15 лет и старше. По данным на 1999 г. 6,4 % немецкого населения в этом возрасте имеют высшее образование, тогда как в 1989 г. – 4,8 %. То есть мы наблюдаем увеличение доли лиц с высшим образованием. Но в то же время, соотношение с долей казахского и русского населения осталось таким же. Доля лиц с высшим образованием у казахов в возрасте 15 лет и старше составила 13,9 %, у русских – 12,3 %.

Важной демографической характеристикой населения является брачность. Данные ВПН 1989 г. по брачности населения в возрасте 15 лет и старше показывают, что у немцев по-прежнему отмечается довольно высокая доля лиц, состоящих в браке (77,6 % – мужчин и 68,2 % – женщин). Это выше чем у населения Казахстана в целом (66,8 % и 60,45 соответственно), а также русского (69,9 % и 61 %) и казахского (66,6 % и 59,5 %) населения.

В сравнении с данными предшествующей переписи наметился некоторый рост доли разведенных и разошедшихся (2,3 % мужчин и 5,1 % женщин). В то же время доля разведенных и разошедшихся у немцев ниже чем у населения Казахстана в целом 3,4 % мужчин и 6,2 % женщин, а также русского населения (5,4 % и 8,9 %), но выше, чем у казахского (1,7 % и 3,0 %).

Перепись 1999 г. зафиксировала целый ряд изменений в «брачных характеристиках» населения. Во-первых, отмечается сокращение доли лиц, состоящих в браке у немцев-мужчин до 62,8 %, у женщин – до 56,6 %. Эти же тенденции характерны для русских, казахов и населения Казахстана в целом, хотя и в несколько меньшем объеме. По данным переписи 1999 г. у немцев-мужчин и женщин почти такая же доля состоящих в браке, как и у русских и казахов, доля не состоявших в браке ниже чем у казахов, но

выше чем у русских. Во-вторых, перепись 1999 г. показывает значительный рост доли разведенных и разошедшихся мужчин и женщин. У немцев-мужчин до 4,2 %, женщин до 8,4 %, у населения Казахстана в целом до 4,4 % и 8,1 % соответственно, у казахов до 2,6 % и 5,5 %, у русских до 7,1 % и 11,6 %. В-третьих, мы видим некоторый рост доли вдовых у всех групп, кроме женщин-казашек и немок, у которых наблюдается незначительное уменьшение доли вдовых. Наиболее высокий процент вдовых отмечается у русских.

Отмеченные выше тенденции можно объяснить изменениями в типе «брачного поведения» как отдельных этносов, так и населения Казахстана в целом, а также особенностями половозрастной структуры этносов.

Важной социально-экономической характеристикой населения является занятость (распределение по группам занятий). ВПН 1989 г. и перепись населения РК 1999 г. содержат значительный блок данных по этому вопросу. Однако группы занятий, выделяемые в 2-х переписях, значительно отличаются друг от друга и позволяют провести сравнительный анализ лишь частично.

По данным ВПН 1989 г. 48,9% немецкого населения было занято «в отраслях народного хозяйства» Казахстана. Общая доля немцев в составе всего занятого населения равна 6,1 %. Наиболее высокий процент в составе занятого немецкого населения составляют работающие в сфере сельского хозяйства (26,4 %), промышленности (21,0 %) и строительства (10,2 %).

Доля немцев, занятых в сфере партийных и общественных организаций, составила 0,4 % от общего числа занятого немецкого населения и 4,6 % от общего числа занятого в этой сфере населения Казахстана.

Анализ данных по областям Казахстана показывает, что в Алма-Атинской, Кокчетавской, Целиноградской, Кустанайской, Павлодарской, Семипалатинской и Чимкентской областях наибольшая доля занятого немецкого населения приходится на сельское хозяйство, в Джамбульской, Дзезказганской, Карагандинской областях – на промышленность.

2,2 % немецкого населения было занято в сфере управления. У казахов доля «управленцев» составила 3,6 %, у русских – 5 %. Анализируя удельный вес отдельных этносов в составе населения занятого в сфере управления, видим, что казахи составляют 30,2 %, русские – 47,6 %, немцы – 3,1%.

Перепись 1999 г. показывает, что 29,7 % немецкого населения является занятым, т.е. за 10 лет доля занятого немецкого населения уменьшилась на 17,9 %.

По удельному весу в общей численности занятого населения казахи составляют 50,9 %, русские – 32,1 %, немцы – 2,5 % (2,5 % – мужчины; 2,5 % – женщины; 2,3 % – городское население; 2,8 % – сельское).

Интересным представляется анализ данных по удельному весу отдельных групп занятий. 7,1 % занятых немцев являются руководителями и представителями органов власти (у женщин – 6,8 %, у мужчин – 7,3 %). У населения Казахстана в целом этот показатель составляет 8,3 %, у казахов – 7,9 %, у русских – 9,3 %. Специалисты высшего уровня квалификации составили у немцев – 7,9 %, среднего уровня – 11,4 %. Показатели у населения Казахстана в целом составили 12,9 % и 12,3 %, у казахов – 14,5 % и 12,3 %, у русских – 12,1 % и 13,3 % соответственно.

Наибольший удельный вес в составе занятого немецкого населения составляют операторы, машинисты, слесари-сборщики, а также квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных организаций, строительства, транспорта, связи, геологии, разведки недр – 21,1 % и 15,2 % соответственно. Неквалифицированные рабочие составили у немцев 11,5 % (у женщин – 14,4 %, у мужчин – 9,4 %).

Доля руководителей и представителей органов власти у городского немецкого населения составила – 8,9 % (9,7 % – мужчин, 7,9 % – женщин), у сельского населения – 5,1 % (4,9 % – мужчин, 5,3 % – женщин).

Рассмотрим удельный вес отдельных национальностей в общей численности занятого населения. Доля немцев-руководителей составляет 2,15 %, специалистов высшей квалификации – 1,53 %, квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий – 3,53 %, неквалифицированных рабочих – 2,69 %.

В сравнении с 1989 г. доля немцев в составе руководителей также сократилась. У казахов доля руководителей и представителей органов власти возросла до 48,2 %, у русских – сократилась до 35,8 %. Как уже отмечалось выше, материалы переписей не всегда сопоставимы. Одной из причин является недостаточная разработка итогов переписей.

В проекции на переписи 1989 г. и 1999 г. это касается также таких важных вопросов как половозрастная структура населения и миграции. Несмотря на наличие этих вопросов в программах обеих переписей, достаточную разработку по национальностям они получили только по итогам переписи 1999 г.

Материалы Т. 4 (Ч.1) переписи населения РК 1999 г. представляют население Казахстана по национальностям, полу и возрасту. На их основе построены пирамиды данных по немцам в целом и в разрезе городское – сельское население. Что показывает пирамида немецкого населения?

Значительное сужение в самом основании пирамиды. Немецкое население в возрасте 0–9 лет составляет лишь 14,2 % (15,1 % – муж. 13,3 % – жен.).

Это является следствием спада рождаемости и мощного эмиграционного оттока немецких семей из Казахстана.

Возрастная категория 10–19 лет составляет 22,9 % (24,1 % – муж. и 21,8 % – жен.). Это наиболее многочисленная категория. Связано это с тем, что ее составляют люди 1980–1989 г.р., т.е. родившиеся в период роста уровня рождаемости. Две последующие ступени 20–29 и 30–39 лет составляют 16,1 % (16,6 % – муж. и 15,6 % – жен.) и 13,2 % (13,6 % – муж. и 12,8 % – жен.) соответственно.

В возрастной категории 40–49 лет наблюдаем «выступ» (15,8 % – муж. и 16,2 % – жен.). Это опять же связано с мощным ростом рождаемости у немцев в 1950–1959 гг. (период после войны, трудармии и освобождения от учета спецпоселения).

В возрастной группе 50–59 лет видим резкую впадину, которая объясняется в первую очередь не смертностью населения этой группы, а низким уровнем рождаемости в 1940–49 гг. (период войны, депортации, мобилизации в трудовую армию). Это подтверждается и данными по следующей возрастной группе 60–69 лет превосходящей по численности группу 50–59 лет. Составляющие эту группу люди родились в 1930–39 гг., т.е. в период, когда у немцев был еще достаточно высокий уровень рождаемости. Эта возрастная группа не была затронута мобилизацией в «трудовую армию» и следовательно не понесла таких огромных потерь как возрастная группа 70 лет и старше. Помимо естественной смертности, возрастная группа 70 лет и старше понесла существенные потери в 1941–49 гг. Ввиду быстрого старения немецкого этноса вершина пирамиды должна была быть более широкой, но именно потери, о которых говорилось выше, несколько изменили форму пирамиды.

Сравнение данных с возрастной пирамидой населения Казахстана в целом и с пирамидами русского и казахского населения показывает, что наименьшее основание имеет пирамида русского населения, несколько лучше, чем у немцев, выглядит ситуация у населения Казахстана в целом. Относительно широким остается основание пирамиды у казахов. Только у казахского населения нет резкой впадины между возрастными группами 0–9 лет и 10–19 лет. Самую широкую вершину имеет пирамида русского населения, самую узкую – казахского. У населения Казахстана в целом в пирамиде имеется значительная впадина на переходе от 10–19 лет к 0–9 лет, у русских и немцев таких впадин несколько. Они отмечены в возрастных группах 0–9, 20–29, 30–39, 50–59 лет.

Сложившаяся половозрастная пирамида немецкого населения довольно четко представляет с одной стороны изменения, произошедшие в демографическом поведении немцев в течение последнего десятилетия, с другой стороны четко отражает последствия так называемых «демографических волн».

Справочник «Миграция населения» содержит обобщающие сведения о населении, прибывшим в Казахстан на постоянное место жительства в 1989–1998 гг. Особый интерес представляют сведения о населении по национальностям и предыдущему месту жительства. В течение 10 лет в миграционном потоке в Казахстан приняло участие 12 590 немцев. При этом 7 615 человек прибыли из регионов Казахстана, (т.е. составили межрегиональную миграцию) и только 4 677 прибыли из регионов СНГ и Балтии и 282 из дальнего зарубежья. В составе первых преобладают мигранты из России (3 331 человек), в составе вторых – из Германии (266 человек). При этом интерес представляет численность прибывших из Германии вообще – 1 312 человек, в их составе 653 – русских и 225 – казахов. Основную массу этих мигрантов составляют члены немецких семей.

Данные переписи свидетельствуют о том, что процесс возвращения немецких семей, выехавших из Казахстана в Германию, хоть и не получил значительного размаха, но все же имел место.

Таким образом, мы рассмотрели основные тенденции демографического развития немецкого населения в Казахстане в 1980–1990-е годы. Анализ и сопоставление данных двух переписей свидетельствуют о значительных изменениях в этнодемографических характеристиках немецкого населения. С одной стороны эти изменения объясняются особенностями демографического поведения самих немцев, с другой стороны – особенностями этнодемографических процессов в Казахстане в целом.

Перспективным представляется рассмотрение этой проблемы и сравнительный анализ ее состояния в проекции на немецкое население России и других государств бывшего СССР.

¹ См.: Алексеенко Н. В. Статистические источники по демографии Казахстана. Усть-Каменогорск, 1999.

² См.: БСЭ. Т.19. М., 1975. С. 1173–1174. См. также: Основная литература по переписям населения. Библиографический указатель. М, 1997; Исулов А. А. Переписи как ценный источник информации о населении // Вестник статистики. 1980, № 7. С. 29–37.

- 3 См.: Базанова Ф. Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР. Алма-Ата, 1987; Асылбеков М. Х., Галиев А. Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата, 1981; Татимов М. Б. Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989; - Алексеевко А. Н. Население Казахстана. 1920–1990 гг. Алматы, 1993; Алексеевко Н. В., Алексеевко А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997). Усть-Каменогорск, 1999; Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Материалы международных научных конференций. Усть-Каменогорск, 1998, 1999, 2001; Литература по народонаселению Казахстана. Библиографический указатель (сост. Козыбаев М. К., Алексеевко А. Н.). Усть-Каменогорск, 1995; История Казахстана: народы и культуры. Учебное пособие (Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Алексеевко А. Н., Баратова Г. С.). Алматы, 2000 и др.
- 4 См.: Алексеевко А. Н. Расселение немцев на территории Казахстана по данным Всероссийской 1897 и Всесоюзных переписей населения 1926 г., 1939 г., 1959 г. // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1998. С. 205–209; Назарова З. Ж. Немецкое население Центрального Казахстана в 1926–1939 годах (демографический аспект) // Там же. С. 210–214; Алексеевко А. Н. Немцы Казахстана в XX в. (Демографический аспект) // Культура немцев Казахстана: история и современность. Алматы, 1999. С. 51–59; Сакенова К. А. Социально-демографическая характеристика немецкой диаспоры Казахстана (1939–1993 гг.) // Там же. С. 60–67; Бургарт Л. А. Особенности демографического поведения немцев Восточного Казахстана в условиях режима спецпоселения // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1995. С. 139–147; Она же. Миграционные процессы среди немецкого населения в 1949–1956 г.г. (на примере ВКО) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 350–358; Она же. Демографические проблемы истории немцев в современной отечественной историографии: состояние и перспективы // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 1999. С. 12–15; Она же. Демографические процессы среди немецкого населения Казахстана (конец XIX века – 30-е г. XX века): историография проблемы // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2001. С. 74–76.
- 5 См.: Всесоюзная перепись населения 1989 г. М., 1987; Алексеевко Н. В. Статистические источники по демографии Казахстана. Усть-Каменогорск, 1999. С. 56–57, 71–73; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т.1. Алма-Ата, 1991. С. 3–9.
- 6 См.: Материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г. Республики Казахстан. Сборники 1–12. Алматы, 1990–93; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 1–3. Алма-Ата, 1991–1992.

- 7 См.: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000; Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 2. Население РК по национальностям и владению языками. Алматы, 2000; Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 3. Занятое население РК по национальностям и занятиям. Алматы, 2000; Национальный состав Республики Казахстан. Т. 4. Ч. 1. Население РК по национальностям, полу и возрасту. Алматы, 2000; Национальный состав населения Республики Казахстан. Население РК по национальностям и уровню образования. Алматы, 2000; Национальный состав населения Республики Казахстан. Население РК по национальностям и состоянию в браке. Алматы, 2000; Миграция населения. Итоги Переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000.
- 8 Здесь и далее все данные приводятся на основе расчетов, произведенных по переписям населения.
- 9 См.: Справочник Казахская СССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1989 г. Алма-Ата, 1989.

НЕМЦЫ В МИГРАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЯХ НА АЛТАЕ

В. И. Матис

Существенное влияние на численность, воспроизводство населения, формирование его социального облика и трудовых ресурсов оказывает не только естественное движение, но и миграционные перемещения, связанные, как правило, со сменой места жительства. Миграционные процессы могут быть интересными для анализа, особенно в сопоставлении с разными регионами и этносами. Эти социальные процессы в Алтайском крае имеют ярко выраженную окраску и определяются двумя основными группами факторов: внутренней системой потребностей человека и внешней средой, т.е. субъективными и объективными компонентами в их органической взаимосвязи.

Отличительной чертой миграционных потоков между городом и селом стало сокращение оттока городских жителей в село. После кратковременного перерыва (1991–1993 гг.), когда миграционный прирост был обеспечен в основном притоком мигрантов в сельскую местность, вновь наметилась тенденция переезда сельских жителей в города¹.

Таблица 1: Общая статистика по внешней миграции населения в Алтайском крае (1996–2000 гг.)

Динамика миграции	1996	1997	1998	1999	2000	Всего
Всего	–8326	–6183	–6701	–7096	–5815	–34121
Прибыло	261	199	265	215	233	1173
Выбыло	–8587	–6382	–6966	–7311	–6048	–35294
Городское население	–2563	–1914	–1997	–2204	–1836	–10514
Прибыло	104	100	122	93	127	546
Выбыло	–2667	–2014	–2119	–2297	–1963	–11060
Сельское население	–5763	–4269	–4704	–4892	–3979	–23607
Прибыло	157	99	143	122	106	627
Выбыло	–5920	–4368	–4847	–5014	–4085	–24234

Примечание: Таблица составлена с помощью данных, полученных из официальных источников и результатов переписи 1989 г.²

В условиях многонационального региона неудовлетворенность различными сторонами жизни может быть спроецирована на межнациональные отношения. Включенность жителя края в сферу непосредственного межнационального общения на разных уровнях – семейном, дружеском, соседском, производственном, городской или сельской среды, характер складывающихся межнациональных контактов и установок на межэтническое общение, как нам кажется, влияют и на миграционное поведение людей.

Результаты проводимых исследований показывают, что набор причин и факторов миграции может меняться. Установлено, что в преобладающем большинстве случаев на миграцию влияют экономические факторы, заставляющие людей ехать туда, где выше уровень жизни, и есть возможность профессионального роста, получения постоянной работы и стабильного заработка. Далее следуют такие социокультурные факторы, как неудовлетворенность жильем, условиями получения образования и культурного обслуживания. Важное значение могут иметь национальные и религиозные традиции. Особенно привлекает мигрантов социально-политическая стабильность в регионе и его относительная удаленность от горячих точек.

Переселение зачастую связано с вхождением мигрантов в иную социальную группу, с проблемами адаптации. Важную роль здесь приобретает порайонное различие в уровне развития сферы обслуживания, возможностях проведения досуга. На миграцию могут влиять мотивы, характеризующие межличностные связи мигранта: замужество, женитьба, переезд с родителями, желание жить поближе к родственникам и прочие семейные обстоятельства. Важными могут оказаться и социально-психологические и этнические ситуации в регионе: характер общения, ритм жизни, своеобразие культуры, обычаи, традиции, язык и т.п.

Следует отметить, что за последние десять лет в некоторых районах Алтайского края существенное влияние на социально-демографическую структуру, на ход демографических процессов, на уровень социального развития стали оказывать и внешние миграционные процессы. В настоящее время численность иммигрантов (въезжающих) как в стране в целом, так и в Западно-Сибирском регионе, и на Алтае может оцениваться разными числами, но они не будут отражать даже приблизительного количества прибывающих, так как значительную массу иммигрантов составляют нелегальные. Их накоплению в России на отдельных территориях способствует прозрачность границ со странами СНГ, играющими зачастую роль перевалочных баз иммиграции, и неурегулированность вопросов въезда в Россию из других стран.

Основное число иммигрантов, въезжающих на территорию Алтая из европейских государств «дальнего зарубежья», составляют болгары, греки, поляки и финны, а из дальневосточных государств – китайцы и корейцы. То, что современная иммиграция китайцев на Алтай носит преимущественно нелегальный и полунелегальный характер, объясняется специфическими целями проникновения на территорию края.

Массовый и неконтролируемый поток иммигрантов, и в первую очередь нелегальных, был спровоцирован той правовой и экономической неразберихой, которая охватила Россию в начале 1990-х гг. Открытие границ без соответствующих регламентаций порядка ее пересечения, либерализация экономических отношений, отсутствие правовой базы регулирования предпринимательской деятельности, торговли, налогообложения привели к тому, что на Алтай устремилась масса китайских граждан под видом торговцев, студентов, туристов и т.д.

В результате основными сферами занятости китайских иммигрантов в крае в настоящее время можно считать:

- частную (челночную) торговлю со значительными элементами криминальной деятельности;
- торговлю «живым товаром», представляющую вывоз молодых женщин под видом работы на совместных предприятиях;
- скупку недвижимости и ценных бумаг;
- создание совместных предприятий, являющихся ширмой для криминальной или полукриминальной деятельности;
- посылку китайских студентов из соседних провинций на учебу в вузы и техникумы края по двусторонним соглашениям, предусматривающим вполне легальные операции с валютными и материальными средствами и рабочей силой;
- организованный завоз китайской рабочей силы на строительные объекты, добывающие и сельскохозяйственные предприятия.

Все каналы, и особенно «студенческий», постепенно приобретают некоторый криминальный характер, так как значительная часть молодежи, используя заранее оговоренные связи, занимается интенсивными челночными поездками, частным промыслом и иными незаконными видами деятельности.

Распад Советского Союза и обострение межнациональных отношений привели к появлению новой категории населения в регионе – беженцев и вынужденных переселенцев. Алтайский край входит в число четырнадцати регионов России для приема и обустройства беженцев и вынужденных переселенцев. Здесь наблюдается значительный приток этой категории насе-

ления, обусловленный относительной политической стабильностью, повышенной миграционной подвижностью коренного населения в предыдущие годы, удаленностью от горячих точек и географическим положением Алтая.

Таблица 2:
Миграция населения Алтайского края в 2000 г.

Страна: для прибывших – откуда прибыл; для ушедших – куда выехал	Городское население		Сельское население	
	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло
Все зарубежье	127	1963	106	4085
Австралия		3		
Австрия	2			
Аргентина		4		
Афганистан	2			
Белиз		5		
Бразилия				1
Бурунди				1
Бутан		1		
Венгрия		1		
Вьетнам	1			
Гамбия				8
Германия	103	1777	100	4061
Греция			1	6
Израиль	12	98	3	
Индия	1			
Иордания	3			
Канада		5		2
Корея (КНДР)		1		
Монголия		1		1
ОАЭ			1	1
Польша		2		
Сирия	2	4	1	
США	1	53		6
Суринам		2		
Таиланд		1		
Финляндия				1
Чехия		2		1
Югославия		3		

Другая сторона внешних миграционных перемещений, которая также ощутимо влияет на экономику края, – эмиграция (выезд на постоянное место жительства в другую страну).

Несмотря на то, что количество районов, из которых наблюдается выезд за границу, к началу 1990-х гг. несколько сократилось, уже к 1995 г. оно увеличилось до 57, а число эмигрантов возросло, примерно, до 10 тысяч в год. Только за 1994 г. эмиграционная убыль в крае составила 9,3 тыс. человек. В начале нового тысячелетия число эмигрантов стабилизировалось на показателе около 4 тысяч человек ежегодно. Среди покинувших край 83 % составляют немцы, 15 % – русские и лишь 2 % – все остальные национальности. Как и в прежние годы, в основном (около 80 %) эмигранты выезжают в Федеративную Республику Германию.

Анализ полученных миграционной службой данных показывает, что основная масса выезжающих в дальнее зарубежье – люди немецкой национальности. Более подробное изучение проблем именно этого этноса позволяет сделать некоторые выводы об общих причинах эмиграции населения из Алтайского края и России в целом.

Поскольку проблемы миграции в настоящее время становятся одной из острых социально-политических проблем, важным представляется выявление общественного мнения, в котором фиксируются причины, по которым уезжают люди из тех или иных регионов.

На основе проводимых исследований, изучения статистических отчетов, многочисленных бесед выяснилось, что первопричиной, вызвавшей впоследствии многочисленный отток немцев в Германию, были нереализованные права в духовной сфере, то есть, по сути, антиконституционное отношение к религии и верующим. В результате того, что к верующим баптистам, которые составляют абсолютное большинство среди немецкого населения, относились с недоверием, как к людям второго сорта, сторонились их и не считали равноправными участниками общественного производства, они потянулись в страну, где за веру в бога не осуждали.

Хронологически второй, по сути, ставшей на некоторое время основной, причиной выезда в Германию является нерешенность социально-экономических проблем в России и разный уровень развития экономики и социальной сферы в России и Германии. Немаловажным фактором, способствующим эмиграционным процессам, является то, что российские немцы, оказавшись в Германии в гораздо лучших бытовых, как правило, городских условиях, пользуясь различными льготами и социальными пособиями, приглашают туда и своих родственников. Для этого многие используют право на воссоединение семей.

Часть респондентов, особенно в устных ответах, в качестве причин выезда называют необеспеченность прав в организации национальной автономии. Причем статистические данные, приведенные в таблице по эмиграции в крае, подтверждают, что в период подготовки к восстановлению Немецкого национального района на Алтае у немцев вновь появилась надежда на возможность восстановить республику на Волге, и динамика эмиграционной волны несколько спала. Это особенно ярко проявилось в 1990–1991 гг. Однако последующие события показали, что в ближайшем будущем надеяться на такое восстановление не приходится, и сомневавшиеся в принятии решения об отъезде склонились к эмиграции. В результате эмиграционная волна вновь резко подскочила, стабилизировавшись на отметке 9 тысяч человек в год.

В последнее время, когда горячие точки на карте России не только не исчезают, а все больше увеличиваются и по размеру, и по количеству, у людей, колеблющихся в принятии решения о выезде, появилось больше оснований эмигрировать. Родители, имеющие детей призывного возраста, ранее не думавшие о выезде, называют среди причин, активизирующих принятие решения об эмиграции, нежеланием, чтобы их сыновья участвовали в военных действиях, которые не находят одобрения и поддержки как у мировой общественности, так и среди населения самой России.

Некоторые уезжающие и их соотечественники, планирующие отъезд, в качестве причин выезда называют «размывание» этнической самобытности и опасность утраты родного языка, незнание местных обычаев и недоброжелательное отношение со стороны части местного населения, трудности продвижения по лестнице социального престижа и некоторые другие. У лиц немецкой национальности сохраняется несколько обостренное, гипертрофированное восприятие отношения окружающих к факту выезда. Односельчане, сослуживцы чаще всего считают это делом выезжающих, воспринимают факт выезда с пониманием, а иногда с некоторым чувством зависти, что знакомые им люди едут туда, где им будет лучше. Иногда подогревают эмигрантские настроения неуважение и нетерпимость к выезжающим.

Таким образом, миграция населения стала фактором, в значительной степени определяющим демографическую ситуацию в Алтайском крае и влияющим на социальную и профессиональную структуру занятости в регионе.

Характерной чертой миграции населения Алтайского края является высокий динамизм миграционных процессов, неустойчивая структура миграционных связей, частая смена тенденций в территориальных перемещени-

Таблица 3: Миграционные перемещения между Алтайским краем и Германией

Годы	Городское население		Сельское население		Всего	
	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло	Прибыло	Выбыло
1997	70	1843	98	4341	168	6184
1998	96	1913	138	4785	234	6698
1999	67	2038	119	4990	186	7028
2000	103	1777	100	4061	203	5838
2001 1-е полугодие	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	96	3482
Итого за 5 лет					887	29230

ях населения. В этот период резко сократилась численность населения, участвующего в краевой миграции.

Экономический кризис, несоответствие между заработной платой и стоимостью воспроизводства рабочей силы, их специфическое проявление на разных территориях увеличили приток в край населения из районов Восточной Сибири и Дальнего Востока и ухудшили миграционные связи с регионами Западной Сибири.

В межрегиональных миграционных связях Алтайского края появилась тенденция перераспределения населения в другие регионы и республики Средней Азии и Казахстана с Алтая. Так, алтайцы мигрировали в районы республики Алтай в 1990 г., в год принятия Декларации о государственном суверенитете Горно-Алтайской автономной области. Наибольший отток казахов наблюдался в 1992–1993 гг., когда Республика Казахстан осуществляла организованное переселение казахов на этническую родину. Сокращение численности алтайцев, казахов, киргизов объясняется возвратной этнической миграцией на свои исторические места проживания.

Особенностью миграционной ситуации в крае в последнее десятилетие XX в. стало распространение вынужденной миграции и появление беженцев. В основном за счет вынужденной миграции был обеспечен приток русских, украинцев, немцев из Казахстана, Киргизстана, Узбекистана, Таджикистана. Русскоязычное население, в большинстве случаев, уроженцы нашего края и их дети, ранее мигрировавшие в Среднюю Азию и Казахстан, что было связано с ускоренным развитием индустрии соседних республик, возвращается обратно. Также вынужденной иммиграцией объясняется

приток на территорию края азербайджанцев, армян, белорусов, таджиков, татар, чеченцев и других. Эти миграционные процессы были особенно ощутимы в первой половине 1990-х гг., когда обострилась политическая и социально-экономическая ситуация, разразились межнациональные конфликты, осложнилась внутривнутриполитическая ситуация в Республиках бывшего СССР.

Одной из острейших миграционных проблем, характерных для районов и населенных пунктов с преимущественным проживанием немцев, является необходимость стабилизации и восстановления сельского населения. У него возникла сложная социально-демографическая ситуация, и в ряде мест идет депопуляция населения: оно убывает как естественно, так и в результате миграции. Сокращение числа рабочих рук, деформация воспроизводственных структур сельских жителей в ряде мест привели к интенсивному их старению. Чтобы сохранить эти села, хозяйства, людей, требуется сознательное регулирование миграционными процессами.

Значительные изменения в миграционной подвижности населения: его масштабы, направления, интенсивность, причины, – все это вызвало появление большой категории вынужденных переселенцев – мигрантов-беженцев, которых необходимо обеспечивать жильем и работой.

И, наконец, проблемой, непосредственно связанной с предыдущими, но особенно характерной для Алтая, остается необходимость повышения приживаемости здесь новоселов. Проблема эта особенно актуальна, так как в последние годы механический прирост населения за счет притока из других республик бывшего СССР стал на Алтае довольно ощутимым.

¹ См.: Миграция населения Алтайского края в 1994 году. Барнаул, 1995.

² См.: Численность и территориальное размещение населения Алтайского края. (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Часть II. Барнаул, 1990.

³ См.: Матис В. И. Миграционные перемещения. Кому это выгодно? // Первые Востоковедческие чтения, посвященные памяти С. Г. Лившица. Барнаул, 1996.

⁴ См.: Некоторые показатели социального развития регионов Российской Федерации. М., 2000.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКАРТИНЫ МИРА В РЕЗУЛЬТАТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ

Д. В. Матис

При формировании этнической картины мира большое значение имеет культурное окружение индивида. Все составляющие народной культуры оказывают определенное влияние. Проанализируем три основополагающих сектора культуры каждого этноса: язык (как средство общения), профессиональные особенности, традиции и обряды.

Рассматривая роль языка при формировании картины мира представителей различных этносов, необходимо учитывать, что язык используется в процессе общения не только для передачи информации, но и как инструмент в процессе восприятия окружающего мира. «Если картины мира организованы с помощью лингвистических символов, значит, люди, говорящие на разных языках, должны воспринимать мир несколько по-разному».¹

Таким образом, изучение языка – это один из важнейших факторов, который следует учитывать при работе с эмигрантами, не только для организации результативного общения и дальнейшей психологической адаптации, но и для корректировки картины мира.

У молодежи немецкой национальности, ориентированной на выезд, мотивация на получение знаний родного языка особенно ярко проявляется в связи с желанием продолжить образование в Германии, а для этого недостаточно просто иметь хорошую оценку в аттестате.

Конфессиональные особенности также играют важную роль при формировании мировоззрения человека. Так, сравнивая Россию и Европу, в первом случае преобладающим среди верующих является православие, во втором – католицизм, протестантизм или другие конфессиональные ориентиры. Таким образом, воспитывая детей в вере, родители изначально прививали либо соборность, общинность православия, либо индивидуалистический, лично ориентированный подход католицизма или протестантской религии.

Соблюдение религиозных праздников характеризуется не только разными датами, но и отличием в содержании.

Традиции и обряды также являются неотъемлемой частью духовной культуры этноса и в то же время его отличительной чертой. Традиции, обряды и праздники способствуют общению и сплочению народа, передаче опыта от

одного поколения другому и снятию напряженности внутри общества. Большая их часть имеет привязку к временам года, к какому-либо периоду. Календарь является, своего рода, организующей силой не только хозяйственной, но и обрядовой жизни народа, он помогает упорядочивать дела в бытовой сфере и фиксирует важные события в жизни этноса. А поскольку каждый народ имеет свою историю, то и выдающиеся события, и их даты отличаются.

Кроме исторического фактора при формировании традиций и обрядов можно выделить еще и другой – климатические условия. Этот фактор влияет не только на выбор возделываемых сельскохозяйственных культур и развитие животноводства, но соответственно и на сроки реализации этапов связанных с этими отраслями, что, в свою очередь, регулирует сроки проведения сезонных обрядов.

Миграционные процессы, в свою очередь, существенно меняют календарную обрядность народов, адаптируя ее в соответствии с новыми условиями, беря во внимание даты, значимые в принимающей местности. Зачастую такая перемена влияет на организационную форму и содержание проводимого обряда.

Так, миграции немцев в Россию не могли не сказаться на традиционной культуре немецких переселенцев: попав в новые специфичные условия жизнедеятельности, немецкие колонисты вынуждены были к ним приспособиваться, что привело к трансформации всего культурного комплекса и быта. Одной из самых значимых причин изменения обрядов годового цикла немцев Западной Сибири является причина, связанная с изменением климатических условий, в которые попали переселенцы. После переезда происходила постепенная адаптация календарной обрядности немцев к более позднему наступлению весны и более раннему приходу холодного времени года. Кроме того, попав в условия рискованного земледелия, представители немецкого этноса пришли к выводу, что коллективное землепользование более эффективно нежели индивидуальное.

Выработанные в течение многих веков правила и приметы основывались на учете местных природных условий, а в результате перемещения в новые климатические зоны люди приспособивались к ним, поскольку старый опыт не всегда был применим. Смена природно-географических условий, повлекшая за собой изменение сроков работ, приводила к исчезновению ряда календарных обрядов и праздников или к их изменению до неузнаваемости.

Помимо того, что культура в результате адаптации стала отличной от «завезенной», она стала еще и претерпевать изменения благодаря своему дальнейшему развитию, но пути развития у ее носителей в местах исхода

и нового проживания также получились различны. В результате отличия еще более увеличались.

Смена природно-климатических условий – не единственный фактор, повлиявший на изменение календарных традиций. Следует выделить другой не менее значимый фактор – взаимодействие и взаимовлияние этносов, представленных в каждом конкретном регионе.

Если рассматривать немцев Алтая, то изменения их культуры происходили под влиянием самого многочисленного народа в регионе – русских, значительно представленных на территории украинцев и других этносов, особенно в местах их компактного проживания.

Особенно значимые преобразования в немецком календаре начинаются со второй четверти XX в. в связи с разрушением традиционной замкнутости немецких сел. Свое влияние на эти процессы имело и усиление урбанизации, и дискриминационная политика в отношении российских немцев, вплоть до запрета немецкой культуры.

Однако, несмотря на длительный переход традиций и обрядов российских немцев в сферу памяти, в конце 80-х годов XX века в результате перестройки начались восстановительные процессы по возрождению и сохранению национальной культуры немцев. И опять же восстановительные процессы не могут гарантировать появления первоначального варианта, что стало еще одной причиной изменения традиций и обрядов немецкого этноса.

Теперь же, при массовом отъезде немцев из России, мы можем наблюдать многие элементы процесса трансформации культуры повторно. Во-первых, вновь происходит смена природно-климатических условий, отношений к историческим событиям, преобладают свои значимые для окружающих события, в том числе и экономического, социально-политического и духовного плана. Во-вторых, значительная часть выезжающих старается сохранить для своих детей не только традиции российских немцев, но и российские традиции. В-третьих, на территории принимающей стороны присутствуют значительные группы этносов, не представленных в стране исхода, а это также оказывает существенное влияние на трансформацию имеющейся и формирование новой этнокультуры.

Кроме ассимиляции в «чужую» культуру, интеграции с сохранением «своей» и принятием «чужой», замыкания в собственной и вследствие этого отсутствие возможности нормальной адаптации мигранта, рассмотрим еще один вариант последствий переезда в иную этнокультурную среду.

Достаточно сильно влияет на процесс адаптации после эмиграции возраст. Быстро и успешно адаптируются маленькие дети, но уже для школь-

ников этот процесс часто оказывается мучительным, так как в классе они должны во всем походить на своих соучеников – и внешним видом, и манерами, и языком, и даже мыслями. Очень тяжелым испытанием оказывается изменение культурного окружения для пожилых людей. Так, по мнению психотерапевтов и врачей, многие пожилые эмигранты совершенно не способны адаптироваться в инокультурной среде, и им «нет необходимости обязательно осваивать чужую культуру и язык, если к этому у них нет внутренней потребности»².

Сценарий изменений этнической культуры для последующих поколений мигрантов может выглядеть еще и как отчуждение от нее вследствие ее отсутствия в окружающем социуме и в то же время частичное или полное отрицание этнокультуры новых «соседей» как чужой. Подобная ситуация ведет за собой и ослабление значимости ценностей, а следовательно и трансформацию картины мира мигранта. При таком варианте развития событий в отсутствии мероприятий, способствующих адаптации переселенцев, возможно появление прослойки маргиналов, обладающих элементами своей субкультуры и существующих в обществе в виде «белых ворон».

Ощущение себя «не таким как все», боязнь остаться непонятым может приводить к обособлению, что в свою очередь является причиной нереализованности потенциальных способностей. В крайних своих проявлениях подобное стечение обстоятельств в совокупности со стрессом при перемещении места жительства приводит к противопоставлению себя обществу. Особенно ярко подобные тенденции наблюдаются у мигрантов-подростков. Например, при переезде из России в Германию многие подростки не понимают все нормы поведения в принимающей стране и поэтому начинают «бороться» за свои привычки. Так, запрет на разведение открытого огня, даже за территорией города, без специального разрешения вызывает недоумение и нежелание выполнять его, что приводит к административным наказаниям. Наказание, в свою очередь, опять вызывает агрессию и противостояние коренных и приезжих жителей. Таким образом, даже подростки, имевшие «положительную характеристику» до момента переезда и не меняющие своего стиля поведения, попадают в категорию людей с дивантным поведением, что также меняет и отношение к ним со стороны общества и их отношение к носителям доминирующей социокультуры.

Отсутствие возможности самореализации для удовлетворения собственных амбиций в результате смены рода деятельности при переезде, разруше-

ние профориентационных планов у молодежи в связи с недостаточным уровнем знания языка и непризнанием российского высшего образования, постоянные запреты, кажущиеся неестественными, не всегда доброжелательное отношение от представителей принимающей стороны зачастую провоцирует появление комплекса человека «второго сорта».

¹ Шибутани Т. Социальная психология / [Пер. с англ. В. Б. Ольшанского]. Ростов на Дону: Феникс, 1998. С. 109.

² Фрейнкман-Хрусталева Н. С., Новиков А. И. Эмиграция и эмигранты: История и психология. СПб.: Государственная академия культуры, 1995. С. 137.

МИГРАЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ НЕМЦЕВ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ (1970–1980-е гг.)

Н. А. Малова

3 ноября 1972 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», по сути разрешивший поволжским немцам вернуться на родину. В Саратовскую и Волгоградскую области стали вновь возвращаться немцы. Первые немецкие семьи вернулись на родину в конце 1950-х начале 1960-х гг., после Указа от 13 декабря 1955 г. Хотя Указ от 13 декабря 1955 г. определил, что переселенцы не имели права возвращаться в села, из которых они были выселены, в действительности строгого ограничения в Волгоградской области, не существовало. Причиной этому была царившая в области экономическая разруха. В соседней Саратовской области, которая менее пострадала от войны, это правило выполнялось безукоризненно. Лишь несколькими немецким семьям удалось вернуться в Саратовскую область и остаться в селах, расположенных на левом берегу реки Волги.

Но и после 1972 г., когда были сняты последние ограничения, процесс возвращения немцев на Волгу не принял массового характера. К началу 1970-х гг. в Сибири и Казахстане выросло новое поколение немцев, которое считало своей родиной места спецпоселений и не стремилось вернуться на Волгу.

Итак, только в 1970-е гг. годы стали открыты для немцев города и села Саратовской области. С 1972 по 1979 гг. в Саратовскую область вернулись не менее 11 тысяч российских немцев. Расселение их по районам Саратовской области представлено в таблице 1.

Расселились немцы в основном компактно, в нескольких районах Саратовской области: левобережных – Марксовском, Энгельском и Ровненском и на правом берегу – в Красноармейском. Наибольшее число немцев проживало в 1979 г. в Марксовском и Энгельском районах – 1800 и 1900 человек. Лидерство среди городов принадлежало Красноармейску – 574 немца. В среднем по Саратовской области немецкое население в 1979 г. составляло 0,4 % от всего населения области, по семи районам (из них шесть левобережных) процент немецкого населения был значительно выше: примерно в 4,5 раза и составлял 1,8 % от всего населения.

Таблица 1: Данные о количестве немецкого населения в Саратовской области в 1979 и 1988 гг.¹

Города и районы	Число немцев (тысяч человек)			
	1979		1988	
	всего	в том числе немцев	всего	в том числе немцев
г. Красноармейск	17,5	0,215	23,0	1,0
г. Маркс	26,9	0,3	31,2	1,0
г. Энгельс	191,0	0,762	218	1,2
Красноармейский	24,5	0,574	21,7	2,9
Краснокутский	38,5	0,6	36,0	0,8
Марковский	25,5	1,8	29,3	3,5
Ровненский	17,5	1,2	17,3	1,5
Советский	23,2	0,09	29,1	0,5
Федоровский	21,0	0,12	19,7	0,2
Энгельсский	38,9	1,9	41,9	3,0
Итого	424,5	7,6 (1,8 %)	467,2	15,6 (3,3 %)
Всего по области	2563,3	11,0 (0,4 %)	2678	19,0 (0,7 %)

В последующие годы этот показатель возрастает. Немецкое население Саратовской области увеличивается в нескольких районах, в среднем в 2–5 раз. Наибольший прирост с 1979 по 1988 гг. произошел по Красноармейскому и Советскому районам – в пять раз, в Федоровском и Краснокутском районах – в 2 раза².

Нельзя говорить о масштабном переселении немцев на Волгу в течение 1979–1988 гг., хотя процент немецкого населения несколько вырос. Так, в 1988 г. немцы составили 0,7 % от всего населения Саратовской области. В уже отмеченных ранее семи районах процент немецкого населения увеличился почти в 2 раза, его показатель стал равняться 3,3 % против 1,8 % в 1979 г. В 1988 г. выделяются лидирующие по составу немецкого населения районы. Первенство здесь занимали Марковский – 3,5 тысячи, Энгельсский – 3 тысячи и Красноармейский районы – 2,9 тысячи человек. Для сравнения – в 5 районах Волгоградской области: Палласовском, Николаевском, Камышинском, Котовском, Жирновском в 1988 г. немцы составляли 15 % от всего населения, которое проживало в них, и процент немцев от общего населения всей Волгоградской области был выше, чем аналогичный показатель в Саратовской, и составлял 1,1 % против 0,7 %.

Анализ миграционных процессов среди немецкого населения показывает, что ежегодно с 1979 по 1988 г. численность немецкого населения в Саратовской области увеличивается, за 10 лет в среднем на 600 человек каждый год³. Однако при сравнении темпа прироста немецкого населения по сравнению с темпами роста населения других национальностей обнаруживается, что данный показатель у немцев был намного меньше и составлял 5,4 % ежегодно. (Этот показатель намного ниже, чем по другим национальностям, например, народам Средней Азии, Кавказа).

В 1988 г. в Саратовской области было лишь 8 населенных пунктов, в которых проживало более 50 % немецкого населения:⁴ В Марксовском районе – это села Звонаревка, Каменка, Подлесное; в Энгельсском районе – Ленинское, Красный Яр, Генеральское; в Красноармейском районе – Луганское и Сплавнуха. 15 населенных пунктов Саратовской области имели численность немецкого населения свыше 20 %. В Марксовском районе – села Бобровка, Золотовка, Каменка, Ястребовка, Восток, Осиновка. В Роженском районе – Мурманское, Серебряный бор, Тарлыковка. В Энгельсском районе – Генеральское, Межевой, Подстепное, Ленинское, Усть-Караман, Терновка.

В 1980-е гг. продолжается активный процесс миграции немцев из Казахстана, Сибири. Только за 1988–1989 гг. в новые мелиоративные хозяйства Марксовского района: села Семеновский, Радуга, Полековский, Мелиоратор – приехало 135 немецких семей. Наибольший прирост немецкого населения произошел в 1989 г. – 1362 человека. В этот год прибыло в область 2015 человек, уехало из области 693 человека, из них эмигрировало 127 человек⁵. Причина, как представляется, – надежда воссоздание немецкой автономии на Волге в пределах прежних границ.

С началом перестройки стала возможна эмиграция советских немцев в Германию. Прошения на выезд немцы подавали и раньше, но все они были отклонены. Статистические данные по эмиграции населения Саратовской области с 1980 г. представлены в таблице 2.

Если в 1980 г. и 1981 г. в УВД облисполкомов с просьбой об оформлении документов на постоянное место жительства в ФРГ обращалось в среднем по 10 семей в год, то в 1985 и 1986 гг. их число сократилось до 2 – 4. В 1987 г. рассмотрено 31 ходатайство о выезде на постоянное место жительства, из них в ФРГ – 19. Выезд разрешен 7 семьям, они эмигрировали в ФРГ⁶. Уехали в основном рабочие, пенсионеры, колхозники – все жители сел.

Таблица 2: Статистические данные об эмиграции немецкого населения из Саратовской области за 1980–1987 гг.

Города и районы Саратовской области, откуда осуществлялась эмиграция	Эмиграция по годам (в числителе – число подавших заявление о выезде, в знаменателе – число получивших разрешение на выезд)						
	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987 (6 мес.)
Марк и Марковский	–	1/–	–	5/–	4/–	–	4/4
Энгельский	12/5	–	–	–	–	3/–	6/6
Ровенский	–	–	–	–	1/1	–	–
Хвалынский	3/–	3/–	4/–	4/–	6/–	–	6/5
Советский	2/–	3/–	–	–	–	–	–
Балаковский	3/–	–	–	–	–	–	–
Саратовский	–	–	1/1	–	–	–	–
Октябрьский	2/2	–	–	–	–	–	–
Балашов	–	–	–	–	–	1/1	–

Но уже в 1988 г. эмиграционная активность населения возросла. За 1988–1989 гг. эмиграция советских немцев, проживающих в Саратовской области, выглядит следующим образом. В 1988 г. за рубеж выехали 28 семей, из них 27 семей (61 человек) в ФРГ, только одна семья в ГДР. В январе 1989 г. уже выехали две семьи: 1 – в ФРГ, 1 – в ГДР, на стадии оформления документов еще 6 семей, пять из них (10 человек) хотят выехать в ФРГ⁷.

Увеличение миграционной активности населения можно проиллюстрировать примерами двух хозяйств Саратовской области. Так, по совхозу «Мелиоратор» Марковского района 50,1 % его жителей в 1989 г. составляли немцы. К середине 1989 г. в ФРГ из совхоза выехали 6 семей, и 10 – 15 семей оформляли документы на выезд. В с. Михайловке Марковского района на чемоданах сидело 50 семей. Они объясняли причину отъезда невозможностью в существующих условиях сохраниться как народ. В 1989 г. из Саратовской области эмигрировали 127 человек, в целом по стране эмигрировало 105 тысяч советских немцев, в 2 раза больше, чем в 1988 г.

Эмиграция российских немцев оказалась тесно связанной с вопросом воссоздания немецкой автономии на Волге. Один из первых проектов ее воссоздания датируется августом 1978 г. Он предусматривал образование автономии в составе Казахстана, где проживало более половины российских немцев (936 тысяч человек)⁸. На основе этих предложений в мае 1979 г. выходит постановление Политбюро ЦК КПСС «Об образовании Немецкой автономной области», однако против восстановления немецкой автономии выступила часть местного населения. В июне 1979 г. в Целинограде стали распространяться рукописные листовки, призывающие не допустить воссоздания немецкой автономии. Тогда появились высказывания о восстановлении автономии в Поволжье.

В середине 80-х гг. XX века появляется несколько проектов воссоздания немецкой автономии на Волге в пределах прежних границ. Ни один из проектов так и не был реализован, немецкая автономия на Волге не была восстановлена. Именно это в сочетании с экономическими трудностями 1990-х послужило причиной усиления миграционных процессов в последующие годы.

В заключение хотелось бы еще раз выделить основные миграционные процессы среди немцев в Саратовском Поволжье в середине 1950 – 1980-х гг. Главным было возвращение поволжских немцев на родину, оно не приняло широко размаха в 1970 – первой половине 1980-х гг., и усилилось с конца 1980-х гг. Как представляется, это связано с надеждами на воссоздание автономии в ее прежних границах. В середине 80-х гг. XX века в пределах границ бывшей АССР НП на территории современной Саратовской области проживало 247,2 тысяч человек, из них 9,8 тысяч советских немцев.

Вторым по значимости стал процесс эмиграции советских немцев в ФРГ и ГДР. Активизация этого миграционного процесса произошла в конце 1980-х гг. в связи с потерей немцами надежд на воссоздание автономии на Волге. Эмиграция принимает характер исхода в 1990 г.

¹ См.: ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 46. Д. 93. Л. 40.

² См.: Там же. Л. 40.

³ См.: Там же. Оп. 48. Д. 89. Л. 43.

⁴ См.: Там же. Оп. 46. Д. 93. Л. 40.

- 5 См.: Там же. Д. 89. Л. 43.
- 6 См.: Там же. Д. 93. Л. 80–81.
- 7 См.: Там же. Оп. 46. Д. 93. Л. 91.
- 8 См.: Записка группы ответственных работников ЦК КПСС «Об образовании Немецкой автономной области ЦК КПСС». 1978 г., август // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) М., 1993. С. 190–192.

ЭМИГРАЦИЯ И ИММИГРАЦИЯ НЕМЦЕВ. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОРЕНБУРГСКИХ НЕМЦЕВ

В. В. Амелин

В октябре 2002 года прошла Всероссийская перепись населения. Ее результаты интересуют не только властные структуры, ученых – этнологов, антропологов, общественные организации, но и простых людей, принадлежащих к определенным этническим группам, в частности, российских немцев. Сколько нас сегодня осталось в Оренбуржье? Для немцев этот вопрос далеко не праздный. Для многих из них он имеет значение и как вопрос чисто психологического свойства. Везжать в Германию или все же оставаться? Остаться при том количестве оставшихся немцев – значит ассимилироваться, т.к. все труднее становится сохранять свою немецкую национальную идентичность.

Как известно, по переписи населения 1989 г. в Оренбургской области проживало 47,6 тыс. человек немецкого населения. Наибольшее количество проживало в Переволоцком районе – 6381 чел., Александровском – 6080 чел., Красногвардейском – 7420 чел., г. Орске – 7002 чел., г. Оренбурге – 3848 чел. Миграционные процессы, происходящие в российском обществе в 1990-е годы, затронули немецкое население Оренбуржья. Динамика выезда такова: 1987 г. – 808 чел., 1988 г. – 879 чел., 1989 г. – 4622 чел., 1990 г. – 7683 чел., 1991 г. – 4549 чел., 1992 г. – 5715 чел., 1993 г. – 4721 чел., 1994 г. – 4111 чел., 1995 г. – 4152 чел., 1996 г. – 2971 чел., 1997 г. – около 2000 чел., 1999 г. – 1800 чел. В последующие годы выезжало до 800 человек¹.

Усилили эмиграцию распад СССР, политическая нестабильность в стране, нежелание властей решать проблемы немецкого населения как на федеральном, так и на региональном уровнях. В качестве примера можно привести фактическое игнорирование федеральной властью воссоздание Республики немцев Поволжья, а местной властью проигнорировано желание оренбургских немцев в начале 1990-х годов (именно на эти годы пришелся пик миграции) вернуться к воссозданию немецкого национального района, существовавшего ранее в Оренбургской области.

Позднее, в 2000–2001 гг., из проекта новой редакции Устава Оренбургской области был устранен пункт, позволяющий создавать национальные сельсо-

веты для этнических групп, не имеющих национально-территориальные образования на территории Российской Федерации и на территории СНГ.

Проблема ассимиляции остающихся в Оренбуржье немцев стоит достаточно остро. Сегодня среди немецкого населения большинство браков – многонациональные. В 1997 году в г. Оренбурге они составили 90 %. Вот как выглядят эти смешанные браки: русский-немка – 9 пар, немец-русская – 8 пар, немец-татарка – 1 пара, татарин-немка – 2 пары. И лишь один брак – немец-немка². В 2000 году: украинец-немка – 3 пары, немец-украинка – 2 пары, татарин-немка – 1 пара, белорус-немка – 1 пара, армянин-немка – 1 пара, и лишь два брака однонациональны – немец-немка. В 2001 году в Оренбурге зарегистрировано 3 однонациональных браков среди немецкого населения, остальные все смешанные: русский-немка – 9 браков, немец-русская – 8 браков, пакистанец-немка – 1 брак³.

То, что ассимиляционные процессы среди оренбургских немцев продолжаются, подтвердила и перепись. Автор данной статьи принимал участие в вышеупомянутой Всероссийской переписи населения 2002 г. в качестве переписчика, а также в рамках Международного российско-американского проекта «Национальность и язык в постсоветских переписях» с участием французских ученых. По итогам первого этапа вышла книга «На пути к переписи». Вторая книга выйдет в 2003 г. – «Этнография переписи».

Посещая домохозяйства, автор неоднократно сталкивался с представителями немецкой национальности, которые не стремились обозначить свою истинную национальность в переписных листах. К примеру, женщина-немка, проживающая без мужа с двумя детьми, на вопрос: «Национальность ваших детей?», ответила: «Пишите – русские. Муж был русским. Да и зачем записывать их немцами, мы в Германию не собираемся». Другой пример. Семья – муж и жена в возрасте 50-55 лет, имеющие немецкие корни, попросили записать их русскими. Супруг заявил: «Все равно сейчас в паспорте национальность не пишут». Были примеры и другого свойства. Автор взял несколько десятков интервью с переписчиками. К примеру, одна семья (смешанный брак) раньше записалась немцами, полагая, что это может (по их словам) ускорить прохождение поданных ими документов на выезд в Германию.

В условиях инوسреды проблема сохранения национальной идентичности – одна из важнейших для оренбургских немцев. Работа органов исполнительной власти совместно с общественной областной организацией немцев «Видергербурт» направлены на сохранение и развитие немецкого языка, национальной культуры.

Сегодня в области функционируют одиннадцать Центров немецкой культуры: в Орске, Оренбурге, Бугуруслане, Сорочинске, Соль-Илецке, а также в Подольске и Ишалке Красногвардейского района, Претории и Кубанке Переволоцкого района, селе Федоровка Акбулакского района и селе Ключевка Беляевского района. В перспективе возможно создание ЦНК в селе Ждановка Александровского района.

В целях сохранения родного языка при всех Центрах немецкой культуры организованы курсы немецкого языка для взрослого населения, которые финансируются Германией и укомплектованы самыми опытными преподавателями.

Количество групп в Центрах немецкой культуры постоянно увеличивается. Если в 1997 году их было 15 групп, в 1998 году – уже 30, в 1999 – 60, в 2000 – 70, в 2001 – 90 групп. Всего с 1997 года по настоящее время на курсах по изучению немецкого языка обучалось более 5 тысяч.

В 1998 г. Оренбургская область стала третьим субъектом Российской Федерации, где начал осуществляться проект «Поддержка профессионального образования немецкой молодежи в Поволжском регионе».

В настоящее время идет комплектование новых групп на предстоящий учебный год. Для получения определенных специальностей организована группа из 26 юношей и девушек немецкой национальности при лицее № 48.

Традиционным стало проведение праздников, семинаров немецкой песни, Дня Святого Валентина, Пасхи, чествования трудоармейцев, Дней немецкой семьи. Созданы десятки творческих коллективов художественной самодеятельности. Одному из них, выступающим под руководством заслуженного деятеля культуры РФ Я. Пеннера, присвоено звание «Народный». Оркестр неоднократно выезжал на гастролы в Голландию, Германию.

Активную творческую работу ведет: народный муниципальный хор «Freundschaft» (Орск), художественный руководитель Лиля Майер. В 2001 году хор отметил свой 10-летний юбилей. Много выступают детский хор «Jugend», молодежная вокальная группа «Jungeron» (Орск), танцевальный коллектив «Эдельвейс» (Бугуруслан), ансамбль немецкой музыки под управлением Пауля Альтнера (г. Оренбург). В 1997 году коллектив получил звание «Народного». Коллектив участвовал в фестивалях немецкой культуры в Москве, Саратове, Кустанае, Омске, Волгограде, Алматы, Орске.

В молодежном клубе «Zukunft» («Будущее») подобрался очень дружный работоспособный коллектив из 30 человек. Здесь работает хор под руководством Сергея Горбунова, танцевальный коллектив Юлии Куч, вокальная группа, театр «Экстрामода» и др. Можно поразиться энтузиазму

членов клуба, ведь, по существу, к каждому проводимому мероприятию они готовят обновленную концертную программу, и все это на общественных началах.

Немаловажную роль в проведении мероприятий, направленных на сохранение национальной немецкой идентичности, имеет материальная база и финансирование. В 1999 году в г. Оренбурге было построено здание, где разместились Евангелистическо-Лютеранская Церковь и областной Центр немецкой культуры. Центр построен при финансовой помощи мэрии г. Оренбурга, МВД Германии и Евангелистическо-Лютеранской Церкви Нижней Саксонии. Финансируют немецкие национальные Центры в городах и районах области GTZ (общество по техническому сотрудничеству) Германия, ЗАО «Волга-Развитие» в г. Саратове, администрация Оренбургской области и администрации районов и городов, где компактно проживает немецкое население.

На счет областного центра немецкой культуры из всех источников, которые финансируют его с 1999 г. по 2002 г., ежегодно поступало более 2 млн. рублей.

В селах Подольск Красногвардейского района и Кичкас Переволоцкого района работают краеведческие музеи, которым присвоено звание «Народный». В них собраны уникальные экспонаты немецкой культуры, быта, руководят ими энтузиасты, люди бесконечно преданные этому делу.

Десятки членов-активистов общества принимают участие в семинарах, которые проводятся в учебном центре Подмосковья (с. Мамонтовка), Анапе, Саратове, Самаре, в Гете-институте в Москве.

Развернута исследовательская работа, ежегодно организуется проведение научно-практических конференций по различной тематике. Прошла международная конференция по теме «Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы».

Вышло в свет уже 7 книг об оренбургских немцах. Изданы книги «Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее», «История немцев Оренбуржья в документах», «Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии», организована этнографическая экспедиция обществом о немцах-меннонитах.

Общество имеет свою газету «Orenburger Zeitung», которая выходит один раз в месяц. В 1998 году ее объем составлял две полосы, в 1999 году стали делать четыре, в 2000 году сделали два восьмиполостных номера, а в 2001 году она стала выходить на восьми полосах, и не как приложение к газете «Оренбургское время», а как самостоятельное издание⁴.

Помимо процессов эмиграции в Оренбуржье наблюдаются и процессы иммиграции. В Оренбуржье едут немцы из стран Центральной Азии (Казахстана, Узбекистана). Динамика иммиграции в Оренбургскую область выглядит следующим образом: в 1993 году прибыло 895 граждан немецкой национальности, в 1994 – 925, в 1995 – 805, в 1996 – 639, в 1997 – 635, в 1998 – 656, в 1999 – 440, в 2000 – 352⁵. Из общего числа вынужденных переселенцев, состоящих на учете в областной миграционной службе на 1 января 2001 г., немцы составляют 3,2 %⁶.

В Оренбургской области в религиозной сфере наблюдается парадоксальная ситуация. Немцы-менониты уезжают, а количество религиозных организаций у менонитов растет. Так, если к 1997 г. ввиду эмиграции осталась только одна религиозная организация, то в 2003 г. их зарегистрировано уже 6. Это связано с прибытием иммигрантов-немцев из стран Центральной Азии.

Приезжая в регион, где ведется работа по удовлетворению национально-культурных запросов немецкого населения, мигранты преодолевают так называемый «кризис идентичности».

Под «кризисом идентичности» в широком смысле мы понимаем некую нетождественность человека самому себе, его неспособность определить, кто он такой, каковы его цели и жизненные перспективы, кем он является в глазах окружающих, какое место он занимает в определенной социальной группе, в обществе и т.д.⁷ Чувство «второсортности» и отверженности со стороны иноэтничного окружения, чувство обиды, рассеянности и безысходности, чувство потери самоуважения и некомпетентности от неспособности повлиять на сложившуюся ситуацию – все это испытывают этнические русские, русскоязычное население, оказавшиеся за пределами России. Выход из «кризиса идентичности» большинство населения постсоветского пространства видит в переезде на этническую родину (Россию, Германию, Израиль). За десять постсоветских лет из бывших советских республик в Россию въехало более 7 млн. человек различной национальности, в т.ч. и немцев.

Помимо «кризиса идентичности» есть еще ряд причин, способствующих усилению миграционных процессов. Они определяются влиянием противоположных групп факторов как деструктивных, так и конструктивных. К первой группе относятся распад СССР, прозрачность границ, взрывы национализма, терроризм, ухудшение качества жизни и загрязнение окружающей среды, незащищенность границ, экономическая нестабильность, социальные конфликты. Ко второй группе факторов (позитивных) относятся демо-

кратизация общественно-политической жизни, реализация конституционного принципа свободы передвижений, развитие рыночных отношений и интеграция в мировой рынок труда.

Помимо преодоления кризиса идентичности перед иммигрантами стоит задача социальной адаптации в российский социум: решение проблем с жильем, работой, общим обустройством, учебой детей. Многие из приезжающих иммигрантов-немцев в Оренбуржье рассматривают регион как место временного пребывания, т.е. рассматривают его как «стартовую площадку» для отъезда в Германию. Часть немцев остается на постоянное место жительства.

Решение проблем социальной адаптации позволят немцам, вынужденным переселенцам, закрепиться в Оренбуржье.

-
- 1 См.: Текущий архив комитета по межнациональным отношениям администрации Оренбургской области. 1990–2002 гг.
 - 2 См.: Амелин В. В. Этнокультурная мозаика Оренбуржья. Оренбург, 1999 г. С. 17.
 - 3 См.: Текущий архив отдела ЗАГС администрации г. Оренбурга. 2000–2001 гг.
 - 4 См.: Жизнь национальностей Оренбуржья. Информационный вестник. 2001. № 3 (15).
 - 5 См.: Спицын А. И. Влияние миграционных потоков на национальный состав в Оренбургской области // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. Монография (в печати).
 - 6 См.: Амелин В. В. Мигранты в Оренбуржье: проблемы социальной адаптации. Оренбург: МП. ООО «Электа», 2002.
 - 7 См.: Гриценко В. В. Анализ кризиса идентичности вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья в России // Идентичность и толерантность: Сб. статей. М., 2002.

УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ГЕРМАНИЮ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ

Е. Кюн-Белаз

Мои рассуждения являются выводами из практической работы, проводимой в течение 25 лет на консультационной службе в городе Карлсруэ для молодых переселенцев (иммигрантов) в возрасте от 12 до 27 лет. Они – следствие многолетних дискуссий с коллегами интеграционных служб. Их можно воспринимать как определенные рекомендации для переселенцев-немцев всех возрастов¹.

Чтобы ответить правдиво на сложный вопрос, какие нужны предпосылки и условия для полноценной интеграции, надо обсудить его как с точки зрения принимающего общества, так и приезжих. Обе стороны – крайне сложные системы. Все, что я скажу на эту тему, будет весьма условно, все обобщения опасны, а вместе с тем как раз эта сложнейшая и наиболее болезненная тема требует разъяснения. Поэтому прошу относиться к моим рекомендациям с определенной долей юмора и иронии, ибо лишь таким образом можно избежать недоразумений и раздражения.

Мне кажется, что в условиях нашего мирового общего неумения поделиться собственными материальными, духовными и душевными средствами на создание достойной совместной жизни, мы кидаемся в разные стороны, не успевая вовремя осознать свою ограниченность и не считаясь с ней, а также мы редко готовы считаться с тем же самым положением живущего рядом с нами или за границей.

Цифры и интерпретация

О цифрах миграции немцев из СССР и стран бывшего Союза мы в курсе. В наши дни их число в ФРГ превышает два миллиона. Кроме того, живут в ней больше семи миллионов иностранцев из разных стран. Общее число населения ФРГ составляет 80 миллионов.

Если в 1950-е и 1960-е годы приезжало крайне мало немцев из стран «социалистического блока», то с момента заключения некоторых договоров, например, «Московского договора» 1970 г. между СССР и ФРГ, их число возросло, снизилось в 1980-е годы, чтобы увеличиться ко времени «гласно-

сти и перестройки» и достигнуть пика в момент падения Берлинской стены и в последующие годы. С этого времени немецкое правительство стало заниматься вопросом регулирования притока приезжих таким образом, чтобы согласовать число людей с условиями приема и интеграции. К концу 1992 года относительно Румынии и Польши немецкий парламент решил, что в этих странах права немецкого меньшинства достаточно защищены, поэтому закон о преследуемых немцах их касаться не может. С 1993 года ввели ограничение числа принимаемых немцев из бывшего Союза и других стран бывшего блока соцстран на 200 тыс. лиц в год, а с 2000 г. на 100 тыс. в год. В новом законе об иммиграции, который должен вступить в силу с начала 2003 года, предусмотрены изменения, которые, по всей вероятности, еще сильнее ограничат приток из бывшего Союза: немецкие власти будут еще на вашей родине проверять знание немецкого языка у каждого, кто подал заявление на выезд и кому больше 16 лет. Главный аргумент: людям без знания языка невозможно интегрироваться.

Цифры цифрами, а за каждой из них стоит конкретный человек, семья.

Приезд немцев и их русских жен и мужей из бывшего Союза требовал объяснения в зависимости от актуального исторически-политического самоопределения страны, как руководителей, так и их избирателей. Самым наглядным образом это можно было проследить по предвыборным выступлениям, которые усиливаются действиями средств массовой информации. Во время, так называемой, «холодной войны» приток выезжающих из СССР немцев хотя бы подтекстом толковался как доказательство преимущества западного экономического и общественного строя. В момент разрушения системы блоков капитализма и социализма эта версия вроде отпала, и возникла надобность новых толкований. Вдруг встала под сомнение та логика политически-исторического контекста, которую знали издавна: приезд русских немцев является последствием второй мировой войны. Но к концу 1980-х – началу 1990-х гг. с момента ее окончания прошло почти полвека! Возникли мнения, которые можно выразить следующими словами: «Сколько можно? Здесь немецким духом и не пахнет! Какие это немцы, которые не владеют немецким языком? Никакой репрессии здесь нет, ведь сталинизм так же, как и фашизм, канул в прошлое. Эти, так называемые, немцы приспособились к русской культуре и системе. А если они теперь едут, то это просто бегство от бедности и беды. Дело понятное, но мы ведь не можем принять у себя всех бедных всего мира!»

Значение серьезной информации

Консультационная служба, естественно, не может руководствоваться предвыборными страстями, она имеет сложную задачу не только не поддаваться такой идеологии, а, наоборот, облегчить тяжелую участь приезжего в условиях политического злоупотребления, сочувствовать ему, не впадая вместе с ним в уныние и, взяв на себя роль компетентного «адвоката» и носителя информации, разъяснять как можно чаще и убедительнее все эти неурядицы и недоразумения на конкретных примерах².

Показать первоклассную информацию стремятся и журналисты, писатели и авторы фильмов. Хочу привести в качестве самого наглядного актуального примера только что вышедшую в издательстве „Rowohit“ книгу "Rita's Leute" автора Ulla Lachauer, которая объединяет в себе и журналиста и писателя и автора документальных фильмов³. В центре книги находится Рита Паулс из Караганды, которая в 1989-ом году в возрасте 19 лет вместе с родителями, братом и бабушкой приехала в землю Баден-Вюртемберг. Автору удалось не только преподнести немецкому читателю историю русских немцев и их жизнь перед выездом, но она также дает русскому читателю возможность вникнуть в восприятие немцев. Она «вслух» размышляет о том, что ей чуждо и непонятно, делится с читателем, каким образом она добивается ответов на возникшие вопросы. Ее тревожат сомнения о том, возможно ли вообще дойти до сути – можно ли получить ответы на вопросы о самых страшных, болезненных моментах жизни от человека, который зарыл эту боль как можно дальше?

Вот уже появился и первый ответ на вопрос о необходимых условиях для интеграции: истинный, доброжелательный интерес со стороны принимающего общества к приезжим. Но в каких условиях опять-таки возникают доброжелательность и интерес? Что для этого могут делать приезжие, имеют ли они вообще возможность повлиять на ситуацию?

Интеграция (ключевое слово с разным подтекстом) – вариант приспособления.

«Если бы они разговаривали по-немецки, то могли бы интегрироваться! Почему они все время «торчат» среди своих? Они просто не желают никакого контакта с немцами!» Примерно каждый второй немец таким образом комментирует наблюдения за переселенцами, которые общаются между собой на русском языке, живут вместе в районах, где они могут получить квартиру, смотрят русские телевизионные программы или русские видео-

фильмы, читают русские газеты или газеты, изданные в Германии на русском языке, едут в Италию и в Испанию в сопровождении русскоговорящего экскурсовода, пользуются русскоговорящими врачами, стоматологами, адвокатами, страховщиками, консультантами и справляют свадьбы, дни рождения, похороны и поминки по русским обычаям.

Выходит, интеграция происходит тогда, когда приезжий приспосабливается: говорит только по-немецки, селится принципиально подальше от своих соотечественников, смотрит немецкие телевизионные программы, немецкие видеофильмы, читает немецкие книжки и газеты, ходит к немецким врачам и забывает о существовании 8-го Марта и 9-го Мая?

В юмористической форме можно даже сформулировать 10 лозунгов, какими вам следует быть, чтобы справиться с задачей приспособления:

1. Учитесь немецкому языку в России, ибо Вас иначе просто не пустят: будут проверять ваши знания языка перед тем, как разрешат Вам въезд.

2. Готовьтесь к тому, что в Германии бюрократия почище русской. Все распределяется по правилам, по нормам, по полочкам, все имеет свою логику, в которую надо вникнуть, чтобы добиться своих прав и целей.

3. В Германии не «дают»! То есть, встать на очередь – это не достаточно. Надо проявлять ежедневно инициативу, чтобы найти работу, квартиру, чтобы найти себе место и друзей.

4. В Германии любой отказ сопровождается улыбкой, вежливостью. Отказы – дело привычное. Возможно, Вы будете писать 100 заявлений на работу, пока Вы ее получите. Кто не готов тренироваться длительно во всех отношениях и не готов принимать отказы как нормальное проявление реальности, тот обречен. Но учтите, что этот закон касается приезжих так же как и местных!

5. В Германии ведут себя чинно в том смысле, что не бьют друг друга, ни жен, ни детей. Выясняют споры словами или судебным образом. В Германии не пьют водку, чтобы забыться, а вино или пиво употребляют, чтобы развеселиться. И в Германии не задают вопрос: «А ты меня уважаешь?»

6. В Германии не матерятся. Ругаются по-другому, юмор другой, не плюют, говорят и смеются вполголоса тише чем в России. Германия – это Вам не Италия! В Германии люди живут в квартире, а не на улице.

7. В Германии каждый себя проявляет индивидуальной личностью, то есть не следует ходить кучками и налетать коллективом на тех, кто на Вас просто с любопытством посмотрел.

8. Не ждите сердечного приема и отношения на каждом шагу, а скорее нейтрального и вежливо-холодного общения – «Как дела?».

9. Не молчите, считая это вежливостью и ненавязчивым поведением, а задавайте вопросы, потому что так Вы будете считаться заинтересованными и активными!

10. Не ждите, что там все будет лучше, а рассчитывайте на то, что там все будет по другому!

Итак – Вы готовы приспособиться ???

Вариант интеграции как обоюдный процесс

Нам, работникам консультационной службы, кажется, что интеграция – длительный процесс, направленный на то, чтобы приезжие могли самостоятельно справиться с жизнью, могли проявить себя в обществе и внести свой вклад, включая все свое богатство, привезенное из России: язык, культуру, навыки, опыт. Мы понимаем, насколько это важно, чтобы немцы проявляли интерес к тем, кто недавно вошел в их общество. Но мы также понимаем, что средний немецкий обыватель пожмет плечами, если новые сограждане все время варятся в «собственном соку».

Можно также сформулировать несколько лозунгов для осуществления полноценной интеграции:

1. Каждый переселенец должен осознать тот основополагающий факт, что с выездом в его личной жизни происходит резкий перелом. Нужно пережить всю боль, связанную с этим шагом, и принять эту потерю как должное, однако не отбрасывая опыт прошедшего этапа жизни, а давая ему должную оценку по большому счету. Только такой: духовно, душевно, сознательно пройденный путь откроет возможность к восприятию нового образа жизни.

2. В немецком обществе должна вестись честная, широкая дискуссия о том, как относиться к вопросу об иммиграции, ее ограничении, условиях, необходимости. В этой дискуссии должны участвовать также приезжие.

3. Пусть немцы на первом этапе принимают переселенцев лучше в скромных квартирах, но не в лагерях, где негде сесть с коллегами и друзьями, где в одной комнате на семью негде учиться ни детям, ни родителям, куда съезжаются страховщики и другие продавцы разных нужных и ненужных товаров, в том числе и наркотиков.

4. Тренировка в общении с коренными немцами должна начинаться с первого дня пребывания: по договору, заключаемому между принимающей

стороной и приезжими, который поддерживается консультацией и мероприятиями, способствующими созданию ситуаций, в которых можно или даже необходимо разговаривать.

5. Курсы немецкого языка должны предоставляться в таком качестве и с такой длительностью, чтобы после них можно учиться дальше либо работать. Приезжие должны участвовать в расходах в соответствии с их финансовым положением, но должны быть готовыми расплатиться в рассрочку позже, когда они смогут вернуть часть полученного (аналогично системе стипендий в Германии). Кто учится в школе, должен обучаться языку бесплатно.

6. Приезжие должны приглашаться на мероприятия, которые дают возможность проявить свои способности и вынести свои темы на обсуждение как своим соотечественникам, так и местному населению. По возможности при проведении таких мероприятий используется оба языка⁴.

7. Германия должна поддерживать и развивать тесные связи с теми странами, из которых приезжают люди на постоянное жительство. Эти же страны должны также искать близкий контакт с Германией. Должны развиваться обмен в сфере культуры и сотрудничество по обучению языку, по обмену педагогами, научными деятелями, психологами, социальными работниками и т. д. Все это должно проводиться, между прочим, и с той целью, чтобы узнать как можно больше и глубже обо всем, что сформировало личности приезжих из бывшего Союза.

8. Местные жители и организации, как и приезжие, должны иметь возможность пользоваться консультационными службами и учреждениями, которые достаточно компетентны, чтобы служить переводчиками между представителями разных культур. Для этого знание языков – лишь первая предпосылка, которая должна дополняться глубоким пониманием внутреннего мира и структур тех стран, из которых приехали новые граждане. Эти службы раскрывают приезжим мышление, поведение и структуру нового общества.

9. Средства массовой информации и творческая интеллигенция должны участвовать в процессе взаимного проникновения культур.

10. Конфликтные ситуации не должны утаиваться, а, наоборот, должны обсуждаться при помощи соответствующих специалистов⁵.

11. Главное внимание должно уделяться профилактической работе. Личность должна поддерживаться разными мерами. Педагоги и социальные педагоги, а также администрация, учителя и родители должны сотрудничать, чтобы добиться результатов в успешной адаптации приезжих.

12. Весь этот вклад необходим из чисто эгоистических мотивов – принимающее общество при таком подходе не только сможет смягчить и избежать множество проблем, но сможет дополнительно развивать свою социальную компетентность, а это качество, очевидно, станет решающим в вопросе о выживании нашего земного шара и мирового сообщества.

13. Чудес не бывает, и все же их следует ожидать! Тогда, скорее всего, они и случаются...

Вместо заключения

Не утаивая существующих проблем в условиях данного периода, мы в Германии скорее всего наблюдаем следующее: приезжий со временем изучает немецкий язык настолько, чтобы работать и учиться, учитывает действующие законы, а в остальном живет своей русской жизнью в рамках своих личных отношений. Но ведь это уже достижение!

¹ Консультационные услуги в ФРГ кроме самого государства чаще всего оказываются общественными организациями разного профиля, в том числе и церковными. Как правило эти организации субсидируются федеральным бюджетом. Консультационная служба, которой руководит автор доклада, был создан ей в 1977-ом году в г. Карлсруэ на юго-западе ФРГ по поручению "Международного Союза", общественной организации, направленной на молодежную, социальную и образовательную работу (Internationaler Bund (IB) Freier Trager der Jugend-, Sozial- und Bildungsarbeit e.V.) и субсидируется главным образом федеральным министерством семьи, пожилых, женщин и молодежи (Bundesministerium fur Familie, Senioren, Frauen und Jugend).

² В начале 2003-го года выйдет книга, издаваемая автором этого доклада, которая на примере интервью 20 молодых переселенцев-немцев в районе Карлсруэ объяснит немецкому читателю, что это за сложный и обогащающий процесс: переезд и переход из одной страны и системы в другую.

³ 22-го июня 2001-го г. в телевизионной программе WDR показали интереснейший ее документальный фильм о Караганде "Karaganda . Die Stadt der Verbannten."

⁴ Мы в третий раз приглашаем театрального режиссера Анжелику Торгашину (создателя потрясающего ансамбля «Театралика») из Саратова, которая поставит с молодыми и взрослыми переселенцами, иностранцами и немцами спектакль, в котором употребляются русский и немецкий языки. Первые два спектакля затрагивали тему идентичности молодой переселенки из России и проблему изучения

немецкого языка русскоязычными. Новый спектакль разрабатывает тему различных пристрастий, в том числе и наркотиков. Спектакли пользовались большим успехом и оказали значительное влияние на развитие участников. Существуют видеозаписи спектаклей, которые можно заказать по адресу, указанному в конце доклада. Другой пример – курсы живописи, проводимые художником-педагогом Евгенией Егер из Джамбула, проживающей в Карлсруэ. Она провела 12 выставок работ своих учеников, часть экспонатов была продана.

- 5 Уже второй год в нашей консультационной службе одна сотрудница, которая получила дополнительную квалификацию как специалист по разрешению конфликтных ситуаций, встречается с молодыми людьми, которые вступили в конфликт в такой степени, что дело дошло до судебного разбирательства. Чтобы его избежать, по рекомендации судьи, враждующие стороны могут встретиться под руководством специалиста, чтобы выяснить происшедшее и выразить все наблевшие чувства и мысли. Чаще всего в рамках этого процесса люди по-настоящему примиряются. Этот подход возможен при конфликтах, которые не достигли крайнего предела.

3.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

СОСТОЯНИЕ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ в 1950–90-е гг.

И. В. Черказьянова

До войны немецкие школы были сосредоточены главным образом в европейской части страны и некоторое количество – в восточных регионах. В результате депортации немецкого населения в Сибирь, Казахстан, республики Средней Азии проблемы немецкой школы изменились. Начиная с 1950-х гг. попытки возрождения образования для немцев проводились отдельно в каждой республике, разместивших на своих территориях депортированных. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, опубликованные в последнее время, и некоторые исследования¹. К сожалению, мы не располагаем общесоюзными документами, в которых бы нашел отражение исследуемый вопрос. Необходимо их выявление в центральных архивах страны. Однако, нет оснований сужать данную проблему до республиканского уровня – речь по-прежнему идет об одной из главнейших проблем всех советских немцев. В этой связи не выглядят случайными хронологические совпадения тех решений в отношении образования немецкого населения, которые принимались отдельными республиками. За этой синхронностью документов прослеживается общий курс компартии и советского правительства в отношении немцев страны.

Закрытие в стране немецких школ в конце 1930-х гг., а затем события Великой Отечественной войны на долгие годы лишили советских немцев полноценного образования. В годы войны немецкие дети практически не имели возможности получать образование даже на государственном языке. В первые послевоенные годы решалась лишь количественная сторона проблемы: росло число учащихся, но ни о каком возрождении собственных школ, обучении на родном языке не было и речи. Задачи культурного развития, образования для самого народа не были первоочередными, на первый план выдвинулись проблемы хозяйственно-бытового устройства.

Казахстан, Киргизия и Россия приняли наибольшее количество депортированных немцев, поэтому закономерно проведение анализа работы по восстановлению образования для немцев в этих республиках как наиболее репрезентативного опыта. По официальной статистике, в Казахстане на 15 сентября 1950 г. школу не посещало 9,5 % немецких детей. Хотя этот пока-

затель достаточно высокий и свидетельствует о неблагоприятном положении в деле образования в целом, все же это был значительный сдвиг в положительную сторону по сравнению с военным периодом². В начале 1950-х гг. за счет открытия русских классов в казахских школах увеличивался охват обучением детей спецпоселенцев. Во многих районах республики были только казахские школы, поэтому отсутствие русских школ в местах расселения спецпоселенцев было серьезным препятствием не только для немцев, но для всех национальностей. Малочисленность спецпоселенцев в отдельных поселках, где они были представлены 2–3 семьями, также создавало трудности для обучения детей. Подавляющее большинство немецких детей училась на русском языке, некоторая часть – на казахском. Обучения на родном языке не было вообще.

С середины 1950-х гг. после снятия ограничений режима спецпоселения культурному развитию немецкого населения повсеместно начали уделять больше внимания. Важным моментом периода была постановка вопроса об изучении в школах немецкого языка как родного. Это стало следствием принятия партийно-правительственных постановлений об улучшении в целом культурно-массовой работы среди немецкого населения. 18 октября 1956 г. ЦК Компартии Казахстана принял секретное постановление «Об усилении массово-политической работы среди немецкого населения республики». 15 октября 1956 г. появился аналогичный документ в Киргизии – секретное постановление ЦК Компартии Киргизии «Об усилении массовой политической и культурно-просветительской работы среди советских граждан немецкой национальности, проживающих в республике». К этому времени в Казахстане проживало более 480 тыс. немцев, в Киргизии – более 23 тыс. человек.

Среди недостатков, отмечаемых в Киргизии, выделялась проблема образования немцев: свыше четырех тысяч граждан были малограмотными и неграмотными, а обучение их грамоте не было организовано. В постановлении предлагалось изучить вопрос и внести на рассмотрение Совета министров Киргизской ССР вопрос о необходимости введения в школах, где обучаются дети немецкой национальности, преподавания немецкого языка и литературы³. Среди мер, направленных на преодоление недостатков в работе с немцами Казахстана, была отмечена необходимость усилить изучение русского языка, улучшить преподавание родного языка, начиная с начальной школы⁴. Обращает на себя внимание указание на улучшение преподавания немецкого языка, это свидетельствует о том, что подобная практика в республике к этому времени уже имела. Обратимся к

фактам. В Казахстане практические меры по обучению детей спецпоселенцев на родном языке были предприняты в середине 1950-х гг. В 1955 г. партийные органы, ссылаясь на пожелания родителей, предложили ввести преподавание немецкого языка как родного в виде самостоятельной дисциплины в 1–4-х классах. Речь идет лишь о предмете немецкого языка, а не о немецком языке преподавания. Для принятия подобного решения был предпринят хитроумный шаг – власти обратились к мнению родителей учеников. Судя по документам, зачастую родители сами были против обучения детей на немецком языке, но не возражали против введения в программу немецкого языка как предмета. Например, подобную позицию выражали спецпоселенцы Павлодарской области в сентябре 1955 г.⁵ Но можно ли считать свободным подобное волеизъявление теми людьми, кто только что пережил депортацию, трудармию и все еще стоял на спецучете? Неуверенность в том, что репрессии по национальному признаку закончатся, страх за судьбу детей – все это заставляло взрослых отказываться от традиции обучения на родном языке. Главным для них было, чтобы их дети адаптировались к новым условиям в дальнейшей жизни, чтобы могли продолжить образование после школы, а это мог дать только русский язык. Очевидно и то, что подобные решения принимались на собраниях после соответствующей обработки мнения родителей со стороны партийных органов.

В РСФСР раньше, чем в других республиках, началось изучение немецкого языка как родного: в соответствии с приказом Министерства просвещения РСФСР оно вводилось в российских школах с 1 сентября 1957 г. В том же году в ряде районов Алтая: Славгородском (с. Подсосново, Шумановка, Кусак, Редкая Дубрава), Хабаровском (с. Орлово, Протасово, Дегтярка, Полевое), Табунском, Благовещенском, Кулундинском, Рубцовском, Локтевском, Бурлинском – началась организация обучения языку. К 1959 г. в крае функционировало 60 школ, в которых 2500 учеников изучало немецкий язык как родной⁶. В начале 1960-х гг. их насчитывалось уже 72.

Официально использование в школе немецкого языка как родного было узаконено в Казахстане постановлением Совета министров Казахской ССР от 2 февраля 1957 г. «О введении преподавания родного языка для детей немецкой национальности в школах Казахской ССР»⁷. Преподавание вводилось в обязательном порядке со второго полугодия 1957/58 учебного года в местах компактного поселения немцев. Язык преподавался в 2–4-х классах в начальных, семилетних и средних школах в объеме 2-х часов в неделю сверх учебного плана. Число учащихся в каждой груп-

пе по изучению немецкого языка должно было быть не менее 10 человек. Чтобы обеспечить школы республики преподавателями, все учителя-немцы, даже если они работали не по специальности, были взяты на персональный учет. В начале действовало 975 групп по изучению немецкого языка, а в 1958/59 г. их было уже 1099, в них обучалось 17508 человек⁸. Школы приступали к работе без определенной программы, при большом дефиците учебников. Первые 10 экземпляров программы для обучения немецкому языку были получены из Министерства просвещения РСФСР лишь в сентябре 1958 г., они были размножены и разосланы всем областным отделам образования. Программа была далека от совершенства, поэтому учителя руководствовались в основном учебниками. В 1957/58 году все начальные классы занимались по букварю Классена, в следующем учебном году была получена «Книга для чтения» Соловьевой для 3–4-х классов. По сути, подобная практика изучения языка после основного цикла уроков с минимальным числом часов скорее напоминает факультативные занятия, чем обязательные уроки.

В Киргизии в соответствии с постановлением Министерства просвещения республики обучение языку вводилось, как и в России, с 1 сентября 1957 г., но только в порядке эксперимента и по желанию родителей учащихся. Обучение родному языку начиналось со второго класса. Однако уже через два года, в 1959/1960 учебном году финансирование эксперимента прекратилось. Министерство финансов ссылалось на отсутствие соответствующего постановления Совета министров республики, которое бы обязывало Министерство просвещения ввести преподавание немецкого языка для детей немцев. По ходатайству Министерства просвещения республики, 5 февраля 1960 г. было принято постановление Совета министров Киргизской ССР «О введении обучения родному языку детей немецкой и дунганской национальности». Для немцев предусматривалось обучение родному языку во 2–8-х классах, для дунган – в 5–8-х классах, требовалось проводить занятия при наличии группы желающих не менее 10 человек⁹. На уроки родного языка отводилось 3 часа в неделю. Одним из результатов этого постановления был рост числа школ, в которых преподавался немецкий язык как родной. В 1964 г. в Киргизии насчитывалось 33 подобных школы, а в некоторых школах вводился родной язык и в 9–10-х классах. В вузах Киргизии обучалось в тот период 419 немцев, в техникумах – 439¹⁰.

Проблема получения немцами высшего образования в послевоенный период достаточно серьезная, т.к. даже вопрос о допуске немцев в вузы ре-

шался с большим трудом, число немцев, принятых в вузы, по всей стране составляло несколько десятков. Учебные заведения, расположенные в столичных городах, связанные с некоторыми секретными производствами, университеты вообще были недоступны представителям репрессированного народа. Секретным постановлением ЦК Компартии Казахстана от 28 мая 1952 г. немцам был закрыт доступ в Казахский университет им. С. М. Кирова, Алма-Атинский юридический, физкультурный и педагогический институты, Казахский горно-металлургический институт, а также в консерваторию. В ограниченном количестве они допускались в Казахский сельскохозяйственный, Алма-Атинский и Семипалатинский ветеринарно-зоотехнические институты, Алма-Атинский и Карагандинский медицинские институты, Чимкентский технологический и в учительские институты. Во все перечисленные институты ежегодно принимали в общей сложности лишь 105 человек из числа спецпоселенцев, включая немцев. При отборе кандидатов предпочтение отдавалось коммунистам и комсомольцам¹¹. Анализ перечня вузов, куда могла поступить немецкая молодежь, свидетельствует о весьма ограниченных перспективах дальнейшего использования молодых людей в народном хозяйстве. Сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность, медицина, школьное образование – вот основной перечень областей, где могли работать немцы с высшим образованием.

Из-за действовавшего режима спецпоселения процедура получения разрешения на выезд к месту учебы была весьма сложной и длительной, что также препятствовало поступлению в вузы. Разрешение на передвижение в пределах Казахстана выдавалось комендатурами при участии республиканского Министерства внутренних дел. Еще большие трудности выпадали на долю тех абитуриентов, которые пытались поступить в вузы за пределами республики. В этом случае разрешение оформлялось после обращения в Москву, в МВД СССР. Постановлением ЦК КПСС от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» дети спецпоселенцев, достигшие 16-летнего возраста, принятые и направляемые в учебные заведения, снимались со спецучета. Им разрешался выезд к месту учебы в любой пункт страны.

Однако даже в таких сложнейших условиях получения высшего образования были некоторые исключения из правил. Об этом свидетельствует судьба Г. Г. Эдига, известного исследователя немецких диалектов на территории России, основателя школы диалектов в Сибири. Среднее специальное образование он получил до войны в педучилище Маркштадта. В годы войны попал на Алтай, откуда сумел выбраться в конце

1940-х гг. в Томск. Здесь ему удалось окончить Томский педагогический институт и даже получить место преподавателя немецкого языка в одном из томских техникумов, где он проработал до 1955 г.¹²

Проблема педагогических кадров для немецких школ была актуальной на протяжении всего довоенного периода. Теперь же она вновь обострилась в связи с тем, что за прошедшие почти два десятилетия старшее поколение учителей либо ушло из жизни, либо снизило квалификацию. К старым учителям власти относились с недоверием в первую очередь по политическим соображениям. Специальным приказом Министерства просвещения Казахской ССР учителя-спецпоселенцы привлекались к работе в начальных классах, а также для преподавания точных наук, преподавание же гуманитарных наук им не доверялось.

С введением в школах немецкого языка как родного встал вопрос подготовки учителей, владеющих соответствующей методикой. С конца 1950-х гг. их подготовка велась на факультетах иностранных языков в педагогических институтах Барнаула, Кокчетавы, Омска, Оренбурга, на заочном отделении Алма-Атинского института иностранных языков, а также в ряде педагогических училищ Казахстана и Сибири.

Мероприятия 1950-х – начала 1960-х гг. по возрождению немецкого национального образования носили ограниченный характер и касались только преподавания немецкого языка как родного. Были открыты классы для изучения родного языка, но обучение по-прежнему велось лишь на государственном языке. В Киргизии изучение немецкого языка велось в большем объеме, чем в других республиках. Однако вскоре на местах даже эти урезанные меры стали сворачиваться.

Уже к концу 1960-х гг. в школах началось сокращение групп по изучению немецкого как родного языка, а учителей стали все чаще использовать как преподавателей немецкого иностранного языка. Сама практика введения или отмены родного языка в школе стала зависеть от местных руководителей, руководства школ. Так, в Целиноградской обл. только в 1966 г. было сокращено 100 групп родного языка. В 1976 г. в Киргизии лишь в 25 школах немецкий язык изучался как родной. К началу 1990-х гг. на Алтае из 72 ранее действовавших школ осталась 21. По инициативе местных властей в некоторых районах Алтая (Благовещенском, Бурлинском, Славгородском и других) в течение 1970-х гг. несколько раз вводилось и отменялось преподавание немецкого языка как родного. Волюнтаризм руководства дополнялся некачественными учебными программами и планами «немецких» школ, отсутствием методической литературы и по-

собий, что в конечном итоге влияло на судьбу самих школ. До 1986 г. родной язык вводился только со 2-го класса, выделяемых на изучение языка часов было явно недостаточно.

В «застойный период» кризисные явления в образовании продолжались активно накапливаться. В начале 1970-х гг. были предприняты новые попытки политически решить проблемы советских немцев. 26 октября 1972 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об отдельных категориях граждан, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР», а 26 июня 1974 г. – постановление партии «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности». В документах отмечались крупные недостатки в работе по культурному, интернациональному и патриотическому воспитанию немецкого населения, серьезное отставание уровня общеобразовательной подготовки немцев.

В свете этих постановлений в Киргизии были проведены мероприятия по повышению уровня образования немцев, в т.ч. изучения родного языка школьниками. Планировалось в течение 1974 г. провести министерскую проверку состояния преподавания немецкого языка как родного в школах, где обучались дети немецкой национальности, организовать республиканские и зональные семинары учителей немецкого языка и другие меры. По данным переписи 1970 г., в Киргизии проживало 89834 немца (3,1% от населения республики). В 1974 г. среди студентов вузов было 165 немцев, в средних специальных учебных заведениях обучалось 690 человек¹³. Поэтому предлагалось разработать и внедрить дополнительные меры по приему немецкой молодежи в вузы, техникумы и училища. Через два года в вузах и техникумах Киргизии насчитывалось уже 2752 юношей и девушек немецкой национальности¹⁴.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. в связи с нарастанием эмигрантских настроений немцев ЦК Компартии Киргизии приняло еще несколько постановлений о работе с немецким населением. В них по-прежнему звучали указы республиканскому министерству образования об увеличении приема в вузы, техникумы и училища молодежи из числа немецкой национальности, о создании условий для детей по изучению немецкого языка как родного¹⁵. Поставленные задачи не отличались новизной. Уже одно то, что они повторялись на протяжении десятилетий, свидетельствует о том, что проблема образования немцев решалась слабо либо вообще не решалась. Факты свидетельствуют о продолжавшемся сокращении в республике школ с изучением немецкого языка как родного. В 1983 г. их уже было всего 9, в 549 школах немецкий язык изучался как иностранный¹⁶. Таким об-

разом, в Киргизии за 20 лет количество школ с немецким родным языком сократилось с 33 до 9, т.е. на 73 %. Преподавание же предметов на немецком языке отсутствовало даже в тех школах, где подавляющее большинство учащихся были немцами.

Итогом всей государственной политики по отношению к немцам страны за послевоенные десятилетия стало резкое сокращение их уровня грамотности. Если, по данным материалов Всесоюзной переписи населения, в 1939 г. немцы занимали по уровню грамотности 5-е место в СССР, то в 1989 г. – одно из последних. Среднее и высшее образование имели (на 1000 чел.) 69,7 человек. Для сравнения, тот же показатель составлял у евреев – 268,1 чел., украинцев – 82,1 человек, русских – 81,4 человек. В 1989 г. у немцев отмечен самый низкий процент лиц с высшим образованием и самое большое число людей, имеющих только начальное образование и не имеющих его вообще. Так, в 1989 г. в Новосибирской обл. на 1000 человек занятого населения каждой национальности приходилось лиц с высшим образованием: у евреев – 682, украинцев – 238, белорусов – 203, русских – 153, татар – 125, немцев – 83¹⁷. Как одно из следствий образовательной политики застойного периода следует отметить снижение уровня владения немцами родным языком. Например, в Новосибирской обл. с 1979 по 1989 г. показатель упал с 41,4 % до 36,6%.

Распад СССР на самостоятельные государства в 1991 г. хронологически закрывает вопрос образования советских немцев, но проблема образования немецкого этноса сохраняется. Она остается общей хотя бы в силу непрекращающихся миграционных процессов немцев на постсоветском пространстве: так, например, «казахстанские», «узбекские» немцы становятся «российскими» немцами. Где бы ни проживали «постсоветские» немцы, их объединяет проблема сохранения родного языка, а значит и проблема образования их детей.

В настоящее время можно с уверенностью говорить, что центр возрождения немецкого образования сместился в Сибирь. Это связано, на наш взгляд, с организацией на Алтае Немецкого (Гальштадтского) района и Азовского немецкого национального района в Омской обл. Здесь целенаправленно осуществляются меры по возрождению немецкого языка и культуры. Состояние образовательной сети Сибири, в которой обучаются дети немецкой национальности, в 1992 г. характеризовалось следующими показателями. Детских дошкольных учреждений было 69, школ – 96, училищ – 6, вузов – 6. Образовательных учреждений с углубленным изучением немецкого языка насчитывалось 214, в т.ч. дошколь-

ных – 72, школ – 98, училищ – 35, вузов – 91⁸. В 1992/93 учебном году на Алтае действовало 34 школы с охватом около 5 тыс. детей, где преподавались немецкий язык как родной и немецкая литература. С момента образования Азовского района в детских садах и школах ведется обучение родному языку. В 1993 г. язык преподавался в 12 школах и 5 детских садах. В 2000 г. язык изучали 540 детей в детских садах и более 2 тыс. учащихся, в т.ч. в 4-х начальных школах – 97 детей, в 3-х основных школах – 68, в 11-ти средних школах – 2136¹⁹.

В Сибири проходит апробацию система непрерывного немецкого образования, которая предполагает изучение родного языка, начиная с дошкольного учреждения и заканчивая высшим учебным заведением. Концепцию этой системы разработали в 1992 г. томские специалисты. Данная программа была одобрена в Министерстве образования Российской Федерации и вошла составной частью в Российскую государственную программу «Об удовлетворении образовательных запросов российских немцев». В том же году в Томске были открыты два детских сада и русско-немецкая профессиональная школа. В плане дальнейших мероприятий по внедрению системы непрерывного образования стояло открытие гуманитарной гимназии и русско-немецкого центра научных исследований при Томском политехническом университете.

На Алтае была развернута программа «Восстановление и развитие системы непрерывного образования российских немцев на территории Алтайского края и первоочередные действия по ее реализации до 2000 г.». Она ориентирована на создание и развитие поликультурной модели национальной школы, которая предполагает как использование русского языка, так и родного. Уже в детском саду дети изучают два языка: русский и немецкий. Поступая в школу, они знают немецкий литературный язык. Программа осуществляется при активной финансовой поддержке правительства ФРГ. В крае также осуществляются различные немецко-российские проекты, в т.ч. по молодежному обмену.

В России проводятся мероприятия по возрождению и организации высшего и среднего специального немецкого образования, главным образом, педагогического. Воспитателей для дошкольных учреждений, учителей начальных классов с правом преподавания родного (немецкого) языка, учителей немецкого языка и литературы для средних образовательных школ готовят факультеты иностранных языков Барнаульского и Омского педагогических университетов. В 1997/98 учебном году в Барнаульском педагогическом университете обучалось 100 немцев (из 509 студентов университе-

та), готовящихся стать учителями национальных школ²⁰. В 1991 г. в Саратовском пединституте было открыто отделение «Немецкий язык как родной и литература», однако, в настоящее время там не набирается достаточно числа претендентов на учебу. В Славгородском педагогическом колледже в 1997/98 учебном году обучалось на отделении учителей начальных классов с преподаванием немецкого языка 45 человек, из которых 12 немцев. На базе школ Омска и Азовского района проводятся ежегодные областные семинары учителей родного немецкого языка по повышению квалификации. Специалисты Сибири участвуют в разработке учебных программ и подготовке учебников для немецких школ. Так, в школах Омской обл. используются учебники немецкого (родного) языка для 1–7 классов, подготовленные группой учителей Азовского района (Е. Е. Граф, О. Ф. Шульц, А. П. Гросс, Э. А. Кноль).

Однако продолжающаяся миграция немецкого населения дестабилизирует ситуацию в сфере образования самих немцев. Так, в 1991–1996 гг. из Омской обл. в Германию выехало 58762 немца, а из Казахстана прибыло сюда 14065 немцев²¹. К 1 января 1997 г. в Киргизии из 101 тыс. проживавших в 1989 г. немцев осталось около 22 тыс. человек. По переписи, проведенной в Казахстане в 1999 г., немцев осталось 353441 человек (доля среди всего населения снизилась до 2,36 %) ²². Основная масса людей выезжает в Германию, частично в Россию. Наиболее привлекательными для мигрантов являются немецкие районы в Омской обл. и на Алтае.

Массовый выезд немцев из Казахстана и республик Средней Азии практически сводит к нулю усилия по созданию национального образования немецкого населения в этих регионах. Вопросы обучения немецкому языку решаются главным образом через общественные организации. Так, в комплексной программе деятельности Совета немцев Кыргызской Республики зафиксировано четыре основных направления: реабилитация; образование, культура, язык; социальная защита немецкого населения; развитие и поддержка частного предпринимательства. При содействии Совета немцев Казахстана в 1999 г. работало 64 воскресных школ, где немецкому языку обучалось 2485 детей. На государственном уровне в Казахстане сохранилось лишь несколько школ, где продолжается обучение немецкому языку как родному (немецкий гуманитарно-образовательный комплекс в Астане, немецкий лицей в Караганде и др.)²³.

Переселение в Сибирь немцев из Казахстана, Киргизии, Узбекистана, где дети изучали немецкий как иностранный, затрудняет проведение разработанных новых школьных программ. Даже в местах компактного прожи-

вания немцев руководство вынуждено переводить преподавание немецкого языка с программы языка как родного на программу языка как иностранного. Не прекращается отток специалистов: только за первые 4 года существования района на Алтае в Германию выехало большинство директоров из 16 школ района. Из 50 учителей, работавших в 1991 г. в с. Подсосновка, к осени 1995 г. уехали 41²⁴.

В целом, опыт работы в Сибири свидетельствует об активном поиске форм возрождения немецкого национального образования. Проблема любой национальной школы является чрезвычайно трудной, многогранной. Особую сложность она представляет для немецкого населения, утратившего в значительной мере родной язык. Наметились определенные сдвиги в воссоздании элементов национального образования российских немцев, активно внедряется практика изучения немецкого языка как родного. В результате миграционных процессов восстановление национального образования переживает сложности, что видно на примере немецких национальных районов. В местах же дисперсного расселения немцев ситуация продолжает оставаться кризисной.

-
- 1 См.: Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.): Сб. документов. Алматы: М., 1997; Из истории немцев Кыргызстана. 1917–1999 гг.: Сб. документов и материалов. Бишкек, 2000; Развитие национального образования на Алтае (проблема национальной школы) / Под ред. А. Н. Мельникова. Барнаул, 1993.
 - 2 Подробнее об этом см.: Черказьянова И. В. Судьбы детей советских немцев в годы Великой Отечественной войны // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. Материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19–22 октября 2000 г. М., 2001. С. 84–97.
 - 3 См.: Из истории немцев Кыргызстана. С. 194–197.
 - 4 См.: Из истории немцев Казахстана. С. 223.
 - 5 См.: Там же. С. 202–203.
 - 6 См.: Матис В. И. Проблема национальной школы в поликультурном пространстве. Барнаул, 1997. С. 117.
 - 7 См.: Из истории немцев Казахстана. С. 224–225.
 - 8 См.: Там же. С. 231.

- ⁹ См.: Там же. С. 227.
- ¹⁰ См.: Кронгардт Г. К. Немцы в Кыргызстане: 1880–1990 гг. Бишкек, 1997. С. 301.
- ¹¹ См.: Из истории немцев Казахстана. С. 176-177.
- ¹² Об этом подробнее см.: Гринева Н. М., Едиг Г. Г. Основные вехи жизни и деятельности // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 85–90.
- ¹³ См.: Из истории немцев Кыргызстана. С. 291.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 321.
- ¹⁵ См.: Там же. С. 526.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 528.
- ¹⁷ См.: Барбашина Э. Р. О проблемах исследования культуры и образования российских немцев // Российские немцы. Проблемы культуры и образования. Новосибирск, 1996. С. 17.
- ¹⁸ См.: Дмитриенко В. А., Марейчева Л. В. Теоретические основания системы непрерывного немецкого образования в Сибири // Образование в Сибири. 1994. № 1 (0). С. 63.
- ¹⁹ Сведения по Азовскому немецкому национальному району любезно предоставлены В. М. Благиным, заместителем главы Азовского районного самоуправления.
- ²⁰ См.: Матис В. И. Проблема национальной школы... С. 143.
- ²¹ См.: Рублевская С. А. Миграционная подвижность немецкого населения Омской области // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 410–411.
- ²² См.: Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В., Алексеенко А. Н., Баратова Г. С. История Казахстана. Народы и культуры. Алматы, 2000. С. 416.
- ²³ См.: III съезд немцев Казахстана. 9–10 декабря 1998 г. (Документы и материалы). Алматы, 1999. С. 99, 160.
- ²⁴ См.: Шлейхер И. И. Создание и воссоздание Немецкого района на Алтае: опыт и практика // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 480.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОБРАЗА МИРА НЕМЕЦКИХ ШКОЛЬНИКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Е. Э. Кригер

В образе мира человека или постоянно развивающейся порождаемой человеком системы интегрированных явлений реальности может быть выделена этническая составляющая, обусловленная генетическими и историко-культурными особенностями его образа жизни, как представителя определенной этносоциокультурной среды.

Основным условием развития образа мира, в том числе его этнической составляющей является образование, поскольку именно оно предполагает целенаправленное взаимодействие субъектов воспитания и обучения. Однако в течение долгого времени Российское государство проводило политику этнической дискриминации, образование игнорировало национальные смыслы и ценности. Это привело к деформации образа мира человека, утрате его этнической уникальности, к формированию маргинального человека – отчужденного от ценностей культуры своего народа, неспособного к самореализации в ней; снижению самооценки; увеличению межэтнических конфликтов.

Подобные проблемы затронули все население России, но особенно остро они встали перед малочисленными народами, в том числе – немцами, сохранение этнической составляющей образа мира которых происходит, главным образом, в местах компактного проживания, одним из которых является Алтайский край.

В течение 1999–2002 гг. нами было проведено опытно-экспериментальное исследование с целью изучения особенностей этнической составляющей образа мира немецких школьников Алтайского края и существующими в регионе условиями ее сохранения.

Выделение особенностей этнической составляющей образа мира осуществлялось путем качественного анализа содержания изучаемого феномена на примере немецких и русских школьников. В эксперименте приняли участие ученики 9–11-х классов, всего 264 человека (126 немцев и 138 русских), обучающихся в поликультурной (городской и сельской) и общеобразовательной школах: в Немецком национальном районе Алтайского края (с. Гальштадт, с. Кусак, с. Подсосново) и г. Барнауле (№ 123, № 79, № 127,

№ 112, № 55, № 89 – поликультурные образовательные учреждения, № 38, № 60, № 68, № 81, № 83, № 84, № 100, № 106, № 107, № 111, № 114 – общеобразовательные школы). При выявлении этнической принадлежности мы выделили шесть выборок испытуемых, полагаясь на субъективное определение самих школьников.

Под поликультурной моделью школы мы понимаем образовательные учреждения, деятельность которых направлена на формирование у учащихся этнокультурной идентичности, межкультурной компетентности и толерантности. На определение поликультурных школ из общего числа общеобразовательных учреждений влияли условия и уровень преподавания. Этому способствовал анализ школьной документации: комплексно-целевой программы развития образовательного учреждения, концепции образовательного учреждения, регионального и школьного компонента учебных планов, содержащих сведения о структурных элементах образовательного процесса (цели, содержание, методы, формы и средства воспитания и обучения).

Обоснованием выбора методов исследования стал теоретический анализ проблемы образа мира и образования личности. В структурном плане в этнической составляющей образа мира немцев и русских существенные различия могут быть обнаружены в смысловом и ценностном уровнях, в содержательном отношении он может наблюдаться в следующем: в «образе Я», «образе Другого» (В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев, Е. Б. Моргунов и др.¹), «образе Мы», «образе Врага» и «способе деятельности в мире» (С. В. Лурье²), а также в направленности отношений (на себя, на других, на окружающий мир), эмоционально-оценочном (позитивный и негативный), когнитивном (конкретность – абстрактность), конативном (пассивность – активность) компонентах (Л. А. Коростылева³).

При проведении эксперимента нами использовались методики личностных опросников: «Тест смысловых ориентаций» Д. А. Леонтьева, «Методика изучения ценностных ориентаций» М. Рокича, методика личностного дифференциала, анкетирование; проективные методики: написание сочинения, методика незаконченных предложений; контент-анализ, анализ школьной документации.

Анализируя результаты опытно-экспериментального исследования, мы обнаружили, что для ценностно-смысловой сферы всех школьников независимо от национальности, места жительства и типа образовательного учреждения характерна первостепенная значимость таких терминальных ценностей (ценностей-целей) как здоровье, любовь, наличие хороших и

верных друзей, счастливая семейная жизнь. Вместе с тем, для немецких школьников более ценными являются здоровье и творчество, для русских – любовь, уверенность в себе, приятное времяпрепровождения, отсутствие обязанностей.

В инструментальных ценностях (ценностях-средствах) для всех старшеклассников наиболее значимыми оказались: честность, образованность, ответственность, жизнерадостность. При этом для немцев более важно: умение понять чужую точку зрения, высокие требования к жизни, высокие притязания, а для русских – смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов, что можно рассматривать в качестве ведущих оснований деятельности представителей данных этносов.

Немцы в сравнении с русскими, оценивая собственные волевые стороны, осознают себя менее уверенно, более склонны рассчитывать на внешнюю поддержку.

Для «образа Я» старшеклассников во всех выборках присуще представление о себе как о достаточно сильной личности, обладающей свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями, наличие соответствующих целей. И наряду с этим существует сомнение в том, что человек обладает возможностью контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их. Наиболее ценным для немцев и русских оказывается принятие себя как личности, как носителя позитивных, социально желательных качеств.

В «образе Мы» для респондентов большую значимость имеет положительное принятие другими индивидуальностями себя. В качестве оснований для самоидентификации служат: наличие дружеских отношений, успешность личных контактов, личностные качества, привлекательные для респондентов, родственные отношения.

В «образе Другого» наиболее значимыми основаниями при исключении из сопричастной группы для респондентов являются: люди, обладающие социально осуждаемыми качествами; не привлекательность, неадекватность для респондента; не успешность личных контактов (для учащихся сельских и общеобразовательных школ); люди, совершаемые социально осуждаемые действия. При этом у немцев формирование «образа Другого» осуществляется на основании совершаемых действий, главным образом – социально осуждаемых. Для русских это происходит, в большей мере, вследствие неприятия людей, обладающих социально осуждаемыми качествами.

В «образе Врага» для школьников большое значение имеют факторы, независимые от респондентов и мешающие намеченным действиям: слу-

чайные, неучтенные обстоятельства, болезнь, качества личности других людей, отношения с другими людьми, активность и сила других людей, а также качества собственной личности, личная активность (изменение собственного решения), собственная сила (или ее недостаток). Наряду с этим для немцев большей помехой является критическое отношение к самим себе и к другим людям.

«Образ Врага», существующий у обеих национальностей в аспекте реальности, против которой старшекласники могли бы направить свои действия, приближен к «образу Другого», поскольку респонденты относят к нему в основном социально негативные явления и проблемы, социально осуждаемые качества и действия людей.

В образе мира немцев и русских школьников были выявлены различия в отношении направленности, когнитивным и конативным компонентами: немцы в сравнении с русскими имеют большую направленность на мир, они более конкретны и более пассивны. Следовательно, эти компоненты имеют этническую специфику.

Диагностика обученности и развитости немецких и русских старшекласников показала, что наилучшие условия развития этнической составляющей образа мира организуются в городских образовательных учреждениях поликультурной модели. Немцам, обучающимся в таких образовательных учреждениях, присуще осознание процесса и результата жизни как более продуктивного, интересного и наполненного смыслом; высокие положительные значения эмоционально-оценочной сферы; большее осознание культуры родного этноса в сравнении с учащимися сельских и городских общеобразовательных школ.

Среди немцев – учащихся городских общеобразовательных школ наблюдается наименьшее соблюдение условий развития этнической составляющей образа мира и наибольшая ассимиляция этноса. Школьники данной выборки испытывают затруднения при этнической идентификации, определяя в качестве родного этноса то немецкий, то русский. В данном типе образовательных учреждений обучается наибольшее количество немцев, не имеющих источников знаний по истории родного народа. Немцев данной выборки характеризует меньшая осмысленность жизни и культуры родного этноса, чем русского. Содержание этнической составляющей образа мира немцев и русских в данном типе образовательных учреждений не имеет существенных отличий.

Обобщая результаты применяемых нами методик в отношении учащихся сельских образовательных учреждений с элементами поликультурности,

мы видим, что эти немцы демонстрируют меньшие показатели осмысленности жизни, чем городские школьники и осмысленности культуры, чем учащиеся городских поликультурных школ. В качестве источников знаний истории и языка они недостаточно активно используют печатные издания, в сравнение с городскими немцами. Однако в этническом компоненте образа мира в сравнении с русскими школьниками учащиеся-немцы сельских образовательных учреждений с элементами поликультурности обнаруживают достоверные различия, и наиболее высоко оценивают собственные знания истории родного народа.

Тем не менее, во всех типах образовательных учреждений созданы недостаточные условия развития этнической составляющей образа мира, как немцев, так и русских. Не более 1/3 старшеклассников имеет ценностное сознание культуры своего народа, а у ряда из них осмысление культуры родного этноса совершенно отсутствует, и не более 1/3 русских и 10 % немцев имеют мотивацию на самореализацию в ней. Кроме того, в самооценке уровня знаний родного языка и истории мы обнаружили, что немцы демонстрируют значительно меньший уровень знаний. При этом основным источником знаний истории родного народа для немцев служит семья.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости проведения целенаправленной деятельности по развитию этнической составляющей образа мира человека, что может способствовать осуществлению этнической идентификации, обретению способности предьявлять свой мир и находить способ толерантного взаимодействия с представителями других этносов.

-
- 1 Зинченко В. П., Моргунев Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994; Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. В 2 т. Т 2. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
 - 2 Лурье С. В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
 - 3 Коростылева Л. А. Психология самореализации личности: брачно-семейные отношения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

ВОЗРОЖДЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВЕЙ: РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ РЕЖИМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (1956–2002 гг.)

О. А. Лиценбергер

Снятие спецпоселения совпало для российских немцев еще с одним важным событием – началом возрождения церковей традиционных немецких конфессий. Медленное и поэтапное возрождение в СССР Католической и Евангелическо-лютеранской религии и церковной иерархии началось с законного признания десятков религиозных организаций, сотни общин по-прежнему существовали нелегально.

Государство, понимая необходимость духовного ренессанса, стремилось легализовать деятельность церкви как института гражданского общества. В рамках политики «оттепели», проводимой Н. С. Хрущевым, и устранения культа личности 7 июля 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». 10 октября 1954 г. вышло постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Данные законодательные акты сообщали о перегибах и произволе советских органов в деле закрытия церковей и антирелигиозной пропаганды и послужили толчком к увеличению числа религиозных объединений в СССР.

Возрождение Евангелическо-лютеранской церкви началось с законного признания общины в Акмолинске (Целиноград). Община, существовавшая с 1953 г., была официально зарегистрирована в 1957 г. Руководил общиной Е. Бахманн, он был освобожден из мест заключения и позже, в 1962 году, реабилитирован. Один из современников так описывал последствия регистрации общины: «С быстротой молнии распространилось в округе известие об основании общины. Из мест, которые находились в отдалении на сотни километров, немцы устремились в Целиноград, чтобы, как и ранее, присутствуя на богослужении, отпраздновать святую вечерню».¹

Немецкая католическая диаспора, образовавшаяся в годы войны в Сибири и Средней Азии, в то время, по одним данным, насчитывала более полу-миллиона католиков, по другим – более 450 тысяч, а именно: около 200 ты-

сая католиков проживало в РСФСР, примерно 200 тысяч насчитывалось в Казахстане, остальные проживали в Киргизии и Таджикистане².

Из депортированных немцев состояли католические общины Сибири и Средней Азии. Уже с 1953 г. действовала неофициально община в Караганде. В 1950–1960-е гг. прелат М. Келер проводил нелегальные богослужения в католических общинах Фрунзе, Новосибирска и в других городах.

К сожалению, после некоторого оживления наступила пауза в регистрации новых приходов. Более того, началась новая эра преследования верующих. В связи с планами построения коммунизма в 1958–1964 гг. гонения коснулись всех религий, вновь изменилось законодательство о культурах. Духовенство было поставлено в зависимость от двадцатки, на состав которой негласное воздействие оказывали советские органы.

Лютеранский пастор Е. Бахманн писал: «При Хрущеве, злостном враге христианства, было развязано настоящее гонение верующих. Особенно оно было направлено на ... духовных лидеров общин. В Целинограде велось преследование специально по отношению к немецкой общине и лично против меня. Началась грязная травля, целью которой было прекратить существование немецкой общины, а меня заключить в тюрьму. Газеты и радио пытались оклеветать меня оскорбительным образом. На предприятиях и фабриках общие собрания рабочих подписывали резолюции против меня и против существования немецкой общины... В моей квартире пытались установить подслушивающие устройства, против меня велась настоящая травля»³.

Все же на протяжении нескольких лет (1957–1965) лютеранская община в Акмолинске оставалась единственной официально зарегистрированной в стране.

Преследования по религиозным мотивам более затронули нелегально действовавшие общины, десятки которых существовали в России, Казахстане, Сибири, на Украине. Так, например, в 1959 г. аппарат уполномоченного УКГБ по Тюменской области сообщил о том, что в г. Ишиме на фермах совхоза им. В.И. Ленина «нелегальные группы сектантов лютеранского направления, так называемых бет-брюдеров («молящихся братьев») ... обычно по субботам и воскресеньям проводили нелегальные сектантские сборища, на которых присутствовало от 10 до 20 человек»⁴. Эти «реакционные сектанты» существовали во многих северных поселках и в городах Тюмени, Ханты-Мансийске, Заводоуковске и др.

Никаких уступок со стороны Советского правительства не было сделано и католицизму. К сожалению, в этой акции Русская Православная церковь

не была нейтральной. Один из современников прямо указывал, что «Московская патриархия приняла в этой разрушительной деятельности активное участие, она инспирировала, поддерживала и расширяла насилие советских органов»⁵. Кроме того, журнал Московской патриархии опубликовал в конце 50-х гг. ряд статей, осуждающих католицизм и Святой Престол.

Ситуация изменилась после падения Хрущева, когда в период с 1964 по 1975 гг. в стране было официально зарегистрировано около 50 евангелических и католических общин⁶. О лютеранах страны вместе с пастором Бахманном начали заботиться двое других священников из среды российских немцев – А. Пфайффер и И. Шлюндт. При отсутствии пасторов богослужения проводились простыми верующими. Возникающие общины поддерживали и заграничные религиозные организации.

В 1965–1967 гг. были зарегистрированы лютеранские общины в Томске и Новосибирске. К концу 60-х гг. в Омске насчитывалось семь домашних кружков. В 1970 г. община Омска, во главе которой стоял Н. Шнайдер, купила молитвенный дом, а в 1972 г. официально зарегистрировалась⁷.

К 1970 гг. была официально зарегистрирована община в Караганде, состоявшая ранее из 24 домашних кружков, в 1968 г. – в Токмаке (Киргизия), в 1971 г. – в Прохладном, в 1976 г. – в Душанбе, (там община существовала уже 20 лет). В середине 70-х гг. только в Киргизии насчитывалось две зарегистрированных и 57 незарегистрированных общин⁸. Общины появились в Узбекистане (Ташкент, Чирчик, Фергана, Ангрэн, Газалкент).

Число прихожан постоянно возрастало. Например, община в Караганде была самой большой среди вновь зарегистрированных и насчитывала в 1979 г. 2 800 записанных в нее членов⁹. Община в Алма-Ате возросла с 1977 г. до 1979 г. с 600 до 1 051 человека¹⁰. В 80-е гг. в Алма-Ате и ее окрестностях существовало 10 общин по 200 – 300 человек, из них 4 имели ординированных пасторов¹¹. В немецкой общине Душанбе с 1975 по 1987 гг. было проведено 1 496 крещение, из них были крещены 1 431 ребенок и 65 взрослых¹². Долго отказывали в регистрации общине в г. Курган-Тюбе в 100 километрах южнее Душанбе, в 1985 г. регистрацию разрешили.

Первое религиозное объединение католиков, зарегистрированное в СССР после войны, появилось в Караганде в 1969 г. В этом же году была зарегистрирована и община во Фрунзе (Бишкек) в Киргизии, ее возглавлял прелат М. Келер, получивший официальное разрешение для ведения проповеднической деятельности. На богослужения Келера со всей Киргизии приезжали католики, которых в 1970 г. здесь насчитывалось около 22 тысяч человек. В Алма-Ате до начала 1990-х гг. действовал священник Георги. Называть точ-

ное число общин, как католических, так и лютеранских, пожалуй, не имеет смысла, так как незарегистрированные общины в РСФСР появлялись также быстро, как и исчезали.

Известно, например, о нелегальных католических богослужениях, которые проводил приезжий священнослужитель в Красноярске в 1955–1956 гг. В отличие от лютеранских общин, которым разрешалось выбирать проповедника из собственной среды, католическая община практически не могла существовать без священнослужителя. В некоторых случаях прихожане сами проводили литургии, а общины собирались старыми женщинами, как правило, бывшими терциарианками.

Конституция 1977 г. гарантировала советским гражданам свободу совести, право исповедать любую религию и опровергать религиозные культы. Однако по-прежнему за свою проповедническую деятельность без разрешения властей духовенство подвергалось штрафам, исправительным работам и лишению свободы.

УК 1960 г., действовавший на территории РСФСР вплоть до 1997 г., содержал три статьи, касавшиеся деятельности религиозных объединений и духовенства, уголовные санкции применялись за «нарушение законов об отделении церкви от государства» или «посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

К сожалению, обвинить священнослужителей в любом из вышеперечисленных преступлений было не так-то и сложно. Например, в 1962 г. шестеро лютеранских проповедников Тюменской области были привлечены к уголовной ответственности по ст. 142 УК РСФСР¹³.

Католический священник Иосиф Свидницкий, зарегистрировавший немецкую общину в Душанбе в 1977 г., уже через пять лет был вынужден покинуть Таджикистан по предписанию местных властей. Вскоре он был арестован и осужден на три года лишения свободы. Свидницкому было предъявлено обвинение в том, что он из Новосибирска, где руководил немецкой общиной, раз в месяц тайно посещал свою бывшую общину в Душанбе, которую должен был оставить по указанию государственных органов¹⁴.

Лишь во второй половине 1980-х гг. в СССР произошли существенные изменения во взаимоотношениях церкви и государства. Начался период воссоздания церковных структур, возрождения религиозных общин и обретения веры в Бога большинством населения страны.

Например, общее число лютеран в Советском Союзе в 1980-е гг., по данным Всемирной Лютеранской Федерации, составляло 250 тыс. человек¹⁵.

В 1980–1981 гг. в стране насчитывалось 150 зарегистрированных общин, а уже в 1983–1984 гг. – 180 общин¹⁶.

Католические общины, по данным на 1987 г., составляли 5 % от всех религиозных объединений СССР. В союзных республиках, за исключением прибалтийских, насчитывалось 257 католических приходов¹⁷. В РСФСР приходы имелись в Москве и Ленинграде, а также в Сибири и на Алтае – в Новосибирске, Барнауле и во многих других городах.

Переосмысление духовных ценностей и идеалов российскими гражданами в конце 80-х – начале 90-х гг. поставили церковь на новую более высокую ступень в обществе. В 1989 г. произошла историческая встреча между Папой Иоанном Павлом II и первым Президентом СССР М. С. Горбачевым, на ней шли переговоры о легализации католических приходов в стране и о возможности визита Папы в СССР. В 1990 г. между СССР и Ватиканом установились дипломатические отношения, произошел обмен послами.

Секретарь немецкой епископской конференции, прелат В. Шетцер из Бонна, посетивший в 1990 г. многочисленные немецкие католические общины Казахстана и Сибири, оценивал их состояние следующим образом: «Ситуация за пределами европейской части Советского Союза является уникальной и единственной в своем роде из-за чрезвычайной разрозненности немцев-католиков. Это положение сложилось в результате десятилетиями проводившихся преследований и отсутствия четкой церковной юрисдикции»¹⁸.

Бурный рост активности многих конфессий начался в России в начале 90-х гг. после принятия ряда новых законов, касающихся свободы совести. Российская Конституция 1993 г. провозгласила принцип свободы вероисповедания. Число общин как католических, так и лютеранских увеличивалось с каждым годом. После распада СССР в 1991 г. демократические изменения в Российской Федерации позволили организационно оформиться Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквям.

Что касается истории Католической церкви в данный период, то на 1994 г. Министерством Юстиции Российской Федерации было зарегистрировано 138 римско-католических храмов. Общины создавались и в местах бывшего компактного проживания российских немцев. Так, в 1998 г. в г. Марксе (бывшая колония Екатериненштадт) состоялась хиротония викарного епископа для Юга Европейской части России настоятеля прихода Клеменса Пиккеля.

По данным Министерства Юстиции, к началу 1998 г. в Российской Федерации зарегистрировано 223 религиозных объединения Римско-католиче-

ской церкви, 208 религиозных обществ, 7 миссий, 2 религиозных центра и управления (Апостольские администрации, которых к 2000 г. стало четыре), 1 духовно-образовательное учреждение (Колледж Католической Теологии). К середине 1990-х гг. только в европейской части России функционировало около 100 католических общин и священнослужителей, на азиатской территории России – еще около 60. В 2000 г. только на юге европейской части России (фактически на территории бывшей Тираспольской римско-католической епархии) действовало 35 деканов, настоятелей и викариев, существовало 56 приходов и шесть деканатов – Астраханский, Башкирия-Оренбуржье-Татарстан, Краснодарский, Ростовский, Северо-Кавказский, Средне-Поволжский.

Согласно Папскому Декрету от 11 февраля 2002 г. бывшие Апостольские Администрации¹⁹ были преобразованы в епархии: архиепархия Божией Матери с центром в Москве (архиепископ, митрополит Тадеуш Кондрусевич), Преображенскую епархию в Новосибирске (епископ Иосиф Верт), епархия Святого Климента в Саратове (епископ Клеменс Пиккель) и епархия Святого Иосифа в Иркутске (епископ Ежи Мазур, высланный из России без объяснения причины 19 апреля 2002 г.)²⁰.

После рокового периода, полного потерь и испытаний, Римско-католическая церковь в современном российском обществе пережила второе рождение. Сейчас перед ней стоит целый ряд проблем, наиболее важная из которых – взаимоотношения с Русской Православной церковью.

В России католицизм не является господствующей конфессией, поэтому ему необходимо строить свое существование на основе взаимодействия с главенствующей в стране церковью – Русской Православной. Русская Православная церковь, к сожалению, рассматривает Католическую церковь в основном как свою соперницу, обвиняя ее в прозелитизме. Католическая церковь настаивает на том, что на тех территориях, где она возрождается, исторически существовали католические общины; в настоящее время там проживает население, традиционно исповедовавшее католическую веру, в том числе немецкое, которое ранее могло принимать участие в мессах только тайно.

Ни для кого не секрет, что в настоящее время, как и в XIX веке, русское население ищет поддержку в католичестве. В конце 1990-х гг. наметилась явная тенденция к укоренению католицизма в русской духовной и культурной традиции, происходит русификация католицизма, формируется новая римско-католическая религия с русским самосознанием²¹. Поэтому, к сожалению, вновь зарождается традиционное для Российской истории проти-

востояние между Римско-католической и Русской Православной церковью, причем в антикатолической кампании не последнюю роль играет иерархия Православной церкви.

Свои проблемы имеет и следующая традиционная для российских немцев церковь – Евангелическо-лютеранская. К сожалению, Евангелическо-лютеранская церковь не избежала раскола. В 1993 г. в стране существовало четыре официально зарегистрированных религиозных объединения лютеран: Немецкая евангелическо-лютеранская церковь (НЕЛЦ), считавшая себя преемницей исторической Евангелическо-лютеранской церкви России, Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии на территории России, объединявшая в то время 20 общин, Союз евангелическо-реформатских церквей России и Единая Евангелическо-лютеранская церковь России (28 общин).

Руководитель последней, пастор Иосиф Баронас, перешедший в лютеранство из католичества и закончивший трехнедельные теологические курсы у главы НЕЛЦ, епископа Калниня в Латвии, в 1990 г. выступил по радио и телевидению с объявлением о создании им собственной церкви. Она не была признана ни Всемирной Лютеранской Федерацией, ни Всемирным Советом церквей и в июне 1996 г. вернулась в состав бывшей НЕЛЦ.

Численность лютеран в России в последние годы постоянно увеличивается. В 1990 г. в СССР насчитывалось около 500 незарегистрированных немецких евангелических общин²². На 1 января 1995 г. Минюстом Российской Федерации в стране официально была зарегистрирована 121 лютеранская община.

НЕЛЦ вследствие политических преобразований в стране, после распада бывшего СССР, несколько раз меняла свое название – Немецкая Евангелическо-лютеранская церковь в Советском Союзе (НЕЛЦСС), Немецкая Евангелическо-лютеранская церковь в республиках Востока (НЕЛЦРВ), *Евангелическо-лютеранская Церковь в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии или Евангелическо-лютеранская Церковь в России и других государствах* (ЕЛЦРДГ) («Deutsche Evangelisch-Lutherische Kirche in Russland und anderen Staaten» – ELKRAS).

Суперинтендент церкви Харальд Калнинь (Калнин, Калнинш) был возведен в сан епископа 13 ноября 1988 г. В то время Калнинь возглавил самую большую в мире лютеранскую епархию. Ему удалось установить контакт более чем с 500 общинами, некоторые жили друг от друга на удалении до 7 тыс. километров²³. С 1989 г. под руководством Харальда Калниня начал свою работу Теологический семинар. Ныне традиции семинарии

продолжаются в открытой в апреле 1997 г. под руководством ректора Штефана Редера Теологической семинарии. В 1992 г. были назначены два епископских визитатора – епископский визитатор Казахстана Генрих Ратке и епископский визитатор европейской части России – Зигфрид Шпрингер.

В 1990 г. собрание пробстов в Целинограде утвердило Устав церкви, разработанный на основе церковного Устава 1924 г. В ноябре 1992 г. Устав был одобрен Епископским Советом, Консисторией и собранием пробстов, а 22 апреля 1993 г. зарегистрирован в Министерстве Юстиции Российской Федерации.

Выдающимся историческим событием стал I Генеральный Синод ЕЛЦРДГ, который состоялся после 70-летнего перерыва 26–29 сентября 1994 г. в церкви св. Петра в Санкт-Петербурге. За несколько дней до начала работы Синода была демонтирована вышка бывшего бассейна в здании церкви, а торжественное богослужение Генерального Синода было проведено в нескольких метрах от плавательного бассейна. Синод утвердил переработанный Устав церкви, принял отставку Х. Калниня и провел выборы нового епископа. Им стал бывший заместитель Калниня, 69-летний профессор из Германии доктор Георг Кречмар.

В 1993–1994 гг. в ряде бывших республик СССР состоялись Учредительные синоды Региональных церквей: в мае 1993 г. – в Казахстане (Алматы), в июне 1993 г. – Синод европейской части России (Москва), в июле 1993 г. – в Сибири (Омск), в ноябре 1993 г. – в Узбекистане (Ташкент), в апреле 1994 г. – в Киргизии (Бишкек).

II Генеральный Синод проходил 25–28 мая 1998 г. в Петрикирхе, вновь освященной 16 сентября 1997 г. На заседаниях присутствовали более 50 гостей и 84 делегата, которые рассмотрели множество насущных проблем. На Синоде были созданы четыре рабочие комиссии: комиссия по литургическим вопросам, рекомендовавшая принять новую Агенду как единую основу проведения богослужений для всех общин, финансовая комиссия, комиссия по духовным вопросам и комиссия по Уставу, занимавшаяся рассмотрением замечаний и дополнений в проект Устава. В 1998 г. новый Устав церкви был зарегистрирован государством, это стало необходимым правовым условием для признания всей церкви.

В настоящее время Евангелическо-лютеранская церковь в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии является сообществом связанных друг с другом Региональных церквей и общин, не принадлежащих к региональным церквям. Она состоит из Региональных церквей:

- Евангелическо-лютеранская церковь Европейской России;
- Евангелическо-лютеранская церковь Урала, Сибири и Дальнего Востока;
- Немецкая Евангелическо-лютеранская церковь Украины;
- Евангелическо-лютеранская церковь в Республике Казахстан;
- Евангелическо-лютеранская церковь в Узбекистане;
- Евангелическо-лютеранская церковь в Грузии;
- епархия Евангелическо-лютеранских общин в Кыргызстане.

В церковь также входят общины Баку (Азербайджан), Душанбе (Таджикистан), Сейрахса (Туркменистан). Церковь объединяет около 600 общин, 400 из которых находятся на территории РФ и насчитывает около 250 тыс. членов, значительная часть которых имеет немецкие корни.

В настоящее время основой ЕЛЦРДГ являются общины, объединенные в Региональные церкви, которые могут делиться на пробства. Высшее руководство ЕЛЦ осуществляет архиепископ и руководители Региональных церквей. Архиепископ и его заместители образуют Епископский совет. Верховным органом ЕЛЦ является Генеральный Синод, созываемый каждые пять лет из представителей синодов епархий. Генеральный Синод избирает Президиум и архиепископа церкви. Региональные Синоды созываются ежегодно. Они состоят из представителей общин, которые выбирают Президиум епархиального Синода и духовных руководителей епархий.

В перерывах между Синодами высшим органом управления церкви является Консистория, заседания которой проводятся два–три раза в год. В состав Консистории входят члены президиума Генерального Синода, два члена Епископского совета, Архиепископ и его заместитель, а также главный управляющий Центрального церковного управления. В коллегиальном церковном руководстве – Епископском совете и Консистории как минимум одним человеком представлена каждая Региональная церковь²⁴. Председателем консистории является Архиепископ. Канцелярия Архиепископа и Центральное церковное управление находятся в церкви св. Петра в Санкт-Петербурге.

Еще с 1992 г. началось издание двуязычного печатного органа церкви Вестник / «Der Bote», а с 1995 г. «Наша церковь», основанного еще в 1927 г. епископом Т. Мейером. В 1995 г. был создан благотворительный фонд «Возрождение Евангелическо-лютеранской церкви».

К сожалению, приверженность ряда общин к немецким традициям, к проведению богослужений на немецком языке и принципу жесткой национальной замкнутости преграждает доступ в них новых членов. Независимыми

от ЕЛЦ стали с недавних пор сообщества Евангелических общин в Белоруссии. Некоторые общины, возродившиеся в начале 90-х гг., прежде всего в Средней Азии, к сожалению, уже не существуют из-за эмиграции их членов в Германию.

Вторым крупнейшим направлением в российском лютеранстве является скандинавская (финско-шведская) традиция – *Евангелическо-лютеранская Церковь Ингерманландии (Ингрии) в России (ЕЛЦИ)* («Inkerin evankelis-luterilainen kirkko», «Deutsche Evangelisch-Lutherische Kirche des Ingermanlandes in Russland» - ELKIR).

В 1990 г. Эстонское церковное собрание создало Ингерманландское пробство Эстонской церкви, насчитывавшее около 9 тыс. верующих, имевшее 5 пасторов, 10 диаконов и объединявшее 16 приходов – 11 на территории Ингрии и 5 в Карелии²⁵.

Летом 1991 г. в церкви Ингерманландии было уже 18 приходов. Однако после того, как Эстония вышла из состава СССР, пробство Ингрии в 1992 г. стало самостоятельным. Оно было преобразовано в ЕЛЦИ и полностью получило церковное руководство в лице Синода и епископа. В первые годы основания церковь возглавлял финский теолог, епископ Лейно Хассинен, его преемником с октября 1995 г. стал Ааре Кугаппи.

В 1993 г. ЕЛЦИ насчитывала 26 общин и 12 тыс. прихожан²⁶. Значительная часть общин церкви находится на исторической территории Ингерманландии и в Карелии. Приходы Санкт-Петербурга и Ленинградской области являются самыми многочисленными и насчитывают до 2,5 тыс. прихожан. Остальная часть приходов расположена в Поволжье, в Подмоскowie, на Урале и в Сибири.

В настоящее время церковь еще находится в стадии организации. В 2000 г. она имела более 60 приходов, объединенных в пять пробств: Санкт-Петербургское, Карельское, Западноингерманландское, Уральское и Русскоязычное. Официальными языками делопроизводства церкви Ингрии являются русский и финский, богослужения и церковные требы могут проводиться также и на других языках; ряд общин, членами которых являются российские немцы проводит богослужения на немецком языке. В настоящее время в ЕЛЦИ установилась тенденция к преобладанию русского языка.

Церковь располагает теологической семинарией в Колтушах. Ее деятельность регулируется «Положением о церкви». Канцелярия епископа расположена в церкви св. Марии в Санкт-Петербурге. ЕЛЦИ входит во Всемирный Совет Лютеранских церквей и Конференцию Европейских церквей.

С одной стороны, хоть и между Лютеранскими церквями России существуют некоторые теологические разногласия, у них много общего: увеличивается число прихожан, появляются новые общины, церкви занимаются подготовкой пасторов и проповедников, у них похожие проблемы и достижения. Обе церкви являются членами Всемирной Лютеранской Федерации. Сотрудничество между ними, несмотря на незначительные противоречия, развивается уже многие годы. Две лютеранских церкви объединили свои усилия для освещения событий и создали совместное лютеранское издание – информационный бюллетень «Лютеранские вести».

С другой стороны, каждая церковь – ЕЛЦРДГ, ЕЛЦИ – подчеркивает свою самобытность. В настоящее время в российском лютеранстве заметна борьба между двумя традициями, которые проявляются в спорах о допустимости ординации женщин, экуменизме, связях с братскими церквями, в вопросе об отношении лютеран к лицам других конфессий, к объединению лютеран и реформатов, к сексуальным меньшинствам, к национальностям и т.п. Например, в сентябре 2000 г. в Одессе состоялся VII Синод Немецкой Евангелическо-лютеранской церкви Украины (НЕЛЦУ), наиболее спорными вопросами в ходе которого стали сохранение термина «немецкая» в названии церкви и ординация женщин. В соответствии с новым принятым Уставом НЕЛЦУ сохранила в своем наименовании определение «Немецкая». Несмотря на ожесточенные дискуссии, делегаты вновь проголосовали против ординации женщин.

В начале 2002 г. была зарегистрирована самостоятельная Сибирская Евангелическо-лютеранская церковь, ранее находившаяся в каноническом подчинении у Эстонской лютеранской церкви. С середины 90-х гг. в России активную деятельность ведут также отдельные эстонские, латышские и одна шведская лютеранская община. С начала 90-х гг. существенную помощь российским лютеранам оказывает американская Евангелическо-лютеранская церковь Миссури-Синод (Missouri Synod).

Лютеране России смотрят в будущее с оптимизмом и энтузиазмом. Всего к концу 90-х гг. в России и странах Содружества проживало 265 тыс. лютеран, большей частью прихожан ЕЛЦРДГ и ЕЛЦИ²⁷.

Лютеране находятся на втором по численности месте среди всех протестантских направлений, их численность в России оценивается, по различным данным, от 85 до 170 тыс. человек. По данным на 2000 г. прихожанами Евангелическо-лютеранской церкви в России и других государствах являлись 70 тыс. человек, прихожанами церкви Ингрии – 15 тыс. человек, еще 5 тыс. человек являлись реформатами²⁸.

Сегодня основная цель как Евангелическо-лютеранской, так и Католической церковей – возрождение религиозного самосознания в исконно евангелических и католических этнических группах на территории России. Однако вследствие неоднородности этнического и конфессионального состава населения справиться с этой задачей будет не так-то просто. Население евангелическо-лютеранского и католического вероисповедания в современной Российской Федерации заметно уменьшилось в связи с происходящими в стране этническими процессами, эмиграцией немецкого населения, русификацией, увеличением числа смешанных браков, образованием самостоятельных суверенных государств Балтии, Украины, Белоруссии, Молдавии.

Все же сегодня, когда Россия вступила в новый этап государственной жизни, встала на путь возрождения религии, мы становимся свидетелями восстановления прошлого, сохранения утраченной духовной культуры и народных традиций. Главное, что традиционные немецкие конфессии восстановлены, вновь обрели силу и функционируют, как и ранее, в государстве, которое теперь гарантирует им свободу совести.

-
- 1 Prenzler W. Die Kirchen der Deutschen in der Sowjetunion // Globus (Bonn). 20.3.1988. S. 19.
 - 2 См.: Kahle W. Frömmigkeit und kirchliches Leben // Eisfeld A. (Hg.) Die Russlanddeutschen. München, 1992. S. 193.
 - 3 Bachmann E. Das Leben evangelischer Christen in der Sowjetunion, dargestellt an der Gemeinde Zelinograd/Kasachstan // Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Evangelischer Teil / Bearbeitung J. Schnurr. Stuttgart, 1978. S. 91.
 - 4 Эйхельберг Е. Преследование по религиозным причинам немцев Тюменской области // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. По материалам конференции. М., 1999. С. 212.
 - 5 Hrynioc I. Die Zerstörung der Ukrainisch-Katholischen Kirche in der Sowjetunion // Ostkirchliche Studien. 12. Band. März 1963. Heft 1. Würzburg: August-Verlag, 1963. S.6.
 - 6 См.: Stricker G. Evangelisches Kirchenwesen der Deutschen im russischen Reich in der Sowjetunion und in deren Nachfolgestaaten // Bernard Mensen (Hrsg.) Russland-Politik und Religion in Geschichte und Gegenwart. Nettetal, 1995. S. 173.
 - 7 См.: Мэннль Р. История лютеранской общины Омска со времени его основания в 1716 г. // Der Bote. 2001. № 1. С 39.
 - 8 См.: Ruttmann H. Kirche und Religion von Aussiedlern aus den GUS-Staaten. Marburg, 1996. S. 43.

- ⁹ См.: Kahle W. Die Lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion seit 1938/1940. Gutersloh, 1985. S. 129; Prenzler W. Op. cit. S. 19.
- ¹⁰ См.: Kahle W. Die Lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion seit 1938/1940. S. 129–130.
- ¹¹ См.: Pastoralkolleg der evangelischen Kirche von Westfalen. Die Deutschen Lutheraner in Mittelasien. Auszug aus dem Bericht "Gemeinden ohne Pfarrer" // Die Deutschen in der Sowjetunion. Zahlen. Fakten. Probleme. Hoffnungen. Dokumentation. Nr.4/89. Frankfurt am Main. 23 Januar 1989. S. 48.
- ¹² Там же. S. 47.
- ¹³ См.: Эйхельберг Е. Указ. соч. С. 216.
- ¹⁴ См: Stricker G. Katholizismus in Russland vor 1917 // Religion in der UdSSR. Unbekannte Vielfalt in Geschichte und Gegenwart. Herausgegeben von O. Basse und G. Stricker. Zollikon: G2W-Verlag- Zollikon, 1989. S.125.
- ¹⁵ См.: Roepke Claus-Jürgen. O, dass ich tausend Zungen hatte. Das neue Gesangbuch der russlanddeutschen Lutheraner // Die Deutschen in der Sowjetunion. Zahlen. Fakten. Probleme. Hoffnungen. Dokumentation. Nr. 4/89. Frankfurt am Main. 23 Januar 1989. S. 51.
- ¹⁶ См.: Kahle W. Die Lutherischen Kirchen und Gemeinden in der Sowjetunion seit 1938/1940. S. 130.
- ¹⁷ См: Христианство. Словарь. М., 1994. С. 212.
- ¹⁸ Schätzer W. Bericht über eine Reise zu den katholischen Gemeinden in Kasachstan (Karaganda) und Sibirien (Nowosibirsk, Altei-Gebiet) // Referate der Kulturtagung der Deutschen aus Russland/UdSSR vom 26 bis 28. Oktober 1990 in Stuttgart. Herausgegeben von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. e.V. Stuttgart, 1991. S. 103.
- ¹⁹ Апостольские администрации согласно каноническому праву устанавливаются только в исключительных случаях в качестве временных структур. В настоящее время в мире осталось только 9 Апостольских администраций, тогда как епархий – около 2500. На территории бывшего СССР Апостольские администрации Казахстана и Молдовы уже были преобразованы в Карагандинскую и Кишиневскую епархии.
- ²⁰ С целью выразить почтение епархиам Русской Православной церкви католические епархии России получили титулы святых, а не городов, в которых находятся их центры.
- ²¹ См.: Филатов С., Воронцова Л. Судьба католицизма в России // Иностранная литература. 1998. № 11. С. 251.
- ²² См.: Rosenkranz M. Ich predige, wie ich bin. Ein Bischof für die vergessenen Gemeinden in der Sowjetunion // Sonntagsblatt. Evangelisches Wochenzeitung für Bayern. 20.11.1988; Beitnitz N. Zur Situation der evangelischen deutschen Kirchengemeinden in der UdSSR // Referate der Kulturtagung der Deutschen aus Russland/UdSSR vom 26 bis 28. Oktober 1990 in Stuttgart. Herausgegeben von der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V. Stuttgart, 1991. S. 73.

- 23 См.: König F. Russlands Lutheraner wollen eine Kirche // Die Deutschen in der Sowjetunion. Zahlen. Fakten. Probleme. Hoffnungen. Dokumentation. Nr. 4/89. Frankfurt am Main. 23 Januar 1989. S. 52.
- 24 См.: Отчетный доклад за период с 1988 по 1994 г. // Наша Церковь. 1995. № 1–2. С. 15; Евангелическо-лютеранская Церковь в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. 1994–1999. С. 30–31.
- 25 См.: Протестантизм в России, в СССР и в Российской Федерации // Христианство. Словарь / Под общ. ред. Л. Н. Митрохина и др. М., 1994.
- 26 См.: Коренные перемены в жизни ижорской церкви // Der Bote. 1993. № 4. С. 10.
- 27 См.: Lutherische Weltinformation. 1998. № 1.
- 29 См.: Тульский М. Старые протестанты и новые секты // НГ- религии. Приложение к "Независимой газете". 14 марта 2000 г. С. 5; <http://tolerance.ngo.ru/publications/2001/public35.php>.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НЕМЦЕВ – ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОТЕСТАНТСКИХ КОНФЕССИЙ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1950-х – 1980-х гг.

П. П. Вибе, Л. И. Сенникова

В июле 1944 г. в СССР при Совете Министров был создан Совет по делам религиозных культов. С этого времени начинается процесс легализации церквей, разгромленных в 1930-е годы. Отношения церквей с государством регулировались постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», уточненным в 1932 г. По этому постановлению для регистрации общины было необходимо, чтобы в нее входило не менее 20 человек. Эти люди должны были избрать свой исполнительный орган в составе трех человек, составить и подписать заявление о регистрации, приложить к нему полный список членов общины. Все эти документы представлялись в местный орган власти. Любые мероприятия общины, кроме официального богослужения, требовали отдельного специального разрешения. Общины, получившие регистрацию в Совете по делам религиозных культов, обладали относительной свободой проведения богослужений. И наоборот, незарегистрированные общины преследовались властями. Но если в Прибалтике, Украине и Белоруссии регистрация общин осуществлялась относительно спокойно, то в Российской Федерации, и особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, где механизм регистрации был отработан хуже, этот процесс проходил с большими осложнениями¹. Установив порядок регистрации религиозных общин, государство преследовало одну цель – осуществлять над ними полный контроль. Для достижения поставленной цели принимались различные меры, в том числе и карательные. Уже в 1938 году прошли первые аресты верующих, а в 1951–1953 годах этот процесс приобрел массовый характер. За это время 12 членов общин братских меннонитов и немецких баптистов Омской области подверглись аресту и были осуждены на двадцатипятилетние сроки лишения свободы каждый. В 1956 году все они были освобождены и реабилитированы за исключением троих погибших во время заключения.

Еще в 1948 году в сталинских лагерях немцы начали образовывать, так называемые, «барачные общины», которые жестоко преследовались вла-

стями². После смерти Сталина в середине 1950-х годов в СССР наблюдается вторая волна религиозного возрождения. А когда в 1956 году немцы были частично реабилитированы, процесс духовного возрождения заметно активизировался. Причем это было характерно и для баптистов, и для меннонитов, и для пятидесятников, и для представителей других конфессий. В 1957 году в докладной записке заместителя начальника УКГБ при Совете министров СССР по Омской области сообщалось, что «...за последнее время в городе Омске активизировали реакционную деятельность церковники и сектанты различных толков и направлений. Особенно большое распространение получили религиозные секты среди немецкого населения»³. Данный факт во многом объяснялся тем, что в 1954–56 годах из мест заключения возвратились проповедники и «активизировали религиозную деятельность некоторых сектантских групп»⁴. Это вызвало ответную реакцию со стороны государства. Опасаясь роста числа религиозных общин и утраты контроля над многими из них, власти развернули новую антирелигиозную кампанию, которая к 1959 году стала массовой и организованной. По некоторым воспоминаниям, в 1959 году Н. С. Хрущев заявлял, что в 1964 году последнего верующего в СССР покажут по телевизору.

К концу 1950-х годов в Омской области насчитывалось значительное количество религиозных общин, состоящих из немцев. По данным Уполномоченного Совета по делам религиозных культов в Омске, немцы-баптисты в количестве 150–200 человек в 1957 году выделились в самостоятельную от русских группу и проводили свои молитвенные собрания на квартирах верующих. Вопрос о регистрации они не поднимали⁵. Большое количество немецких групп евангельских христиан-баптистов находилось в Исилькульском, Москаленском, Марьяновском, Полтавском и других районах Омской области.

Исключительно из немцев состояли меннонитские общины. В Омске их группа насчитывала около 200 человек (руководители Я. Я. Зудерман, П. И. Кливер, Я. И. Петерс и А. И. Реймер). Крупная меннонитская община (около 100 человек) была в Исилькуле (руководитель А. Я. Ристо). Кроме того, они существовали в Исилькульском (Солнцевка, Николай-Поль, Пучково, Аполлоновка, Ивановка), Москаленском (Корнеевка, Миролюбовка, Ново-Александровка, Родная Долина), Марьяновском (Старая и Новая Шараповки), Ульяновском (Петровка и Девятериковка) и Нижне-Омском (Хортица) районах⁶. Меннонитство было представлено двумя направлениями: братские меннониты (Brüdergemeinde) и церковные меннониты (Kirchengemeinde).

Немцы в Омской области составляли значительную часть пятидесятников. Лишь в одной из общин пятидесятников в Омске, существовавшей с

1956 года и насчитывавшей около 100 человек, немцы были объединены с русскими. Возглавляли ее П. И. Козубенко и Г. Ф. Шуг⁷. В области общины пятидесятников, состоявшие только из немцев, были распространены особенно в Любинском (Замелетеновка, Матюшино, Казанка, Смоляновка, Многополье и др.), а также в Ульяновском, Москаленском, Азовском и Исилькульском районах⁸.

В Омске действовали две лютеранские общины. Многие верующие работали на промышленных предприятиях. Например, на судоремонтном заводе работало несколько десятков лютеран. Лютеранские общины существовали также в Азовском, Любинском, Марьяновском, Таврическом, Москаленском, Одесском и Шербакульском районах⁹.

В 1960-е годы в дополнении к действующему закону «О религиозных объединениях» 1929 года, были приняты ряд законов и подзаконных актов, регламентировавших деятельность религиозных объединений вплоть до начала 1990-х годов. Законом РСФСР от 27 октября 1960 года был утвержден новый Уголовный кодекс РСФСР¹⁰. Три статьи этого кодекса предусматривали уголовную ответственность за правонарушения, связанные с религией.

Так, статья 142 за нарушение законов об отделении церкви от государства, а школы – от церкви предусматривала наказание исправительными работами на срок до одного года или штрафом до пятидесяти рублей. Если это правонарушение совершал ранее судимый человек, а также имела место «организационная деятельность, направленная к совершению этих деяний», закон предусматривал более суровое наказание – лишение свободы на срок до трех лет¹¹.

По статье 190-1 несли наказание те, кого уличили в систематическом распространении «в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», или в изготовлении или распространении «в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания». Причем мера наказания могла быть разной: либо лишение свободы на срок до трех лет, либо исправительные работы на срок до одного года, либо штраф до ста рублей¹².

Новое уголовное законодательство также оберегало граждан страны от посягательств на их личность и права под видом свершения религиозных обрядов. В статье 227 указывалось, что «организация или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан, или с иными посягательствами на лич-

ность или права граждан, либо с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних, – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или ссылкой на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой». Здесь же предусматривалось наказание лишением свободы на срок до трех лет, или ссылкой на тот же срок, или исправительными работами на срок до одного года за «активное участие в деятельности группы, указанной в части первой настоящей статьи», или систематическую пропаганду, направленную «к совершению указанных в ней деяний». В примечании к статье предусматривалось смягчение меры наказания до применения мер общественного воздействия в случае, если «деяния лиц, указанных во второй части настоящей статьи, и сами лица, их совершившие, не представляют большой общественной опасности»¹³.

В марте 1961 года Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР утвердили «Инструкцию по применению законодательства о культах», имевшую гриф «не для печати». «Инструкция» определяла порядок контроля за соблюдением законодательства о культах и порядок регистрации религиозных объединений, открытия и закрытия молитвенных зданий. Причем в одном из пунктов «Инструкции» пятидесятники были отнесены к сектам, не подлежащим регистрации, т.к. их вероучение и характер деятельности якобы носили «антигосударственный и изуверский характер»¹⁴.

Вместе с тем в «Инструкции» были предъявлены требования к деятельности религиозных объединений и духовенства, значительно ограничивавшие декларируемую Конституцией СССР свободу совести. Так, религиозные объединения и служители культов не должны были:

а) использовать молитвенные собрания верующих для политических выступлений, противоречащих интересам советского общества;

б) побуждать верующих отказываться от выполнения своих гражданских обязанностей;

в) вести пропаганду, направленную на отрыв верующих от активного участия в государственной, культурной и общественно-политической жизни страны;

г) совершать религиозные обряды и церемонии в государственных, общественных и кооперативных учреждениях и предприятиях.

Они не вправе были создавать кассы взаимопомощи и заниматься благотворительной деятельностью; организовывать санатории и лечебную по-

мощь; устраивать экскурсии, детские и спортивные площадки, открывать библиотеки и читальни; организовывать какие бы то ни было собрания, кружки и т.п., не имеющие отношения к отправлению культа.

Религиозные объединения и служители культов не могли без разрешения исполкомов Советов депутатов трудящихся устраивать общие собрания верующих для обсуждения вопросов, связанных с управлением делами религиозного объединения и пользованием культовым имуществом; устраивать религиозные шествия, совершать религиозные обряды и церемонии под открытым небом, а также в квартирах и домах верующих.

Религиозным центрам и объединениям воспрещалось также организовывать специальные детские, юношеские и женские молитвенные собрания, кружки, группы и собрания по обучению религии. Без особого разрешения запрещалось открывать духовные учебные заведения, издавать религиозную литературу¹⁵.

Такое примитивное толкование свободы совести Советским государством ставило перед религиозными общинами и их лидерами два принципиальных вопроса, от решения которых зависело отношение к ним властных структур. Первый из этих вопросов – регистрировать или не регистрировать свои объединения? Второй – если регистрировать, то насколько последовательно выполнять предъявляемые к ним требования?

1966 год ознаменовал собой новый период ужесточения антирелигиозной политики государства. В этом году был образован единый Совет по делам религий при Совете Министров СССР, который возглавил В. А. Куроедов. Этот орган государственной власти получил еще более широкие полномочия.

18 марта 1966 года был издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах». Этим документом устанавливалось, «что нарушение законодательства о религиозных культах, выразившееся в следующих действиях:

- уклонение руководителей религиозных объединений от регистрации объединения в органах власти;
- нарушение установленных законодательством правил организации и проведения религиозных собраний, шествий и других церемоний культа;
- организация и проведение служителями культа и членами религиозных объединений специальных детских и юношеских собраний, а также трудовых, литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа, – влечет за собой штраф в размере до пятидесяти руб-

лей, налагаемый административными комиссиями при исполнительных районных, городских Советах депутатов трудящихся»¹⁶.

В тот же день, 18 марта 1966 года, было принято постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР», где давалось разъяснение по вопросам, возникающим в практике применения статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР. Исходя из этого документа, под нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, влекущем уголовную ответственность по статье 142 Уголовного кодекса РСФСР, следовало понимать:

«— принудительное взимание сборов и обложений в пользу религиозных организаций и служителей культа;

– изготовление с целью массового распространения или массовое распространение обращений, писем, листовок и иных документов, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культурах;

– совершение обманных действий с целью возбуждения религиозных суеверий в массах населения;

– организация и проведение религиозных собраний, шествий и других церемоний культа, нарушающих общественный порядок;

– организация и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии с нарушением установленных законодательством правил»¹⁷.

Кроме этих нарушений, реакция государства на которые была мгновенной, в постановлении разъяснялось, что нарушением закона является также «отказ гражданам в приеме на работу или в учебное заведение, увольнение с работы или исключение из учебного заведения, лишение граждан установленных законом льгот и преимуществ, а равно иные существенные ограничения прав граждан в зависимости от их отношения к религии»¹⁸. Несмотря на то, что на практике подобные факты встречались довольно часто, виновные в них лица, как правило, наказания не несли. В 1979 году по итогам своей командировки в Омскую область один из сотрудников Совета по делам религий докладывал В. А. Куроедову о фактах нарушения соцзаконности и ущемлении прав верующих: выдачи характеристик школьникам с указанием об их принадлежности к верующей семье, запрещении присутствия детей с родителями на молитвенных собраниях, изъятии без надлежащего оформления лично принадлежащей верующим религиозной литературы и имущества, немотивированных отказов в регистрации религиозных обществ, вмешательстве во внутрицерковные дела, востребовании от религиозных обществ не предусмотренных законом сведений о списочном составе верующих и др.¹⁹

Постоянное стремление советских властей полностью контролировать все религиозные объединения привело к пополнению религиозного законодательства еще одной инструкцией под грифом «для служебного пользования». Постановлением Совета по делам религий при Совете министров СССР от 31 октября 1968 года была утверждена «Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа». Согласно инструкции учету подлежали «религиозные объединения верующих граждан всех культов, зарегистрированные в виде религиозных обществ или групп верующих; религиозные центры различных культов, духовные, епархиальные и равные им управления; церкви, костелы, мечети, синагоги и другие молитвенные дома и здания всех культов»²⁰. Приложение к Инструкции содержало перечень десяти документов, необходимых для учета каждого религиозного объединения, среди которых: учетная карточка на фактически действующее объединение, заявление верующих с просьбой о регистрации, анкета на служителя культа, форма инвентарной описи культового имущества, переданного религиозному обществу, и др.

Совет по делам религий при Совете Министров СССР придавал особое значение работе с немецким населением. 28 августа 1974 года он принял специальное постановление «Об упорядочении сети религиозных объединений, состоящих из граждан немецкой национальности, и усилении контроля за их деятельностью». Многие годы оно нацеливало партийные и государственные органы на местах на необходимость постоянного усиления их влияния на религиозные немецкие общины. Однако результаты были плачевны. В 1981 году в справке о ходе выполнения этого постановления отмечалось, что из 179 учтенных в Российской Федерации религиозных немецких объединений 135 были не зарегистрированными²¹. Причем причиной тому во многом были неуклюжие действия чиновников. В том же документе признавалось, что местные органы власти длительное время необоснованно отказывали верующим в просьбе о регистрации. После этого многие из них, например, в Алтайском крае и Омской области, стали уклоняться от регистрации²².

Вопрос о регистрации был одним из ключевых в отношениях между государством и религиозными объединениями. Именно ему была посвящена значительная часть принятого наконец-то в 1975 году Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объ-

единениях», призванного придать ему современную окраску²³. Уже в первых строках этого указа говорилось, что «религиозное общество или группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь после принятия решения о регистрации общества или группы верующих Советом по делам религий при Совете Министров СССР».

Безусловно, находясь в таком ограниченном правовом поле, религиозные немецкие общины вынуждены были выходить за его пределы. В ответ на это Советское государство развернуло широкомасштабную антирелигиозную кампанию. Одной из наиболее распространенных форм борьбы с верующими, нарушавшими законодательство о религиозных культах, были различного рода меры профилактического характера: беседы, публикации в газетах и передачи на радио и телевидении, антирелигиозные культурно-массовые мероприятия, собрания общественности и прочее. Активно участвовали в этой работе созданные в 1960-х годах комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при районных и городских Советах. В новой редакции положения об этих комиссиях, принятом в Омской области в 1981 году, говорилось, что они были обязаны оказывать помощь местным Советам, а именно: изучать религиозную обстановку; выявлять фактически действующие незарегистрированные религиозные объединения; контролировать соблюдение религиозными объединениями законодательства о религиозных культах; обобщать материалы о нарушении законодательства; организовывать профилактическую работу в трудовых коллективах; изучать формы и методы деятельности религиозных организаций, их влияние на население, особенно на детей и молодежь, и т.д. Комиссии содействия создавались на общественных началах и административных прав не имели²⁴. Члены этих комиссий были постоянными посетителями собраний верующих, осуществляли широкомасштабную антирелигиозную профилактическую деятельность, заслушивали на своих заседаниях руководителей общин и проповедников, готовили материалы для применения административных взысканий.

Меры профилактического характера использовали в своей практике прокуратура и народные суды. Так, за период 1972–1973 годов работниками прокуратуры Исилькульского района Омской области было прочитано 20 лекций и бесед, проведено 2 выступления по радио и одно выступление в местной печати. Лекциями были охвачены села: Аполлоновка, Пучково, Гофнунгсталь, Николай-Поль, Водяное, Петровка, Солнцевка, Маргенау, районный центр Исилькуль. За это же время прокурором района было проведено 26 индивидуальных бесед «с лицами, допускающими нарушения за-

конов о культах». Однако этими мерами прокуратура не ограничивалась. Материалы своих проверок она направляла в административную комиссию, а в некоторых случаях возбуждала и уголовные дела²⁵.

Пристальное внимание деятельности религиозных общин уделяли местные Советы. В арсенале их методов борьбы с верующими имели место как профилактические меры, так и административные взыскания. Из профилактических мер чаще всего практиковались предупреждения и собеседования. Так, например, 16 мая 1973 года в помещение Солнцевского сельского совета были приглашены на собеседование и ознакомлены с законодательством о религиозных культах жители с. Солнцевка П. И. Дерксен, Я. А. Классен, К. А. Изаак, Я. Я. Тиссен, П. К. Андрес. На следующий день в помещении клуба с. Аполлоновка в подобном собеседовании принимали участие верующие Ф. Ф. Янцен, В. Ф. Гизбрехт, П. Я. Эпп, Я. И. Паульс, И. А. Петерс, Г. А. Петерс, Г. Я. Леер, И. Янцен. Одновременно все приглашенные были предупреждены об ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах. Государственную власть в этих собеседованиях представляли весьма высокопоставленные чиновники: заместитель председателя Омского облисполкома И. М. Мышко, уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Омской области Д. И. Иванов и председатель Исилькульского райисполкома Совета депутатов трудящихся П. Г. Минаева²⁶.

Нередко антирелигиозную направленность своих действий власти пытались неумело замаскировать. Показателен в этом смысле общий сход 343 граждан села Солнцевка Исилькульского района Омской области, состоявшийся 14 февраля 1975 года. В повестке дня стоял один вопрос, на первый взгляд, казался бы, далекий от антирелигиозной борьбы – «О несоблюдении жителями села Солнцевка статьи 15 Закона РСФСР „О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся РСФСР“ в области строительства, связи и транспорта». В своем докладе член исполкома Солнцевского сельского Совета депутатов трудящихся В. Ф. Штурмер подробно остановился на успехах в реализации решений XXIV съезда КПСС в области внешней политики (успешно решен конфликт во Вьетнаме, последовательно проводится урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке, заключены договоры с Францией и США). Затем он подробно охарактеризовал экономический потенциал колхоза и благосостояние колхозников, сделав вывод, что «в селе Солнцевка есть все необходимое для коммунистического воспитания детей и трудящихся». Лишь после этого докладчик перешел к сути вопроса, сообщив, что «наряду с этим в

с. Солнцевка имеют место нарушения статьи 15 Закона РСФСР „О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся РСФСР“ в области строительства, связи и транспорта». Речь шла о том, что «на усадьбе гражданки Нейфельд Эльзы Петровны незаконно произведена пристройка в 100 кв. м к сараю, и она оборудована под молитвенный дом».

Такое внимание к этой пристройке объяснялось тем, что в ней проходили собрания незарегистрированной общины братских меннонитов, руководимой Я. А. Классеном и Г. Г. Дерксеном. В этой общине состояло около 100 человек и еще 150 человек жителей села Солнцевка входило в состав зарегистрированной общины церковных меннонитов. Необходимость схода докладчик объяснил просьбами граждан села в исполком сельского Совета, в партийную организацию и правление колхоза. Как ни парадоксально, но все выступившие на сходе единодушно осудили деятельность верующих односельчан. Причем во многих выступлениях предлагались конкретные меры борьбы с ними. Так, медработник В. А. Вибе предложила, что «если баптисты будут еще и впредь собираться, то главарей баптистских собраний выслать за пределы не только села, но и Омской области, на Камчатку и Сахалин». Бухгалтер исполкома сельсовета А. И. Шперлинг заявила: «Я за то, чтобы снести это помещение и уменьшить личное хозяйство каждому до минимума. Как мы видели по телевизору, наше село опозорено баптизмом и мракобесием. Посылать верующих надо на более трудоемкие работы, чтобы они, уставшие, забывали о молитвах и собраниях, а чувствовали на своих руках мозоли». Выступивший В. П. Бравков попытался дать политическую оценку собраниям верующих: «Они собираются для того, чтобы подорвать Советскую власть? Я поддерживаю мнение о сносе дома. И чтобы был снесен за 24 часа».

Завершился этот хорошо спланированный фарс принятием решения, в котором требование о сносе злосчастной пристройки в двухдневный срок было отнюдь не главным. Истинный смысл этого схода заключался в осуждении незаконных действий незарегистрированной религиозной общины и в обращении к вышестоящим административным органам принять более строгие меры к нарушителям законодательства о религиозных культах²⁷. Однако подобные мероприятия проходили далеко не всегда так гладко. Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Омской области А. И. Еременко вынужден был признавать в 1984 году, что «немалой трудностью в организации сходов граждан по разоблачению нарушителей социалистической законности является то, что во многих населенных пунктах, где действуют религиозные объединения, проживают пол-

ностью граждане немецкой национальности одной веры, причем связанные родством между собой... Так, в деревне Миролубовка Москаленского района 95 % населения данной деревни являются членами нелегальной секты братских меннонитов, поэтому создавать общественное мнение в данных населенных пунктах не представляется возможным»²⁸.

В формировании негативного общественного мнения о деятельности верующих активное участие принимали учреждения культуры и образования, общество «Знание», атеисты-общественники. Так, 26 февраля 1960 года в Омске, в ЖКО завода им. Ворошилова, состоялся антирелигиозный вечер вопросов и ответов. Цель этого вечера становится понятной при знакомстве с вопросами, которые были подготовлены организаторами для обсуждения: «Кто такие баптисты, и какой вред они наносят нашему обществу?», «Могут ли стать сектанты на путь измены Родины?», «За чей счет содержатся руководители сект и церкви?»²⁹. 14 марта 1964 года в Доме санитарного просвещения состоялся вечер встречи верующих с атеистами. Во вступительном слове председательствовавший Мельников заявил: «Мы решили пригласить верующих товарищей, чтобы поговорить по душам и решить те вопросы, по которым складываются противоположные мнения». Однако «душевного» разговора не получилось. В своих выступлениях атеисты исключительно разоблачали и обвиняли верующих³⁰.

Кроме того, широко использовались такие формы работы, как чтение лекций, кинопоказ, тематические вечера, внедрение новых обрядов, организация выставок. Так, в 1970-х годах в Омском областном краеведческом музее при содействии управления КГБ были организованы выставки «Современное сектантство» и «Идеологические диверсии империализма». На них экспонировались материалы, изъятые в результате обысков у верующих. В частности, на квартире баптистов сестер Гармс были обнаружены нелегальная типография и литература – так называемая «синяя печать».

В тех случаях, когда меры профилактического характера не достигали цели, материалы на нарушителей законодательства о религиозных культах передавались в административные комиссии при исполнительных комитетах местных Советов. Административные комиссии могли предупреждать нарушителей, налагать на них штраф или применять иные взыскания, предусмотренные законом. Причем в этих случаях предупреждение расценивалось как самостоятельная мера административного взыскания. Вместе с тем административная комиссия была вправе вместо наложения взыска-

ния передавать материалы в отношении нарушителей в товарищеский суд или общественные организации по месту работы, учебы или жительства нарушителя для применения мер общественного воздействия. В тех же случаях, когда нарушения, по мнению административной комиссии, подпадали под признаки преступления, она передавала материалы в органы милиции или в прокуратуру³¹.

Наиболее распространенными взысканиями, применяемыми административными комиссиями, были штрафы, которые практиковались вплоть до 1987 года. Так, в 1972 году к верующим Исилькульского района Омской области, представителям незарегистрированных общин баптистов и меннонитов административные взыскания применялись 64 раза. В 6 случаях виновные были предупреждены, а в остальных – оштрафованы. На некоторых верующих штраф налагался 2–3 и даже 4 (И. А. Валл из Аполлоновки и Г. Г. Дерксен из Солнцевки) раза. Вину, как правило, ставилось предоставление дома для проведения религиозного собрания или выступление с проповедью. Общая сумма штрафов за нарушение религиозного законодательства жителями Исилькульского района в 1972 году, по нашим подсчетам, составила 2670 рублей³².

В 1986 году в том же районе за нарушение законодательства о культурах к административной ответственности было привлечено 35 членов общин из сел Николай-Поль, Пучково, Ивановка, Солнцевка, Маргенау, Аполлоновка. Из них 22 человека были наказаны за выступления на собраниях, среди которых 17 человек уплатили штрафы по 50 рублей каждый, а пятеро были предупреждены. Причем некоторые верующие подверглись штрафу дважды. Например, В. А. Гаам или П. А. Лангеман, который был оштрафован за выступление на собрании и за предоставление дома для проведения собрания. По последней причине дважды за 1986 год уплатили штрафы Е. Д. Герцен из Аполлоновки и К. А. Изаак из Солнцевки, еще семь человек подверглись штрафу по 50 рублей и один был предупрежден. Наказанию в виде штрафа подверглись И. И. Гармс – за проведение занятий с детьми, и Г. Г. Дерксен – за «руководство собранием». Общая сумма штрафов за нарушение религиозного законодательства жителями Исилькульского района в 1986 году, по нашим подсчетам, составила 1650 рублей³³.

К наиболее активным представителям религиозных общин применялись более строгие меры – вплоть до лишения их свободы. Так, в июне 1959 года Москаленским народным судом «за мелкое хулиганство», а фактически за участие в обряде крещения, на 10 суток был осужден жи-

тель деревни Сталинка И. И. Эгерт – сын депутата Омского областного совета депутатов трудящихся. На несколько суток были осуждены баптисты Кригер и Мирау³⁴.

Судебные заседания над нарушителями религиозного законодательства в воспитательных целях иногда делали открытыми. Один из открытых судов состоялся 14–15 июня 1963 года в с. Побочино Павлоградского района. Уголовное дело было возбуждено по факту действия двух религиозных нелегальных общин лютеран в вышеуказанном селе. Прокуратурой Павлоградского района было предъявлено обвинение руководителям общин – А. И. Нацаренусу и Е. Р. Найману – по статье 227 УК РСФСР. Из приговора Павлоградского районного народного суда следует, что подсудимые, «являясь верующими лютеранами с 1958 года, стали организовывать вокруг себя граждан с. Побочино и образовали из них нелегальную общину, в которой стали проповедниками. ...В своих проповедях под видом религиозных обрядов, проводят в селе антиобщественную деятельность, понуждают граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей, от общественной деятельности, вовлекая в общину молодежь и несовершеннолетних детей»³⁵. В результате суд признал подсудимых виновными по статье 227 части первой УК РСФСР и приговорил к пяти годам лишения свободы каждого, с отбытием в ИТЛ общего режима³⁶. Следует отметить, что при этом у Е. Р. Наймана осталось семь детей в возрасте от двух до тринадцати лет, а у А. И. Нацаренуса – пять детей в возрасте от шести до девятнадцати лет.

Трижды к уголовной ответственности привлекались пресвитеры Аполлоновской общины Исылкульского района Я. Ф. Дирксен и И. А. Валл. Впервые Валл и Дирксен были осуждены в 1953 году на 25 лет каждый, освобождены в 1956 году. В 1972 году Я. Ф. Дирксену, И. А. Валлу и А. Фасту было предъявлено обвинение в организации обучения детей религии и привитии подросткам неприязни к советскому образу жизни. Доказательством вины подсудимых являлись найденные у них «пособия, предназначенные для религиозного воспитания», «сказки религиозного содержания», записанные на магнитофонной ленте, вопросники «для проверки религиозных знаний», «детская религиозная игра типа лото, книжки-самоделки... и прочие религиозные пособия»³⁷. В результате Я. Дирксен и И. Валл получили по пять лет лишения свободы, А. Фаст – четыре года. В 1981 году руководители нелегальной общины братских меннонитов д. Аполлоновка И. А. Валл и Я. Ф. Дирксен были осуждены областным судом к уголовной ответственности вновь на пять лет каждый. Вместе с ни-

ми были осуждены также «организаторы школы по обучению детей религии» Е. А. Реймер и М. П. Тевс³⁸.

Н. М. Дикман дважды предстал перед судом. В 1951 году его судили закрытым судом в Омске и приговорили к 10 годам лишения свободы. Суд признал его виновным в уклонении религиозного объединения от регистрации, в вовлечении несовершеннолетних, в клевете на советскую действительность. В 1956 году Н. М. Дикман был отпущен на свободу. Но в 1981 году его вновь привлекли к суду. Суд был открытым и проходил в Марьяновке. Вместе с Н. М. Дикманом судили А. Е. Лавренца. Они обвинялись в организованном и систематическом обучении детей религии и в организации незарегистрированной группы религиозного объединения братских меннонитов, стоящих на позициях «Совета церквей» евангельских христиан баптистов³⁹. Приговор был менее суровым, чем раньше – четыре года условного заключения.

В 1973 году приговором Омского областного суда был осужден на три года лишения свободы один из руководителей Омской группы последователей Совета церквей евангельских христиан баптистов И. Я. Винс⁴⁰.

Практически вся литература, которой пользовались омские общины, выпускалась в подпольных типографиях, находившихся в разных частях Советского Союза. Часть литературы поступала из-за границы, особенно в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Были подпольные типографии и в Омской области. В 1967 году на три года лагерей, которые они провели в Челябинске, были осуждены баптистки Агата и Елизавета Гармс за то, что в их доме была обнаружена нелегальная типография. Житель села Миролюбовка Москаленского района И. Г. Левен в 1976 году был осужден на пять лет заключения за участие в подпольном издательстве «Христианин»⁴¹.

В 1974 году были осуждены члены общины братских меннонитов из Миролюбовки Москаленского района И. Ф. Тевс (пять лет), Я. Я. Эннс (четыре года), П. Г. Адриан (три года)⁴². Началось это дело с обыска, во время которого у некоторых членов общины была изъята опять же нелегальная литература. В официальном обвинении особо отмечалось, что часть нелегальной литературы была предназначена для детей. В частности, в нескольких рукописных материалах были обнаружены «клеветнические стихотворения», одно из которых позднее часто фигурировало в разного рода отчетах:

*«Стоит мальчишка у сырой могилы,
Залит слезами взор его унылый,
Ослаб мальчишка, в безмолвии стоит,
Ручонками сжимает нежно фото (отца)...*

*Он арестован был за веру в бога,
О тайнах церкви сведения не дал.
Ему резиной спину бичевали,
Ломали ребра, били каблуками,
Из головы пучками волос вырывали
И жгли стопы электроутюгом...
И в довершение пыток клещи взяли
И с корнем вырвали язык...
Так умертвили папу атеисты»⁴³.*

Это, в общем-то, страшное по своему содержанию стихотворение, скорее всего, было написано, опираясь на реальные события. Дело в том, что в 1960-х годах в Западной Сибири было арестовано несколько членов незарегистрированной общины «Кулунда». Один из них, Н. К. Хмара, через две недели после ареста скончался. Известный американский исследователь В. Заватски так описывает эти события в своей книге: «В нарушение всех инструкций кулундинские верующие настояли на вскрытии гроба и обнаружили зверски изуродованный труп. На руках были видны следы цепей, на кистях рук и на ногах следы ожогов, ногти на ногах и руках были вырваны, а в области живота имелись зияющие раны, нанесенные каким-то горячим предметом. Но самое страшное потрясение испытали присутствовавшие при осмотре тела, когда кто-то снял повязку, поддерживавшую подбородок умершего: оказалось, что у Хмары нет языка. Другие заключенные впоследствии рассказывали, что Хмара до самого конца свидетельствовал о Христе, и за это его мучители вырвали ему язык»⁴⁴. Таким образом, вероятнее всего, приведенное выше стихотворение было одним из тех, которые писались верующими в тюрьмах и лагерях и в большом количестве имели хождение в списках⁴⁵.

Борьбе с верующими за подрастающее поколение государство уделяло особое внимание. Родители не имели права воспитывать своих детей в религиозных традициях, проводить с ними занятия, брать с собой на религиозные собрания. В 1964 году идеологическая комиссия при ЦК КПСС разработала документ «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения», который включал в себя среди прочих раздел «Атеистическое воспитание детей и подростков». В качестве методов атеистического воспитания здесь были предусмотрены такие меры, как: усиление антирелигиозной направленности школьных программ, издание специальных методических пособий для учителей, широкое использование различных форм внеклассной и внешкольной работы (клубы и уголки юных атеистов, лек-

ции, беседы, вечера, экскурсии, культпоходы в кино и театры). ЦК КПСС, одобрив эти мероприятия, предложил ЦК компартии союзных республик, крайкомам и обкомам партии разработать с учетом местных условий и осуществить конкретные меры, направленные на коренное улучшение атеистической работы⁴⁶. Так, в Омской области были разработаны мероприятия Обкома КПСС по усилению атеистического воспитания населения. В дальнейшем при проверке работы районных партийных организаций по выполнению этих мероприятий проверяющие пользовались специальными памятками. В одной из таких памяток «О работе партийных организаций Омского и Кировского районов по выполнению мероприятий Обкома КПСС по усилению атеистического воспитания населения» среди прочих содержались следующие пункты: «Какая работа проводится в районе по атеистическому воспитанию детей и подростков? Взяты ли под особый контроль дети, воспитывающиеся в религиозных семьях? Формы и методы школьной и внешкольной атеистической работы с детьми и их родителями»⁴⁷.

В статье 52 принятого 30 июля 1969 года «Кодекса о браке и семье РСФСР» предусматривалось, что «родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма»⁴⁸. Поскольку, с точки зрения этого документа, одной из составляющих «морального кодекса» был атеизм, представления о воспитании подрастающего поколения у государства и верующих родителей были разными. «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» от 19 июля 1973 год также предусматривали ответственность должностных лиц и граждан за нарушение закона об отделении школы от церкви⁴⁹.

30 ноября 1967 года состоялось судебное заседание народного суда Омского района Омской области, на котором рассматривалось дело по обвинению Маргариты Давидовны Унру по статье 142 часть 2 УК РСФСР. Обвиняемая, 1948 года рождения, на момент задержания работала продавцом, ранее судима не была. Из обвинительного заключения по делу следовало, что «с сентября 1966 года Унру в нарушение п. «в» ст. 17 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» организовала и систематически проводила занятия с несовершеннолетними детьми по обучению их в духе фанатизма»⁵⁰. Следствием было установлено, что занятия проводились два–три раза в неделю по три–четыре часа. В феврале–марте 1967 года Унру предупреждалась учителем Бородинской школы Э. И. Бааль об ответственности за нарушение религиозного законодательства, а 14 апреля во время проведения занятия в доме А. П. Мирау был составлен акт. 25 июня М. Д. Унру арестовали.

Особенно акцентировалось внимание на том, что обвиняемая относилась к группе последователей Совета церквей евангельских христиан-баптистов (СЦЕХБ). Ведь это объединение отделилось от Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), который призывал неукоснительно соблюдать советское законодательство о культах.

При обыске в доме М. Д. Унру было изъято письмо на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, в котором указывалось на невозможность верующими баптистами соблюдать Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 года «О применении статьи 142 УК РСФСР», запрещающее организацию и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии. Мотивировали верующие свой отказ следующим: «Мы же евангельские христиане-баптисты имеем от Господа повеление воспитывать своих детей в учении и наставлении господнем. Если верующие не исполняют этого повеления Господа, то они не являются верующими ЕХБ. Запрещать же воспитывать детей в своем убеждении до совершеннолетия, т. е. запрещать проводить детские собрания, юношеские и женские, это значит, запрещать верующим быть отцами и матерями»⁵¹.

Вещественными доказательствами вины девушки являлись три журнала «Вестник спасения» и две книги «Детский сад». В последних имелись методические разработки 53-х уроков по изучению Библии. В ходе расследования были допрошены не только односельчане и учителя местной школы, но и дети, которые посещали религиозные занятия. Показания этих детей учитывались при вынесении приговора.

Из приговора следовало, что вина подсудимой М. Д. Унру была полностью доказана показаниями свидетелей и литературой, изъятой на квартире обвиняемой, заключением текстологической экспертизы. В результате суд постановил признать Маргариту Давидовну виновной по части 2 статьи 142 УК РСФСР, «по которой назначить три года лишения свободы». К счастью, на основании статьи 3 Указа ПВС СССР от 31 октября 1967 года «Об амнистии в связи с 50-тилетием Великой Октябрьской социалистической революции» мера наказания была сокращена наполовину⁵². Полтора года лишения свободы в колонии общего режима – такова расплата девятнадцатилетней девушки за служение Богу.

В 1971 году вместе с руководителем незарегистрированной общины из Мирнолюбовки Москаленского района Ф. Д. Пеннером, имевшим в то время на иждивении 9 несовершеннолетних детей, были осуждены две молодые женщины, Е. И. Классен и Э. Я. Классен, за организацию «воскресной шко-

лы» и «музыкального часа»⁵³. По аналогичному делу в том же году были осуждены руководитель незарегистрированной общины братских меннонитов Я. П. Рогальский и Е. А. Каздорф из с. Пучково Исилькульского района⁵⁴.

В 1975 году в Исилькуле проходил суд над Я. Д. Кригером и А. Х. Лаукертом по обвинению в вовлечении детей и подростков «в сектантскую группу», распространении литературы, «содержащей клевету на советский строй», подстрекательстве верующих на несоблюдение гражданских обязанностей и уклонение от участия в жизни коллектива⁵⁵.

При обыске у Я. Д. Кригера был изъят журнал учета принятия членами группы обряда крещения, а также обнаружены тетради со стихами и инсценировками, с вопросами и ответами, которые были «предназначены для обучения детей религии»⁵⁶. Эти тетради и материалы, а также лекции для библейских курсов хранились в специальном тайнике. У А. Х. Лаукерта было обнаружено более 30 наименований различных изданий «Совета церквей». Все это служило вещественным доказательством их вины. Я. Д. Кригер был приговорен к трем, а А. Х. Лаукерт к двум годам лишения свободы. Этот приговор был заменен условным наказанием – четыре года каждому⁵⁷.

Немало внимания «детскому вопросу» в среде верующих уделялось в прессе⁵⁸. Газетные статьи буквально пестрили сообщениями о том, что верующие родители запрещали своим детям вступать в октябрята, пионеры и комсомол. Таким образом, нагнеталась атмосфера общественного презрения и ненависти к людям, всего лишь навсего пытавшимся реализовать свое конституционное право на свободу совести и вероисповедания. Вот лишь некоторые выдержки из этих публикаций: «Рите Никкель родители не разрешили носить пионерский галстук. И Петя Кербер снял галстук, потому что быть пионером ему запретил отец. Детям в сектантских семьях внушают, что особо страшная божья кара ждет тех, кто вступил в пионеры. «На пионерском значке изображен костер, – объясняют религиозные фанатики детям, – вот на этом костре и будут гореть в аду все пионеры». Сектант отец снимает с рубашки сына-первоклассника октябрьскую звездочку и говорит, что быть октябренок грех перед богом»⁵⁹. В другой статье мы читаем: «Их слова повторяют дети, называя пионерский галстук красной тряпкой сатаны. Их наставлениям следуют, отворачивая лицо от экрана телевизора, страшась преступить порог кинозала...»⁶⁰.

Советское государство не снижало своего внимания к верующим немцам вплоть до второй половины 1980-х годов. В феврале 1985 года на свет появляется очередное постановление Совета по делам религий при Совете Министров СССР «О ходе упорядочения сети религиозных объединений,

состоящих из верующих граждан немецкой национальности». Но, несмотря на все усилия, количество верующих не уменьшалось.

По данным Комитета по делам национальной политики, религии и общественных объединений администрации Омской области, на 1 июля 1986 года в районах Омской области действовали 63 объединения лютеран, среди которых: 18 зарегистрированных и 7 незарегистрированных общин, 5 зарегистрированных и 25 незарегистрированных групп, 8 групп действовало с разрешения районных Исполнительных комитетов. Баптисты были представлены 34 объединениями, из которых 16 зарегистрированных и 7 незарегистрированных общин, 3 зарегистрированных и 7 незарегистрированных групп, одна группа в Горьковском районе действовала с разрешения РИКа. Меннониты в это время были объединены в 4 зарегистрированные и 17 незарегистрированных общин, одну зарегистрированную и две незарегистрированные группы. Пятидесятники имели 8 общин и две группы, которые не были, да и не могли быть зарегистрированы.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в русле начавшихся в стране перестроечных процессов наблюдается спад напряженности и в отношениях государственных органов власти к верующим. Так, в историческом очерке о христианских общинах Омской области верующие указывают, что «в 1988 году можно было почувствовать некоторое облегчение, хотя препятствий еще было немало». Одним из доказательств смягчения позиций государства служит состоявшаяся 8 июня 1988 года в Исилькуле беседа представителей религиозных общин Исилькульского района с представителями администрации о дальнейшей совместной работе, «в том числе и в духовной области». Верующие удивлялись происходившим изменениям: «В помещении, где раньше штрафовали братьев, они теперь сидели за столом, свободно беседуя с представителями власти»⁶¹. С этого времени в районах Омской области начинается активное строительство молитвенных домов, проводятся различные массовые мероприятия: праздники песни, молодежные общения, семинары для руководителей детских групп; организуются детские летние лагеря. Активизировалась проповедническая деятельность, в том числе и в общественных местах. Налаживается общение с единоверцами за границей, откуда в СССР стала поступать религиозная литература⁶².

Необходимо отметить, что антирелигиозная кампания по отношению к немцам протестантских вероисповеданий в Омском Прииртышье характеризовалась типичными для СССР чертами, хотя и имела определенные особенности. Среди них – категорический отказ многих общин от регистрации, в отличие, к примеру, от Томской области, где уже в 1983 году было

заявлено, что там «немецкой проблемы... не существует, все вопросы решены, просьбы верующих немцев удовлетворены»⁶³.

Таким образом, долгие годы государство расценивало деятельность религиозных немецких общин, особенно незарегистрированных, как инакомыслие, используя весь диапазон имевшихся в его распоряжении средств подавления и подчинения. Вопрос о регистрации был краеугольным камнем в отношениях между государством и религиозными немецкими общинами. Зарегистрированные общины находились в более привилегированном положении. Наряду с этим вопросом, другими претензиями государства к религиозным немецким общинам были, так называемый, «детский вопрос» – обучение и воспитание детей в традициях своей семьи, своего народа и своей веры; антисоветская деятельность – пропаганда пацифистских идей, самиздат, отказ от участия в деятельности атеистических организаций (пионерской, комсомольской и т. п.).

Антирелигиозные преследования немецких общин советским государством были ничем иным, как легализованной формой подавления национального самосознания, а методы борьбы с верующими – официальным инструментарием процесса насильственной ассимиляции немцев. Бесспорно, что они нанесли огромный урон развитию духовной культуры российских немцев, последствия которых мы ощущаем по сей день.

¹ См.: Заватски В. Евангелическое движение в СССР после второй мировой войны. М., 1995. С. 66.

² См.: Там же. С. 72.

³ Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННАО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 7250. Л. 46.

⁴ Там же.

⁵ См.: ЦДННАО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7541. Л.9.

⁶ См.: Там же. Л.16–17.

⁷ См.: ЦДННАО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7250. Л. 81.

⁸ См.: Там же. Л. 85–88; ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 16–17, 22.

⁹ См.: Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 29. Л. 16–17, 117.

¹⁰ См.: Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. М., 1978. Т. 18. С. 265.

- 11 См.: Там же. С. 332–333.
- 12 См.: Там же. С. 352.
- 13 Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. Т. 18. С. 373.
- 14 Инструкция по применению законодательства о культах. М., 1961. С. 12.
- 15 См.: Там же. С. 5–7.
- 16 Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. Т. 18. С. 261–262.
- 17 Там же. С. 393.
- 18 Там же.
- 19 См.: ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 120в. Л. 4.
- 20 Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа. М. 1968. С. 5.
- 21 См.: ГАОО. Ф. 2603. Оп.1. Д. 125а. Л.6.
- 22 См.: Там же.
- 23 См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. № 27 (873). 1975. 3 июля. Ст. 572
- 24 См.: Решение Исполкома Омского областного совета народных депутатов от 10.04.1981. № 114/4.
- 25 См.: Исилькульский муниципальный архив Омской области (ИМАОО). Ф. 111. Справка «О проделанной работе по борьбе с нарушениями законодательства о религиозных культах за 1972–1973 г.г. прокуратурой Исилькульского района».
- 26 См.: ИМАОО. Ф. 111. Справка Исполнительного комитета Исилькульского районного Совета Депутатов трудящихся Омской области от 16. 05. 1973 г.
- 27 См.: Там же. Протокол схода граждан села Солнцевка Исилькульского района Омской области. 14.02.1975.
- 28 ГАОО. Ф. 2603. Оп.1. Д. 125д. Л. 5.
- 29 См.: Омский государственный историко-краеведческий музей – Омский музей краеведения (ОМК). 14160/6.
- 30 См.: ОМК. 14160/10.
- 31 См.: Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. Т. 18. С. 205–206.
- 32 См.: ИМАОО. Ф. 111. Справка о применении административных и уголовных мер наказания за нарушение законодательства о религиозных культах по Исилькульскому району за 1972 год.
- 33 См.: Там же. Ф. 111. Сведения о привлечении к административной ответственности за

- нарушение законодательства о культах за 1986 год по Исилькульскому району.
- 34 См.: ЦДНДОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7541. Л. 73; История возникновения и роста христианских общин в Омской области 1896–1993. Объединение церквей ЕХБ Омской области. 1993. С. 20.
- 35 См.: ОМК. 7665. Л. 35.
- 36 См.: Там же. Л. 37.
- 37 См.: Иржичко Л., Франк А., Кулев Л. Правда только одна // Омская правда. 1972. 16 декабря.
- 38 См.: ГАОО. Ф. 2603. Оп.1. Д. 1256. Л.4; История возникновения и роста христианских общин в Омской области... С. 21.
- 39 См.: ГАОО. Ф. 2603. Оп.1. Д. 1256. Л.4; Татаринова Г. Апостолы лжи // Омская правда. 1981. 11 августа.
- 40 См.: Там же. Д. 108. Л. 6.
- 41 См.: История возникновения и роста христианских общин в Омской области... С. 20–21.
- 42 См.: Там же. С. 21.
- 43 ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 108. Л. 25–26; Д. 129. Л. 4.
- 44 Заватски В. Указ. соч. С. 166.
- 45 См.: Там же. С. 125.
- 46 См.: О религии и церкви: Сб. документов. М. 1965. С. 85–86, 91.
- 47 ОМК. 14160/12.
- 48 См.: Кодекс о браке и семье РСФСР. М. 1969. С. 17.
- 49 См.: Из основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании // О религии и церкви. М. 1977. С.126.
- 50 См.: ОМК. 8403. Л.2.
- 51 Там же. Л. 5.
- 52 См.: Там же.
- 53 См.: ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 82. Л. 10.
- 54 См.: Там же. Л. 15.
- 55 См.: Дудьев М. Куда они зовут? Правда, которую пытались скрыть сектантские вожаки // Омская правда. 1975. 19 августа.
- 56 Там же.
- 57 См.: ГАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 116. Л. 18.
- 58 См.: Русанова В. Детство без радости // Омская правда. 1972. 5 августа; Иржичко Л., Франк А., Кулев А. Правда только одна // Омская правда. 1972. 16 декабря;

Сапожникова И. На том краю // Молодой сибиряк. 1974. 6 июня; Она же. Разоблачение // Омская правда. 1981. 30 мая; Мотовилов В. В одиночестве // Омская правда. 1975. 25 сентября; Татарина Г. Апостолы лжи // Омская правда. 1981. 11 августа.

⁵⁹ Русанова В. Детство без радости // Омская правда. 1972. 5 августа.

⁶⁰ Сапожникова И. Разоблачение // Омская правда. 1981. 30 мая.

⁶¹ История возникновения и роста христианских общин в Омской области... С. 26.

⁶² См.: Там же. С. 26–28.

⁶³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 449. Л. 121.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ: НЕМЕЦКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ «ОТТЕПЕЛИ» И «ЗАСТОЯ»

И. В. Нам

Немцы, лишённые вплоть до конца 1960-х гг. возможности получения высшего образования и крайне ограниченные в социальном росте, находили пристанище в вере и были едва ли не самым религиозным народом СССР. Многие немцы перешли в баптизм, адвентизм, пятидесятничество. Члены этих общин были очень часто самыми крепкими в вере и бескомпромиссными в отстаивании своих прав. Но большая часть немцев осталась верна лютеранским братским общинам, в которых они сохраняли не только веру своих отцов, но и немецкий язык, национальную немецкую идентичность, которую власть стремилась вытравить¹.

В Томской области немцы в конце 1950-х гг. составляли вторую по численности после русских этническую группу в составе населения: 21152 чел. (2,8 %), опережая украинцев и татар². В 1950-е гг. немцы, получив, как и все граждане СССР, полноценные паспорта, принялись разыскивать своих близких родственников и друзей, старались наладить контакт с братьями по вере. Среди них было немало сильных миссионеров, посещавших в 1920-е гг. библейские школы, которые открывали тогда баптисты и меннониты³.

Американский исследователь Вальтер Заватски характеризует середину 1950-х гг. как вторую волну религиозного возрождения⁴, которую властям очень скоро удалось сбить. Ещё в 1954 г. вышло два постановления ЦК КПСС, направленных на усиление атеистической пропаганды: «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (7 июля) и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (10 ноября). На местах также начали «закручивать гайки», усиливая антирелигиозную пропаганду. В феврале 1958 г. бюро Томского обкома КПСС приняло решение «Об усилении научно-атеистической пропаганды среди населения». В 1959 г. антирелигиозная кампания стала массовой и организованной. В 1960 г. (13 января) ЦК КПСС принял постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», а Совет Министров 16 марта 1961 г. – постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Согласно этим постановлениям уполномоченные по делам ре-

лигии на местах усилили контроль за религиозными общинами. Постановление Президиума ВС РСФСР от 4 мая 1961 г. позволило властям выселять наиболее активных деятелей религиозных общин в отдаленные места. Антирелигиозная кампания Советского государства в начале 1960-х гг. была вызвана положением новой Программы партии об утверждении в ближайшем будущем коммунизма. В этой связи партийные и советские органы стремились быстрее покончить с религией как пережитком прошлого. Усиление репрессивной политики привело к существенному сокращению легальной религиозной деятельности⁵.

После смещения Н. С. Хрущева антирелигиозная кампания пошла на спад. 27 января 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения законности в отношении верующих». В 1966 г. Совет по делам РПЦ (СД РПЦ, учрежден в 1943 г.) и Совет по делам религиозных культов (СДРК, учрежден в 1944 г.), занимавшийся остальными религиями и конфессиями, были объединены в Совет по делам религий (СДР) при Совете Министров СССР. Новый орган возглавил бывший председатель СД РПЦ В. А. Куроедов. За религиозной политикой на местах по-прежнему наблюдали областные, краевые и республиканские уполномоченные, но теперь в их обязанности входил одновременный контроль как за православными, так и за всеми остальными религиозными общинами, действующими на данной территории. Кроме того, с начала 1960-х гг. при городских и районных исполкомах Советов депутатов трудящихся создавались комиссии содействия по соблюдению законодательства о культурах, в задачи которых входили также контроль за религиозной ситуацией в данной местности и выявление религиозных активистов, а также случаев нарушений закона. Состав комиссий утверждался ежегодно комиссиями местных исполкомов⁶.

Католики. Во второй половине 1956 г. в Томский облисполком стали поступать заявления о разрешении организовать в Томске религиозную организацию верующих католиков. Инициаторами являлись снятые со спецучета МВД немцы, поляки, латыши, литовцы. Они потребовали ксендза и передачи им здания бывшего костела, занятого аэроклубом в середине 1950-х гг. Католики лишились костела в 1938 г., после того как в 1937 г. были арестованы священник с семьей, церковный староста и обслуживающий персонал. По словам верующих, в костеле сначала содержали собак, а затем его передали аэроклубу ДОСААФ, который использовал здание костела в качестве склада инвентаря и оборудования. До 1956 г. католики молчали. В годы хрущевской «оттепели» они решили восстановить справедливость и вернуть себе костел⁷.

Но их усилия не увенчались успехом. На заявление в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР от 14 мая 1956 г. с просьбой о создании в Томске прихода римско-католической церкви и передаче верующим католикам костела уполномоченный совета Н. Д. Сажич дал формальное заключение: «В ходатайстве группы верующих католического вероисповедания об организации в Томске костела отказать, так как община не имеет молитвенного здания, а помещение бывшего костела, на которое имеется ссылка в заявлении верующих, переоборудовано под аэроклуб и используется в учебных целях». Вопрос о передаче католикам здания костела рассматривался на заседании Томского облисполкома 5 июня 1956 г. Облисполком утвердил заключение уполномоченного об отказе католикам в их ходатайстве об организации прихода и передаче им костела⁸. Отказ мотивировался тем, что «здания бывших религиозных культов, занимаемые общественными организациями, учреждениями или используемые под жилье, передаче для использования религиозных обрядов не подлежат»⁹. Тогда католики начали писать заявления и письма в облисполком, в Совет Министров СССР и РСФСР, депутатам ВС СССР, проживающим в Томске, лично Н. С. Хрущеву, Н. А. Булганину, К. Е. Ворошилову. По просьбе католиков в Томск приехали ксендзы П. П. Лигнугарис (в сентябре 1956 г.) и Смильгавичус (в декабре 1956 г.). Оба имели на руках удостоверения ксендзов, выданные Вильнюсской епархиальной курией. Первый повел работу среди католиков-спецпоселенцев, второй – среди местных жителей¹⁰. В феврале 1957 г. оба ксендза были выдворены из пределов Томской области на основании ст. 41 о паспортах¹¹.

Для того, чтобы организовать религиозное общество, нужно было преодолеть многочисленные бюрократические рогаки: подать в местный совет депутатов трудящихся заявления, подписанные не менее, чем 20 гражданами, достигшими 18-летнего возраста, не лишенными по суду избирательных прав, с указанием фамилии, имени, отчества, национальности, места работы, занимаемой должности, сведений о судимости. Одновременно с заявлением предоставлялись документы о наличии и состоянии здания или помещения, в котором будут исполняться религиозные обряды. Вместе с заявлением и документами о здании религиозного культа предоставлялись документы о слугителе религиозного культа (ксендз), назначаемого руководящим центром религиозного направления. При предоставлении этих документов вопрос о регистрации религиозного общества выносился на рассмотрение облисполкома, и в случае поддержки с его стороны все документы направлялись в Совет по делам религиозных куль-

тов при Совете Министров СССР, с санкции которого и была возможной легальная деятельность религиозного общества¹². Католики, однако, проявили завидное упорство. Как сообщалось в отчете уполномоченного по делам религиозных культов за 1957 г., активность католиков не уменьшилась. Так, в ноябре 1957 г. в облисполком поступило заявление католиков, под которым стояло более 1000 подписей, копии направлялись Н. С. Хрущеву, Генеральному прокурору Руденко, Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР... Но все было безрезультатно. Как писал в 1989 г. уполномоченный Г. П. Добрынин, «получался заколдованный замкнутый круг: общину не регистрировали, так как нет культового здания... а за проведение молитвенного собрания на частной квартире верующих наказывают штрафом. Явное нарушение закона со стороны органов власти»¹³.

В феврале 1957 г. в облисполком стали поступать сведения из Асиновского района о богослужениях в домах католиков рабочего поселка Батурино. Верующие обратились с заявлением в Асиновский райисполком с ходатайством об организации в Батурино католического прихода и просьбой выделить им здание для богослужений. Эта кампания была организована ксендзом Пелешинасом, прибывшим к своей матери-спецпоселенке из Воркуты, где он отбывал наказание за антисоветскую деятельность (окончил духовную семинарию и теологический факультет Каунасского университета)¹⁴.

Всего к 1 января 1957 г. в Томской области действовали незарегистрированные католические общины, насчитывающие более 1500 человек, а именно: в Томске – до 1000 чел., в Асиновском районе (пос. Батурино) – до 150, в Туганском районе – до 200 чел., в Пышкино-Троицком – до 100 чел., Колпашевском – до 50, Парабельском – 30, Пудинском – 40¹⁵.

Лигнугарис в 1960 г. дважды приезжал в Томскую область, и в этом же году в области побывал разъездной проповедник Бень. Они совершали поездки по населенным пунктам Томского, Асиновского, Пышкино-Троицкого и Кривошеинского районов. И в этот раз Лигнугарис был выдворен за пределы области за нарушение паспортного режима и за проживание без прописки¹⁶. После выдворения Лигнугариса активность католиков заметно уменьшилась. В отчетах уполномоченного Совета по делам религий констатировалось, что никаких просьб и жалоб с их стороны больше не поступало. К 1969 г. оставалось менее сотой части того количества католиков, которое было раньше. Многие выехали в Прибалтику, откуда ранее были высланы. Оставшиеся на коллективные моления больше не соби-

рались¹⁷. В отчете уполномоченного за 1973 г. сообщалось, что католики имеются только в Томске и делятся здесь по национальному признаку: на немцев и поляков. Собирались они преимущественно по случаю смерти кого-либо из единоверцев, а регулярных коллективных молений не проводят. Констатировалась тенденция к затуханию их деятельности¹⁸.

Тем не менее, как минимум один раз в два года в облисполком приходили представители томских католиков и выясняли вопрос о возможности получения здания бывшего костела, каждый раз получая ответ, что у них нет никакой надежды на его получение. В 1976 г. уполномоченный вообще поставил вопрос о снятии данной группы с учета, поскольку объединение католиков «никакой активности не проявляет»¹⁹.

И лишь в 1982 г., после посещения Томска двумя ксендзами, которые провели работу по сколачиванию католической общины, в которую немцы вошли наряду с поляками, латышами и литовцами, была сформирована церковная двадцатка во главе с немцем А. Г. Бехлером, рабочим литейного цеха завода «Сибэлектромотор»²⁰. Зарегистрировать общину удалось только в 1983 г. В течение года комиссия содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при Октябрьском райисполкоме изучала настроения верующих и их отношение к законодательству о религиозных культах. 28 апреля 1983 г. Советом по делам религий римско-католическая община г. Томска была зарегистрирована.

Католического священника долгое время не было, поэтому богослужение проходило в форме чтения, пения и коллективной молитвы под руководством грамотной старушки. Богослужение проводилось по-польски (в 9 утра) и по-немецки (в 12 час. дня). Культовым помещением служил дом, приобретенный у частного лица²¹. В 1982 г. в Томск приезжал ксендз И. А. Свидницкий с намерением остаться здесь в качестве священника, но ему было отказано под предлогом, что католическая община еще не была зарегистрирована. Свидницкий обосновался в Новосибирске, изредка приезжал в Томск, где, как сообщалось в информации уполномоченного Г. Добрынина, «поддерживает и вдохновляет фанатиков», стремящихся во что бы то ни стало добиться от городских властей передачи верующим здания бывшего католического костела, в 1980 г. отреставрированного и переоборудованного в планетарий. Добрынин добавлял, что Свидницкий поддерживает имеющиеся у некоторых граждан немецкой национальности негативные настроения и соответствующие высказывания граждан, до сих пор считающих себя обиженными Советской властью, так как в годы войны они были сосланы в Томскую область. Свидницкий считал себя сторонником «Соли-

дарности»²². В 1984 г. в Томск приезжал временный священник Э. Довгилевич-Новицкий, который прослужил 2 недели и уехал. В январе 1985 г. приезжал из Каунаса Репшис Ричардас, но у него не оказалось необходимых документов, поэтому уполномоченный не мог зарегистрировать его как священника²³. Констатировалось наличие «внутреннего недовольства» у граждан немецкой национальности, оказавшихся в Сибири не по доброй воле. По мнению уполномоченного, необходимости иметь постоянного ксендза не было, оптимальным, по его мнению, был вариант, предлагаемый самими католиками – обслуживание их религиозных нужд новосибирским ксендзом. В 1986 г. из Каунаса приехал молодой священник Гитаутас Саулюс, согласившийся обслуживать томскую и новосибирскую общины²⁴.

И только в апреле 1990 г. Томский облисполком принял, наконец, решение о возвращении костела верующим католикам²⁵. В этом же году в Томск прибыл ксендз А. Г. Гсель, немец по национальности, окончивший Рижскую духовную семинарию.

Баптисты. Община евангельских христиан-баптистов в Томске возникла в марте 1917 г. В апреле 1946 г. она насчитывала 124 члена. Община была зарегистрирована в 1944 г., пресвитером общины в этом же году был утвержден Е. П. Старостин²⁶. Во второй половине 1950-х гг. рост общин ЕХБ продолжался. В Томске на 1 июня 1955 г. община ЕХБ насчитывала 264 члена, а на 1 января 1956 г. – 279 членов и 60 приближенных (кандидатов)²⁷. До марта 1958 г. немцы-баптисты совершали богослужение нелегально. В зарегистрированную общину ЕХБ они не вступали, так как проповеди проводились на русском языке, которые для большинства немцев были малопонятными из-за плохого владения ими русским языком. Немцы, члены томской общины ЕХБ, в 1958–1959 гг. неоднократно обращались с заявлениями о том, чтобы проводить один раз в неделю, по воскресеньям, русско-немецкие собрания в здании молитвенного дома ЕХБ, располагающегося по ул. Алтайской, 31. Для удовлетворения национальных религиозных нужд немцев на этих собраниях наряду со служением на русском языке предусматривалось чтение, пение и молитвы на немецком языке. Пресвитер томской общины ЕХБ И. Б. Лоскутов обратился к уполномоченному Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Томской области В. В. Тютеву с просьбой об удовлетворении пожеланий немцев. Несмотря на то, что аналогичные собрания для немцев в это время уже проводились в ряде городов Сибири (Новосибирск, Ленинск-Кузнецк), уполномоченный Тютев в этой просьбе немцам-баптистам отказал. Не помогло и вмешательство старшего пресвитера ЕХБ по Западной Сибири С. Г. Арискина²⁸.

Меннониты. В 1957 г. было выявлено 2 группы меннонитов, в Томске и в Асино. Томскую общину образовали 35 рабочих и служащих шарикоподшипникового завода (ГПЗ-5) во главе с И. М. Нейфельдом, недавно освободившимся из лагерей, где отбывал наказание за антисоветскую деятельность. В 1958 г. Нейфельд уехал из Томска к своим детям. Асиновской общиной меннонитов, состоявшей из 20 членов, руководил возвратившийся в 1957 г. после отбытия наказания за антисоветскую деятельность Классен. До их возвращения томские и асиновские меннониты посещали молитвенные собрания Томской организации ЕХБ, не вступая в ее члены. После возвращения Нейфельда и Классена меннониты стали проводить свои собрания нелегально, томские – в общежитии завода, где жили в основном немцы. Но после вызова в облисполком и райисполком руководителей общин, где их предупредили о недопустимости таких сборов, собрания прекратились²⁹.

Неоднократно в Томск приезжал Г. Фот, один из руководителей меннонитов в СССР, проживавший в г. Красновишерске Пермской области. За это время он провел несколько коллективных богослужений в г. Томске и в Асино, совершал обряд крещения и другие обряды. Во время своего последнего посещения в мае 1959 г. он окончательно оформил руководство общины меннонитов в области, назначив старшим проповедником по области Д. И. Классена, старшим проповедником по Томску И. Брауна, проповедниками по г. Томску – Г. К. Виллера и И. И. Дрексена, дьяконом – Г. Г. Шульца, регентом церковного хора – П. Нейфельдта. После отъезда Фота меннониты каждое воскресенье собирались в доме Виллера для коллективных молений, в которых принимали участие до 100 человек, в том числе молодежь (15–25 чел.). Проповедники и регент проводили занятия с молодыми участниками общины, подготавливая их к обряду крещения. В 1959 г. в Томске, Асино и в Туганском районе было проведено несколько обрядов крещения. Члены организации в большинстве своем работали на ГПЗ-5. После вызова в облисполком в июле 1959 г. руководителей организации меннонитов она была объявлена распущенной. Классен, Виллер, Нейфельдт и некоторые рядовые участники организации вынуждены были покинуть пределы Томской области. Оставшись без руководителей, члены общины прекратили собираться на молитвенные собрания. Но часть меннонитов (54 чел.) продолжала посещать молитвенный дом баптистов³⁰. В 1960 г. сведений о религиозной деятельности меннонитов из районов области не поступало. Не проявляли активности и томские меннониты³¹.

Лютеране. В условиях депортации (трудовой армии и спецпоселения) церковные традиции лютеран отступили на задний план, «прихожане как общество были бессильны в ситуации полного лишения прав и репрессий, блуждали в поисках решения. Зато у братств необходимым шагом при осуществлении перехода к нелегальному положению, к подполью, проблем не было, они даже привыкли сознательно вести их духовную жизнь без вмешательства региональных административных структур. Так существовало лютеранство в годы депортации; не в своей церковной форме, а в форме лютеранских братств»³².

Процесс возрождения церковной лютеранской организации в России в 1950-х гг. начался после установления дипломатических отношений с ФРГ и начала реабилитации репрессированных народов³³.

Лютеранская община в Томске, по некоторым данным, начала нелегально действовать в декабре 1956 г. Молитвенные собрания до середины 1959 г. проводились в общежитии завода «Сибэлектромотор», где работали и проживали многие верующие и проповедники³⁴. Как было установлено, в 1957 г. в области насчитывалось 310 верующих лютеран, из них 200 – в Томске. Руководили ими Клигман, кочегар завода «Сибэлектромотор», и Загер – пенсионер. Летом 1957 г. в Томск приезжал лютеранский проповедник, но фамилию его установить не удалось³⁵. На одном из богослужений лютеран 30 марта 1958 г. в Томске было зачитано письмо группы немцев в количестве 41 чел., отбывавших наказание в лагерях. В письме излагалась просьба разыскать и сообщить им адреса их родственников. При отсутствии этих данных упомянутых немцев могли отправить для дальнейшего отбывания наказания в отдаленные лагеря. На этом же собрании было решено собрать среди верующих лютеран деньги для оказания помощи немцам, находящимся в заключении за антисоветскую деятельность. В группе был организован церковный хор из 25 человек, участники которого собирались два раза в неделю для проведения спевков. Хором руководил рабочий завода «Сибэлектромотор» И. Ески. Инициативная группа состояла из 7 человек, все они работали на заводе «Сибэлектромотор»³⁶.

Активисты вызывались в облизполком «для беседы», где им разъясняли порядок регистрации религиозных организаций. Краткое содержание «бесед» фиксировалось. Так, например, И. Р. Ески заявил, что он является проповедником лютеранской группы в 40 человек, состоящей из немцев. Они являются слугами Христа, кирху не признают, ибо все это делается за деньги. На своих собраниях поют священные песни и читают Евангелие. Делают

это по очереди несколько человек³⁷. Во время следующей «беседы», куда Ески был приглашен вместе с другими проповедниками, было заявлено, что они являются инициативной группой по организации религиозной общины лютеран-евангелистов³⁸. После вызова участников молитвенных собраний в облисполком и предупреждения их о недопустимости проведения нелегальных молитвенных собраний, сведений о коллективном исполнении религиозных обрядов указанной группы лютеран не поступало³⁹. Видимо, они стали проводить свои молитвенные собрания более конспиративно.

Общины лютеран возникли также в Асиновском и в Молчановском районах. В районном центре Молчаново и в поселках Могочино и Луговое в 1959 г. насчитывалось свыше 90 верующих лютеран⁴⁰. В 1957 г. организовалась группа лютеран в поселке Самуськи, в которую входило до 15 человек, немцы и русские. 14 ноября 1959 г. руководитель группы Р. К. Губер обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой разрешить свободное проведение молитвенных собраний. По этому заявлению 14 декабря он был вызван в облисполком, где ему разъяснили порядок регистрации религиозных групп и обществ и предупредили о недопустимости совершения коллективных религиозных обрядов, а организованная им религиозная группа лютеран, была объявлена распущенной⁴¹. В 1959 г. была выявлена еще одна группа лютеран в 100 чел. в с. Кожевниково. Руководили группой рабочий Кожевниковского райпромкомбината Г. Оккель и пенсионер Альбах⁴². После приглашения руководителей групп лютеран в райисполкомы, разъяснения им существующих законов о религиозных культах и предупреждения о недопустимости совершения коллективных религиозных обрядов сведения о молитвенных собраниях в этих районах перестали поступать⁴³.

Фактически до 1964 г. немцы-лютеране, как и меннониты и баптисты, в Томске собирались по частным квартирам и тайно совершали богослужения, за что представители власти неоднократно предупреждали их об ответственности за нарушение закона о религиозных культах.

В связи с расколом в общинах ЕХБ к середине 1960-х гг. изменилась политика государства по отношению к протестантским конфессиям. В октябре 1963 г. в Москве состоялся съезд ВСЕХБ, на котором «Новое положение» и «Инструктивное письмо» были отменены. Их заменил Устав ВСЕХБ. Кроме того, на этом съезде в состав ЕХБ вошли братские меннониты, фактически слившись с баптистами. В июне 1964 г. на совещании уполномоченных Совета по делам религиозных культов в Москве его председатель А. А. Пузин выступил с критикой жесткого администрирования местных

властей по отношению к религии. С целью подорвать позиции «инициативников» А. А. Пузин предложил решить вопрос о регистрации фактически действовавших религиозных общин и не препятствовать объединению с ЕХБ меннонитов, пятидесятников и других течений при условии соблюдения ими законодательства о религиозных культах. Чтобы верующие прекратили нелегально собираться по квартирам, Совет принял решение предоставлять зарегистрированным общинам молитвенные дома⁴⁴.

В этой связи в 1964 г. томской общиной ЕХБ вновь был поднят вопрос о разрешении проведения в молитвенном доме общины собраний на немецком языке для немцев-баптистов. Уполномоченный по делам религиозных культов А. Смирнов счел возможным удовлетворить эту просьбу, мотивируя двумя основаниями. Во-первых, во многих городах СССР, в том числе в Новосибирске, в общинах баптистов, где имеются немцы, проводятся молитвенные собрания на немецком языке, об этом известно немцам-баптистам Томска, и они заявляют, что запрет проводить молитвенные собрания на немецком языке – произвол местных властей. Во-вторых, по его мнению, разрешение проводить молитвенные собрания на немецком языке, с одной стороны, вызовет вступление в члены общины остальных немцев-баптистов и тем самым ликвидирует проводимые ими собрания на немецком языке в частных домах, с другой стороны, облегчит проведение работы по объединению баптистов с пятидесятниками и меннонитами немецкого происхождения и тем самым даст возможность быстрее прекратить нелегальную деятельность незарегистрированных общин пятидесятников и меннонитов⁴⁵. Немцы-спецпоселенцы входили в общины ЕХБ наряду с русскими. По состоянию на 1 января 1964 г., в Томской общине ЕХБ было 63 немца (22 %) ⁴⁶.

Томский облисполком согласился с этими доводами, видимо, придя к выводу, что с легализацией деятельности религиозных общин легче будет осуществлять за ними контроль. В декабре 1964 г. в Томск приехали член ВСЕХБ брат И. И. Моторин и юрат В. А. Цурпан⁴⁷. 11–12 декабря в их присутствии состоялось расширенное заседание братского Совета томской общины ЕХБ, на котором был рассмотрен и вопрос об открытии смешанного немецкого собрания. На этом совете Моторин говорил, что в связи с решением пленума ВСЕХБ и в связи с наличием в Томске «многих верующих немцев, меннонитов, а также братьев-лютеран, есть возможность иметь отдельное немецкое собрание». «Для этого необходимо выдвинуть кандидатуры самими братьями-немцами, кто будет руководить собранием и в согласии с братским советом местной общины и под их руководством с вами,

предоставив необходимые данные уполномоченному по делам религиозных культов». В качестве руководителей немецкого собрания и ответственных за его проведение было решено рекомендовать верующим братьям-немцам, меннонитам братства и церковникам двух братьев Я. Я. Регер и А. К. Вайс. Не возражал братский совет общины и против отдельного служения со стороны лютеран, если они обратятся с такой просьбой в совет общины⁴⁸. Общее собрание общины ЕХБ, состоявшееся 13 декабря, единогласно постановило братьям-немцам, меннонитам и лютеранам организовать немецкое собрание под руководством Я. Я. Регера и А. К. Вайса. Регер был введен в состав исполнительного органа, Вайс – в ревизионную комиссию⁴⁹.

19 декабря лютеране немецкой национальности провели собрание, на котором выбрали своих уполномоченных в смешанное немецкое собрание (Я. И. Суздорф, А. А. Миллер, А. Г. Кем и К. К. Саудер). Уполномоченным и проповедником от группы церковных меннонитов был зарегистрирован Г. Г. Виллер⁵⁰.

25 декабря 1964 г. состоялось первое молитвенное собрание баптистов, церковных лютеран и меннонитов немецкой национальности, на нем присутствовало около 250 человек, на следующем собрании – 26 декабря – около 300. По свидетельству информаторов, в проповедях ничего антисоветского не звучало. В связи с рождественскими праздниками проповедники рассказывали о Рождестве Христовом, о Христе. Проповеди сопровождались зачитыванием псалмов на немецком языке с русским переводом. Присутствующих увлекало пение и то, что они имеют возможность слышать родную речь и петь на родном языке⁵¹. В октябре 1965 г. братский совет общины ЕХБ разрешил проводить в помещении общины второе богослужение на немецком языке в вечернее время по четвергам⁵².

Таким образом, смешанное немецкое собрание было образовано из трех самостоятельных религиозных общин (сект): церковных меннонитов – 25 чел., меннонитов братства – 60 чел. и лютеран – 94 человек. Братские меннониты постепенно слились с баптистами, но молитвенные собрания проводили вместе с лютеранами и церковными меннонитами. Общее руководство признавалось за одним центром – пресвитер и исполнительный орган общины ЕХБ, но церковные меннониты и лютеране сохранили самостоятельность, не являясь членами общины ЕХБ. Для совершения особых таинств, например, крещение, к ним два–три раза в год, отдельно к меннонитам и лютеранам, приезжали свои наставники, имеющие соответствующий сан. Церковные меннониты проводили крещение совершеннолетних путем обливания. Лютеране крестили младенцев⁵³. Однако не все лютера-

не и меннониты вошли в состав немецкого молитвенного собрания, опасаясь ловушки. Встал также вопрос о том, как быть с незарегистрированными группами, действовавшими на периферии⁵⁴.

Баптисты, меннониты и лютеране совершали богослужения по баптистскому образцу до 1972 г. Все эти годы баптисты пытались перевоспитать лютеран на свой лад, привить им баптистское вероучение, тем самым за счет лютеран пополнить свои ряды и укрепить общину. Но лютеране упорно держались своей веры, и в 1972 г. между ними возник конфликт на религиозной почве, который привел баптистов и лютеран к размежеванию⁵⁵. Возможно, это решение было принято после посещения Томска в 1972 г. Калниньша, пастора из Риги, который приезжал по разрешению Совета по делам религий при СМ СССР. Он намерен был взять на учет томскую общину лютеран и шефствовать над ней. Калниньш рукоположил А. А. Миллера в пасторы⁵⁶. 3 сентября 1972 г. состоялось собрание лютеранской общины, которое в связи с отделением общины от меннонитов и баптистов избрало церковный совет в составе А. А. Миллера, К. К. Саутера и А. Г. Кема. Была избрана также ревизионная комиссия. В ответ на вопрос о том, что разделяет лютеран и меннонитов и почему лютеране отделяются от них, старший общины А. А. Миллер ответил: «Нас от меннонитов ничего не отделяет, и мы не ищем другого Бога, ибо Бог один. Но мы хотим проводить чисто лютеранские церковные службы, а также крестить, конфирмовать и т.д., одним словом, придерживаться порядка, присущего евангелической лютеранской вере, на что мы не имеем права при совместной службе. Брат Герман также высказался за отделение и создание самостоятельной общины. Он желает оставаться при своей вере, ибо в детстве был крещен, и ему была привита лютеранская вера»⁵⁷.

Лютеране обратились в органы власти с просьбой собираться на богослужения отдельно от баптистов. Вопрос рассматривался сначала в Томском горисполкоме, а в феврале 1973 г. – в обкоме КПСС с участием заинтересованных сторон. Было принято решение разрешить лютеранам, как менее фанатично верующим, не нарушающим законы о религиозных культах, собираться в частном доме на самостоятельные богослужения. Уход лютеран из баптистско-молитвенного дома морально и материально ослабил баптистскую общину, сузил базу ее роста. Этот факт следует расценивать как положительный и потому, что баптисты более фанатичны в своих религиозных убеждениях и допускали в своей деятельности нарушения советских законов о религиозных культах. Учитывая все это, уполномоченный совета по делам религий по Томской области, в августе 1973 г. сообщал

председателю облисполкома Лукьяненку, что лютеранскую общину г. Томска следует официально зарегистрировать⁵⁸.

25 июня 1973 г. лютеране Томска численностью в 138 человек обратились с заявлением о регистрации общины в Ленинский райисполком, который нашел возможным просить облисполком зарегистрировать общину лютеран. Вопрос о регистрации общины рассматривался также в отделе пропаганды и агитации обкома КПСС и также был решен положительно⁵⁹. Томский облисполком также считал регистрацию общины лютеран возможной⁶⁰. В сентябре 1973 г. уполномоченный совета по делам религий по Томской области Г. Добрынин направил материалы и документы о регистрации евангелическо-лютеранской общины г. Томска председателю Совета по делам религий при Совете министров СССР В. А. Куроедову⁶¹. 25 октября 1973 г. представление Томского облисполкома о регистрации религиозного общества лютеран в г. Томске было утверждено Советом по делам религий при Совете Министров СССР⁶². В 1973 г. евангелическо-лютеранская община Томска приобрела дом по ул. Лермонтова, 3 на имя Ю. Д. Фишер, в 1976 г. было получено соответствующее разрешение Совета по делам религий при Совмине СССР для переоборудования его для молитвенных целей⁶³.

Разрыв с баптистами, обособление в самостоятельную однородную общину, наличие собственного молитвенного дома позволили лютеранам консолидировать единоверцев, отказывавшихся ранее посещать молитвенный дом баптистов и совместные с ними богослужения. Дом лютеран становится «как бы национальным немецким клубом, куда приходят не только верующие, но и неверующие. Например, в праздник Рождества в лютеранском молитвенном доме присутствовало на богослужении около 50 человек неверующих»⁶⁴.

Кроме томской зарегистрированной общины действовали две незарегистрированные лютеранские общины в районных центрах Кожевниково и Александрово. Все объединения лютеран были вполне лояльны, законодательство о религиозных культурах не нарушали. Поэтому в 1975 г. уполномоченный по делам религий Г. Добрынин поставил вопрос о регистрации лютеранских общин⁶⁵. Кожевниковская лютеранская община поддерживала постоянную связь с томской общиной. На открытие молитвенного дома лютеран в Томске приезжали представители из Кожевниково, а Г. К. Оккель выступал с речью. В 1976 г. лютеранская община в районном селе Кожевниково была зарегистрирована⁶⁶.

В середине 1980-х гг. в Томской области проживало около 15 тыс. немцев, верующие составляли примерно 3 %, являясь членами общин католи-

ков, лютеран, баптистов и адвентистов седьмого дня. Распределялись они следующим образом.

*Таблица 1: Конфессиональная принадлежность верующих немцев
Томской области в середине 1980-х гг.*

Имелась только одна незарегистрированная община лютеран – в район-

Наименование культы	Кол-во обществ		Кол-во членов		Кол-во немцев в общинах	
	Зарег.	Незарег.	Всего	В т.ч. немцев	В зарег.	В незарег.
Лютеране	2	1	193	193	180	13
Католики	1	-	101	60	60	-
Меннониты	1	-	40	40	40	-
ЕХБ	1	2	284	66	60	6
АСД	1	-	53	3	3	-
Всего	6	3	671	362	343	19

ном центре – селе Александровском, в ее состав входило 13 человек престарелого возраста⁶⁷.

По состоянию на 30 ноября 1986 г. в Томской области действовало 7 религиозных объединений, состоящих полностью или частично из граждан немецкой национальности. Из них 6 объединений были зарегистрированы в установленном законом порядке и одно (сторонники СЦЕХБ) – не зарегистрировано. В зарегистрированных религиозных объединениях насчитывалось 587 человек, из них 338 немцев (57,6 %). Их распределение по религиозным общинам представлено в таблице 2.

В незарегистрированной общине СЦЕХБ насчитывалось 50 человек, из немцев – 4 человека. Все духовные руководители названных общин, за исключением сторонников СЦЕХБ, характеризовались как лояльные, дисциплинированные, соблюдающие требования советских законов о религиозных культурах⁶⁸.

Таким образом, к середине 1980-х годов в Томской области не оставалось незарегистрированных религиозных объединений, состоящих из немцев. Все они были поставлены под жесткий контроль государства. Это позволило уполномоченному СРД Г. П. Добрынину в своих отчетах наверх рапортовать о том, что «немецкой проблемы в нашей области не существует, все вопросы решены, просьбы верующих немцев удовлетворены»⁶⁹.

Таблица 2: Распределение верующих немцев Томской области по религиозным общинам по состоянию на 30 ноября 1986 г.

Общины	Всего	В том числе немцев
Община лютеран в Томске	160	160
Община католиков в Томске	101	66
Община церковных меннонитов в Томске	36	36
Община ЕХБ в Томске	218	61
Община адвентистов 7-го дня в Томске	55	2
Община лютеран в с. Кожевниково	17	17
Всего	587	342

Власть вполне устраивало, что религиозность немецкого населения падает, численность общин уменьшается в связи со старением прихожан, а пасторы и проповедники вполне лояльны и не дают видимых поводов для недовольства с ее стороны.

-
- 1 См.: Филатов С., Степина А. Российское лютеранство // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М., 2002. С. 320.
 - 2 См.: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1961. С. 403.
 - 3 См.: Заватски В. Евангелическое движение в СССР после второй мировой войны. М., 1995. С. 73.
 - 4 См.: Там же. С. 70.
 - 5 См.: Конев Е. В. Баптисты и меннониты г. Томска во второй половине XX века // Личность. Общество. История: К 80-летию профессора М.С. Кузнецова. С. 142–143.
 - 6 См.: Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть // Источник. Историк. История. СПб., 2001. Вып. 1. С. 429–430.
 - 7 См.: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 332. Л.99–100.
 - 8 См.: Там же. Д.4. Л. 13; Д. 332. Л. 100–101.
 - 9 Там же. Д. 426. Л. 92–93.

- 10 См.: Там же. Л. 75-77, 79, 116–118.
- 11 См.: Там же. Л. 84.
- 12 См.: Там же. Л. 94–95.
- 13 См.: Там же. Д. 332. Л. 101–102.
- 14 См.: Там же. Д. 426. Л. 117
- 15 См.: Там же. Л. 119–120, 141–142.
- 16 См.: Там же. Д. 426. Л. 169; Д. 432. Л.40–42.
- 17 См.: Там же. Д. 436. Л. 246.
- 18 См.: Там же. Д. 436. Л. 471.
- 19 См.: Там же. Д. 440. Л. 22.
- 20 См.: Там же. Д. 449. Л. 74.
- 21 См.: Там же. Д. 358. Л. 13; Д. 449. Л. 120–122.
- 22 См.: Там же. Д. 449. л. 107–108.
- 23 См.: Там же. Д. 332. Л. 46.
- 24 См.: Там же. Д. 451. Л. 110–111.
- 25 См.: Там же. Д. 332. Л. 109.
- 26 См.: Там же. Д. 426. Л. 1.
- 27 См.: Там же. Д. 426. Л. 60 (по Коневу).
- 28 См.: Там же. Д. 78. Л. 1–4, 10; Д. 426. Л. 183.
- 29 См.: Там же. Д. 69. Л. 3–4, 34–35; Д. 426. Л. 140.
- 30 См.: Там же. Д. 69. Л. 26–27, 43, 43 об.; Д. 432. Л. 53–56.
- 31 См.: Там же. Д. 432. Л. 167.
- 32 Штрикер Г. Лютеране в Сибири: судьба религиозных меньшинств в России // Лютеране в Сибири. Омск-Эрланген, 2000. С. 107.
- 33 См.: Курило О. В. Очерки по истории лютеран в России (XVI-XX вв.) М., 1996. С. 86.
- 34 См.: ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 68. Л.2.
- 35 См.: Там же. Д. 426. Л. 120–121, 143.
- 36 См.: Там же. Д. 68. Л. 1; Д. 426. Л. 188–189.
- 37 См.: Там же. Д. 68. Л. 8.
- 38 См.: Там же. Л. 11.
- 39 См.: Там же. Л. 17.
- 40 См.: Там же. Д. 198. Л. 6,7, 12–15, 22–25.

- 41 См.: Там же. Д. 68. Л. 38–39; Д. 198. Л. 31, 33–35; Д. 432. Л. 66–67.
- 42 См.: Там же. Д. 426. Л. 179; Д. 432. Л. 67.
- 43 См.: Там же. Д. 432. Л. 66–67.
- 44 См.: Конев Е. В. Указ. соч. С. 144.
- 45 См.: ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 78. Л. 14–15.
- 46 См.: Там же. Д. 436. Л. 56.
- 47 По другим сведениям, проповедник новосибирской общины ЕХБ В. А. Цагал.
- 48 См.: ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 78. Л. 18–19.
- 49 См.: Там же. Д. 78. Л. 20.
- 50 См.: Там же. Д. 436. Л. 88–89.
- 51 См.: Там же. Д. 138. Л. 2–6.
- 52 См.: Там же. Д. 78. Л. 61; Д. 274. Л. 12.
- 53 См.: Там же. Д. 198. Л. 45; Д. 324. Л.1, 22.
- 54 См.: Там же. Д. 436. Л. 89.
- 55 См.: Там же. Д. 274. Л. 12.
- 56 См.: Там же. Д. 198. Л. 58.
- 57 Там же. Л. 55.
- 58 См.: Там же. Д. 274. Л. 12.
- 59 См.: Там же. Л. 13.
- 60 См.: Там же. Л. 11.
- 61 См.: Там же. Л.14–15.
- 62 См.: Там же. Л. 2.
- 63 См.: Там же. Д. 198. Л. 46, 51; Д. 274. Л. 33–34.
- 64 Там же. Д. 436. Л. 471–472.
- 65 См.: Там же. Д.440. Л. 23.
- 66 См.: Там же. Д. 285. Л. 2–5.
- 67 См.: Там же. Д. 449. Л. 150–151.
- 68 См.: Там же. Д.451. Л. 97–98.
- 69 См.: Там же. Д. 449. Л. 121.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТЕР ТИРАСПОЛЬСКОЙ ДИЕЦЕЗИИ: МИХАЭЛЬ КЕЛЕР (1897–1983)

Н. С. Рублева

Немец Михаэль Келер, о котором пойдет речь, после второй мировой войны находился, разделяя судьбу большинства советских немцев, вдали от родных мест. За Уралом он оказался помимо своей воли еще долго до войны, в середине 1930-х годов, и к началу 1950-х за плечами имел свыше пятнадцати лет заключения в советских тюрьмах и лагерях. Такой длительный стаж пребывания в условиях усиленной изоляции от общества объяснялся не только немецким происхождением этого узника, но и причинами несколько иного характера. Вина Михаэля Келера перед Советской властью состояла прежде всего в том, что он был священником Римско-католической церкви.

Еще в 1920–1930-х гг. все римско-католические священнослужители, жившие на территории СССР, были репрессированы (расстреляны либо осуждены на многолетнее заключение в исправительно-трудовые лагеря или ссылку). Тогда же коммунистической администрацией была разрушена структура РКЦ и полностью ликвидирована костельная иерархия¹.

В частности, прекратила свое существование Тираспольская епархия, основанная в середине XIX в. для удовлетворения духовных нужд немецких колонистов-католиков². В межвоенный период скорбный список репрессированных священнослужителей этой епархии насчитывает свыше 100 имен. Большинство из них до своего ареста служили в приходах немецких колоний юга Украины и Крыма.

Михаэль Келер мог избежать печальной судьбы римско-католического духовенства еще в начале гонений против Церкви (активно проводились после 1917 г.). В то время он, выходец из крестьянской семьи, родившийся в 1897 г. в колонии Иоганнесталь, что под Одессой, еще не был священником, а только начал учиться в Саратовской духовной семинарии. Преподавательский состав и слушатели этого учебного заведения, спасаясь от большевиков, в 1918 г. переехали в г. Одессу. Когда на юге Украины утвердилась Советская власть и семинария была закрыта, многие семинаристы эмигрировали в Германию, другие же, оставшись в СССР, вынуждены были отказаться от духовного призвания. Но Михаэль Келер не последовал примеру ни тех ни других, а в числе немногих своих сокурсников

продолжил путь к священству, обучаясь в нелегальной семинарии, и 21 мая 1922 г. епископом Антонием Церром был рукоположен в сан священника³. Двенадцать лет – с 1923 г. по 1934 г. – он служил настоятелем в колонии Шпаер возле г. Николаева (все жители этого многочисленного немецкого селения, незадолго до революции насчитывавшего почти 4,5 тыс. чел., были римо-католиками⁴).

Патер Келер был не первым и не последним из ряда священников Николаевского деканата, попавших в немилость к властям. Взоры НКВД прежде всего были прикованы к прелату Йозефу Крушинскому – Генеральному викарию РКЦ на юге Украины, жившему, как и о. Келер, в с. Шпаер Карл-Либкнехтовского района. Власти постоянно держали прелата под наблюдением и принуждали его делать публичные заявления о лояльности подчиненного ему духовенства к коммунистическому режиму. Но заступничество перед властями ценой унижения и компрометации всеми уважаемого о. Крушинского было действенным лишь какой-то период.

В 1933 г. на Украину обрушилась новая волна репрессий. С целью ликвидации инакомыслия – реального и потенциального – Кремль применил испытанные методы. Наряду с арестами, судами и расстрелами наиболее эффективным средством укрощения непокорного крестьянства оказался искусственно созданный в начале 30-х годов голод, доведенный осенью 1932 г. – весной 1933 г. до своего апогея – массового голодомора. К тому времени немецкие колонии в СССР вследствие прихода к власти в Германии национал-социалистов потеряли ту, хотя довольно относительную, защиту, которая существовала раньше в виде весьма дружеских и партнерских отношений между обоими государствами.

Все это незамедлительно сказалось на немецком духовенстве и его пастве. Поселения колонистов были зажаты в тисках голода, а в среде священнослужителей начались аресты. В первую очередь в места заключения были отправлены самые молодые и энергичные из них. Николаевский деканат, в котором служил патер Келер, понес очередные кадровые потери уже в сентябре 1933 г., когда был арестован его коллега о. Христиан Зыско⁵. Сам же Келер был вызван на допрос в Особый отдел Одесского ГПУ 3 июня 1934 г., где ему был задан, судя по протоколу, всего лишь один вопрос: «Что вы можете показать по существу посылаемых вами писем в Германию с ходатайством об оказании помощи якобы нуждающемуся немецкому населению?» В тот раз священника отпустили, но ненадолго – 22 июня 1934 г. он был арестован, обыскан и заключен в Одесскую тюрьму.

Следом за патером Келером были арестованы еще два священника Николаевского деканата – о. Иоган Таубергер из с. Карлсруе и о. Антон Гофман из с. Ландау. Им, а также о. Йозефу Крушинскому и декану о. Рафаэлю Лорану (с. Зульц), до суда пребывавшим под домашним арестом, инкриминировалась «антисоветская деятельность». Эта деятельность заключалась прежде всего в обращении вышеназванных священнослужителей к католическим благотворительным организациям Германии за помощью для жителей немецких колоний, страдающих от голода в 1933 году.

На допросах о. Михаэль объяснил, что не мог оставаться безучастным к беде своих прихожан, когда голод приобрел ужасающие масштабы, и назвал количество жертв в колонии Шпаер. По его подсчетам, лишь за 1933 г. здесь от голода умерло 256 человек. Весной и в начале лета ему ежедневно приходилось отпевать по 3–4, а иногда бывало и по 8 покойников.

Преступление арестованных священнослужителей состояло в том, что они посмели протянуть руку помощи людям, обреченным на голодную смерть, а также посягнули раскрыть за границей великую государственную тайну о существовании голода в «процветающей» стране с «самым передовым в мире государственным строем». Кроме того, обвиняющая сторона квалифицировала выполнение этими священнослужителями своих пастырских обязанностей как «антисоветскую работу, направленную к развалу и дезорганизации колхозного строительства путем использования религиозности прихожан». Богослужения и проповеди, по мнению властей, отвлекали колхозников от сельскохозяйственных работ и препятствовали формированию у них коммунистического сознания.

Несмотря на серьезные проблемы со здоровьем (он тогда болел малярией) и суровые условия содержания в тюрьме, о. Келер проявил особую стойкость, отклонив выдвинутые против него обвинения. Единственное, в чем он сознался, так это в том, что помогал обездоленным⁶.

Следствие велось под руководством московского Центра, откуда постоянно приходили конкретные указания, и под непосредственным контролем народного комиссара внутренних дел и председателя ГПУ УССР Всеволода Балицкого, который 10 апреля 1935 г., докладывая об этом деле в ЦК КП(б)У, еще до суда лично определил меру наказания каждому из арестованных. Михаэля Келера он предложил осудить к десяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях⁷.

Отец Михаэль, пребывая в заключении и ссылке, несмотря на суровый запрет, тайно от властей продолжал исполнять обязанности священника даже в условиях ГУЛАГа. После освобождения ему, в условиях обострив-

шейся конфронтации между СССР и Ватиканом, официального разрешения на осуществление обязанностей священнослужителя получить не удалось. Осев в г. Новосибирске, он устроился контролером по технике безопасности в одну из строительных организаций. В условиях относительной свободы (каждую неделю приходилось отмечаться в местном отделении милиции, пребывая под неусыпным надзором «компетентных органов») о. Михаэль Келер хотя бы несколько раз в году тайно отправлял богослужения на дому у верующих, совершал таинства, катехизацию и конфирмацию подростков. Изредка ему удавалось общаться со своими коллегами-ксендзами, также нелегально работавшими в Сибири и Северном Казахстане.

В начале 1950-х годов, особенно после смерти Сталина, появились первые признаки возрождения Римско-католической церкви в Украине. На родные земли – Подолье, Вольты, Киевщину – стали возвращаться поляки и украинцы – римо-католики, депортированные в середине 1930-х годов за Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. В большинстве случаев римско-католические общины этих репатриантов действовали, не получив разрешения властей. Богослужения совершались на дому, поскольку почти все костелы в Украине были разрушены, закрыты либо «репрофилированы» еще в 1930-х годах.

Прежде всего сказывался недостаток священнослужителей, так как попытки Ватикана наладить религиозную жизнь католиков в УССР после второй мировой войны вновь натолкнулись на сопротивление властей. Назначенный папой Пием XII Апостольский администратор РКЦ в Украине и все подчиненные ему священники, пришедшие к пастве Восточной Украины с западноукраинских земель или стран Западной Европы, до конца 1940-х годов также оказались за решеткой либо в ссылке, приговоренные к длительным срокам лишения свободы⁸. К середине 1950-х годов окончился срок заключения большинства из них, и те, кто выжил, стали возвращаться на родину. Тогда же изъявили желание вернуться в УССР несколько ксендзов, которые были репрессированы еще в 1930-е годы.

Чудом уцелели в лагерях и ссылке, пережив период массового террора и вторую мировую войну, 11 римско-католических священнослужителей с Украины, из них 6 человек – немецкие патеры бывшей Тираспольской епархии: отцы Рафаэль Лоран, Йозеф Нойгум, Якоб Варт, Александр Штауб, Михаэль Мерклингер и Михаэль Келер. Однако половине из упомянутых священников-немцев не удалось дожить до начала хрущевской «оттепели» – сказались возраст и пережитое... А те, кому посчастливилось дождаться,

казалось бы, лучших времен, все же не вернулись в места, где они родились или служили до войны – Крым, Одессу, Николаев.

Это произошло потому, что путь к возвращению в Украину был закрыт не только для священнослужителей немецкого происхождения, но и для всех немцев, депортированных на Восток в предыдущие десятилетия. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. показали, что в УССР на почти 42 млн. жителей насчитывалось всего 23 тыс. граждан немецкой национальности (для сравнения – в 1926 г. в республике было зафиксировано 393,9 тыс. немцев)⁹. Священнослужители остались там, где пребывала их паства – в Сибири, Казахстане, Средней Азии.

Находился за Уралом также и М. Келер. Он впервые, не таясь, провел богослужение лишь по достижении пенсионного возраста – в 1957 г. в поселке Тайнча (Красноармейск), что в Северном Казахстане, на посвящении часовни, открытой благодаря усилиям местного ксендза Юзефа Кучинского¹⁰.

Вскоре непродолжительный период относительно либерального отношения властей к Церкви был прерван очередной антирелигиозной кампанией, развернувшейся во всесоюзном масштабе. Ее жертвами стали в первую очередь священнослужители – бывшие узники ГУЛАГа. В местной прессе по команде из центра появились изобличительные статьи. Священников называли «спекулянтами», «дармоедами», «агентами Ватикана». Их обвиняли во всех смертных грехах, в том числе в уклонении от уплаты налогов, сокрытии своих доходов и т. д. Когда же удавалось собрать суммы, необходимые для уплаты налогов, та же пресса обвиняла священнослужителей в «эксплуатации» и «ограблении» прихожан. Вслед за «разоблачительными» статьями начались обыски и аресты. Так, например, вышеупомянутый авторитетный ксендз Ю. Кучинский был вновь осужден к десяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых учреждениях строгого режима (впоследствии срок был уменьшен до семи лет) и после пребывания в мордовских лагерях вышел на свободу лишь в конце 1965 г.

Патеру Келеру, можно сказать, «повезло» – в этот раз его не арестовали под надуманным предлогом. Однако официального разрешения на выполнение своих священнических обязанностей он так и не получил, поэтому продолжал еще в течение многих лет осуществлять пастырскую деятельность тайно от властей. Вместе с патерами Якобом Вартом и Александром Штаубом, выходцами с украинских земель, которые также были репрессированы еще в 1930-е годы, и несколькими ксендзами с Западной Украины он почти до конца 1960-х годов в Казахстане обслуживал католиков латин-

ского обряда, которых здесь насчитывалось около полумиллиона. 80 % из них были этническими немцами, остальные – поляками, украинцами, литовцами и представителями других национальностей¹¹.

Несколько раз за это время о. Келер посетил Киргизию, где проживало почти 89 тыс. советских немцев, в том числе свыше 22 тыс. римо-католиков. Местной католической общине длительный период не удавалось добиться регистрации, поэтому здесь не было настоятеля. 14 июля 1967 г. о. Михаэлю удалось получить официальное разрешение на проживание в столице Киргизии – г. Фрунзе – и осуществление здесь пастырских обязанностей. Это был результат многотрудных и долголетних ходатайств о. Келера и представителей фрунзенской католической общины. Но, разумеется, все эти старания не увенчались бы успехом без тогдашнего некоторого потепления советско-ватиканских отношений (в частности, 30 января 1967 г. состоялся неофициальный визит председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного в Апостольскую Столицу, где его в неформальной обстановке принял Папа Римский Павел VI)¹². Однако нестабильность советско-ватиканских отношений, очевидно, сказалась и на деятельности общины РКЦ г. Фрунзе, зарегистрировать которую удалось только спустя два года – в 1969 г.¹³

Благодаря стараниям о. Михаэля местная часовня была достроена и превращена в полноценный храм Божий. На воскресное богослужение сюда прибывали верующие не только из столицы Киргизии, но и из отдаленных местностей. Помощником настоятеля в это время был украинский греко-католический священник, репрессированный и сосланный в Среднюю Азию в конце 1940-х годов.

К началу 1970-х патер Келер был единственным оставшимся в живых священнослужителем бывшей Тираспольской диоцезии РКЦ, поскольку его собратья, уцелевшие после репрессий, отошли в мир иной еще раньше: о. Штауб умер в 1961 г., о. Варт – в 1970 г. В 1972 г. о. Михаэль отпраздновал в окружении многочисленной паствы, коллег-священников и родных 50-летний юбилей своего пребывания в сане, а спустя десять лет – и бриллиантовый юбилей своей пастырской миссии. Во Фрунзе он служил до своей кончины в 1983 г., в возрасте 86 лет.

Тираспольская епархия РКЦ в прежнем своем виде так и не возродилась. Полноценная структура Римско-католической церкви в Украине была возобновлена сразу после провозглашения независимости – в 1991 г.,¹⁴ а в 2002 г. на юге и юго-востоке Украины были созданы еще две – Одеско-Симферопольская и Харьковско-Запорожская епархии РКЦ, юрисдик-

ция которых распространяется на украинскую часть бывшей Тираспольской диоцезии.

Сейчас в Украине насчитывается свыше 1 млн. римо-католиков¹⁵, при этом этнический состав верующих РКЦ по сравнению с довоенным периодом претерпел существенные изменения. Немцы-католики в современных процессах возрождения РКЦ в Украине вследствие своей малочисленности¹⁶ принимают минимальное участие. Потомки немцев-католиков, ныне живущие в Украине, часто не знают, к какому вероисповеданию принадлежали их предки, и даже если посещают храм, то в большинстве случаев – немецкую лютеранскую кирху. В наши дни в Крыму, на Одессине, возле Николаева, Херсона все еще изредка можно увидеть шпили старых немецких католических костелов, но они либо пустуют, либо «освоены» хозяйственниками или отданы в пользование других конфессий.

-
- 1 Детальнее см.: Рубльова Н. Ліквідація в Україні ієрархії Римо-католицької церкви (кінець 1917–1937 рр.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Київ, 2000. № 2/4 (13/15). С. 311–330.
 - 2 См.: Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: Katholischer Teil. 2 Auflage. Stuttgart, 1980. S. 48–49.
 - 3 См.: Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР / Авторы-составители о. Б. Чаплицкий, И.Осипова. М.: Серебряные Нити, 2000. С.283.
 - 4 См.: Keller K. Die deutschen Kolonien in Südrussland. – Neuaufgabe. – Nürnberg; München, 2000. S. 418.
 - 5 См.: Христиан Зыско (1897–1934) – уроженец кол. Шпаер, настоятель костела в г. Николаеве, 23 февраля 1934 г. судебной тройкой при коллегии ГПУ УССР за антисоветскую деятельность был приговорен к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Летом 1934 г. застрелен при попытке к бегству из Суславского отделения Сиблага НКВД СССР.
 - 6 См.: Государственный архив Службы безопасности Украины, г. Николаев. Фонд прекращенных дел. Д. 12926-С. Т. 1–6.
 - 7 См.: Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6777. Л. 49.
 - 8 Только в 1944 г., после возвращения Красной Армии, в УССР органами госбезопасности было арестовано 88 римско-католических священнослужителей.

- ⁹ См.: Національні відносини в Україні у ХХ ст.: Збірник документів і матеріалів / Упоряд.: М. І. Панчук (керівник) та ін.; Редкол.: І. Ф. Курас (голова) та ін. К., 1994. С. 503.
- ¹⁰ См.: Dzwonkowski R., SAC. Losy duchowieństwa katolickiego w ZSRR, 1917–1939: Martyrologium. Lublin, 1998. S. 301–302.
- ¹¹ См.: Роод В. Рим и Москва: Отношения между Святым Престолом и Россией/Советским Союзом в период от Октябрьской революции 1917 г. до 1 декабря 1989 г. / Пер. с нем. Львов, 1995. С. 184.
- ¹² См.: Stehle H. Tajna dyplomacja Watykanu: Papieństwo wobec komunizmu (1917–1991) / Przekł. z niem. Warszawa, 1993. S. 292–293.
- ¹³ См.: Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: Katholischer Teil. S. 126; Лиценбергер О. А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 314.
- ¹⁴ См.: Przywrócenie struktur kościelnych na Ukrainie // L'Osservatore Romano: Wydanie polskie. – 1991. Nr 2/3 (130). S. 29–30.
- ¹⁵ См.: Візит нового тисячоліття. Інтерв'ю з Його Преосвященством Архієпископом Миколою Етеровичем, Апостольським Нунцієм в Україні // Президент. Київ, 2000. № 5. С. 34–35.
- ¹⁶ По результатам переписи населения в декабре 2001 г. в Украине проживало всего 33,3 тыс. немцев. См.: Урядовий кур'єр. 2002. 22 грудня. № 244.

ПУТИ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ АССОЦИАЦИИ ПРОТЕСТАНТСКИХ ЦЕРКВЕЙ НА СТАВРОПОЛЬЕ

Т. Н. Плохотнюк

Отправным моментом любого религиозного учения является стремление верующих устроить земное бытие в согласии с высшей правдой, желание нравственного преобразования и обновления общества. Это положение есть основа и возможность для организации диалога между сторонниками разных конфессий, сотрудничества и добрососедства в общем «доме Божьем», где так не достаёт мира. В данной статье проанализирована первая попытка реализации этого принципа при построении реальных отношений представителями протестантских церквей (лютеранская, баптистская, адвентистская) на Ставрополье в начале 2000-х гг. Материалы выступлений на конференциях и официальной переписки, ставшие документальной основой этой работы, были любезно предоставлены Екатериной Андреевной Кирст, Председателем Совета Ставропольской евангелическо-лютеранской общины. На все вопросы о деятельности и позиции адвентистской церкви Ставрополя с готовностью ответил священнослужитель Юрий Федорович Томенко.

Немецкое население Ставрополя всегда было поликонфессиональным. Для многих протестантов религиозный фактор обусловил их появление в регионе. Так, в соответствии с религиозными убеждениями меннониты нашли на обустроиваемом Северном Кавказе места с простыми формами жизни, что позволяло им приблизить свой быт к евангельским нормам. Сторонники Движения Исхода определили эту территорию как место спасения на земле. Благоприятные условия для миссионерской деятельности привлекли сюда последователей реформатства. Здесь нашли приют те, кто именовал себя «друзьями Иерусалима» или община храмовников, которая поначалу предполагала, что эта территория будет для нее транзитной на пути в Иерусалим. Штундисты и часть баптистов были высланы сюда, подвергаясь преследованиям со стороны православной церкви¹. Все они оказались в условиях миграционного «плавильного котла», где причудливо смешивалось все материально-телесное и духовное. Политическая ситуация и экономическое развитие региона обусловили неизбежность длительного контакта, вынудив к совместному проживанию

последователей различных протестантских конфессий. Длительный контакт становился фактором формирования понимания у верующих, сторонников разных церквей, общности мировосприятия и этических установок и даже фактором определенной трансформации религиозных взглядов, учения в целом.

До окончания Кавказской войны местные власти, пытаясь добиться максимального контроля над поселявшимися здесь иностранцами или российскими подданными иностранного происхождения, старались не допустить дисперсного расселения и поселить их, если не вместе, то рядом, независимо от конфессиональной принадлежности². С начала 1870-х годов новая черта хозяйственной жизни – аренда земли – сделала еще более вероятными и частыми поликонфессиональные поселения. Переселенцы, обустроившие свое поселение на арендованных или купленных землях, в целях получения дополнительных доходов сдавали часть ее в субаренду или аренду на достаточно длительный срок. В случаях аренды купленной земли, немцы и меннониты допускали размещение арендаторов в границах своего селения. Десятки ставропольских немецких поселений в этот исторический период становились поликонфессиональными. Ярким примером такой метаморфозы были меннонитские поселения Вольдемфюрст и Александрдар, которые по истечении двух-трех десятилетий после водворения меннонитов на кубанских землях стали поликонфессиональными³. Объединение лютеран и меннонитов для проведения праздничных богослужений, которые проходили в меннонитском молитвенном доме с участием лютеранского пастора, объединение баптистов, адвентистов и штундистов на воскресных молитвенных собраниях было проявлением толерантности представителей этих протестантских учений, обусловленной миграцией.

На протяжении XIX–XX вв. в границах современной территории Ставропольского края существовало два евангелическо-лютеранских прихода – Пятигорско-Каррасский (с 1835 г.) и Ставропольский (с 1859 г.), объединявшие свыше 30 тыс. верующих. Составной частью евангелическо-лютеранских приходов являлись евангелическо-реформатские общины, а дисперсно расселившиеся реформаты были включены в состав отдельных евангелическо-лютеранских общин⁴. В 1878 году в регионе появились первые последователи учения пастора гессельбергской общины Самуэля Готфрида Кристофа Клетера, так называемые сторонники Движения Исхода, которые разделяли не только эсхатологические настроения пастора, но и его экуменические идеи, прежде всего идею объединения реформированных церквей⁵.

Таким образом, в ходе обустройства сторонников протестантизма на Ставрополье были сформированы предпосылки для возможного будущего объединения, отчетливо проявилась тенденция возможной трансформации. Но история распорядилась так, что дальнейшее развитие протестантизма в северокавказских условиях было прервано, а протестантские религиозные организации разрушены. Причиной тому было то обстоятельство, что до 1917 года идеи протестантизма разделяли в основном немцы. Сущность и содержание политики как российского, так и советского государств по отношению к своему немецкому населению определялись и проводились с учетом того, что немцы были связаны общим этническим происхождением с мощной европейской державой. По мере ухудшения внешнеполитических отношений России и Германии, СССР и Германии периоды, относительно благоприятные для развития традиционной культуры немецкого этноса, сменялись проведением анти-немецких кампаний. Их приемы и методы оказались идентичными для обеих форм государств: идеологическая подготовка, создание образа «внутреннего врага», легитимация экспроприации и депортации, проведение этих актов.

Результатом этих кампаний стало прекращение (в 1941 г. немцы были депортированы из региона) существования в крае протестантских общин следующего толка – лютеранского, реформатского, а также полное разрушение таких организаций, как общины сторонников Движения Исхода и меннонитов. С 1940-х по 1980-е гг. лютеранские общины не действовали на Ставрополье. С середины 1930-х была затруднена деятельность баптистских и адвентистских общин, состав которых был интернациональным. Но религиозная свобода как свобода совести – неотъемлемая часть человеческого состояния, право на нее – не роскошь, не вознаграждение, мы имеем эту свободу, потому что являемся людьми. А потому вопреки политике государственного атеизма в послевоенный период протестантская мозаика региона постепенно обогащалась.

Вместе с переселением из Сибири депортированных семей бывших бандеровцев с начала 1960-х гг. в крае распространено учение «Свидетелей Иеговы». Стремительный рост количества – сейчас их свыше 40 – общин Свидетелей Иеговы с середины 1990-х гг. в крае отчасти есть результат активной деятельности американских миссионеров центра Свидетелей Иеговы. К началу 2000-х гг. на Ставрополье существовало свыше 50 баптистских общин, 55 общин адвентистов (две из них самые многочисленные – в г. Ставрополе), есть потомки меннонитов как представителей этноконфес-

сиональной общности (меннонитские общины в России не восстановлены, а есть в США, Канаде, Латинской Америке, т.е. в местах миграции меннонитов из России и СССР). В результате миссионерской деятельности американских центров пятидесятников, методистов, мормонов в регионе появились общины последователей этих протестантских учений. В начале 1990-х гг. в Ставрополе и Пятигорске начался процесс возрождения лютеранских общин, официальная регистрация которых состоялась в 2000 году⁶. Сейчас они объединены в пробство (округ) и подчинены Московскому евангелическо-лютеранскому епископу.

Процесс возрождения религиозных протестантских общин любого толка проходит сложно. Прежде всего, он осложнен внутренними проблемами каждой церкви, например, некомпетентностью в вопросах своего вероучения, недостаточностью опыта в душепопечительстве. Все это не способствует усилению веры и сплочению общины. Но постепенно, благодаря помощи различных миссий и в результате восстановления систематических отношений со столичными и зарубежными центрами, удалось преодолеть многие трудности, прежде всего те, которые были порождены территориальной удаленностью общин. Налажена доставка необходимой методической литературы как на русском, так и на немецком языке. Частично смягчена острота кадрового вопроса: в регионе появляются священнослужители, имеющие соответствующее теологическое образование. Хотя говорить о полном благополучии еще не приходится.

Одна из самых сложных проблем – получение помещения для богослужений. Все протестантские конфессии имели молитвенные дома, а лютеранская – две кирхи: в г. Ставрополе и г. Пятигорске, все они составляли собственность протестантских общин до 1930-х гг⁷. Сегодня только баптистская церковь смогла восстановить свое право на земельный участок под постройку храма в черте г. Ставрополя. Адвентисты еще в 2001 году осветили свой первый храм в городе, а сейчас готовы возвести второй, но участки под застройку приобрели на собственные средства. До 2001 года адвентисты вместе с баптистами собирались на богослужения в одном здании (разумеется, отдельно, согласовав время своих собраний), которое баптисты получили во временное пользование от городской администрации. Лютеранская церковь по-прежнему проводит воскресные собрания в помещении НКА. Оказалось, что вести диалог с местной администрацией непросто, так как ее требование – представить весь комплекс документов о существовании лютеранской кирхи в г. Ставрополе, оказалось крайне трудным, потому что фонды Немецкой церкви и Цер-

ковного совета в Государственном архиве Ставропольского края уничтожены в 1943–1944 г.⁸

Так как тенденция к интернационализации состава всех протестантских церквей, в том числе и лютеранской, по-прежнему сохраняется, то это вызывает недовольство со стороны православной церкви, которая, имея своих последователей среди представителей местной власти, пытается противостоять протестантизму как идейному противнику. Так, например, в средствах массовой информации очень редко и крайне скупо освещаются события церковной жизни протестантов, их диаконическая деятельность.

То, что проблемы, с которыми сталкивается каждая церковь, действуя самостоятельно, схожи, обнаружилось при первом совместном обсуждении их. И для трезвомыслящих руководителей протестантских организаций стало понятным, что самым эффективным будет объединение усилий. Так возникала и оформлялась идея создания Ассоциации протестантских церквей на Ставрополье. Анализ положения церквей, пожелавших объединить свои усилия, убеждает в том, что в первую очередь ассоциация нужна лютеранской церкви. Если в начале XX века лютеранская из всех протестантских церквей в регионе была самой сильной и многочисленной, то в начале XXI стала ее позиция в регионе скромнее, чем адвентистов и баптистов. Не возвращен храм или нет компенсации, т.е. не выделен новый участок под постройку храма в черте города. Несомненно, «обустройство» лютеранской церкви – один из элементов стабильности положения российских немцев, фактор, сдерживающий российских немцев от выезда в Германию.

В течение 2002 года шли обсуждения идеи создания Ассоциации. Активно в этих обсуждениях участвовали в основном священнослужители. Да, несомненно, что они более компетентны, чем все остальные верующие. Но как выяснилось, ни в одной из церквей вопрос о создании ассоциации не был обсужден на заседании церковных советов, общин или уровня местной конференции адвентистов. Значительную помощь в теоретическом обосновании идеи создания Ассоциации оказала Международная ассоциация религиозных союзов (МАРС), создавшая свой Северо-Кавказский филиал. 25–26 сентября 2002 года в г. Железноводске прошла конференция МАРС. Она стала очередным шагом в сторону рождения Ассоциации протестантских церквей⁹.

Темой выступления представителя Правового совета МАРС Митчелла А. Тайнера было искусство межконфессионального диалога. Он, обоб-

шая свой двадцатилетний опыт разработки теории и организации такого диалога, предложил давать время на развитие взаимоотношений, выявляя осторожно и «милостливо» области, которые разделяют людей разных конфессий, но не для того, чтобы избавиться от различий, а научиться уважать их¹⁰.

Из обобщенных докладов норвежцев Барбро Свеена, Торе Линдхольма, Оддберна Лейрвикао участники конференции узнали о роли современного государства и его возможностях организации системы укрепления потенциала религий, а также о том, как использовать этот потенциал для развития культуры в интересах взаимного уважения и дружественного сосуществования в современном мультикультурном и мультирелигиозном обществе. На первый взгляд Норвегия, может показаться страной, в которой существует идиллия парадоксов: никакая другая страна не имеет более прочно, чем Норвегия, учрежденную лютеранскую государственную церковь, но ни в каком другом государстве организованные религиозные меньшинства не обладают большей свободой и поддержкой. И все это результат межрелигиозного диалога в Норвегии в 1985–2000 г.¹¹

Пока что Ассоциация протестантских церквей на Ставрополье не создана. Но ее необходимость осознана и сделаны первые шаги для объединения. Ассоциация дает множество возможностей, три из них следует выделить особенно:

– прежде всего возможность вместе сформулировать и убедить других в адекватности следующего положения: религиозные традиции не должны компрометировать себя притязаниями на истину с тем, чтобы иметь право на уважение и терпимость, и что плюрализм не нуждается в моральном релятивизме;

– кроме того, возможность усилить голос, звучащий в защиту интересов верующих и против угрозы ограничений и даже отмены свободы совести;

– возможность осознать и напомнить отдельным верующим, а также власть предрержащим и общественности, что ни одна религия мира не учит угнетать или уничтожать человека и убедить отдельных верующих действовать таким способом, чтобы демонстрировать самые высокие и самые благородные традиции своей веры.

Состоявшаяся ассоциация могла бы стать способом совершенствования усилий. Отрывочные, нерешительные усилия не могут быть производительными в деле организации сотрудничества. Межрелигиозное сообщество позволит работать вместе и, сталкиваясь с проблемами, действовать совместно против нетерпимости. Ассоциация – это тот шаг, который позволя-

ет сделать работу коррективной и превентивной, т.е. сосредоточиться не на реакции, а на предотвращении нежелательного развития событий и, что особенно важно, отношений.

- 1 См.: Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. С. 50–77.
- 2 См.: Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): Сборник документов / Сост., предисл. канд.ист. наук Т. Н. Плохотнюк. Ставрополь: Изд-во Ставро. гос. ун-та, 2002. С. 34–36.
- 3 См.: Radtke, E. Die Deutsche Siedlung am Kuban // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1985-1989. Stuttgart, 1989. S. 157–158.
- 4 См.: Плохотнюк Т. Н. Указ. соч. С. 51, 56.
- 5 Там же. С. 63.
- 6 Свидетельство о государственной регистрации религиозной организации № 349 из текущего архива Ставропольского евангелическо-лютеранского совета.
- 7 См.: Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII – XX вв.: Исторический справочник. Ч. 1. СПб: Гуманитарное информационное издательское агенство «Литера», 2001. С. 230–238.
- 8 Государственный архив Ставропольского края. Ф. 303.
- 9 Материалы конференции «Через диалог религий к прочному миру и межнациональному согласию на Северном Кавказе», 25–26 сентября 2002 г. (текущий архив Ставропольского евангелическо-лютеранского церковного совета).
- 10 Тайнер М. «Межрелигиозный диалог как источник мира между общинами», доклад на конференции «Через диалог религий к прочному миру и межнациональному согласию на Северном Кавказе», 25–26 сентября 2002 г. (текущий архив Ставропольского евангелическо-лютеранского церковного совета).
- 11 Материалы конференции «Через диалог религий к прочному миру и межнациональному согласию на Северном Кавказе», 25–26 сентября 2002 г. (текущий архив Ставропольского евангелическо-лютеранского церковного совета).

ВОЗРОЖДЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Т. Ф. Гумбатова

Согласно переписи населения в 1989 году в Азербайджане проживало 748 немцев. Безусловно, это были те люди, у которых в пятой графе советского паспорта было записано «немец». Изменение политической ситуации в Советском Союзе с 1985 года, интенсивное развитие демократических принципов в обществе сделало людей более открытыми. Но страх пережитого в прошлом был так велик, что этот процесс шел очень медленно. Это касалось и сведений о принадлежности к немецкой национальности.

Общеизвестно, что в семьях смешанных браков родители сами настаивали на том, чтобы их дети при получении советских паспортов не приобретали эту непопулярную ранее национальность. Это касалось даже тех случаев, где немцем был отец. По этой причине точные данные о количестве немцев не только в Азербайджане, но даже в г. Баку отсутствуют до настоящего времени.

Новоапостольская церковь. Первой организацией в Азербайджане, которая в 1992 году объявила себя немецкой, была Новоапостольская церковь. В арендуемом клубе института искусств (сейчас там расположено посольство Германии в Азербайджане) эта организация очень мобильно и активно стала проводить свою религиозную деятельность в г. Баку. Именно там впервые за много лет публично зазвучала немецкая речь. Проповеди священнослужителей из Германии привлекли внимание немцев и их потомков.

20 августа 1992 года в Азербайджане был принят «Закон о свободе вероисповедания». Новоапостольская церковь была зарегистрирована в Минюсте Азербайджана. Это дало ей возможность арендовать для богослужений Зал Органной и Камерной музыки Азгосфилармонии (бывший молитвенный зал Евангелическо-Лютеранской Церкви Спасителя). Газета «Труд» сделала об этом сообщение, ошибочно указав, что в кирхе возобновила работу Евангелическо-лютеранская церковь¹.

Новоапостольская церковь никогда не была «немецкой» и в Советском Союзе появилась накануне его распада в 1990 году. Согласно имеющимся сведениям первые приверженцы новой апостольской веры появились в Шотландии и Англии в середине XIX века и быстро распространились на ев-

ропейском континенте, в том числе и в Германии². В 1863 году между английскими и берлинскими апостолами произошел разрыв, в результате чего в Германии возникло сообщество, получившее в 1930 году название – «Новоапостольская церковь». По общепринятым понятиям эта церковь является сектой – т.е. в ее вероучении содержится только часть общего христианского учения. Наиболее необычным является крещение умерших. Главой церкви в Баку был апостол Клаус Дитер Кениг (Северный Рейн-Вестфалия) из Германии. В 1999 году, согласно данным выпускаемого церковью журнала «Наша семья», в Баку насчитывалось 199 приверженцев новоапостольской веры. Число немцев или людей, имеющих немецкие корни, установить не удалось. Пастырем общины долгие годы работает Айдын Фараджулаев, по матери – Рейхсшнайдер.

Общество «Возрождение». 16 сентября 1992 года Президент Азербайджанской республики Абульфаз Эльчибей издал Указ «О развитии малочисленных народов и национальных меньшинств». В этом же году было зарегистрировано «Азербайджанское национально-культурное общество немцев «Возрождение», главной целью которого было «объединение этнических немцев и сохранение немецкого этноса». Председателем этого общества была избрана Ида Швайгерт. Согласно Уставу, членами общества могли стать только те, кто документально мог доказать свое немецкое происхождение и члены их семьи⁴. В 1996 году общество насчитывало 120 человек⁵.

С первых дней в обществе много внимания уделялось изучению немецкого языка. В 1993 году была организована первая группа учащихся. С 1996 года посольством Германии было образовано три, а в 1997 году – пять групп и воскресная группа для детей. Посольство Германии передало в дар пишущую машинку и 40 комплектов учебников с кассетами для тех, кто не смог попасть на эти бесплатные курсы. Затем эти курсы были организованы при академической службе по обмену студентами (ДААД) в Бакинском институте иностранных языков, где члены общества «Возрождение» продолжили изучение родного языка бесплатно. Но вскоре эта льгота посольством Германии была отменена⁶. До настоящего времени члены общества обязаны оплачивать эти услуги, и хоть сумма эта и невелика, для многих она оказалась непосильной.

В обществе «Возрождение» люди общались, знакомились с немецкими традициями, вместе отмечали праздники. В 1997 году общество отметило свое пятилетие⁷. К этому времени в обществе уже числилось 230 человек, включая жителей г. Баку, Сумгаита, Шеки и Гянджи. На юбилее

присутствовал советник посольства Германии Яспер Вик. После отъезда в 1999 году И. Швайгер в Германию председателем общества был избран А. Сафаров (по матери Тиссен), который продолжает работать до настоящего времени. При обществе организован детский хор под руководством членов правления общества Н. Кепеть и Л. Рыбалкиной (Меркель). В 2002 году хор стал дипломантом Второго детского фестиваля фольклорной музыки, проводимого Министерством молодежи и спорта Азербайджана⁸. Общество «Возрождение» до настоящего времени не имеет своего помещения. Возможности его членов ограничены двумя часами по воскресеньям, предоставляемыми им посольством Германии в помещении «Капельхауза».

Германо-Азербайджанское общество культуры «Капельхауз». В 1995 г. временно поверенный в делах Германии в Азербайджане Михаэль Шмунк выдвинул идею открытия культурного немецкого центра, в котором могли бы проводить свою работу все существующие в Баку организации, работающие по возрождению и пропаганде немецкой культуры. И только в 1997 году это удалось сделать. Было организовано Германо-Азербайджанское общество культуры «Капельхауз» под председательством посла Германии господина Зибекка. Общество расположилось в бывшем здании армянского евангелическо-лютеранского молитвенного дома, которое было построено в 1912 году на взятой в аренду земле, принадлежащей Евангелическо-лютеранской церкви Спасителя Немецко-Шведского прихода. В настоящее время благодаря активности посла Германии в Азербайджане Клауса Греблиха зал «Капельхауза» стал настоящим центром немецкой культуры в Баку⁹. В настоящее время руководителем общества является президент немецкой адвокатской конторы в Баку господин Шульце.

Общество «Германия–Азербайджан». В июле 1992 года в Азербайджане было открыто представительство общества «Германия-Азербайджан», зарегистрированное при Кабинете Министров Азербайджана. Это общество было создано в декабре 1991 года в г. Дюссельдорфе. Президентом стал профессор, главный хирург земли Северный Рейн-Вестфалия Хармен ван Лессен. Полномочным представителем этого общества в Азербайджане был Ч. Абдуллаев, а с 1995 года профессор К. Рустамов. В основном это общество занималось гуманитарной помощью. Директором, а позже вице-президентом стал доктор М. А. Азербайджани, гражданин Германии, который вместе со своей женой фрау Кристи много сделал не только для азербайджанского народа, но и для возрождения и развития немецкой

культуры. Благодаря их доброте общество «Возрождение» и евангелическо-лютеранская община долгие годы проводили свою работу в их помещении и постоянно получали материальную поддержку.

Общество «Возрождение» приняло участие в выпуске в 1992 году первой работы по истории немцев в Азербайджане, основанной на архивных материалах¹⁰. После ухода из этого общества Ч. Абдуллаев продолжил свою работу по сближению и дружбе двух народов, азербайджанского и немецкого. Им изданы две книги, освещающие эти отношения¹¹.

Евангелическо-лютеранская община г. Баку. Возрождение евангелическо-лютеранской общины г. Баку произошло по инициативе пастора Немецкой Евангелическо-лютеранской Церкви Св. Екатерины г. Киева Ахима Райса. При его помощи был составлен Устав Немецкой евангелическо-лютеранской общины. Учредителями этой общины были Гамм Э. А., Швайгерт И. И., Эстерле (Луценко) Н. Г., Май (Алиева) Э. И., Мосман (Рыжкова) Э. Я., Франк (Ахмедова) Ф. Л., Гасаналиева (Швайгерт) Н. В., Кляйн (Гейдаров) Р. И., Гольцман (Алтынов) В. И., Редигер (Алиева) Л. С. и Гумбатова (Клейншмидт) Т. Ф. В процессе подготовки документов было решено зарегистрироваться под именем ранее существовавшей с 1877 года евангелическо-лютеранской общины в г. Баку

2 ноября 1994 года, ровно через 57 лет после расстрела последнего церковного совета, община была зарегистрирована в Минюсте Азербайджана и приобрела статус юридического лица. Председателем общины была избрана Гумбатова Т. Ф., членами церковного совета – Швайгерт И. И. и Алиева Л. С.¹²

Община старалась объединить людей, имеющих немецкие корни. Членами общины могли стать только люди, получившие святое крещение. Обычно эти сведения не требовали подтверждения. За все время был только один случай, когда пришлось проверить этот факт и убедиться в неправде. Обязательным было письменное подтверждение о желании пройти конфирмацию, т.е. принять лютеранство.

Евангелическо-лютеранская община начинала свою работу в условиях религиозного ренессанса. В страны бывшего Союза, в том числе и в Азербайджан, хлынул поток религиозных иностранных деятелей различного толка. Теологическая необразованность людей, вызванная многолетней пропагандой атеизма с одной стороны, неуверенностью и непониманием происходящего в политической жизни государства с другой стороны, способствовали массовому увлечению религией. Заезжие пасторы собирали огромные аудитории слушателей. С целью привлечения в религиозные об-

щины организовывались бесплатные курсы английского языка. Проходили публичные крещения в море. Широким потоком шла гуманитарная помощь в виде использованной одежды и старых лекарств. Зал органной музыки в Баку превратился в универсальный религиозный дом. Богослужения адвентистов сменялись новоапостольцами, затем шли кришнаиты и американская организация пятидесятников «Животворящая благодать». Все эти организации имели возможность оплачивать аренду зала (100, позднее 200 долларов США за два часа) в кассу Минкультуры.

В Азербайджане до настоящего времени отсутствует Закон о возврате религиозных зданий. В связи с этим община все эти годы неоднократно обращалась к министру культуры Поладу Бюль-Бюль оглы с просьбой бесплатно предоставить зал для работы общины, но получала отказ. В январе 1996 года Президент Азербайджана дал устное указание о предоставлении общине зала по воскресеньям с 10 до 12 часов. Но министерство не дало никакого распоряжения по этому поводу. Попытка разрешить этот вопрос в судебном порядке не увенчалась успехом¹³.

До настоящего времени община г. Баку, которая согласно утвержденному уставу от 2000 г. является правопреемницей евангелическо-лютеранской общины и церкви «Спасителя», не имеет официально разрешенного права на бесплатное использование бывшего молитвенного зала для своей работы. Без денег и гуманитарных пряников, без помещения и без духовного наставника, но с глубокой Верой лютеранская община начала долгий и трудный путь своего возрождения. Главная задача состояла в восстановлении своего исторического места в обществе и среди традиционных конфессий. По этой причине прежде всего были установлены взаимоотношения с Русской православной церковью, религиозной общиной европейских евреев и с Управлением мусульман Кавказа.

24 декабря 1995 года община провела в кирхе свой первый благотворительный рождественский вечер. Несмотря на то, что расходы на него превысили сумму собранных пожертвований, это было событием, которое не осталось незамеченным¹⁴. С этого года эти вечера стали традиционными.

С 1996 года в прессе по инициативе общины постоянно публикуются сообщения об истории лютеранства в Азербайджане и ЕЛЦ Спасителя в Баку¹⁵.

Благодаря пастору Райсу, у общины установились добрые взаимоотношения с «Евангелическо-лютеранской Церковью в России, на Украине, в Казахстане и странах Средней Азии» – именно так она представляла себя в то время. Пастору Редеру было поручено оказывать нам духовную помощь в работе. Прекрасный организатор, он делал все, что было в его си-

лах для поддержки и развития общины, за что мы ему очень благодарны.

В феврале 1996 года община организовала в Кирхе необычную для города конференцию, посвященную 450-летию со дня смерти Мартина Лютера. К сожалению, до сих пор многие путают его с Мартином Лютером Кингом. На сцене был установлен портрет Лютера, который удалось разыскать в Музее религии Азербайджана. В зале была организована выставка, посвященная его жизни. Перед собравшимися выступили с докладами канцлер посольства Германии в Азербайджане Вольф-Рюдигер Тиц, госпожа Эн Козларич, пастор Штефан Редер из Санкт-Петербурга и председатель общины Т. Ф. Гумбатова. В конференции приняли участие глава местной епархии Русской православной церкви епископ Александр и посол США в Азербайджане Р. Козларич. В заключение прозвучали музыкальные произведения Баха, Глюка, Шуберта¹⁶. При поддержке фонда «Друзья культуры Азербайджана» 5 мая 1996 года общиной был организован ретро-концерт по программе духовного концерта, состоявшегося 4 апреля 1913 года в молитвенном зале церкви. Этот концерт был очень тепло принят публикой и повысил интерес к лютеранской общине¹⁷.

1 декабря 1996 года в кирхе состоялся вечер памяти семьи Нобель, организованный общиной при помощи нефтяного консорциума АМОК. Баку стал для семьи Нобель не только местом, где они работали и жили. Он стал их судьбой. Нобели исповедовали лютеранство (здесь бывали Роберт и Людвиг вместе со своими семьями) и участвовали в строительстве кирхы. Лютеранская община была первой, кто вспомнил их добрые дела по распространению просвещения и культуры в нефтяном царстве Баку. С этого времени община ежегодно проводит 1 декабря День памяти семьи Нобель¹⁸.

Впервые в Баку 24 декабря 1996 года общиной был организован красочный праздник Рождества Христова¹⁹. Дети общины прекрасно подготовили сцены из библии. Немецкие рождественские песни звучали в исполнении детского и общинного хора под звуки органа. Тогда впервые была исполнена песня «Тихая святая ночь», которую сразу полюбили наши, уже ставшие постоянными, гости. С тех пор у лютеранской общины зародилась традиция дарить свет рождественского праздника в виде зажженной свечи главе местной епархии Русской Православной Церкви Архиепископу Александру. Торжественное богослужение проводил пастор Оборский, который провел первое венчание временно поверенного в делах Германии Яспера Вика и Кордулы Вильхерос.

На праздник Пасхи в апреле 1997 года приехал из Германии пастор Свен Грундман. Это он совершил первое крещение восьмерых детей²⁰.

Сегодня можно с полной ответственностью утверждать, что этот человек был наиболее близок к образу священнослужителя. Его отличала духовность и преданность своему делу. В мае 1997 года на пятидесятницу богослужение проводил пастор Редер (31). Евангелие читал посол США господин Козларич. На праздник пришло много гостей, в том числе и посол Германии господин Зибек. Богослужение велось на немецком, английском и русском языках²¹.

Это был тот период, когда можно было считать, что лютеранская община заняла свое достойное место в обществе. Именно так мы представляли себе работу лютеранской церкви в Баку. Величественный зал в центре города, прекрасный хор, звуки органа и мудрая проповедь пастора – все это, безусловно, привлекло бы многих жителей и гостей, независимо от их вероисповедания. Рост же общины должен был происходить только за счет тех, кто захотел бы объединиться в любви к Богу и в милости к людям. Этот процесс не мог быть быстрым. Ведь еще Лютер говорил, что на 1000 христиан приходится только один верующий.

В октябре община отмечала праздник Урожая²². Зал был украшен в соответствии с немецкими традициями. Приехавший на этот праздник пастор Тимм из Германии был удивлен увиденным в далеком мусульманском городе. Он провел обряд крещения среди взрослых.

Кроме праздников были будни, которые проходили в помещении общества «Германия–Азербайджан»: воскресные библейские собрания, курсы немецкого языка, детский хор и изучение библии с детьми, общение и проведение немецких праздников. Надо отметить, что до сих пор мы постоянно рассказываем на страницах газет о немецких праздниках и традициях²³.

Общество переживало бум переселения. Ощущался отток людей в Россию. Многие члены общины были заняты вопросом переезда в Германию. В Баку развился бизнес по приобретению документов, в том числе и фальшивых, о принадлежности к немецкой, еврейской и армянской национальностям. Теперь это стало популярным. Люди в общине были разными. И большая часть, к сожалению, была далека от Бога. Оставалась надежда на приезд духовного наставника, который смог бы зажечь искру любви к Богу и людям. Общине необходим был постоянный пастор. Г. Козларич предлагала помощь в приглашении пастора из Америки. Но община считала, что для возрождения церкви необходим только немец. Община всегда была бедной. Ее доход колебался от 500 в 1994–1995 гг. до 2500 долларов США в 1999 году. Пожертвования получали от мусульманина А. Азербай-

джани, пастора Редера, Мартина Лютера Бунда из Германии и др. Но большую часть денег община получала в результате своей активной деятельности и доброй репутации.

Впервые среди религиозных организаций Баку лютеранская община организовала в 1997–1998 гг. летний отдых детей. Несмотря на небольшие возможности, община помогала старым и больным людям. Обращения за помощью к исполнительной власти при решении социальных или жилищных условий ее членов всегда находили поддержку и понимание. Нам верили, что своей религиозной деятельностью мы не причиним беспокойства обществу.

В 1997 году в связи с усиленной миссионерской работой иностранцев мусульманского и христианского толка и резким осуждением этих действий обществом в Закон «О свободе вероисповедания» было внесено дополнение, запрещающее иностранцам проводить религиозную работу в Азербайджане. Вследствие этого община могла пригласить пастора по согласованию с Управлением по делам религии при Кабинете Министров только на месяц.

В 1998 году в качестве постоянного пастора общины нам был рекомендован господин Оборский, выпускник миссионерской организации Германии. Кратковременное его пребывание в нашей общине принесло разочарование и оставило много вопросов. Но выбора у нас не было. 6 сентября 1998 года в кирхе состоялось рукоположение Г. Оборского на служение его пастором в нашей общине. Этот церемониал совершили епископ ЕЛЦ России Георг Кречмар, епископ Редер и пастор Ингман Тимм из Ростова. Статья, освещающая это событие в жизни Баку, называлась: «Дорога, которая ведет к храму»²⁴. Но пути Господни неисповедимы...

14 марта 1999 года община торжественно отпраздновала 100-летний юбилей Евангелическо-лютеранской кирхи. Построенная в 1899 году на пожертвования прихожан архитектором А. Эйхлером, церковь при освящении получила название «Спасителя». Известно, что только зданиям (а не общинам) церквей и мечетей присваивают собственные имена. На торжества прибыли архиепископ Кречмар и епископ Ш. Редер из Германии, пасторы Райс, Тимм и ректор миссионерской организации из г. Хермансбург господин Людeman. От семьи Нобель из Швеции приехали правнуки Людвига Нобеля – Карл и Андерс Тиден. В зале была представлена выставка, посвященная истории лютеранства в Азербайджане и истории семьи Нобель в Баку. В фойе датский комитет по работе с беженцами и греческая община представили выставку рисунков детей. С приветствиями выступил по-

сол Германии господин Зибек, епископ Православной церкви Александр и др. Начальник управления по делам религии М. Ибрагимов зачитал приветствие от кабинета министров. Вечером состоялся благотворительный духовный концерт. Это был большой праздник, организованный активистами общины практически без денег, в расчете на сбор пожертвований²⁵.

После праздника до руководства пастора Оборского было доведено то беспокойство, которое возникло в связи с его активной деятельностью вне общины среди местного населения. Известно, что лютеране никогда не занимались миссионерством и прозелитством. Пастор Оборский не был приверженцем учения Лютера и лучше чувствовал себя в миссионерской религиозной работе, которая была запрещена в нашем государстве. Государственные структуры, проявляя к нам доверие, старались не замечать эти нарушения до определенной поры. О деятельности пастора, которая создавала проблемы для работы общины, шла речь в выступлении на Генеральном синоде ЕЛЦ в мае 1999 года²⁶.

Борьба с миссионерством в Азербайджане усиливалась. В один день были осуждены и высланы четверо иностранцев. Господин Оборский не сделал выводов и вскоре вынужден был покинуть Азербайджан. Двое членов общины, которые поддерживали его – Н. Гайдарова и С. Алиева, за нарушение общественного порядка были осуждены и оштрафованы.

В общине начался конфликт, который бывает практически во всех сообществах, особенно там, где главную роль играют деньги. Согласно Уставу, высшим органом общины является общее собрание. Мы с благодарностью приняли предложение о помощи общине от пастора Редера и Архиепископа Кречмара, а также Управления по делам религии. Было согласовано, что в свой ближайший приезд религиозные деятели, с которыми у нас были только дружеские связи, проведут примирительное богослужение, а потом расширенный церковный совет решит вопрос об общем собрании. К сожалению, архиепископ Кречмар, превысив свои полномочия, вместо богослужения попытался провести в кирхе перевыборное собрание, чем только усугубил конфликт. Община прилагала усилия к цивилизованному разрешению вопроса, но сила денег и сила давления не позволила ей это сделать²⁷.

Неожиданно, но с учетом политического момента, несколько конгрессменов США и сенатор Браунбек направили Президенту Алиеву письма о «своей обеспокоенности» по поводу свободы религии в Азербайджане, в том числе и в лютеранской общине, так что у высланного пастора оказалась сильная защита. Это было видно и по его поведению, особен-

но в последние дни пребывания в Баку, из публикаций за рубежом и в интернете²⁸.

16 декабря 1999 года Президент Г. Алиев перед турецким саммитом, где решался вопрос о членстве Азербайджана в Совете Европы, срочно встретился с представителями глав традиционных религиозных конфессий (мусульман, православных и иудеев). 17 декабря в газете «Зеркало» была опубликована статья «Вновь о миссионерстве», где вспоминалась наша община. А 24 декабря 1999 года за час до начала был сорван традиционный Рождественский праздник. Как выяснилось позже, член общины Н. Гайдарова опубликовала ложное объявление об утере общинной печати и направила на бланке общины письмо министру культуры с просьбой запретить этот праздник, так как теперь председателем общины является она. Сотни людей с возмущением и непониманием остались стоять в рождественский вечер перед вдруг закрывшимися дверьми кирхы²⁹.

В азербайджаноязычной прессе прошла волна публикаций о миссионерской деятельности лютеранской общины среди азербайджанцев. 28 декабря 1999 года газета «Зеркало» опубликовала опровержение по поводу утери печати. Затем Н. Гайдарова, продолжая представлять себя председателем, обратилась в прокуратуры всех районов с различными обвинениями. Община была вынуждена обратиться в суд.

14 апреля 2000 г. община прошла перерегистрацию в Минюсте, а 27 апреля суд Наримановского р-на признал собрание недействительным, избранный руководящий орган нелегитимным и обязал Н. Гайдарову возратить имущество общины и возместить моральный ущерб.

В августе 2000 года мы обратились за помощью к Епископскому Совету, в котором участвовали представители лютеранских церквей независимых государств бывшего СССР. Большинство было поддержано предложение церковного совета общины о проведении собрания по избранию нового совета, в составе которого не будут присутствовать лица, причастные к этому конфликту. Почему-то архиепископ Кречмар настаивал на регистрации еще одной общины в Баку. В ноябре в Баку приехал специально для подготовки собрания епископ Гумель, но предложил Управлению по делам религии зарегистрировать еще одну общину либо ликвидировать нашу. Евангелическо-лютеранская община посчитала это грубым вмешательством во внутренние дела общины и отказалась от такой помощи.

Попытка зарегистрировать еще одну общину под названием «Иисуса Христа» не удалась³⁰. В 2002 году Государственный комитет по работе с религиозными организациями в соответствии со ст. 12.2. Закона о свободе

вероисповедания дал заключение о целесообразности регистрации «Евангелическо-лютеранской общины «Хиласкар», председателем которой стала Н. Гайдарова. Но эта религиозная организация не прошла регистрацию в Минюсте Азербайджана и не получила статуса юридического лица. К сожалению, несмотря на то, что собственные имена не переводятся, а сохраняют произношение языка оригинала, эта община представляет себя в церковных печатных изданиях под именем «Спасителя». Вопрос о законности работы еще одной общины с нашим названием является предметом рассмотрения правоохранительных органов. На момент раскола в нашей общине было 80 человек, в настоящее время – 45.

В 2002 году Н. Гайдарова вместе с другим членом незарегистрированной общины Э. Асадовым и семьями выехали нелегально в Германию и попросили политическое убежище по причине того, что якобы им, азербайджанцам, не дают верить в Христа.

Несмотря на все сложности евангелическо-лютеранская община «Спасителя» продолжила свой путь.

С 1995 года община осуществляет уход за могилами немецких военнопленных в Баку и работу по возвращению имен похороненным (49). По инициативе общины совместно с обществом «Возрождение» и исполнительной властью Ясамальского р-на г. Баку была проведена очистка территории кладбища этого района и первичное озеленение. Прделана огромная работа в архивах Азербайджана и Москвы, составлены списки тех, кто нашел свой последний приют в Баку. В результате обращения общины в Президентский аппарат в 1996 году Управлением жилищно-коммунального хозяйства под руководством Меликова все захоронения были оформлены в виде могил. В настоящее время кладбище находится в надлежащем порядке, но, к сожалению, могилы так и остались безымянными. Каждый год евангелическо-лютеранская община в ноябре, в День поминовения усопших, и 10 мая посещает тех, кто не по своей воле навсегда остался на земле Азербайджана³¹.

Евангелическо-лютеранская община г. Баку в 2000 году получила помещение в бывшей усадьбе семьи Нобель и назвала (согласно уставу с 1996 года) существующий Центр встреч – «Вилла Петролеа». Центр встреч проводит большую культурную и просветительскую работу среди людей разных национальностей и вероисповеданий. Религия всегда составляла большую часть культуры, и по этой причине никаких разногласий в работе общины нет. В конце 1999 года община в кирхе провела прекрасный вечер, посвященный 250-летию Гете. Сцены из «Рейнике

Лис», поставленные с учениками школы № 160, часто повторялись на различных праздниках. Были проведены музыкально-литературные вечера, посвященные памяти лютеран: Марлен Дитрих, писателя Гофмана, археолога Генриха Шлимана, композитора Вагнера. На вилле возобновились традиционные музыкальные вечера. Большую помощь нам оказывает музыкальный отдел библиотеки им. Ахундова, предоставляя записи музыкальных произведений.

Евангелическо-лютеранская община и ее церковный совет – Э. Гамм, Т. Гумбатова, С. Степанова, Р. Халилова и Е. Шульц – пережили за эти годы много трудных и драматических моментов. Однако силу придавал пример восьми мучеников за веру: пастора Пауля Гамберга, председателя церковного совета Христиана Дитцеля, идейного руководителя и казначея Рудольфа Вагнера, члена церковного совета Дитриха Тиссена, секретаря кирхи Иды Темниковой, и. о. пастора Марии Фридрихзон, члена общины Джона Винтера, члена общины Амалии Карпенко, расстрелянных 1 ноября 1937 года³³. Это благодаря их огромной вере и мужеству живут и действуют кирха, колокола и община. Память об этих людях хранится в наших сердцах.

Достойны величайшего уважения те, кто участвовал в возрождении лютеранской общины в Баку. Их было около 200 человек. На сегодня в Баку осталось 17. Многие умерли, но большая часть выехала в Германию и Россию. И тем не менее, евангелическо-лютеранская община продолжает жить. Последняя публикация по поводу нашей общины так и называется: «ЕЛО не НЛО – она действительно существует»³⁴.

Воскресные библейские часы, проводимые проповедницей общины Эльмирой Ибрагимовой (Иогансон), и записи духовной музыки позволяют многим найти в нашем доме душевное спокойствие в этой трудной грешной жизни. «И это пройдет», – говорится в Библии. Община с оптимизмом смотрим в будущее.

Группа по изучению истории немцев в Азербайджане. 8 октября 1995 году после участия в одной из научных конференций в Анапе, по инициативе Т. Гумбатовой была создана рабочая группа по изучению истории российских немцев в Азербайджане. Членами этой группы стали: Р. Руднева – заместитель директора по научной работе Государственного исторического архива, Э. Керимов – ведущий научный сотрудник Института этнографии и истории НАН и др. Руководителем группы была избрана доктор Грайсфальдского университета в Германии Ева-Мария Аух³⁵.

22 октября 1997 года институт Археологии и этнографии НАН Азербай-

джана совместно с Институтом германских и восточноевропейских исследований в Геттингене провели первую международную конференцию из серии «Кавказские немцы»: «Немцы на Кавказе до первой мировой войны». В 1999 году в Ханларе (бывший Еленендорф) прошла вторая конференция. 25 сентября 2001 года в Баку – третья конференция «Немцы в городской жизни Южного Кавказа». Безусловно, проведение всех этих конференций было бы невозможно без поддержки германских исследователей – докторов А. Айсфельда и Е.-М. Аух. 8 октября 2000 года руководителем группы была избрана к.и.н. Х. Вердиева. Группа является членом Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев и продолжает свою работу до настоящего времени, периодически собираясь для обмена информации и простого общения.

Дальнейшая работа по возрождению немецкой культуры в Азербайджане, на наш взгляд, зависит прежде всего от присутствия увлеченных, бескорыстных людей. Нам очень хочется надеяться, что они будут всегда.

-
- 1 См.: Касумова Т. Вновь в кирху идут прихожане. Труд. 1995. 17 февраля.
 - 2 См.: «Хорошего держитесь»: Церкви и религиозные объединения в Российской державе, Советском Союзе и независимых государствах, возникшие после его распада. Харьков, 1999.
 - 3 См.: Наша семья (Франкфурт-на-Майне). 1999. № 7.
 - 4 См.: Зеркало. 1996. 21 сентября. № 38.
 - 5 См.: Швайгерт И. Не могу оставить этот город // Бакинский рабочий (БР). 1996. № 102.
 - 6 См.: Карпачева З. Языковые курсы немцам недоступны // Московская немецкая газета» (МНГ). 2002. № 10.
 - 7 См.: Касумова Е. «Видергербурт» значит «Возрождение» // Бакинский рабочий. 1997. 4 ноября.
 - 8 См.: МНГ, 2002. № 10.
 - 9 См.: Карпачева З. «Капельхауз» принимает гостей // МНГ. 2000., № 21; Ее же. Новая жизнь «Капельхауза» // Там же. 2002. № 11.
 - 10 См.: Абдуллаев Ч., Гулиева Б. Немцы в Азербайджане. Баку, 1992.
 - 11 См.: Абдуллаев Ч., Арабов Н. Врата в мир. Баку, 2000; Абдуллаев Ч. Германо-Азербайджанские связи. Баку, 2000.
 - 12 См.: Евангелическо-лютеранская община возобновила свою работу // Зеркало. 1995. 11 февраля.

- 13 См.: Аллахвердиев В. Кирха стала предметом судебного спора // Ежедневные новости. 2001. № 15. 20 апреля.
- 14 См.: Черкасов А. Рождественский концерт // Бакинский рабочий. 1995. 29 декабря.
- 15 См.: Гумбатова Т. Господь – моя твердыня // Бакинский рабочий. 1996. Июнь; Ее же. Лютеранская кирха в Баку // Гюнай. 1996. 17 февраля. № 20; Чертовских У. Лютеранство в Азербайджане // Зеркало. 1996. 7 сентября. № 36; Гумбатова Т. Он был болезненно честен // Ежедневные новости. 1997. № 37. 19 сентября; Ее же. По ком молчит колокол // Зеркало. 1997. 1 ноября и др.
- 16 См.: Черкасов А. День памяти // Вышка. 1996. 23 февраля. № 8; Гумбатова Т. Мартин Лютер – великий реформатор // Бакинский рабочий. 1996. 16 февраля.
- 17 См.: Шихалиева И. Ретро-концерт в Кирхе // Бакинский рабочий. 1996. 24 мая. № 81; Миркин Р. В конце века – как в начале // Азербайджан. 1996. 13 мая. № 19.
- 18 См.: Парфенова И. Памяти семьи Нобель // Вышка. 1996. 20 декабря; Гумбатова Т. Ф. Надежда на милосердие – право людей // Ежедневные новости. 1997. 10 декабря; Ее же. Людвиг Нобель – пионер нефтяной промышленности // The Azeri Times. 2003. 18 апреля.
- 19 См.: Заплетин Г. Рождество Христово в Кирхе // Панорама. 1996. 26 декабря.
- 20 См.: Черкасов А. Пасхальное богослужение в Кирхе // Вышка. 1997. 11 апреля.
- 21 См.: Черкасов А. Пятидесятница – День рождения христианской церкви // Бакинский рабочий. 1997. 21 мая.
- 22 См.: Черкасов А. Вам, верующие // Вышка, 1997. 31 октября.
- 23 См.: Гумбатова Т. Праздник, дающий надежду // Бакинский рабочий. 1996. 17 апреля. № 65; Карпачева З. Рождественская елка // Неделя. 1999. 31 декабря; Ее же. Мир празднует рождество // Новое время». 2000. 29 декабря.
- 24 См.: Гумбатова Т. Дорога, которая привела к храму // Ежедневные новости. 1998. 11 сентября.
- 25 См.: Гумбатова Т. Дом мой – домом молитвы наречется для всех народов // Еженедельные новости. 1999. 5 марта; Черкасов А. Кирхе – сто лет // Вышка. 199. 26 марта; Концерт духовной музыки // Ежедневные новости. 1999. 19 марта.
- 26 См.: Евангелическо-лютеранская церковь. Санкт-Петербург, 2000. С. 107–111.
- 27 См.: Салимов А. Разобщенные общины // Ежедневные новости. 1999. 12 ноября.
- 28 См.: Президент Азербайджана Алиев принял глав религиозных конфессий в нашей стране // Бакинский рабочий. 2000. 17 ноября; Glaube in der 2 //Welt. 2000. № 1, 3.
- 29 См.: Ибрагимова Дж. Вновь о миссионерах // Зеркало. 1999. 17 декабря. № 164. Ее же. Как в Зале камерной музыки справляют Рождество. Там же. 1999. 25 декабря.

- 30 См.: Ширванлы М. Раскольники-лютеране надеются зарегистрироваться в Минюсте // Зеркало. 2001. 23 мая. № 95.
- 31 См.: Гумбатова Т. Им будут возвращены имена // Гюнай. 1995. 18 мая. № 34; Мустафаев А. Мы – один народ // Вышка. 1996. 4 октября; Джамиля. Последний приют паработителя. // Зеркало. 2000. 11 мая. № 87.
- 32 См.: Вечер памяти Гете // Вышка. 1999. 5 ноября; Гаджи И. Неделя немецкого языка в Баку // Там же. 2000. 21 апреля; Сулейманова Ф. Марлен Дитрих – вечер памяти // Бакинский рабочий. 2002. 30 мая; Карпачева З. В гостях у сказок Гофмана // МНГ. 2002. № 13/14; Гумбатова Т. Мое греческое сокровище // Вышка. 2002. 10 ноября. Ее же. Мечты о мире Вагнера // МНГ. 2003. № 8.
- 33 См.: Гумбатова Т. Ф. По ком молчит колокол // Зеркало. 1997. 1 ноября.
- 34 См.: Темников Р. ЕЛО не НЛО и действительно существует // Ежедневные новости. 2003. 25 апреля. № 17.
- 35 См.: Создана группа по изучению истории немцев // Зеркало. 1995. № 36; Майн фатерлянд – Азербайджан // Вестник. 1997. 25 сентября; Керимов Э. Немцы Азербайджана – история и современность // Вышка. 1999. 5 ноября.

КУЛЬТУРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЦЕВ ЮЖНОГО КАВКАЗА (1991–2002 гг.)

К. Г. Алиев

В последнее время вызывает повышенный интерес все то, что можно связать со швабами на Южном Кавказе. Об этом достаточно книг и статей. Но нет ответа на трагикомический вопрос: разумно ли поступили вюртембержцы, переехав из Германии на Южный Кавказ, повезло ли швабам на Второй Родине? Отсюда и оценка немецкого феномена на Южном Кавказе. Одна из труднейших задач, стоявших перед швабами на протяжении всего их пребывания на Южном Кавказе – это проблема обитания на ненемецкой территории в окружении местного тюркоязычного населения, продолжавшего с оружием в руках бороться против всего и вся, что имело прямое или косвенное отношение к политике Санкт-Петербурга и Москвы.

К началу второй мировой войны в Азербайджане насчитывалось 8 немецких колоний. Успехи экономики обусловили демографический взрыв среди швабского населения. По мере изменения политической конъюнктуры изменялось отношение ко всему немецкому. Швабы перестали избираться в правовые структуры, их удельный вес, естественно, уменьшался в партийных и исполнительных комитетах, уступая место приспешникам режима. После непрерывных преследований бывших нуворишей Фореров, Гуммелей и Фоттелеров были изолированы, а потом и высланы за пределы Кавказа представители других семей Еленендорфа, Анненфельда, Георгсфельда и других немецких колоний. В ночь на 28 марта 1935 года проведены операции одновременно во всех колониях. Было репрессировано много колонистов. Вмешательство государства в повседневные дела отражалось на психике швабов.

Прожив около 120 лет на Новой Родине, швабы лицом к лицу столкнулись с непредвиденным. Стало ясно, что они попали в заколдованный круг. Возвращаться в Вюртемберг было почти невозможно. Там их никто не ждал, но и Кавказ был уже не легендарной горной страной, с которой связывали надежду на духовное исцеление.

Вторая мировая война принесла много горя. 8 октября 1941 года И. Сталиным было подписано постановление под грифом «совершенно секретно» о поголовном выселении всех немцев из Закавказья¹.

Почти все колонисты были депортированы. Депортации не подлежали только немки, у которых мужья не относились к немецкой национальности.

Не вписались швабы из Вюртемберга в политически нестабильный Кавказ, полный драматизма не только для немцев-переселенцев, но и для местного кавказского населения, ибо война за господство над Кавказом растянулась на несколько столетий и продолжается по сей день.

Новая генерация после депортации всячески скрывала немецкие корни. После смерти И. Сталина отношение к немцам смягчилось, но возвращение в бывшие немецкие колонии им было заказано. Уже позднее одна часть немцев Южного Кавказа смогла выехать в ФРГ, другая – стала оседать в больших городах, в том числе в Баку и Тбилиси. Именно тогда стали появляться конфессиональные и культурные организации, объединявшие и немцев, возвращавшихся из ссыльных поселений, и местную генерацию с немецкими корнями.

Прошло более 50 лет. Остатки немцев и новая генерация не забывали свои корни.

В настоящее время в Баку действует несколько религиозных и культурных учреждений. Из них хочется особо отметить общину новоапостольцев, лютеранско-евангельскую общину, общества «Германия–Азербайджан» и «Видергебурт».

Пожалуй, первой общиной, начавшей с 1991 г. объединять бакинских немцев, была новоапостольская церковь. Именно в бакинской кирхе происходили неоднократные встречи как на религиозной почве, так и ради культурного общения. Общине не чужда благотворительность. Она поддерживает престарелых и больных, нередко бесплатные услуги врачей при поддержке медработников ФРГ. Во главе общины стоит пастор Айдын Фараджуллаев-Рейхсшнайдер.

Знаменательно, что начало евангелическо-лютеранской конфессии в Восточной Европе восходит к одному из московских приходов. К Октябрьскому перевороту насчитывалось уже 700 приходов, половину которых составляли люди немецкой национальности. В первые годы пребывания на Южном Кавказе часть швабов находилась под влиянием идей И. Г. Юнг-Шиллинга (1740–1817). В конце-концов победило лютеранство. С приходом к власти большевиков лютеране стали преследоваться, а кирхи закрываться.

Евангелическо-лютеранская церковь Южного Кавказа возродилась 10 лет назад. В печати появляются сообщения об ее работе. Так, с 1 апреля 2002 года община владеет собственным Клубом культуры и отдыха.

Здесь большой зал для богослужений, комнаты для компьютерных курсов и курсов немецкого языка, разумеется бесплатных. Нередко проводятся совместные с другими лютеранами богослужения, присутствуют представители посольств, в том числе послы Германии и Норвегии. В общине более ста членов, имеется свой большой хор. Глава Совета – Натали Гайдар. Недавно в Бакинском дворце ручных игр встречали Папу Иоанна-Павла II, прошедшего евхаристическую службу, на которой присутствовало около 5 тыс. представителей различных конфессий города Баку². Работа общины этим не ограничивается. Летом 2002 г. на апшеронском берегу Каспия отдыхали дети от 7 до 22 лет. Поддерживаются связи с Германией. В этом году Эльнара Алиева прослушает курс лекций по работе с детьми в Сотруднической школе Хармансбурга в Федеративной Республике Германия³.

В настоящее время Евангелическо-лютеранская церковь Азербайджана находится в ведении доктора теологических наук епископа Герхарда Гуммеля, шваба по происхождению. В компетенции епископа Герхарда Гуммеля находятся также 700 зарегистрированных членов Евангелическо-лютеранской церкви в Грузии. Издается газета «Церковный Вестник» на русском и немецком языках⁴. В этом отношении интересна история колонии Катариненфельд. Немецкое поселение находилось на берегу Куры в Азербайджане. Потом катариненфельцы переехали в Грузию и поселились на берегу Машавери на 60 км к юго-западу от Тбилиси (Люксембург, Болниси). В Катариненфельде была построена церковь, архитектурно ориентированная на Иерусалим⁵.

По инициативе граждан ФРГ азербайджанской и немецкой национальности было создано общество «Германия–Азербайджан». Нередко работа общества включает доставку лекарств, новейшую медицинскую технику и специалистов по ее внедрению в Азербайджан, немецкие врачи принимают больных, делают операции. В перспективе работа общества предусматривает культурное сотрудничество между Азербайджаном и ФРГ. Общество печатает свой журнал «Лейли». Обществом изданы книги «Немцы в Азербайджане» и «Немецко-Азербайджанские связи». Их автор – Чингиз Абдуллаев.

Общество «Видергебурт» было основано в 1992 году Идой Швайгерт, после отъезда которой в ФРГ председателем общества был избран А. Сафаров. Общество пребывает в здании «Капельхауз», недалеко от Кирхи. Члены общества – это или лица немецкой национальности или той генерации, которая связана с общими немецкими предками. Ежегодно отмечаются не-

мецкие праздники. Ведется большая работа по воспитанию молодежи. Члены «Видергебурт» изучают немецкий язык. Вышла из печати книга «Немцы Южного Кавказа и моя жизнь в Анненфельде» на русском и немецком языках.

Здесь можно упомянуть и католиков, и другие культурные организации, ведущие полуаморфное существование и требующие более подробного изучения. Речь о более важном: какая перспектива ждет эти конфессиональные и культурные постсоветские новообразования, будет ли их количество расти или уменьшаться? Перечисленные организации тесно связаны с экономической и политической ситуацией соседних стран, и изменения любого характера на политической и экономической почве могут повлиять на дальнейшую культурную и конфессиональную судьбу Южного Кавказа.

1 См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов. М, 1998. С.37–38.

2 См.: Лютеранские Вести. 2002. № 6 (22). С. 20.

3 См.: Лютеранские Вести. 2002. № 10 (26). С. 17.

4 См.: Там же. 2001. № 7 (12). С. 13.

5 См.: Там же. 2002. № 8 (24). С. 18.

НЕМЕЦКАЯ МОЛОДЕЖЬ «ЛИЦОМ К ЛИЦУ» С ИСТОРИЕЙ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ (Молодежная акция на Волге в 2001 г.)

Н. В. Вирфель

С 23 июля по 3 августа 2001 года в Саратовской области прошла молодежная акция под названием «В поиске следов. Лицом к лицу с нашей историей на Волге». Данный проект, посвященный 60-летию депортации немцев Поволжья, был организован Германским обществом по техническому сотрудничеству (GTZ) и молодежным объединением „Jugendring“. Возглавила акцию руководитель молодежного объединения Ольга Мартенс, ей в помощь по обеспечению акции были привлечены опытные педагоги, историки, социологи из разных городов России. Участниками акции стали молодые люди - потомки немцев, живших в АССР немцев Поволжья до августа 1941 года. Большинство они представляли немецкие молодежные объединения и организации из разных регионов России: Москвы, Калининградской области, Поволжья, Северного Кавказа, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В акции также приняла участие молодежь из Республики Казахстан. Для каждого участника акции возможность побывать на земле своих предков представляла особый интерес. Молодые люди очень надеялись подробнее узнать не только историю и культуру поволжских немцев, но что-то новое о своих семейных корнях.

Главным штабом акции, куда съехались все участники, и откуда осуществлялось общее руководство, стало профессионально-техническое училище № 61 в г. Энгельсе. В училище обучается большая группа российских немцев. Их поддерживает дочернее предприятие GTZ – акционерное общество «Волга-развитие». В училище образован и функционирует уже несколько лет клуб любителей немецкого языка и культуры „Nestchen“. В распоряжение участников акции предоставили общежитие для проживания, а также компьютерный класс с современной техникой.

Первые дни были посвящены знакомству друг с другом, до участников акции были доведены цель и главные задачи предстоящей работы, ее содержание, особенности проведения. На первом этапе основная часть участников была разделена на три группы, каждая из которых была призвана проводить историко-этнографические исследования в заранее определенных населенных пунктах – бывших немецких колониях.

Первая группа собирала материал в городах Энгельсе и Марксе, вторая работала в селах Красный Яр и Генеральское Энгельсского района, а третья проводила исследования в селах Ровное и Привольное Ровенского района. Была также создана и четвертая группа, состоящая из журналистов, члены которой позднее были распределены между тремя основными группами и помогали составлять итоговые документы о проделанной работе. Руководителем четвертой группы была опытная журналистка Екатерина Киселева. Она познакомила начинающих специалистов в данной области с навыками поиска материала, а затем обработки его в рукописном и электронном виде. На практических занятиях использовалась новая методика, суть которой состояла в следующем: один человек непринужденно ведет беседу, другой фиксирует данные письменно или на диктофон. На основе зафиксированного составлялась диаграмма жизни человека, где отмечались временные рамки благополучных и трудных периодов жизни собеседника.

В течение всей экспедиции, особенно активно на начальном ее этапе, велась теоретическая и психологическая подготовка молодых участников акции. Этому способствовали лекции по истории российских немцев, прочитанные саратовскими учеными-историками профессорами И. Р. Плева и А. А. Германом, а также занятия с другими специалистами в области психологии, педагогики, социологии и этнографии. Участникам акции была предоставлена возможность посетить филиал Государственного архива Саратовской области в городе Энгельсе, где сосредоточены фонды бывшего государственного архива АССР немцев Поволжья. Директор филиала, заслуженный работник культуры Российской Федерации Е. М. Ерина провела с участниками акции экскурсию по «немецким» фондам». Ребята получили возможность поработать с некоторыми документами, представлявшими интерес для участников акции. Некоторым участникам молодежной акции при работе с документами удалось почерпнуть информацию о своих семейных корнях.

Молодые потомки поволжских немцев-колонистов побывали и поработали с «немецкими» экспонатами и документами в Государственном краеведческом музее Саратовской области, в краеведческих музеях Энгельса, Маркса (ранее этот город носил названия Екатериненштадт и Марксштадт), Ровного (до 1941 г. – Зельман), Красноармейска (бывшего Бальцера). Большой интерес у них вызвали выставки и экспозиции по проблематике истории и культуры поволжских немцев.

Торжественное открытие молодежной акции прошло в Центре немецкой культуры города Энгельса, который многие годы возглавляет Артур Генри-

хович Карл. Его интереснейшее выступление оказалось очень полезным для молодежи. В частности, он поведал о той работе, которая была проведена на местах будущих исследований им и его сотрудниками в плане подготовки местных властей и жителей к предстоящему посещению участников молодежной акции, сообщил о нравах и настроениях местных жителей и посоветовал, как себя вести с местными жителями при встрече с ними и при их интервьюировании.

Участники акции «Лицом к лицу с нашей историей на Волге» совершили два выезда в определенные для них населенные пункты. Каждый из выездов длился три дня. Жили в местных гостиницах и школах. Находясь в бывших немецких городках, поселках и селах, ребята собирали информацию у местных жителей. Между первым и вторым заездом состоялась встреча всех участников в главном штабе – училище № 61. Она позволила им обменяться впечатлениями, поделиться опытом, проанализировать свои и чужие ошибки. Одновременно проводилась электронная обработка собранного материала.

Автор настоящего доклада принимала участие в работе третьей группы во главе с историком и педагогом из Энгельса Шумиловой Людмилой Николаевной. В свой первый выезд группа работала в поселке Ровное, второй выезд был осуществлен в село Привольное (бывший Варенбург).

На примере нашей группы я попытаюсь в общих чертах описать содержание и характер работы, проводившейся участниками акции. Группа состояла из девяти человек: Натальи Вирфель и Надежды Садовой из Саратов, Ирины Францевой и Татьяны Шумиловой из Энгельса, Олеси Шпильман из Балаково, Вадима Бармина и Константина Матиса из Барнаула, Натальи Дейвальт из Новосибирска, Марии Руль из Хабаровска.

Свои «открытия» группа начала делать еще на пути в Ровное. Одно из них нас просто потрясло. Проезжая на автобусе по трассе из Энгельса в Ровное, недалеко от села Тарлыковка (бывший Динкель), мы увидели располагавшееся у дороги кладбище. Со множеством современных скромных металлических памятничков-крестов резко контрастировал располагавшийся несколько в отдалении величественный мраморный памятник, напоминавший небольшой монумент. Экспедиция остановилась и осмотрела его. Вот что мы прочитали на нем:

Jacob Wilhelm Müller
Gebore den 31 Januar 1799 Jahre
Gestorben den 24 März 1883 Jahre

Ниже располагалась эпитафия:

*Es ist genug!
Mein matter Sinn
Lehnt sich dahin
Wo meine Väter schlafen
Am Grabe hab ich
Recht und Fug
Es ist genug!
Ich such den Freiheitshafen*

Все буквально оцепенели. Ветер далекого прошлого пахнул нам в лицо! Особенно поразительно было то, что лежавший в могиле, очевидно, весьма уважаемый в свое время немец-колонист родился еще в XVIII веке и был ровесником самому А. С. Пушкину! 118 лет в открытой степи простоял памятник! Удивительно, но его обошли стороной все перипетии бурного XX века...

Когда прибыли на место, мы разбили нашу общую группу на рабочие группы по 2-3 человека. Каждая такая рабочая группа ежедневно получала по несколько фамилий и адресов интересных людей, с которыми надо было встретиться и побеседовать. В поиске нужного дома нам активно помогали местные жители, а с самими нашими потенциальными респондентами мы предварительно договаривались о встрече и характере предстоящей беседы.

Встречи происходили либо дома, либо во дворе или в саду, в тени деревьев. Иногда для этих целей использовалось помещение краеведческого музея. Разговор проходил в спокойной и доброжелательной атмосфере, длился примерно 40–60 минут. До обеда проходило обычно 1–2 встречи. Полуденное время посвящалось обработке собранных материалов и подготовке к работе во второй половине дня. После обеда также удавалось организовать по 1–2 встречи. Вечера проходили в активном обсуждении и обмене полученной информацией.

Значительную помощь в поселке Ровном нам оказал местный сторожил, директор краеведческого музея Николай Михайлович Пягин. Сам музей был открыт 14 ноября 1999 года, он получает поддержку организации «Волга-развитие». Перед каждой встречей Н. М. Пягин заочно знакомил всех с будущими собеседниками. В селе Привольное работа также велась при доброжелательном отношении и активной помощи местных жителей.

По окончании работы в населенных пунктах каждая из трех основных групп занималась обобщением собранного материала и подготовкой статей о содержании и результатах работы.

Позднее, по итогам работы каждой из групп при поддержке Бюро немецкого молодежного объединения „Jugendring“ в Москве было подготовлено и издано 3 сборника материалов¹. В каждом из сборников получили освещение история бывших немецких колоний, в которых работали участники молодежной акции, присутствуют описания и исторические справки о целом ряде сохранившихся архитектурных памятников прошлой «немецкой» эпохи (церквей, часовен, зданий и т.п.). Главное же место в сборниках заняли картины истории поволжских немцев, сконструированные ребятами на основе изучения судеб своих собеседников – нынешних жителей сел, не только немцев, но и представителей других национальностей. В подготовленных статьях нашли место как исторические факты, так и сохранившиеся обряды и обычаи российских немцев, существующие легенды по поводу тех или иных событий. В сборниках нашло свое отражение личное отношение к проделанной работе и общие впечатления от проведенной молодежной акции каждого из ее участников.

Какие же выводы были сделаны, когда подводились итоги проведенной акции? Собранный богатый материал показал, что история российских немцев существует не только теоретически, не только на бумаге – в изданиях исследователей, она пока еще живет и в памяти многих пожилых людей – наших современников – свидетелей и участников событий далекого прошлого. Она пока еще проявляется в сохранившихся остатках материальной культуры поволжских немцев.

Но время неумолимо. Старики уходят в «гавань вечного покоя», памятники материальной культуры разрушаются временем и недальновидными людьми. Все это ясно и конкретно поняли участники акции «Лицом к лицу с нашей историей на Волге». Трепетное прикосновение к прошлому своего народа оставило глубокий след в душах и сердцах молодых ребят – потомков поволжских немцев. Они обрели свои корни, почувствовали себя в историческом пространстве и поняли, что должны делать все для того, чтобы сохранить пока еще живое наследие предков.

¹ См.: Von Angesicht zu Angesicht mit unserer Geschichte an der Wolga. BroschЯre 1. Krasnz Jar, Generalskoje. M.: Gotika, 2002; Von Angesicht zu Angesicht mit unserer Geschichte an der Wolga. BroschЯre 2. Stadt Marx, Stadt Engels. M.: Gotika, 2002; Von Angesicht zu Angesicht mit unserer Geschichte an der Wolga. BroschЯre 3. Rownoje, Priwolnoie. M.: Gotika, 2002.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ У НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

А. Р. Бетхер

Язык, являясь необходимым условием существования любой человеческой общности, в том числе и этнической, относится к важнейшим компонентам этноса. Как средство общения он играет важную роль в интеграции этнической общности, обслуживает функционирование культуры этноса, являясь механизмом ее распространения. Этноязыковая ситуация является выражением этноязыковых процессов, протекающих у определенной этнической общности, срезом их развития на определенном промежутке времени. В отечественной этнологической, этносоциологической науке под этноязыковыми процессами понимаются «процессы развития и изменения структур и общественных функций отдельных языков, а также процессы изменения типов и форм речевого поведения»¹. Основываясь на таком понимании этноязыковых процессов, нами будет рассмотрена этноязыковая ситуация, сложившаяся у немецкого населения СССР (на примере Западной Сибири) в период рубежа 1980-х – 1990-х гг. При этом будут выделены и освещены три аспекта этноязыковой ситуации: состояние структуры национального языка, функциональная нагрузка немецкого и русского языков, соотношение типов и форм речевого поведения.

Состояние этноязыковой ситуации у российских немцев в Западной Сибири в конце 1980-х начале 1990-х гг. является показательным для изучения состояния этнического развития общности российских немцев в СССР (России). Во-первых, период конца 1980-х – начала 1990-х гг. является определенным водоразделом в истории немецкого населения СССР. С одной стороны, ситуация, сложившаяся к этому времени, является отражением послевоенного развития немецкого населения страны; с другой стороны, может служить отправным моментом для сравнения с процессами, идущими среди немецкого населения России и стран СНГ в 1990-е гг. после распада СССР и начала массовой эмиграции в Германию. Во-вторых, Западная Сибирь была и является одним из наиболее характерных регионов проживания советских (российских) немцев. Здесь проживала самая крупная этнотерриториальная группа немецкого населения – по переписи населения 1989 г. она составляла почти часть немецкого населения всего Совет-

ского Союза. Здесь находилось как население, появившееся в результате вольной колонизации в конце XIX – начале XX вв., так и в большей части, депортированное в годы войны из Европейской части страны. В силу этого, здесь были представлены все существующие в России и СССР островные диалекты российских немцев. Также, наряду с местами компактного расселения, здесь имелись и ареалы дисперсного проживания немецкого населения. Поэтому по состоянию этноязыковой ситуации в Западной Сибири можно делать выводы, в той или иной мере, и о протекании этноязыковых процессов в данный период для всего СССР.

Рассматривая структуру любого языка, следует учитывать, что каждый язык имеет несколько форм своего существования: разговорный язык, с его членением на диалекты; литературный язык, наддиалектное койне, особый культовый язык и т.д. Основной формой бытования национального языка у российских немцев является прежде всего его разговорная форма – диалект. Для немецкого населения Западной Сибири во второй половине XX в. в силу неоднородности характерна диалектная пестрота. В Сибирь были привнесены все основные диалекты, существовавшие на рубеже XIX – XX вв. в Европейской части страны. Исследователи-диалектологи выделяют здесь говоры шести основных диалектов²: нижненемецкого, носителями которого являются потомки меннонитов; двух сформировавшихся уже на территории России средненемецких диалекта – волынского и поволжского, и южно-немецких – южнофранкского, смешанного диалекта выходцев с юга Украины, швабского (в основном смешанные говоры выходцев с Украины, в меньшей степени, чистые, не подвергшиеся процессу выравнивания говоры выходцев из Закавказья); баварского (выходцев с Украины и из-под Ленинграда). В Сибири положение немецких диалектов по сравнению с довоенным временем изменилось. Если раньше они функционировали в относительно замкнутых поселениях с однородным немецким населением, то после Великой Отечественной войны в Сибири носители различных диалектов и говоров оказались перемешаны между собой, к тому же все большее влияние на развитие немецких диалектов в населенных пунктах Западной Сибири стал оказывать русский язык.

Для диалектов российских немцев характерно значительное отличие от современного литературного языка. Наибольшее отличие наблюдается на фонетическом уровне. Так, диалектологи отмечают, что для диалектов немецкого населения в Сибири характерно отсутствие умляута, монофтонгизация отдельных дифтонгов, например: [ü] > [i]: *vinšë* (*wünschen*), [ö] > [e]: *tsvelf* (*zwölf*), [eu] > [ai]: *aix* (*euch*), и др. В области консонантизма (произно-

шения согласных) для многих диалектов характерен переход [b] в [v]: avè (aber), šraive (schreiben) [nd] в [ŋ]: hiŋë (hinter) и др. В области грамматики также имеются значительные отклонения. В результате отпадения конечных гласных упростилась падежная система склонения имен существительных и прилагательных, существует практически один общий падеж. Родительный падеж утратился полностью, остальные – именительный (в оппозиции к общему дательно-винительному), либо дательный (в оппозиции к общему именительно-винительному) иногда сохраняются в качестве остаточных. В области синтаксиса полностью вытеснено простое прошедшее время Präteritum за счет сложных аналитических форм Perfekt и Plusquamperfekt. Отсутствуют в диалектах широко распространенные в литературном немецком языке страдательный залог Passiv и сослагательное наклонение Konjunktiv. Для описания явлений нереальности и условности используются сложные описательные конструкции, часто с применением заимствованной из русского языка сослагательной частицы бё (бы)³.

Развитие диалектов у немецкого населения в силу определенных причин пошло по разным направлениям. Так, среди родственных средненемецких диалектов с новой силой начал развиваться уже было затихший в немецких колониях Европейской части СССР процесс смешивания диалектов, вытеснения наиболее ярких первичных признаков различных диалектов. Одним из ярких примеров унификации различных диалектов, привнесенных в разное время в Сибирь, является взаимодействие верхненемецких говоров в с. Цветнополе Азовского района Омской области, исследованное омским диалектологом Т. В. Батуриной. Село было основано в 1906 г. выходцами с Украины, носителями херсонского (южно-франкского) диалекта. Также в селе проживали носители волынско-немецкого диалекта (появившиеся здесь в результате депортации в период первой мировой войны), а также носители саратовского говора поволжского диалекта, депортированные в 1941 г. из АССР НП. Первый говор является южно-немецким, два других относятся к средне-немецким диалектам.

Несмотря на относительную близость указанных говоров, диалектологами отмечались значительные расхождения этих говоров в фонетике. Именно расхождение в звуковой форме нередко тождественных грамматических и лексических элементов создают наибольшие трудности для взаимного понимания говорящих на разных диалектах немецкого языка, например: херсонское šne, саратовское šni, волынское šne: (Schnee), сар., волын. mäle, херс. moule (malen)⁴. Необходимость речевого общения ведет к языковому взаимодействию и сглаживанию резких противоположностей,

что наиболее прослеживалось в речи молодого поколения, как наиболее активной и коммуникабельной части населения. В названных случаях обобщались формы *šne*: и *māle*.

Направление выравнивания зависело от многих факторов, и в каждом конкретном случае, по каждому отдельному слову унификация направляется в сторону того или иного диалекта. Среди подобных факторов можно назвать стремление говорить как «все», большинство (преобладающим по численности к середине 1980-х гг. здесь являлся херсонский говор), влияние литературного языка (наиболее близок к нему волынский диалект), общность внутренних законов диалектов (когда общность происхождения вела к совместным или аналогичным изменениям), либо влияния фонетической системы русского языка (когда закреплялись наиболее близкие к ней фонемы).

Как отмечала Т. В. Батурина, наиболее дифференциация в рассматриваемом случае наблюдалась в области вокализма (произношение гласных звуков). Если в речи старшего поколения саратовского говора еще сохраняются обращенные дифтонги [ei] [ou], например: *breif* (Brief), *brouer* (Bruder), то у представителей молодого поколения этого говора, как и в херсонском и волынском, они вытеснялись долгим [i:]: *bri:f*, *bri:der*. Также под влиянием херсонского и волынских говоров дифтонг [oi] заменялся в саратовском гласными [ai] [i:] в зависимости от происхождения, например, вместо *hoit* – *hait* (Häute), *khoi* – *khi* (Kühe).

В лексике при наличии словарных синонимов в диалектах более распространенные заимствовались другим говором. Например, в случаях сар., херс. *ram*, волын. *šmant* (Sahne); сар., херс. *samsta:x*, волын. *sonabent* (Sonnabend), в результате взаимодействия складывается общая форма *gam*, *samsta:x*. Подобные явления отмечались и в области морфологии, например, в результате спонтанного развития грамматической системы при образовании существительных множественного числа во всех трех говорах с. Цветнополя отпадает конечное –е, например: ед.ч. – *ta:x*, мн.ч. – *ta:x* (Tag – Tage). Но зачастую это приводит к затруднению понимания сказанного, поэтому в результате взаимодействия представители херсонского и волынских говоров в ряде случаев переняли у носителей саратовского говора формы множественного числа на –s: *k'äls* (Kerle), *ju:es* (Jungens), *me:dels* (Mädchen)⁵.

Все перечисленные явления для языка немецкого населения в с. Цветнополе свидетельствуют о процессе местной унификации при взаимодействии диалектов, происходящей на протяжении нескольких десятков лет. При

этом содержание процесса закреплялось в речи молодого поколения данного села. Можно предположить, что подобные процессы шли в каждом отдельном немецком населенном пункте, где контактировали близкие верхненемецкие говоры с Поволжья или Волыни, либо смешанные говоры с юга Украины, а также между компактно расположенными немецкими населенными пунктами, если жители этих пунктов поддерживали между собой прочные семейные, культурные, религиозные и другие связи, а основным средством общения при этом являлся родной диалект говорящих.

Не подтверждены этому процессу лишь наиболее отличающиеся от средненемецкой нормы диалекты – нижненемецкий «платтдойч», а также южнонемецкие диалекты – швабский говор переселенцев с Кавказа, а также распространенный в нескольких селениях Алтайского края баварский диалект.

Нижненемецкий диалект меннонитов, широко представленных на юге Западной Сибири, не подвергается смешиванию с говорами других диалектов. Это происходит главным образом, из-за значительного его отличия от других верхненемецких диалектов: прежде всего в фонетическом строе диалекта, так называемый «второй перебой согласных» – сохранение в нижненемецком диалекте -t после гласного вместо -ss, в начале слова и после согласного вместо -z (например, н.нем tid „Zeit“), соответственно -р вместо -ff и -pf, -k вместо -ch и -kch. Кроме того, среди этой группы немецкого населения высок уровень знания употребления другой формы немецкого языка – литературной, что обусловлено высокой степенью религиозности меннонитов. Постулаты вероучения меннонитства, как и баптизма, требуют от верующих умения читать и понимать Библию. Это в свою очередь требует знания немецкого литературного языка, так как вся религиозная литература у меннонитов написана на немецком языке, языком богослужения также в основном выступал немецкий литературный язык. Именно эта форма является у этой группы немецкого населения средством общения с носителями других диалектов. Однако нужно отметить, что для разговорной нормы Hochdeutsch меннонитов характерны отдельные признаки, присущие и другим российско-немецким диалектам, такие как отсутствие умляута, монофтонгизация отдельных дифтонгов.

В отношении швабского и баварского диалектов складывается несколько иное положение. Несмотря на то, что эти диалекты являются верхненемецкими (южно-немецкими), они значительно отличаются как от других южно-немецких диалектов, так и от литературного языка. Так, для баварского диалекта, распространенного в некоторых селениях Табунского района Алтайского края, было характерно сохранение форм двойственного

числа личных местоимений: edz (ihr), enk (euch), конвертация дифтонгов [ie], [üe] в дифтонг [yi]: dyif (tief), syis (Süße), отражение звука [t] как слабого звонкого [d]: fodë (Vater) и др.⁶ Значительные отличия баварского диалекта заставляли его носителей при общении с носителями других диалектов использовать либо русский язык, либо переходить на диалект другого говорящего⁷. Так, в ходе полевых исследований 1996 г. в селах Табунского района Алтайского края уже не было встречено ни одного носителя баварского диалекта, свободно говорящего на нем, а только отдельные представители, вспомнившие лишь некоторые слова⁸.

Подобная ситуация складывалась и среди немцев, выходцев из Закавказья, у которых родной швабский диалект в силу оторванности от основных ареалов проживания немецкого населения в европейской России мало подвергался процессам выравнивания. Среди признаков, отличающих швабский диалект от других верхненемецких диалектов можно назвать переход [o:] в [au]: daut (tot), [iu] в [ui]: knui (Knie), переход st, sp в любых позициях в št, šp: brušt (Brust), отпадение -n-, -en перед -d- и в окончании: hã:d (Hand), gaḃ: (gehen) и др.⁹ В местах выселения в Сибири и Казахстане в силу значительных различий у носителей швабского диалекта с представителями других групп немецкого населения общение на своих говорах затруднено. Поэтому и здесь основным средством общения выступал русский язык, а швабский диалект у его носителей вытеснялся в сферу семейного общения¹⁰.

Наряду с внутренними факторами на специфику развития немецких диалектов оказывают влияние и внешние факторы – массовое распространение немецко-русского двуязычия. Это проявляется, в частности, в упрощении системы гласных диалектов до системы русского языка. Так, Д. Н. Тринив отмечал что, если раньше в немецких диалектах дифференциация гласных проходила по признаку открытый-закрытый, долгий-краткий, то к концу 1980-х гг. уже как в русском – по признаку ударный-безударный¹¹.

Массовое владение русским языком приводит к явлению интерференции у носителей немецких диалектов – появлению неправильных речевых произведений: при построении речевых конструкций на одном языке по грамматическим законам, либо используя элементы другого языка, при этом говорящий думает, что говорит по правилам первого языка. Для речи молодого поколения, которое намного лучше владеет русским языком, характерно привнесение явлений русского языка в немецкую речь. Это проявляется в употреблении несвойственного управления: in di redaktsja šraivë (вместо an di redaktsja šraivë), в замене смысловых конструкций говора конструкциями русского языка: pa uns in torf (вместо mi:r hun in torf). Для речи

старшего поколения, которое лучше владеет родным говором, наоборот, характерно влияние диалекта на русские речевые произведения. Это проявляется, например, в перераспределении родовой соотнесенности: большой спасибо (ktoužěn tank), в перераспределении употребления временных форм: ты будешь сломать баян (tu maxst ten bajan kharput). Кроме этого, возникают смешанные произведения речи с использованием элементов обеих языковых систем: 's va:r vi pa tša'sam (русс.: было как по часам; говор: 's va:r vi nox ter u:r)¹².

Приведенные примеры явлений и признаков, присущих диалектам российских немцев в Сибири, являясь результатом, с одной стороны, консервации архаических форм и их развития без существенного влияния, и даже отсутствия письменного стандарта, с другой стороны, развиваясь при сильном воздействии русского языка, ведут к трудностям в понимании немецкого литературного языка. Все это приводит к трудностям в овладении литературной нормой, следовательно, в распространении и функционировании ее у немецкого населения Западной Сибири.

На основе приведенных примеров можно сделать вывод, что структурное развитие языка зависит как от интралингвистических факторов (закономерностей, лежащих в самой структуре языка), так и от внешних, экстралингвистических факторов. К последним относится и функциональная развернутость – совокупность общественных функций выполняемых определенным языком, а также взаимодействие различных языковых систем в речевом поведении.

Функции языка представляют собой проявление сущности языка, его назначение и действие в обществе. Главнейшими функциями языка являются: коммуникативная – язык как средство общения, когнитивная – язык как средство познания, эмоциональная – язык как средство выражения чувств¹³. Реализация этих функций в различных сферах человеческой деятельности определяет общественные функции языка. К основным, наиболее важным сферам человеческой деятельности, которым соответствуют определенные социальные (общественные) функции языка, относятся школа и образование, наука, литература, искусство, периодическая печать, переписка и делопроизводство, исполнение религиозного культа и т.д.¹⁴

Функциональный аспект этноязыковой ситуации наиболее всего подвержен воздействию внешних факторов, особенно политики государства.

Ликвидация республики немцев Поволжья, депортация немецкого населения Европейской части СССР за Урал, мобилизация в трудовую армию, другие меры репрессивного характера, принятые против советских немцев с нача-

лом Великой Отечественной войны фактически означали полную ликвидацию общественных функций национального языка у немецкого населения страны. Все основные общественные функции у немецкого населения СССР в военное и послевоенное время исполнялись исключительно русским языком.

Восстановление позиций немецкого языка начинается вместе с частичной реабилитацией советских немцев в середине 50-х гг. В декабре 1955 г. в Барнауле вышла газета "Arbeiter" с подзаголовком – «Немецкая газета Алтайского края». С мая 1956 г. возобновила свой выход центральная газета советских немцев "Нойес Лебен". С 1956 г. началось вещание радиопередач на немецком языке, которое из Москвы транслировалось на районы, где проживали российские немцы. С 1957/58 учебного года в сельских школах, где учились немецкие дети, по желанию родителей, должно было вводиться преподавание немецкого языка как родного, со второго класса. Но зачастую введение родного немецкого языка в школе наталкивалось на множество преград: отсутствие учебников и разработанных программ, нехватка подготовленных кадров, нередко нежелание самих родителей, противодействие самих властей и др.¹⁵

С 1981 по 1989 гг. два раза в год выходил альманах советско-немецкой прозы, поэзии и публицистики «Heimatliche Weiten». Но в силу своего содержания и языка, приближенного к немецкому литературному, он распространялся только в небольшой среде советско-немецкой интеллигенции. Не имели широкой популярности и газеты «Neues Leben», «Freundschaft», «Rote Fahne», в которых основная часть материалов являлась перепечаткой на немецком языке постановлений партии и правительства, статей из газеты «Правда», и только малая часть посвящалась местной информации¹⁶. Так, по данным этносоциологического обследования 1989–1991 гг. знали те или иные немецкоязычные газеты и журналы 53,6% опрошенных, 28,8% когда-либо их читали, и лишь 18,3% читали их регулярно¹⁷. Практически не издавалась в 1960–1980 гг. литература на немецком языке для немецкого населения страны, за исключением небольшого числа учебной и детской литературы. Закупаемая в ГДР литературная продукция предназначалась в основном не для советских немцев, и не всегда доходила до библиотек сел, где проживали немцы¹⁸.

О слабой функциональной нагрузке немецкого литературного языка в сфере периодики и особенно в книгоиздательстве, о преобладании русского языка у немецкого населения Западной Сибири в 1980-е годы говорят данные этносоциологического опроса немецкого населения Омской, Ново-

сибирской, Кемеровской областей, проведенного в 1989–1991 гг. группой этнографов Омского госуниверситета под руководством Т. Б. Смирновой (таблица № 1).

Таблица №1: Данные этносоциологического опроса немецкого населения Западной Сибири 1989–1991 гг. по вопросу «На каких языках народов СССР вы обычно читаете», в % от 1500 опрошенных¹⁹

Язык	Вид печатной продукции				
	газеты и журналы	общественно-политическая литература	научно-техническая литература	учебная и научно-популярная литература	художественная литература
Русский	87,0	17,7	11,0	15,8	65,2
Немецкий	18,3	0,4	0,2	1,8	9,5

Еще одной сферой проявления общественных функций немецкого языка у российских немцев является богослужение, исполнение религиозного культа. До 1920-х гг., когда религиозные общины немцев в Сибири не испытывали значительных притеснений, сохранялась привычная церковная организация, существовали служители культа (у католиков и лютеран), религиозные службы у немецкого населения разных конфессий осуществлялись преимущественно на немецком литературном языке. В 1940–70-е гг., когда религиозные общины в результате гонений со стороны государства были вынуждены действовать тайно, эту функцию выполнял также исключительно немецкий язык, прежде всего диалектная форма. В последнее время, в 1980-е, и особенно в 90-е гг. при исполнении функции богослужения у некоторых групп немцев получает распространение также русский язык.

Так, после легализации католических общин епархиальное руководство часто присылает в общины священнослужителей других национальностей, не знающих немецкого языка. Это сказывается и на проведении службы. Например, в немецких селах Исилькульского района Омской области, где проживают немцы-католики, падер по национальности словак, немецкого языка не знает, поэтому месса здесь ведется на русском языке. Но в его отсутствии, когда верующие собираются сами для прочтения молитвы, собрания ведутся на немецком языке. В последнее время у немцев баптистского

вероисповедания частыми стали случаи объединения немецких и русских общин, принимаются русские верующие в чисто немецкие ранее общины. Это также ведет к уменьшению использования немецкого языка и увеличению роли русского языков в религиозной жизни общин²⁰.

Немецкий язык в послевоенное время утратил свои позиции как средство получения образования для российских немцев. Эту функцию исполняет русский язык. Для немецкого населения Сибири в школах, в местах компактного поселения немецкий язык преподавался как родной. При этом в рассматриваемый период постепенно уменьшалось количество школ с преподаванием немецкого языка как родного. Так, по данным Омского института повышения квалификации работников образования (ОМИПКРО), на 1989 г. в 170 населенных пунктах Омской области с немецким населением насчитывалось 146 школ и детских дошкольных учреждений. Но только в 30 школах велось преподавание немецкого языка как родного со 2 по 10 класс, в 12 детских садах игровая деятельность проводилась с элементами немецкого языка. По данным на 1995 г. в Омской области преподавание немецкого языка как родного велось уже в 28 школах – в 13 школах Азовского района, 8 Любинского, 4 Исилькульского, по 1-й в Одесском и Марьяновском, в 1-й школе Шербакульского района преподавание велось только до 4-го класса. При этом в ряде школ Азовского района преподавание немецкого языка как родного введено впервые, то есть число школ по сравнению с 1989 г. значительно сократилось²¹. К 1995 г. на прежнем уровне преподавание немецкого родного языка сохранялось только в Азовском районе – 13 школ, в Любинском осталось 7, и в Исилькульском – 3 школы, в которых занимается более 2 тыс. детей. Уменьшение числа школ с преподаванием немецкого языка как родного связано прежде всего с последствиями эмиграции, когда сокращалось как количество обучающихся, так и число подготовленных учителей.

С начала 1990-х гг. наметилась некоторая тенденция расширения функциональной развернутости немецкого языка. Это связано прежде всего с созданием немецких национальных районов и деятельностью различных российско-немецких общественных организаций при содействии Германии. Наряду с существовавшими газетами "Neues Leben" "Zeitung für Dich" (бывшая "Rote Fahne") появились "Московская немецкая газета", различные региональные немецкоязычные издания. В 1991–93 гг. в Омске выходила на немецком и русском языках газета "Bunte Woche". С созданием Азовского немецкого национального района стал выходить районный еженедельник "Ihre Zeitung", в котором 2 из 8 страниц печатаются на немецком языке. Раз-

вивались и другие виды средств массовой информации на немецком языке. В Омской области для немецкого населения два раза в месяц выходит 20-минутная радиопередача "Unsere Stimme". В различное время в 1993-95 гг. в Омске возникали немецкоязычные программы на различных телеканалах - "Blickpunkt", "Deutsche Mosaik", в настоящее время транслируются новости "Deutsche Welle" и другие программы на одном из дециметровых каналов. В Азовском районе была создана телевещательная станция, передававшая программы из Германии. К сожалению, из-за проблем с финансированием, в конце 1990-х данная станция была закрыта.

В существующие центры немецкой культуры стала поступать литература на немецком языке как из Германии, так и издаваемая в России, например, Международным союзом немецкой культуры. При содействии МСНК, Международного союза российских немцев по стране проходили гастроли различных немецких фольклорных, камерных, театральных коллективов. При центрах встреч организовывались языковые курсы. Только в Омской области по данным на 1998 г. при 38 центрах действовало более 400 курсов, которые посещало свыше 8 000 человек.

Для школ Азовского района в середине 1990-х гг. в Омском институте повышения квалификации работников образования разрабатывалась специальная программа развития немецкого языка в школьном обучении в условиях национального района. В этой программе учитывалось, что у учащихся могли иметься определенные трудности при овладении немецким языком и получении знаний на немецком языке. Во-первых, отсутствие или плохое знание немецкого языка у значительного числа учащихся, во-вторых, отличие родного диалекта учеников (при условии владения им) от литературной нормы языка. Поэтому обучать детей немецкому литературному языку планировалось начать еще в детском садике, в 1–4 классах дети закрепляли бы навыки разговорной речи, чтения и письма на немецком языке, в 5–8 классах могли изучать ряд факультативных предметов на немецком языке, а в 9–11 должны были уже изучать на выбор любые учебные дисциплины на немецком языке. Главной задачей такого подхода, по мнению авторов программы, должна была стать выработка способности у немецкой молодежи к продолжению дальнейшего образования на немецком и русском языках, как в России, так и в Германии.

Под эту программу также планировалось развить сеть послешкольного образования. Наряду с существовавшими немецкими отделениями в Омском педагогическом университете, педагогическом колледже № 2, Исилькульском педучилище создавались специальные группы с углубленным

изучением немецкого языка и преподаванием ряда профильных предметов на немецком языке в омских государственном и педагогическом университетах. Но к концу 1990-х гг. эти попытки оказались практически безрезультатными. Двуязычная система образования в районе так и не введена. Только разработаны группой азовских учителей и изданы учебники по изучению немецкого родного языка с 1-го по 7-й класс. Группы углубленного изучения немецкого языка на факультетах, помимо факультетов иностранных языков, в ОмГУ и ОмГПУ в настоящее время закрыты.

Немцы Западной Сибири в результате сложившихся исторических условий наряду со своим родным говором владеют как другими формами национального языка, так и другими языками – главным образом русским. Владение различными языковыми системами способствует к взаимодействию при их употреблении в речевой деятельности индивидов. Это взаимодействие приводит к складыванию определенных типов и форм речевого поведения у членов одного этноса. Основными формами речевого поведения у немцев Западной Сибири являются диалектно-литературная диглоссия и немецко-русское двуязычие.

Распределение социально-коммуникативных функций между разными формами существования одного и того же языка в рамках определенной этноязыковой общности определяется как диглоссия. Выделяются два типа диглоссии: активная – свободное владение различными формами существования языка, и пассивная – свободное владение одной, второй лишь на уровне понимания. Среди российских немцев имеет место некоторое распространение прежде всего диалектно-литературная диглоссия, выражающаяся в использовании таких двух форм немецкого языка, как родного говора и литературной нормы.

Для основной массы немецкого населения Западной Сибири характерна пассивная диглоссия. По данным этносоциологического обследования немецкого населения Омской, Новосибирской, Кемеровской областей, проводившегося в 1989–91 гг. 43,9 % опрошенных свободно владели немецким языком, то есть умели не только разговаривать, но и читать и писать. Но российские немцы лишь понимают немецкий литературный язык, в основном с затруднением читают и пишут. Зачастую представители немецкого населения, более или менее читающие по-немецки, испытывают значительные затруднения при разговоре в соответствии с правилами немецкого литературного языка. У старшего поколения немецкого населения знание немецкого литературного языка, приобретенное через школьное обучение до Великой Отечественной войны, не выходило за пределы умения

читать Библию и писать (однако написание, особенно в неофициальном стиле возможно по правилам диалекта). Потребность придерживаться литературной нормы в разговорной речи у российских немцев не выработалась, это отличает их, например, от Германии, где развитие единого государства требовало от носителей различных диалектов придерживаться определенной общей языковой нормы – немецкого литературного языка. Активная диглоссия отмечается главным образом среди местной интеллигенции, учителей немецкого языка, священнослужителей, отражая стремление этой наиболее компетентной в области знания немецкого литературного языка группы говорить по-немецки правильно, в соответствии с литературной нормой²³.

Широким распространением знания немецкого литературного языка выделяются носители нижненемецкого диалекта «платтдойч» – представители этноконфессиональной общности меннонитов. Для этой группы немецкого населения характерна практически стопроцентная грамотность, владение литературными нормами немецкого языка – Hochdeutsch, что определялось потребностями религиозной деятельности. Но зачастую, например, в Омской области до 1940-х гг., для основной массы меннонитского населения знание литературной нормы ограничивалось также умением читать, писать, понимать сказанное. Обусловлено это было тем, что в начале XX в. меннониты в районе г. Омска были территориально отделены от других групп немецкого населения, немцев-колонистов из Украины и Поволжья. Меннониты селились на арендованные и купленные земли вдоль Транссибирской магистрали (современные Исилькульский, Москаленский, Омский районы Омской области), а остальное немецкое население располагалось южнее, на переселенческие участки – на территории нынешнего Азовского и прилегающих районов. Поэтому у основной части носителей нижненемецкого диалекта здесь также первоначально отсутствовала потребность использовать знание литературной нормы в разговорной практике, ограничиваясь умением прочитать Библию, слушать и понимать проповеди на немецком языке, петь специально выученные песни и молиться. Активное владение литературной нормой было характерно прежде всего для определенного круга школьных учителей и проповедников²⁴. Поэтому, когда в 1941 г. в меннонитских селах были расселены депортированные немцы Поволжья, между этими двумя группами немецкого населения возник языковой барьер. Ни те, ни другие не владели в достаточной мере русским языком, диалект «платтдойч» для поволжских немцев был практически не поня-

тен, у основной массы меннонитов отсутствовали навыки разговорной речи на ниже-немецком диалекте – все это создавало на первых порах определенные трудности в общении. Но в ходе контактов с поволжскими немцами потенциальное знание Hochdeutsch у меннонитов переросло в активное владение. Данная форма стала выступать в качестве средства межгруппового общения. К концу 1980-х гг. наряду с разговорной формой литературного языка, у меннонитов большое распространение в качестве средства межгруппового общения получил и русский язык²⁵.

В местах совместного проживания меннонитов и поволжских немцев наметилась и другая тенденция. Среди представителей молодого поколения поволжских немцев, выросших в Сибири в окружении носителей нижненемецкого диалекта и имевших больше контактов со сверстниками, говорящими на «платтдойч» (на улице, в игре, в школе), также распространено знание нижненемецкого диалекта, т.е. здесь среди молодежи поволжских немцев развивалась еще одна форма речевого поведения – активная поволжско-нижненемецкая диглоссия. Такая ситуация наиболее характерна для смешанных семей²⁶.

Необходимо отметить, что распределение литературно-диалектной диглоссии зависит от функциональной нагрузки литературной нормы. Так, в Сибири проживает еще одна группа носителей нижненемецкого населения, по вероисповеданию – католики. Примером этой группы может служить население немецких сел Серебродолье Азовского района, Зеленополье Таврического района Омской области. Среди этой группы также имеет распространение активная литературно-диалектная диглоссия, что также обусловлено потребностями богослужения. Но у католиков уклад жизни менее проникнут религией, чем у меннонитов. В рассматриваемый период молодое поколение в этой группе немецкого населения менее приобщено к религии, не посещает религиозные мессы и молитвенные собрания. Это ведет к тому, что среди молодежи знание литературной нормы немецкого языка невелико, а с представителями других групп немецкого населения молодое поколение общается на русском языке. Поэтому литературно-диалектная диглоссия в этой группе распространена, в основном, среди женщин старшего и среднего поколения, т.к. они принимают участие в деятельности католических общин²⁷.

Приведенные примеры свидетельствуют, что формирование активной диглоссии является отражением взаимодействия различных групп определенной этнической общности, ее можно отнести к важным факторам развития этнических процессов. Уровень развития активной диглоссии является

ярким проявлением такого типа этнических процессов, как внутриэтническая консолидация.

Основным типом речевого поведения, отражающим взаимодействие различных языковых систем, оказывающих значительное влияние на состояние всех остальных компонентов этноязыковой ситуации у немецкого населения Западной Сибири, является массовое немецко-русское двуязычие. Двуязычие является необходимым условием многонационального общества, стойкое массовое двуязычие относится к важнейшим факторам и механизмам этнических процессов. Причиной возникновения двуязычия как массового явления является необходимость широкого общения между людьми, говорящими на разных языках. При этом под двуязычием понимается владение двумя языками в степени, обеспечивающей возможность общения на каждом из них²⁸.

Массовый характер немецко-русское двуязычие среди немецкого населения в Западной Сибири складывается с 1940-х гг., когда меняется весь образ жизни российских немцев. Значительное количество представителей немецкого населения страны, кроме стариков и малолетних детей, прошло через трудармию, после войны немцы в Сибири оказались под надзором спецкомендатуры. Несмотря на ограничения в свободе передвижения, все это расширяло контакты с русскоязычным населением. На положение немецкого языка в послевоенные годы оказывало влияние и снижение его социального престижа, когда в атмосфере тотального режима не только говорить по-немецки, но и называться, быть немцем было не безопасно. Распространению русского языка среди немецкого населения способствовало и школьное обучение, которое осуществлялось на русском языке. На увеличение использования русского языка влияет и слабая функциональная развернутость немецких говоров, что ведет, особенно в трудовой деятельности, к русским заимствованиям и вытеснению немецкого языка русским в производственной сфере. Так, например, диалектолог А. К. Бокк констатировала: «За рабочий день доярка использует в своем общении до 105–110 русских заимствований. Ей в этом случае выгоднее использовать русский язык, чем свой диалект²⁹».

Соотношение немецкого и русского в реальном речевом поведении зависит от многих факторов: от национального состава того или иного населенного пункта, от степени компактности расселения и количества носителей немецких говоров в определенном населенном пункте. Так, из социолингвистических исследований среди немецкого населения Сибири, проводимых в 1960–80-е гг., видно, что сфера употребления немецкого языка в ре-

чевой деятельности шире в однопациональных селах, а русского – в селах с преобладанием ненемецкого населения.

По данным обследования Т. Ф. Лютовой, проведенного в 1977 г. в с. Смоляновка Любинского района Омской области, где доля немецкого населения составляла 91,1 % (при 97,3 % опрошенных говорящих свободно по-русски), 85,3 % респондентов разговаривали в семье с детьми только на немецком языке, еще 9,8 % на русском и немецком языках, 87,7 % говорили в семье со взрослыми по-немецки и 8,9% на обоих языках. На производстве 19% говорили по-немецки и 69,3 % – и по-немецки, и по-русски. В прочих случаях с лицами своей национальности на немецком языке разговаривали 91,2 %, на обоих языках 6,1 % опрошенных³⁰. Обратную тенденцию по результатам своего исследования, проведенного в начале 1980-х гг. в селе Александровское Томской области, отмечает Р. А. Бони. Коренными жителями этого населенного пункта являлись русские. Немцы, депортированные из Поволжья поселились здесь в 1941–58 гг. В ходе исследования 90 % опрошенных назвали родным языком русский (преимущественно молодежь до 30 лет), при этом только русским языком владели только 9 %. Здесь в речевом поведении отмечалось полное преобладание русского языка над немецким. Всего 2,3 % опрошенных использовали только немецкий язык при общении с детьми в семье, и еще 1,4 % использовали как русский, так и немецкий языки. 1,8 % использовали только немецкий и 7,2 % оба языка при общении в семье со взрослыми. 12,7 % респондентов говорили как по-немецки, так и по-русски при общении с лицами своей национальности на производстве, с соседями, друзьями³¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о контактном характере двуязычия у немцев Западной Сибири, когда степень развития двуязычия у определенного языкового коллектива зависит от широты его контактов с иноязычным населением.

Об изменении соотношения между русским и немецким языками в пользу первого у немцев Западной Сибири в конце 1980-х начале 1990-х гг. свидетельствуют данные этносоциологического обследования немецкого населения. Работа проводилась этнографами Омского государственного университета под руководством Т. Б. Смирновой в 1989–1991 гг. в сельских районах Омской, Новосибирской, Кемеровской областей³². Результаты этого обследования позволяют глубоко проанализировать ситуацию, сложившуюся в результате взаимодействия национального и русского языков в речевом поведении у немецкого населения Западной Сибири в рассматриваемый период.

Обследование проводилось методом стандартизированного интервью, в ходе опроса было собрано 1500 опросных листов. Опросный лист имел ряд вопросов, касающихся немецко-русского двуязычия. Исследование взаимодействия русского и немецкого языков проводилось в трех направлениях: изучение языковой компетенции, речевой деятельности и языковой ориентации. Языковой компетенции – то есть уровню, степени владения национальным и русским языками у опрашиваемого населения в опросном листе был посвящен вопрос: «В какой степени владеете языками народов СССР». Речевая деятельность – реальное употребление одного или более языков в различных сферах жизнедеятельности этноса – затрагивалась в вопросе: «Как Вы используете языки народов СССР, которыми владеете».

Благодаря репрезентативности, достигнутой с помощью стратификационной выборки, выводы, полученные в результате обработки материала, могут быть распространены на все немецкое население. Стратификация проводилась по полу, возрасту и социально-профессиональной принадлежности. Разбивка по возрасту производилась на следующие группы: 1) от 16 до 24 лет; 2) от 25 до 29; 3) от 30 до 34; 4) от 35 до 49; 5) от 50 до 59; 6) от 60 и более лет. По социально-профессиональной принадлежности была применена следующая разбивка: руководители и специалисты высшего звена – группа – А1; руководители и специалисты среднего звена группа А2; служащие – группа Б; механизаторы – В; квалифицированные работники физического труда – Г1; неквалифицированные работники – Г2.

Состояние языковой компетенции по результатам опроса характеризуется контрастом между глубиной знания немецкого и русского языков у опрошенного населения. Русским языком свободно владели (умели читать, писать и говорить) 90,8 % опрошенных, немецким же 43,9 %. Такое положение обусловлено отсутствием преподавания родного языка в послевоенные годы. Также нужно учитывать, что литературная норма национального языка у российских немцев не несет значительной функциональной нагрузки, основной формой бытования национального языка является разговорная форма – диалект. В данном обследовании под немецким языком понимался прежде всего родной говор опрашиваемых, поэтому число свободно владеющих немецким языком можно увеличить за счет числа респондентов свободно говорящих на немецком языке – 37,9 %. Сопоставив количество участников опроса, считающих немецкий язык родным – 85,1 %, и общую сумму свободно им владеющих – 81,8 %, и сравнив эти цифры с данными о количестве свободно владеющих русским языком – 90,8 % и свободно говорящих на нем – 6,6 %, можно предположить, что в реальной ре-

чевой практике, исходя из уровня владения русским и немецким языками, перевес будет иметь первый. В пользу этого свидетельствует также и то, что русским языком слабо владели (лишь понимают и могут объясняться) 2,5 % опрошенных и всего 0,1 % им не владели. Немецким же языком слабо владели 14,8 % и 3,4 % всех опрошенных им не владели, то есть примерно у пятой части опрошенного населения возникали трудности при общении на немецком языке.

Степень владения русским и немецким языками варьировалась в зависимости от пола и возраста. Так, молодое поколение в возрасте до 35 лет на все 100 % свободно владели русским языком, что объясняется распространением всеобщего среднего образования на русском языке. Однако, чем старше, тем меньше степень владения русским языком, причем среди женщин знание русского языка хуже, чем среди мужчин. В самой старшей группе – более 60 лет, 86,9 % мужчин и 60,6 % женщин свободно владели русским языком, а 0,9 % женщин в этой группе вообще им не владели. Ситуация с уровнем знания немецкого языка более пестрая и менее однозначная. Лучше немецким языком владели в старших возрастных группах, прежде всего женщины. Например, 53,9 % женщин старше 60 лет свободно владели немецким языком (самый высокий показатель); только в этой группе, по результатам опроса, вообще отсутствовали не владеющие национальным языком. Знание немецкого языка у молодежи хуже: примерно 10 % молодых людей до 25 лет совсем не владели немецким языком, несколько меньше этот показатель в других возрастных группах. Но с другой стороны, свободное владение, то есть умение читать, писать и говорить по-немецки, в некоторых младших группах – женщины до 25 лет - 48,2 %, мужчины от 25 до 29 лет - 48,5 %, незначительно превышало как показатель по группам более старшего возраста, например 36,9 % мужчин в возрасте от 35 до 49 лет, так и показатель по всем опрошенным - 43,9 %. Этот факт объяснялся введением в ряде школ преподавания немецкого языка как родного. Но среди старших групп значительно больше свободно говорящих на немецком языке: 41,8 % мужчин от 35 до 49 лет, тогда как среди молодежи их количество на 15-20 % меньше: например, 20,9% женщин до 25 лет, поэтому и общая сумма свободно владеющих немецким языком среди молодежи меньше на 10-20 %, чем среди групп среднего и старшего возраста.

Значительная доля слабо владеющих немецким языком приходилась на молодежь. Примерно пятая часть опрошенных в возрасте до 35 лет по-немецки лишь понимали и могли объясняться, на 5-10 % превышая этот показатель по группам среднего и еще больше по группам старшего возраста.

Степень владения немецким и русским языками различна у опрашиваемых в зависимости от социально-профессиональной принадлежности. Чем меньше образовательный уровень и социальный статус опрашиваемых, тем ниже уровень владения русским языком. 100 % опрошенных руководителей и специалистов свободно владели русским. Хуже всего владели русским языком неквалифицированные работники группы Г2: 14,9 % опрошенных в этой группе только свободно говорили по-русски; 5,6% лишь понимали и могли объясняться; 0,3 % совсем не владели.

Ситуация с владением немецким языком в зависимости от социально-профессиональной принадлежности выглядела не так однозначно. В группе А1 процент свободно владеющих немецким языком – 44,5% незначительно превышал показатель по некоторым другим группам. Это связано прежде всего с более высоким уровнем образования среди руководителей и специалистов высшего звена. Также более высокий показатель свободно владеющих немецким языком в группах работников физического труда: в группе Г1 45,6 %, в группе Г2 47,0 %. В этих группах значительно число лиц старшего возраста, получивших в свое время образование на немецком языке. Но общая сумма свободно владеющих немецким языком в группах с меньшей квалификацией больше чем, в группах руководителей. Так, в группе Б (41,0 % опрошенных свободно владеют и 44,1 % свободно говорят) эта цифра составляет 85,1 %, а в группе Г2 – 86,8%, тогда как в группе А1 74,1 %. В группах руководителей и специалистов больше процент не владеющих немецким языком: в группе А1 – 3,7 % (в группе Г2 всего 1,4 %). Чем выше профессиональный, а следовательно и образовательный уровень, то есть больше функциональная нагрузка русского языка, тем ниже потребность в знании немецкого языка, а значит ниже уровень его владения.

Наряду с другими факторами на речевую деятельность оказывает влияние языковая компетенция, когда в зависимости от степени владения тем или иным языком индивид в реальной речевой практике чаще употребляет тот язык, которым лучше, свободней владеет. По результатам обследования говорить однозначно о преобладании какого-то одного языка в речевой деятельности у немецкого населения еще не приходится.

Сравнивая показатели использования русского и немецкого языков в различных жизненных ситуациях, можно сделать следующие выводы. Немецкий язык оставался общеупотребительным во внутрисемейном общении, на бытовом уровне. Предпочтение немецкому языку отдавалось при общении в семье: с родителями по-немецки говорили – 55,6 % всех опрошенных (по-русски – 36,3 %), при общении с женой (мужем) – 61,7 % гово-

рили по-немецки и 49,8 % по-русски. Однако при общении с детьми преобладал уже русский язык: по-немецки с детьми в семье говорили 55,7 % респондентов, а по-русски 61,1 %. Несмотря на широкое употребление немецкого языка, на бытовом уровне - 60,4 % говорили с друзьями и соседями по-немецки, предпочтение отдается русскому языку - 79,2 % опрошенных в этой сфере говорили по-русски. Превалирование русского языка над немецким отмечалось наиболее четко в производственной сфере: 75,8 % всех респондентов говорили на производстве по-русски, а немецкий использовали 46,4 %.

Выбор языка при общении зависит от целого комплекса факторов, в том числе и от половозрастной и социально-профессиональной принадлежности индивида. Так, среди молодежи доля употребляющих русский язык в речевой деятельности больше, чем в старших возрастных группах, среди мужчин больше, чем среди женщин. Например, если с родителями среди мужчин до 25 лет по-немецки разговаривали 68,0 % опрошенных в этой группе, по-русски 55,0 %, среди женщин от 25 до 29 лет по-немецки разговаривали 77,9 %, по-русски 54,5 %, то в старших группах соотношение иное. Доля употребляющих русский язык сокращается: 74,9 % женщин в возрасте от 35 до 49 лет говорили с родителями на немецком языке и 36,6 % по-русски, 61,0 % мужчин в возрасте от 50 до 59 лет говорили по-немецки и 31,3 % по-русски. Это отражает уже отмеченную тенденцию: чем старше, тем лучше степень владения немецким языком, тем шире употребление немецкого языка.

О вытеснении немецкого языка из сферы употребления во внутрисемейном общении свидетельствует ситуация с общением в семье с детьми. Если брать во внимание основные группы опрошенных, имеющих детей дошкольного и школьного возраста – от 25 до 49 лет, то в основном с детьми говорили по-русски, причем женщины больше чем мужчины: от 64 % женщин в возрасте 35–49 лет до 81,8 % женщин в возрасте 25–29 лет. По-немецки же говорили значительно меньше: женщины в возрасте 25–29 лет - 45,4 % говорили с детьми по-немецки, лишь среди женщин 35–49 лет более половины опрошенных – 60,6 % говорили по-немецки с детьми. Следовательно, у подрастающего поколения в основной массе уровень знания русского языка был выше, чем национального. Вырисовывается следующая тенденция, наметившаяся среди молодого поколения немецкого населения – чем ниже степень владения языком, тем ниже степень его употребления. Такая ситуация будет порождать и обратную тенденцию: чем меньше употребление, использование немецкого языка в жизнедеятельно-

сти, тем меньше уровень его знания. Подтверждением этой гипотезы можно считать и тот факт, что в младших возрастных группах опрошенных в ходе данного обследования значителен процент слабо владеющих и не владеющих национальным языком.

Использование русского и немецкого языков в различных жизненных ситуациях у опрошенного населения различно и в зависимости от социально-профессиональной принадлежности. Можно выделить следующую тенденцию: чем выше нагрузка русского языка, и, следовательно, ниже нагрузка немецкого в производственной сфере, тем выше уровень использования русского языка в различных сферах общения и ниже использование немецкого языка. Например, в группе А2 – руководителей и специалистов среднего звена на производстве по-русски говорили 93,7 %, соответственно в семье по-русски с родителями в этой группе говорили 40,0 %, с супругом 63,2 %, с детьми 68,4 % респондентов в этой группе. В то же время в группе Г2 – работников неквалифицированного труда на производстве по-русски говорили 69,7 %, соответственно в семье с родителями по-русски говорили 27,2 %, с супругом 42,1 %, с детьми 57,7 % респондентов. В свою очередь по-немецки в группе А2 на производстве разговаривали 41,0 %, соответственно в семье употребляли немецкий язык при общении с родителями 57,9 %, с супругом 50,5 %, с детьми 44,2 % респондентов в этой группе. В группе Г2 на производстве использовали немецкий язык 45,6%, соответственно в семье по-немецки разговаривали с родителями 67,1 %, с супругом 61,1 %, с детьми 51,3 % опрошенных в этой группе.

Из анализа речевого поведения видно, что русский язык из языка межэтнического общения, обеспечивая уже и внутриэтнические связи, становится языком внутриэтнического общения. Большое значение при этом имело функциональное распределение русского и немецкого языков в различных сферах жизнедеятельности.

Такая ситуация сказывается и на языковой ориентации. Так, 14,9 % всех опрошенных назвали родным языком русский. Сокращение употребления немецкого языка во внутрисемейном общении в последние десятилетия, согласно отмеченной выше тенденции, привело к тому, что примерно 20–25 % опрошенных в возрасте до 34 лет назвали русский родным языком, превышая этот показатель в 1,5–3 раза по другим возрастным группам. Но в то же время можно отметить, что хоть и несущественно, но ситуация меняется. Процент молодых людей до 25 лет, назвавших русский язык родным незначительно, но сократился по сравнению с группой 25–29 лет (соответственно 21,7 % и 23,5 %). Следует отметить, что понятие «родной

язык» отражает, наряду с уровнем владения тем или иным языком, национальную ориентацию индивида. На последний аспект и делался упор при проведении данного обследования. Отражением связи уровня владения и национальной ориентации можно считать изменение процента назвавших родным языком русский в зависимости от социально-профессиональной принадлежности. Так, самый низкий показатель по социально-профессиональным группам зафиксирован среди неквалифицированных работников – в группе Г2 –10,8 %, где выше степень владения немецким языком, а самый высокий – 29,6 % в группе А1, среди руководителей и специалистов, эта группа является самой продвинутой как в образовательном, так и социальном плане.

Преобладание русского языка в реальной речевой практике сказывалось и на языковых предпочтениях. Так, предпочитали смотреть самодеятельные спектакли, концерты, идущие на русском языке – 66,1 % опрошенных, а на немецком 33,9 %; знали те или иные газеты и журналы, выходящие на немецком языке 53,6 % опрошенных, но читали их всего 28,8 % респондентов.

Сложившееся положение с функционированием немецкого языка среди немецкого населения вызывало естественные опасения за судьбу языка у его носителей. Это, например, проявляется в том, что 86,4 % опрошенных в ходе обследования высказалось за необходимость преподавания немецкого языка как родного в школе.

Таким образом, для немецкого населения Западной Сибири в конце 1980-х начале 1990-х гг. было характерно развитое массовое двуязычие. Хотя отчетливого преобладания какого-либо языка в речевом поведении еще не было, степень языковой ассимиляции довольно значительна. Знание немецкого языка в рассматриваемый период у немецкого населения Западной Сибири становилось все менее глубоким, а компетенция в русском языке возрастала. Не последнее место при этом занимал язык образования, сказалось отсутствие школ и классов с преподаванием немецкого языка как родного. Для развития двуязычия характерно две тенденции – развитие «вширь» и «вглубь». Развитие процессов двуязычия среди немецкого населения Западной Сибири шло как вширь – уровень владения русским языком становился все выше (прежде всего среди молодежи, особенно по сравнению с владением немецким языком), так и вглубь, когда улучшение владения русским языком сопровождалось все большим его использованием во внутринациональном общении.

Уровень владения тем или иным языком и их использование в речевой практике определяют тот или иной тип речевого поведения при двуязычии.

По результатам рассмотренного исследования можно выделить следующие типы³³. Активное немецкое моноязычие (владение только немецким языком) встречается крайне редко, у отдельных лиц старше 60 лет. Незначительное количество немецкого населения имеет активно-пассивный тип двуязычия – активное, преимущественное использование немецкого языка, и пассивное, подчиненное использование русского языка, распространенный среди лиц старше 50 лет, прежде всего у малоквалифицированных работников физического труда. Для большинства немецкого населения характерно активно-активное немецко-русское двуязычие – активное, равное владение и использование обеих языковых систем. Данный тип присущ всем возрастным и социально-профессиональным группам, но наиболее широко представлен среди лиц среднего возраста. Пассивно-активное немецко-русское двуязычие (преимущественное использование русского языка и пассивное – немецкого языка) распространено в основном среди молодежи и незначительно среди среднего и старшего поколения, в основном у представителей социально-профессиональных групп, наиболее продвинутых в образовательном и социальном плане. Активное русское моноязычие характерно для части молодежи, а также встречается у отдельных представителей среднего и старшего поколений.

В заключение отметим, что знание и использование двух языков в речевой практике не является само по себе негативным явлением. Но в то же время утрата национальным языком своих позиций в жизнедеятельности этноса, постепенная замена его русским языком могут привести к потере немецким населением Западной Сибири целых слоев национальной культуры, связанных с функционированием немецкого языка.

Рассмотрев все три выделенных компонента этноязыковой ситуации у немецкого населения Западной Сибири в конце 1980-х начале 1990-х гг., можно сделать следующие выводы.

В результате оторванности от основного ареала распространения немецкого языка, при отсутствии потребности у носителей немецких диалектов в России (Советском Союзе) придерживаться в разговорной практике литературной нормы, диалекты российских немцев стали значительно отличаться от литературного немецкого языка. В местах компактного проживания немецкого населения, при условии контактов носителей родственных говоров, шли процессы нивелирования диалектных отличий и формирование смешанных диалектов. В случае, когда контактирующие диалекты существенно отличались друг от друга, основным средством общения между их носителями выступал русский язык.

В рассматриваемый период основные общественные языковые функции выполнялись русским языком, практически все основные каналы поступления информации обслуживает именно этот язык. Вытеснение немецкого языка, сужение сферы его применения, а следовательно отсутствие мотивации в овладении языком сказалось и на снижении уровня владения немецким языком. В начале 1990-х гг. наметилась тенденция расширения общественных функций немецкого литературного языка.

Для немцев Западной Сибири характерно развитое массовое немецко-русское двуязычие, причем уровень свободного владения русским языком выше, чем немецким языком. Расширение сферы применения русского языка у немецкого населения Западной Сибири приводило к тому, что русский язык становился не только средством межэтнического общения, но уже обслуживал и внутриэтнические связи. При этом степень владения немецким и русским языками и их использование в речевой деятельности являлись взаимозависимыми.

Результатом вытеснения немецкого языка русским в сфере общественных функций и в речевом поведении у немецкого населения Западной Сибири являлся процесс языковой ассимиляции, отражавшийся в уменьшении уровня владения национальным языком и в увеличении доли немецко-русского населения, признавшей родным языком русский.

Двуязычие подразумевает некоторое разделение сфер общественной жизни, в которых преобладает тот или иной язык. При этом взаимодействие языков неизбежно вызывает их конкуренцию. В рассматриваемый период с учетом тенденции вытеснения немецкого языка даже во внутрисемейном общении соотношение русского и национального языков в языковой жизни немецкого населения складывается не в пользу последнего.

В результате, процесс развития островных диалектов, являющихся основной формой бытования национального языка у немецкого населения Западной Сибири, в условиях иноязычного окружения может привести к тому, что эти диалекты будут вытеснены как средство общения. То есть для немцев в Западной Сибири уже в рассматриваемый период складывалась ситуация, когда реальной становилась утрата национального языка.

¹ См.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 260.

² См.: Клейм Л. П. О падежном оформлении именного комплекса в средненемецких диалектах Омской области // Коммуникативно-функциональная характеристика языковых единиц. Омск, 1989. С. 91.

- 3 Примеры по: Berend N.G. Praktikum zur deutsche Dialektologie. Omsk, 1988. S. 31 Беренд Н. Г. О частности глагольных форм в немецких диалектах // Коммуникативно-функциональная характеристика языковых единиц. Омск, 1989. С. 110–124; Гринева Н. М. Особенности категории залога в нижненемецком говоре села Кусак Славгородского района Алтайского края // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1983. С. 61–67; Клейм Л.П. Указ. соч. С. 90–95. и др.
- 4 См.: Батурина Т. В. Долгие гласные и дифтонги в верхненемецких говорах села Цветнополье // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1975. С. 20–34.
- 5 См.: Батурина Т. В. Некоторые вопросы частности фонем и развития фонологической системы немецких говоров села Цветнополье // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1975. С. 35–41. Она же. К вопросу о влиянии социальных факторов на развитие звуковой системы языка // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1981. С. 3–9.
- 6 Примеры по: Berend N.G. Praktikum zur deutsche Dialektologie. Omsk, 1988. S. 4.
- 7 См.: Беренд Н. Г. Демографическая характеристика носителей северобаварского говора села Ямбург Алтайского края // Вопросы структуры германских языков. Омск, 1978. Вып. 3. С. 10–14.
- 8 См.: Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета (далее МЭЭ ОмГУ). 1996. Полевая опись (далее По) № 10. Л. 23.
- 9 Примеры по: Berend N.G. а.а.О. S. 4; Ростовцев Е. А. Функциональный статус швабского диалекта Закавказья после депортации его носителей // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 1993. С. 81–85.
- 10 См.: Ростовцев Е. А. Указ. соч.
- 11 См.: Тринив Д. Н. Роль внутренних и внешних факторов в изменениях звуковой системы немецких диалектов // Коммуникативно-функциональная характеристика языковых единиц. Омск, 1989. С. 46–55.
- 12 Примеры по: Бони Р.А. О типах межъязыковой интерференции // Вопросы структуры германских языков. Омск, 1978. Вып. 3. С. 23-30; Ее же. Синтаксическая интерференция в речевых произведениях носителей верхненемецких говоров Сибири // Вопросы структуры германских языков. Омск, 1978. Вып. 3. С. 31–36; Ее же. Некоторые особенности немецко-русского билингвизма // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1983. С. 18–25.
- 13 См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 564.
- 14 См.: Современные этнические процессы в СССР. С. 260.
- 15 См.: Roemmich H. Das deutsche Schulwesen in der Sowjetunion // Heimatbuch der Russlanddeutschen. 1960. S. 60.
- 16 См.: Engel-Braunschmidt A. Überlebenschance Literatur sowjetdeutscher Schriftsteller - eine Bestandsaufnahme // Globus . Heft SU. Aug/Sept. - 1990. S. 30; Чешко С. В. Время стирать «белые пятна» // Советская этнография. 1988. № 6. С. 13.

- 17 См.: Смирнова Т. Б. Современные этнические процессы у немцев Западной Сибири. Рукопись дисс. ... к.и.н. Омск, 1995.
- 18 См.: Weinheim E. Die Versorgung der Deutschen in der Sowjetunion mit Schrifttum in ihrer Muttersprache. // Heimatbuch der Russlanddeutschen. 1967–1968. S. 141–145.
- 19 См.: Смирнова Т. Б. Указ. соч.
- 20 См.: МЭЭ ОмГУ 1994. По. №1 Л. 26, 33. По. № 7. Л. 28.
- 21 См.: Данные Омского областного института повышения квалификации работников образования.
- 22 См.: Комплексная программа развития образования и культуры российских немцев Омской области на 1994–2000 гг. Омск, 1994. Программа эксперимента по проблеме: «Развитие принципа двуязычия в условиях немецкого национального района». Омск, 1993.
- 23 См.: Бокк А. К. Социолингвистические факторы и тенденции билингвизма (на материале верхненемецких говоров Сибири) // Структурно-семантические особенности немецкой разговорной и диалектной речи. Омск, 1988. С. 17–21; Киршнер В. Т. Характеристика двуязычия у немцев, проживающих в Кокчетавской области Казахской ССР // Коммуникативно-функциональная характеристика языковых единиц. Омск, 1989. С. 96–104.
- 24 См.: МЭЭ ОмГУ. 1994. По №1. Л. 38. По № 7. Л. 23.
- 25 См.: Там же.
- 26 См.: Там же. По № 1. Л. 36. По. № 7. Л. 24, 29.
- 27 См.: Там же. По №1. Л. 23–24.
- 28 См.: Современные этнические процессы в СССР. С. 305.
- 29 Бокк А. К. Указ. соч. С. 20.
- 30 См.: Лютова Т. Ф. Демографическая характеристика носителей немецких говоров Любинского района Омской области // Вопросы структуры германских языков. Омск, 1978. Вып. 3. С. 100–106.
- 31 См.: Бони Р. А. К вопросу о языковой ситуации (на материале верхненемецких говоров Сибири) // Структурно-семантические особенности немецкой разговорной и диалектной речи. Омск, 1988. С. 22–26.
- 32 См.: Бетхер А. Р. О соотношении русского и немецкого языков у немцев Западной Сибири (по данным этносоциологического обследования 1989–1991 гг.) // Немцы Сибири: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 1997. С. 51–59. Смирнова Т. Б. Указ. соч.
- 33 О типах двуязычия см.: Бони Р. А. Некоторые особенности немецко-русского билингвизма // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1983. С. 25.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В ГРУППАХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

С. И. Гусева

Когда мы рассуждаем о сохранении языка российских немцев, правомерно задать вопрос: о каком языке идет речь. Сфера употребления родного языка российских немцев на протяжении десятилетий была ограничена рамками внутренней среды проживания немецкого этноса на территории России и бывших советских республик. Язык немецких переселенцев, как известно, изначально был неоднороден и характеризовался наличием разнообразных диалектных особенностей. Ассимилирующее воздействие русского и других национальных языков в республиках СССР привело к постепенному «размыванию» системных характеристик родного языка представителей немецкого этноса. С сожалением приходится констатировать, что сегодня большинство этнических немцев не владеют в полной мере ни старым «семейным языком», ни современным нормативным кодифицированным немецким языком. Сохраняющийся в ряде немецких семей язык представляет большой исследовательский интерес, регистрируется и изучается лингвистами, этнографами, историками. Однако желание российских немцев интегрироваться с населением Германии делает необходимым обучение современному немецкому языку в его нормативной, общепринятой форме манифестации.

Эта задача относится к числу приоритетных в работе Центра национальной немецкой культуры «Эрбе». Важность данного вида деятельности определяется особой ролью языка как средства объединения нации, сохранения и обогащения ее культуры, увеличения ее образовательного и интеллектуального потенциала.

В Амурском обществе российских немцев в настоящее время действует 16 групп и кружков немецкого языка. Вопросы качества подготовки по немецкому языку находятся в центре внимания коллектива преподавателей, работающих в рамках программы «Брайтенарбайт». Свою главную задачу в процессе обучения мы видим в формировании у обучающихся свойств и признаков «вторичной языковой личности». Этот термин впервые был введен в лингводидактику И. И. Халеевой и означает такой уровень языковой подготовки, при котором у обучаемого формируется если не полностью

идентичное, то по крайней мере квазитождественное культурное ментальное пространство носителей изучаемого языка. Культурное ментальное пространство – это совокупность значений, образов, символов, представленных в общественном сознании носителей языка, в данном случае немцев, проживающих в Германии. По существу, речь идет о подготовке билингвов. Успешное решение поставленной задачи невозможно без учета новейших достижений в области теоретической и прикладной лингвистики.

Язык – сложная динамично развивающаяся система, имеющая многоуровневую организацию. Фонологический, грамматический и лексический уровни функционируют в тесном взаимодействии, обеспечивая главное предназначение языка – выступать средством общения. Единицы разных уровней по-разному эволюционируют в процессе языкового развития. Наиболее динамична лексическая система, поскольку стремительно меняющиеся реалии жизни в первую очередь отражаются в единицах словарного запаса языка. Фонологическая система, напротив, является самым консервативным элементом языковой структуры. Несмотря на широкую вариативность фонем в речи, фонемные изменения накапливаются очень медленно, в связи с чем фонологическая система рассматривается как достаточно стабильная часть языковой системы.

В силу резко ограниченного числа сегментных (фонемных) единиц, по сравнению с единицами вышестоящих уровней, каждая фонема при образовании бесконечного множества высказываний характеризуется наличием большого количества комбинаторных и позиционных аллофонов.

Экспериментально-фонетические исследования немецкой спонтанной речи показывают, что в неподготовленной, разговорной речи область распространения сегментов неполного типа значительно шире, чем в речи репродуцированной (например, чтении). Многочисленные модификации звуков, возникающие под влиянием комбинаторно-позиционных условий, убыстрения темпа, действия принципа экономии произносительных усилий и т.д. в ситуации говорения на родном языке, как известно, не осознаются говорящим и слушающим, поскольку, по меткому выражению Л. В. Щербы, «не находятся в светлом пункте сознания».

Принципиально иная картина наблюдается в ситуации овладения иностранным языком. Фонетическая организация речи, ее материальная оболочка – это, грубо говоря, первая ступень, которую должен преодолеть человек при восприятии устной речи на иностранном языке. Понимание смысла иноязычного текста, особенно на начальной стадии изучения языка, нередко осложняется незнанием особенностей варьирования фонем в

потоке речи, закономерностей распределения сегментов полного и неполного типа. В этой связи проблема обучения фонетике спонтанной речи приобретает важное значение.

Возвращаясь к методическому аспекту проблемы подготовки «вторичной языковой личности», необходимо сказать, что в условиях отсутствия языковой среды доминирующей единицей обучения становится текст. Опора на текст вполне оправдана, поскольку человек живет в мире текстов и именно в них заложена «инокультурная истина». Особую важность в этой связи приобретает правильный отбор текстов, обладающих высокой страноведческой и лингвокультурной ценностью.

Проблема отбора текстов сегодня успешно решается использованием комплекса учебно-методических пособий «Hallo, Nachbarn!» и специально подбираемых преподавателями аутентичных немецких текстов, маркированных по тематическому принципу. Сложнее обстоит дело с обучением фонетике. Используемые в качестве приложения к урокам по учебнику «Hallo, Nachbarn!» аудиозаписи, несмотря на высокое качество их языкового и технического исполнения, носят тем не менее учебный характер и отражают в основном полный тип произнесения. Между тем главная, коммуникативная функция языка реализуется в спонтанной разговорной речи, для которой свойственны и ошибки, и небрежность, и неполнота, и вообще недостаточное внимание к внешней форме, совершенно недопустимое в письменной речи, но естественное для устного спонтанного общения. На первой ступени обучения, безусловно, должны использоваться иноязычные учебные тексты с преобладанием сегментов полного типа. Следующим этапом должна стать работа над текстами спонтанной речи. Для этой цели наши преподаватели используют аудиозаписи текстов спонтанной монологической речи в произнесении немцев – носителей стандартного немецкого произношения. Тематика спонтанных высказываний разнообразна, она отражает разные стороны повседневной жизни немцев Германии.

В методическом плане обучение фонетике всегда сопряжено с известными трудностями, обусловленными наличием отрицательного интерферирующего воздействия родного языка. Для большинства наших учащихся родным языком является русский, но нередки случаи параллельного влияния этнического немецкого языка, о котором говорилось выше и который весьма далек от современного литературного немецкого языка. Опыт преподавания показывает, что ошибки, порождаемые интерференционным влиянием диалекта, особенно трудно преодолимы и требуют как со стороны преподавателя, так и самого учащегося кропотливой работы. Чтобы ус-

пешно преодолевать возникающие проблемы при обучении фонетике немецкого языка, преподаватели Амурского центра культуры российских немцев проводят научно-исследовательский эксперимент, в ходе которого осуществляется аудиозапись немецких диалектально окрашенных текстов в произнесении немцев-билингвов. В ходе изучения текстов составляются таблицы аллофонного варьирования вокалической и консонантной систем. Полученные данные сопоставляются с аналогичными аллофонами в языке немцев, владеющих произносительной нормой современного немецкого языка.

На следующем этапе предполагается, совместно с исследователями Амурского государственного университета, провести в лаборатории фонетики университета экспериментальный анализ акустико-артикуляторных характеристик звуков. Использование тонких методик компьютерного изучения речевого сигнала позволит уточнить характер реализации дифференциальных признаков фонем в разных манифестациях немецкой речи и в дальнейшем разработать конкретные методические шаги по эффективному обучению фонетике.

В проведении эксперимента задействована группа преподавателей, которая занимается сбором аудиоматериала, его транскрибированием, составлением таблиц-матриц аллофонов. Предполагается проведение полевого эксперимента с целью получения записей речи российских немцев, проживающих в отдаленных частях Амурской области и сохранивших родной немецкий язык.

В заключение хотелось бы сказать следующее: фонемные единицы не являются знаками, а только служат материальной оболочкой, экспонентом значащих единиц (морфем, слов, предложений). В наше время, время жесткого прагматизма в любом виде деятельности, в том числе обучении иностранным языкам, можно нередко услышать вопрос «Стоит ли серьезно заниматься фонетикой, если она связана лишь с внешней формой языка?». Ответ сомневающимся во всех случаях будет положительным: и тем, кто мечтает полностью интегрироваться в общество соотечественников, а не быть причисленным по наличию ярко выраженного акцента к группе гастарбайтеров, и тем, кто навсегда связал свою судьбу с Россией, но по-настоящему озабочен проблемой полноценного приобщения к культурным ценностям Германии с помощью СМИ, радио и телевидения, вещающих на литературном немецком языке, языке образованной части населения немецкого общества.

СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА У НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1950 – 2000-е гг. (на примере свадебной обрядности)

Н. П. Балахонова

В течение последних десяти лет город Омск стал одним из ведущих центров по изучению истории и культуры Российских немцев в Сибири. Омскими учеными проводятся обширные экспедиционные исследования по этнографии, изучаются данные местных и центральных архивов, проводится сбор экспонатов, создаются музейные выставки. Но практически не изученной остается сфера языка – диалекты и фольклор немецкого населения Омской области и Западной Сибири в целом. И при этом следует отметить, что диалект пока остается основным средством передачи народной культуры.

Диалектологическая школа профессора Г. Г. Едига, существовавшая в 1970–1980-е гг. на кафедре немецкой филологии Омского педагогического института, распалась в 1990-е годы вследствие массовой эмиграции в ФРГ преподавателей – диалектологов, российских немцев по национальности, многие из которых владели местными немецкими диалектами. В настоящее время изучением языка, истории, литературы и культуры немцев Западной Сибири на кафедре занимаются лексикологи и литературоведы.

С 1997 года под их руководством и при участии этнографа А. Р. Бетхера проводятся мини-экспедиции в рамках студенческой летней диалектологической практики по изучению языка немцев Сибири. В центре внимания подобных экспедиций – различные особенности диалекта немецкого населения Западной Сибири: студенты предлагают информантам перевести на их диалект предложения Г. Венкера, в результате лингвистического анализа которых выявляется специфика изучаемого диалекта.

И хотя ученые в последнее время высказывают предположение, что рано или поздно диалекты будут вытеснены как средство общения, все же элементы обрядового фольклора обладают некой устойчивостью и имеют способность сохраняться более длительное время. Свадебная обрядность и свадебный фольклор, передающийся на диалекте, связаны как со многими явлениями народного быта и творчества, так и исторически, в отличие от

вышедших из жизни праздников, сохранившихся только в сфере памяти. Свадебный фольклор и свадебные обряды наиболее архаичны по истокам, несмотря на то, что эволюционировали со временем, от многого отказались, они дают возможность неотложного изучения еще имеющегося материала.

С другой стороны, может быть, и преждевременно говорить о фольклоре свадебной обрядности, да и правомерно ли вообще исследовать обряд по фольклору? Думается, все же да, поскольку осознание прежде всего связей сохранения и трансформации его элементов как системы обрядового фольклора может способствовать более глубокому пониманию других областей изучения жизни немцев Западной Сибири. Надеемся, что это поможет сохранить или даже возродить традиции немцев Западной Сибири, которые, к сожалению, катастрофическими темпами трансформируются из самобытных немецких в многонациональные традиции.

Теоретическая и практическая актуальность данной проблемы обусловила выбор темы: «Сохранение и трансформация элементов обрядового фольклора у немцев Западной Сибири 1950-е – 2000-е гг. (на примере свадебной обрядности)».

Изучение любого явления требует прежде всего четкого определения предмета его исследования. Свадебную обрядность и фольклор немцев Западной Сибири в 1950–2000 гг. нельзя рассматривать исключительно как явление самостоятельное, самобытное, не вобравшее в себя элементы других культур.

Период времени наиболее стабильного функционирования комплекса традиционной обрядности сибирских немцев как самобытной, в том числе и свадебной, считается XIX – первая треть XX вв. Для него характерна сложная структура, основу которой составляют основные этапы, а именно: досвадебные обряды и обычаи, свадьба и послесвадебный период, характерные для всех групп немцев, несмотря на их локальную и конфессиональную обособленность. Решающая роль в свадебной обрядности принадлежала религии. Без церковного освящения свадебный обряд не имел силы. Многие колонисты в поисках точки опоры обращались к церкви, которая взяла на себя роль регулятора общественных отношений. Это объясняет значительное влияние религии на традиционную культуру немцев Западной Сибири. Этим же объясняется и распространение в фольклоре причитаний-песен религиозного характера со своеобразной мелодикой.

Уже с середины 30-х годов XX века происходят процессы исчезновения и трансформации отдельных элементов свадебной обрядности, поскольку Союз воинствующих безбожников СССР развернул яростную борьбу с ре-

лигиозным воспитанием, религиозными праздниками и обычаями. Насильственное насаждение общесоветских форм культуры, массовые репрессии против немецкого крестьянства, депортация и мобилизация в трудармию были основными факторами, определяющими развитие обрядности немцев в этот период. Основным направлением трансформационных процессов в сфере обрядности немцев Сибири в это время была замена коллективной, церковно-публичной формы отпразднования обрядов, а с ней и сопровождающегося фольклора, на частно-семейную. Этот период ознаменован рождением внепесенного фольклора, например, молитв, которые обычно читали родители при благословении молодых.

В целом, на протяжении этого периода вплоть до 1950-х годов, изменения фольклорной обрядности и обычаев у немцев Сибири происходили по линии некоторого сокращения и упрощения при сохранении тех из них, которые выражали основную идею.

В 1955 году, как известно, с немцев был снят режим спецпоселения. Предоставление права относительно свободного передвижения немцев по азиатской части СССР привело к интенсивному взаимодействию не только различных локальных групп немцев, а именно: поволжских, украинских, волыньских и меннонитов, но и к общению с русскими, казаками, эстонцами, а также смешению различных диалектов и возникновению на их основе новых. Это не могло не повлечь за собой непоправимых последствий, т.е. разрушения комплекса традиционной обрядности и прежде всего свадебной, т.к. при заключении межнациональных браков наносился удар национальной семье, как носительнице и хранительнице обрядов. И поэтому сегодня основными носителями обрядности и фольклора остаются представители старших возрастных групп. На основании собранного «живого» материала из их уст, т.е. фольклора, можно проследить особенности свадебной обрядности и изменения, происходящие у немцев Западной Сибири.

В свадьбе немцев Западной Сибири, как ни в каком другом виде народного творчества, сочетается целый комплекс художественных элементов словесно-поэтического, песенного, хореографического, драматического и других искусств. Однако по причине их недостаточного изучения весьма затруднительным представляется процесс определения жанра свадебного фольклора немцев и его классификации. По имеющимся материалам можно уже предположить, что он представляет собой группу жанров, определение которых еще предстоит в результате работы по описательному анализу и рассмотрению их с уже разработанными в фольклористике классификациями. Можно отметить некоторые особенности фольклора, исходя из

композиционного построения свадьбы немцев Западной Сибири, а именно, по трем ее основным этапам, т. е. что содержит фольклор каждого из них.

Необходимо отметить, что изучение свадебных обычаев, обрядов и магических действий является неполным, а многие моменты их кажутся непонятными, если не находят свое объяснения в материалах фольклора. В нем мы находим сведения о некогда прочных родовых связях, о форме сватовства; для него характерны внепесенные связи, которые имеют дополнительные действия – игру, обряд поднимания молодых на стульях и т.д. Таким образом, благодаря материалам фольклора расширятся наши представления не только о свадебных обрядах, но и об отношениях к ним, поскольку свадьба – не увеселительное зрелище, а рождение новой семьи.

Особо следует подчеркнуть те изменения, которые происходят в фольклорных текстах. Во многих из них нет строгой заданности по отношению к обрядовому действию, а большинство из них, как, например, частушки исполняются и в несвадебное время. Во-вторых, мы имеем дело с изменением не только формы, но и прежде всего функций (особенно в 90-е годы XX в.), которые утратили свое прежнее значение и играют другую роль или имеют демонстративно-символический характер. Примером этому может служить трансформация приговорных формул при приглашении, либо обряд снятия венка, сопровождающийся песней *Schoen ist die Jugend*, которую исполняют в разных вариантах. В перспективе намечается создание диалектологической карты свадебной терминологии наиболее компактно проживающего немецкого населения Омской области и Западной Сибири в целом, что позволит проследить эти изменения.

Исследование обрядового фольклора лингво- и этнографическими методами может многое разъяснить в вопросе трансформационных процессов. А открытие и изучение трансформации даст возможность выяснить, что и кто являются материальными носителями наследственности этих процессов, а главное то, что еще не утратилось. И все это в совокупности поможет сохранить и возродить традиции немцев Сибири.

СОВРЕМЕННОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ НЕМЕЦКИХ ДИАСПОРИАЛЬНЫХ ОБЩИН ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА (на примере Приморского края)

И. О. Сагитова

Немецкие диаспориальные общины на территории Дальневосточного региона стали объектом исследования недавно. Основное число публикаций рассматривает жизнедеятельность общин в дореволюционный период. Автор уже неоднократно обращалась к теме жизнедеятельности немецких диаспориальных общин, акцентируя внимание на Приморском крае¹. Данная статья – попытка обозначить основные черты современного этнокультурного облика немецких диаспориальных общин Дальневосточного региона. В основе работы находятся полевые материалы, собранные автором в течение 1999–2002 гг. в Уссурийске, Спасске, Находке, Артеме, а также данные, полученные в результате социологического опроса, немцев – жителей названных городов.

Социологический опрос проводился автором совместно с Центром изучения социальной истории и политики ИИАЭ ДВО РАН в 2001 г. Объектом этносоциологического изучения стали этнические общины, сформировавшиеся на территории региона в советский период, а также группы этнических мигрантов из республик Средней Азии и Казахстана. Целью исследования было изучение современных этнокультурных процессов у представителей различных этносов, в том числе и у членов немецких диаспориальных общин. При проведении исследования в 2001 г. акцент делался на Приморский край. В 2002 г. началось проведение этносоциологического исследования в немецких диаспориальных общинах Хабаровского края.

Генеральная совокупность членов немецких диаспориальных общин Приморского края по данным переписи 1989 г. составила 4 тыс. человек. Объем выборочной совокупности определялся условиями и возможностями исследования и составил около 1 % от генеральной совокупности. Отсутствие достоверной информации о демографической структуре немецкого населения не позволило применить квотную выборку, поэтому использовался метод случайного отбора по имеющимся в немецком культурном центре При-

морского края и его отделениях списках. Полученные данные можно экстраполировать на генеральную совокупность с точностью \pm от 2,6 до 9,4 %.

В ходе подготовки этносоциологического исследования учитывались основные направления современных этносоциальных процессов на территории Российской Федерации, характерные для большинства народов, а именно, процессы внутриэтнической консолидации, межэтнической интеграции и ассимиляции.

Важным фактором внутриэтнической консолидации является наличие современных этнокультурных объединений. Их становление инициировано активизацией этнического самосознания у многих народов нашей страны в конце 1980-х гг. Дальний Восток России, в частности, Приморский край, включился в них в начале 1990-х гг. В 1991 г. началось становление общественных объединений российских немцев на территории региона. С 1996 г. национальной самореализации народов способствует институт национально-культурной автономии. Национально-культурные центры и национально-культурные автономии – сегодня основные формы сохранения национально-культурной самобытности и внутреннего самоопределения членов диаспоральных общин на территории всей Российской Федерации. В большинстве случаев единство цели, схожесть форм и методов работы, уставных задач создали условия для совместной работы национально-культурных центров и национально-культурной автономии. Деятельность организаций направлена прежде всего на восстановление, сохранение и развитие национальной культуры российских народов.

Немецкий культурный центр Приморского края и Немецкая национально-культурная автономия Приморского края объединяют около 67 % людей в возрасте 35–55 лет; 22 % – люди старше 55 лет и 11 % – до 35 лет. Основными сферами занятости респондентов является образование, частная предпринимательская деятельность, здравоохранение, транспорт, коммунальное хозяйство, связь и строительство, государственное управление, культура и искусство; 18 % – пенсионеры и 6 % - студенты и учащиеся.

Консолидирующими факторами для них стали общность исторической судьбы (27 %) и происхождения (23 %); родной язык (20 %); общность основных черт характера (14 %); культура (11 %) и религия (5 %). При этом 72 % опрошиваемых считают важным общение с людьми своей национальности. А участие в работе национально-культурных организаций принимает 77 %. Эти люди рассматривают наличие этнокультурных организаций как место, где можно изучить культуру и язык своего народа, а также как место отдыха и общения с людьми своей национальности, и толь-

ко 13 % – как потенциальную возможность эмигрировать на свою историческую родину.

Характерной чертой стало включение в этнокультурную жизнь немецких диаспоральных общин детей, чьи родители участвуют в жизни немецких общественных организаций, что рассматривается автором как одна из предпосылок дальнейшего социального воспроизводства этнической информации.

Изучение современного этнокультурного состояния данной группы проводилось по следующим, наиболее важным направлениям.

1. Этноязыковая ситуация. Ее исследование предусматривало анализ языковой компетенции, речевого поведения и языковых ориентаций. При этом имелось в виду, что сегодня произошла фактическая замена родного языка русским. Отчасти это обусловлено тем, что язык выполняет не только функции коммуникации, но и важные этнопсихологические функции, выступая носителем широкого спектра символов этнического единства, сходства представлений данного этноса; поэтому, попав в инонациональную среду, человек стремился овладеть языком, понятным большинству. Кроме того, многие национальные языки не получали государственной поддержки в развитии.

С другой стороны, характеризуя языковую ситуацию, необходимо учитывать этнокультурные процессы, происходившие внутри того или иного этноса.

В ходе работы автором было выявлено, что знанием немецкого языка или его диалектов обладают в основном представители старшего или среднего поколения, но лишь в том случае, если они выросли в немецкой семье, где не боялись говорить на родном языке, или в компактных поселениях российских немцев. По данным статистики, в 1979 г. из 3132 немцев – жителей Приморья только 432 считали своим родным языком немецкий; в 1989 г. из 4194 человек таковых насчитывалось 599. В ходе проведенного опроса 50 % считает, что родной язык был сохранен в значительной степени; 28 % указывает на сохранение отдельных элементов; 6 % – указало полное исчезновение родного языка и 17 % затруднилось ответить на поставленный вопрос. При этом на вопросы о своей языковой компетенции, опрашиваемые ответили следующим образом:

Думаю на родном языке	17 %
Все понимаю и свободно говорю	6 %
Понимаю, но говорю с трудом	72 %
Не понимаю и не говорю	6 %

72 % заинтересовано в изучении родного языка и культуры. В результате, современная этноязыковая ситуация характеризуется противоречием между объективными (языковая компетенция и языковое поведение) и субъективными (языковые ориентации) показателями.

Рост интереса к родному языку, а также его социальный престиж привели к тому, что изучение немецкого языка стало приоритетным направлением в деятельности современных общественных организаций, даже, несмотря на сокращение сфер употребления родного языка: 62 % опрошенных немцев общаются на нем только с людьми своей национальности, 33 % – в семье; и 5 % – нигде.

2. Была сделана попытка, проследить влияние этнической культуры на современные процессы жизнедеятельности немецких диаспоральных общин региона. При этом внимание акцентировалось на некоторые аспекты духовной культуры, поскольку по сравнению с материальной культурой, где сегодня преобладают явные тенденции унификации, духовная культура народа в значительной степени сохранила свои этнические черты. Учитывалось, что современная культура российских народов – своеобразный синтез нескольких культур, включая и русскую, отличающийся от первоначального варианта. Наиболее наглядно современная этническая специфика проявляется через народное искусство. В настоящее время мы наблюдаем творческую переработку традиционных компонентов народной культуры, так называемые ее «вторичные» формы, популяризированные творчеством национально-культурных ансамблей, традиционными днями немецкой культуры, наличием национально-образовательных проектов на территории Дальневосточного региона.

3. Наряду с языковыми, образовательными программами практикуются новые формы работы, способствующие реализации культурно-эстетических и просветительских функций в деятельности организаций, взаимосвязанные между собой и дополняемые языковыми программами. Это – вечера немецкой культуры, концерты, национальные праздники, различные лекции, беседы, диспуты, а также кружки и клубы: «Молодежный клуб», «Школа психологической помощи», «Кружок немецкой музыкальной культуры», «Литературно-исторический кружок», «Женский клуб». Подобные клубы, вечера, лекции, концерты есть в каждом этнообъединении. Наличие перечисленных форм работы привлекает к участию в деятельности общественных организаций не только представителей того или иного этноса, но и других национальностей, интересующихся культурой, языком и историей народа.

4. Доминирующая роль евангелическо-лютеранской церкви при поддержке взаимосвязи и взаимодействии членов немецких диаспоральных общин в дореволюционный период, наличие культовых зданий сделало воссоздание религиозных общин одним из факторов национального возрождения в 1990-е гг. Поэтому параллельно шло становление немецких национально-культурных центров и евангелическо-лютеранских общин. На сегодняшний день лютеранские общины имеются во Владивостоке, Уссурийске, Арсеньеве, Хабаровске, Чите, Комсомольске-на-Амуре. Анализ данных социологического опроса показал, что лишь 12 % российских немцев-дальневосточников указывают на полное сохранение религиозных традиций, столько же считает, что элементы религиозных представлений сохранились в значительной степени; 18 % - делает упор на сохранение отдельных элементов; 30 % – говорит о полной утрате, и такое же количество респондентов затруднилось ответить на поставленный вопрос. Несмотря на это, евангелическо-лютеранское вероисповедание продолжает играть этноконсолидирующую и этнодифференцирующую роль. В ряде случаев через религиозные общины происходит пополнение численности немецких культурно-просветительских организаций, а их деятельность зачастую взаимосвязана.

Таким образом, современное состояние немецких диаспоральных общин Дальневосточного региона отражает основные направления этнокультурного развития большинства российских народов и является частью процессов национального возрождения различных народов, имея при этом ряд региональных особенностей.

¹ См.: Сагитова И. О. История и современность немецкой диаспоры Приморского края // Многонациональное Приморье: история и современность: М-лы научно-практической конференции. Владивосток, 1999. С.45–52; Ее же. Национальное возрождение немецкой диаспоры Приморского края // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад: М-лы научной конференции 27–28 апреля 1999 года. М-лы научной конференции 14 апреля 2000 года. Вып. 6, 7. Владивосток, 2000. С. 25–27; Ее же. Особенности этнокультурного развития и межнационального взаимодействия немецкой диаспоры Приморского края на современном этапе // Межконфессиональное и межнациональное развитие: Опыт. Сотрудничество. Проблемы. Перспективы: М-лы Первого Приморского Форума (26–27 октября 2000 г.). Владивосток, 2000. С. 95–101; Ее же. Немцы в Приморье: от истории к современности // Российская цивилизация и мир: проблемы взаимоотношений: Сб. научных трудов по м-лам международной научной конференции «Запад – Восток: образование и наука на пороге XXI века». Хабаровск, 2001. С. 144–151.

4.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

К ВОПРОСУ О НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т. Н. Чернова

Со всей ответственностью можно констатировать, что за истекшие 10 лет в изучении истории и культуры российских немцев были достигнуты заметные успехи: опубликованы десятки монографий, статей, сборников материалов научных конференций, сотни ранее неизвестных документов; защищены десятки диссертаций. Эта устойчивая тенденция имела место быть как в Германии, так и на постсоветском пространстве. Процесс изучения характеризовался тесным сотрудничеством ученых и, как результат, становлением и развитием отечественной историографии проблемы в ряде стран СНГ. Данный процесс эмоционально был оценен учеными как «семимильные шаги», делавшиеся фактически «по целине», «бум» и «революция в историографии», время «архивной революции». Закрепилась новая терминология: российские, азербайджанские, казахстанские немцы и т. д., что вполне оправданно в новейшей истории. Днепропетровские исследователи так мотивируют употребление термина украинские немцы: «Независимый статус нашего государства дает для этого основание»¹. В целом, данный период можно оценить как весьма продуктивный, хотя противоречивый и сложный в плане исторических оценок и выводов. Однако, чем больше накапливается исследований, фактического материала, тем актуальнее становится проблема его анализа, сопоставления, обобщения, выводов, согласования методики и методологии работы.

Итак, вопрос научного осмысления, глубокого *диссертационного* исследования проблем источниковедения и историографии российских немцев на сегодняшний день явно назрел. Об этом свидетельствуют как количественные показатели, так и качественный уровень разработки учеными, краеведами, сотрудниками архивов и музеев в ряде регионов источниковой базы, проблем истории, этнографии, культуры, религии, прошлого и настоящего немецкого этноса в России. Издан библиографический указатель новейшей научной и научно-популярной литературы по данной тематике, вышедшей за десятилетие в Российской Федерации, появились (в том числе в ближнем зарубежье) солидные тематические историографи-

ческие разделы в монографиях, ряд статей этого плана, правда, не охватывающих всей совокупности проблем². Тем самым уже заложен фундамент для серьезного историографического исследования.

Что касается уточнения ранее предложенной *периодизации написания* весьма не простой, более чем 300-летней истории поселения и проживания немцев в Российской империи, СССР, странах СНГ и Балтии (дореволюционной, советской и новейшей историографии), то следует более смело следовать жизненным реалиям. Трудно переоценить роль публицистики конца 1980-х – начала 1990-х годов в становлении нового подхода, нового взгляда на эту проблематику в условиях гласности, пробуждения национального самосознания, подъема немецкого национального движения и борьбы немцев за восстановление автономии и исторической справедливости. Так что было бы правомерным наряду с общепринятыми в советской историографии этапами, довоенным и послевоенным, выделить третий этап – годы перестройки в СССР. Он отличается и всплеском интереса к теме, и по количественным и качественным параметрам, и по критериям содержания, характера, публицистической направленности публикаций об этнических немцах. Затем более четко определяется последующий период десятилетнего (пока) развития новейших исследований в контексте исторической науки в новых государствах на постсоветском пространстве – как период становления историографии немецкого этноса в этих странах. Внешне вопрос ясен и прост, но требуется корректура, пересмотр написанного (к примеру, уточнения периодизации, предложенной ранее Т. Черновой и Н. Вашкау – выделенный условно первый этап изучения проблемы датировался с конца 1980-х годов, как наиболее эмоциональный, окончательно снявший завесу многолетнего молчания о трагедии народа, второй – с середины 90-х гг.).

Далее, что есть *отечественная* историография этнических немцев? Так, в добротном обзоре О. Лицебергер пишет: «Следует отметить, что литература начального периода отечественной историографии не претендовала на глубокое научное исследование». И называет работы, вышедшие в 1920–1930-е годы³... Представляется, что фонд российской отечественной историографии проблемы составляет вся литература по теме, включая обзоры и труды, опубликованные в дореволюционной России, публикации советской эпохи, а также материалы, вышедшие за годы развития новой России.

Исследования послевоенного, с 1945 г., времени по истории и культуре немцев в Российской империи и в Советском Союзе, «мягко говоря, не

пользовались большой популярностью», чаще известные историки «обходили немцев молчанием». Действительно, немецкая тема не была в советской исторической науке ни актуальной, ни отвечающей потребностям «соцзаказов», но, возможно, не совсем правильно, что она «на протяжении десятилетий замалчивалась»⁴. Замалчивалась и по известным причинам табуизировалась прежде всего проблема репрессий в отношении немецкого населения, в частности, его депортации, спецпоселения, репатриации и т.д. В этой связи предметом умолчания надолго стала история поволжских колоний и АССР немцев Поволжья. В целом советская историография этнических немцев после 1945 г., на наш взгляд, не получила на сегодняшний день достаточно глубокого анализа и остается в известной мере в забвении. Упомянутые как редкие исключения в научной литературе работы историков и этнографов в 1960–1980-е годы порой «забрасываются» нами в список литературы или примечаний, не получая должной оценки, хотя назрела необходимость обратиться к новому прочтению как известных, так и забытых страниц. Правда, в отдельных монографиях последних лет им уделено более пристальное внимание.

Так, по мнению И. Черказьяновой, «уже с середины 1960-х гг. стала приподниматься завеса молчания над немецкой темой»⁵. Были официально разрешены исследования немецких диалектов в Западной Сибири, Казахстане (Омск, Алма-Ата). Многолетняя работа Омской диалектологической школы под руководством профессора Г. Едига нашла отражение в сборнике научных трудов «Вопросы немецкой диалектологии и истории немецкого языка» (позже «Вопросы диалектологии немецкого языка»). Правда, фундаментальный труд Н. Беренд и Г. Едига – история исследований в СССР «островной» немецкой диалектологии (с обширной библиографией) – увидел свет в 1991 г. лишь в Германии и остается малодоступным в России⁶. Но благодаря изданным за 20 лет (с 1969 г.) двадцати двум вышеназванным сборникам, успехи сотрудников Омского пединститута стали не только достоянием этой отрасли науки, но и советской историографии этнических немцев. Под руководством Г. Едига было написано и защищено 12 кандидатских диссертаций; в ходе полевых экспедиций в немецкие поселения диалектологи неизбежно обращались также к проблеме миграций носителей языка, собирали устную историю. Методологической основой исследований служили фундаментальный, изданный в 1956 г. труд В. Жирмунского «Немецкая диалектология» и предложенная им классификация диалектов, а также последующие его работы⁷.

В 1960-е гг. появляются первые исследования Л. Малиновского: по этнографии – о типах жилища немцев-колонистов Сибири; по истории переселения в регион (характеристика групп переселенцев); о кооперативном движении и первых шагах коллективизации в немецкой деревне Западной Сибири в 1920-х – нач. 1930-х гг., очерк о немцах. Немецкая деревня в Сибири (1925–1936 гг.) стала темой его кандидатской диссертации⁸. Для расширения источниковой базы – в условиях закрытости архивов – в ходе социолого-лингвистических обследований ученым были собраны воспоминания немцев-старожилов в Омской области и на Алтае. Широкомасштабные исследования были практически невозможны в условиях, когда немцев приходилось называть «западными меньшинствами» либо «некоторыми группами».

Говоря о немцах в Сибири, нельзя не упомянуть тему «Немцы-декабристы», которая в 1970–1980-е гг. привлекла внимание целого ряда исследователей (Нечкина, Матханова, Шахеров и др.). Интересен, в частности, труд по изданию сочинений и писем ссыльных В. Штейнгеля, А. Розена, А. Бригена и др. Доступность и традиционная интерпретация темы объясняется ее спецификой⁹.

В исторических исследованиях 1960–1980-х годов – статьях, монографиях и диссертациях о заселении и освоении, крестьянской колонизации Новороссии – Северного Причерноморья (Дружинина, Кабузан и др.), а также Бессарабии и Поднестровья (Анцупов, Гросул, Зеленчук и др.)¹⁰, рассматриваются и некоторые стороны хозяйственной жизни немцев-колонистов, наряду с другими группами переселенцев. Даются обзоры архивных и печатных источников, карты; показаны изменения численности, сословного и национального состава населения в этих южных окраинах России, развитие аграрных отношений, сельскохозяйственного производства, раскрываются экономические связи между немецкими поселенцами и местными жителями. В работах исследователей фрагментарно отражена роль немцев в развитии тонкорунного овцеводства, виноградарства и других отраслей сельского хозяйства, а также промышленности и торговли – в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях. Затрагивается и вопрос о «мероприятиях по ликвидации так называемого немецкого засилья» в годы первой мировой войны (Дякин).

Подчеркивая преимущество вольнонаемного труда перед крепостнической зависимостью, авторы объясняли успехи колонистов (подразумевая немцев) не столько их организацией труда, сколько «значительными привилегиями». Так, Е. Дружинина прямо пишет: «В основе успехов колонистов

лежали права и привилегии, которыми они пользовались. Им не угрожала крепостная неволя, они были освобождены от рекрутчины и нередко получали денежные ссуды и различные льготы. При этом каждой семье отводилось 60 дес. земли в наследственное пользование. Закрепление за колонистами значительных и строго ограниченных земельных пространств толкало их на путь интенсификации хозяйств... к найму рабочей силы»¹¹. Таким образом, обращение к советской историографии важно для сопоставления, но требует критического подхода, нового мышления, тонкой полемики с идеологизированной позицией автора.

В 1980-е годы серьезной заявкой на исследование немецкой колонистской деревни в Южной России в период до 1917 г., ее социально-экономической жизни, стали статьи и докторская диссертация Л. Малиновского, использовавшего фонды ряда областных архивов, а также русскую и немецкую периодическую печать. Одним из первых он попытался раскрыть региональные особенности общины немецких колонистов (поволжских и причерноморских в сравнении) в XIX – начале XX вв.¹² В контексте проблемы освоения юга Империи начальный этап немецкой колонизации Северного Кавказа был рассмотрен С. А. Чекменевым в статье об иностранных поселениях на Ставрополье с конца XVIII в. Т. Плохотнюк назвал эту статью «открытием забытой темы северокавказских немцев». Однако трудно согласиться с выводом Т. Плохотнюк о том, что «начало 1970-х гг. ознаменовалось существенным прорывом сквозь стену умалчивания в историографии» немцев региона. Особенно спорна ее аргументация, основанная на появлении в последующие десятилетия отдельных публикаций о немцах в немецкоязычных газетах и ссылка на статьи в журнале „Heimatliche Weiten“ («Родные просторы»)¹³.

Издававшийся на немецком языке в 80-е годы (под ред. Г. Вормсбехера) этот альманах определенно сыграл позитивную роль в рассматриваемой нами историографии. Публикацией целого ряда научно-популярных статей исторического плана журнал привлекал внимание к теме, популяризировал ее и противостоял ее забвению.

Интерес к историческим исследованиям «немецкой» тематики оживает по регионам на рубеже 1980–1990-х гг. Вопрос о развитии немецких колоний и поселений меннонитов на Украине, в Крыму привлек внимание украинских исследователей (Кулинич, Кащенко, Бойко, Секиринский). На уровне кандидатской диссертации поднята тема о социально-экономическом развитии дореволюционной немецкой переселенческой деревни Казахстана, дана география расселения и характеристика немецкого населе-

ния Казахстана и Киргизии в конце XIX – начале XX вв. (Кригер, Кронгардт). Впервые рассмотрен вопрос правовой и культурной адаптации немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время (Шрадер) и т.д.¹⁴

Таким образом, тема немецкой колонизации нашла созвучное времени освещение в советской историографии, и хотя авторами привлекался интересный на сегодня архивный и богатый фактический материал, вопрос рассматривался, скорее, субъективно, с предубеждением. К примеру, помощь немцев-колонистов новой родине в военные годы – что являлось проявлением истинного патриотизма – однобоко расценивалась как поддержка царизма. Бросается в глаза и замалчивание немецкого происхождения упоминаемых личностей, нивелировка понятием «русский барон», «русский ученый» и т.п.

В целом в историографии второго этапа советского периода улавливается следующая тенденция: не только «классовый подход диктовал свои правила в изложении материала» (что характерно, по Плевелю, для литературы 1920-1930-х гг.)¹⁵, но и отношение властей к советским немцам. Печальные страницы их истории были недоступны для изучения и даже опасной темой. А общая партийная установка – Постановление ЦК КПСС от 26 июня 1974 г. «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности» – явно не могла изменить ситуацию. Известно, что обкомы КПСС отсылали секретную информацию о ходе выполнения этого постановления, что Бюро ЦК Компартии Казахстана (где проживало около 900 тысяч немцев) приняло в августе 1974 г. подобное постановление. В основе этих решений позитивным было лишь признание назревшей необходимости издания литературы на немецком языке. Так, по ходу реализации их издательством «Казахстан» было издано более 150 книг и брошюр на немецком языке. Среди них – трехтомная антология советской немецкой литературы, монография К. Эрлиха «Живое наследие» и многочисленные статьи о советской немецкой литературе (обращение к которым, наверное, могло бы дать сегодня интересное исследование). Вопреки всему жизнь депортированного народа продолжалась. Создавалась своя литература, в частности поэзия, поддерживалось развитие песенного фольклора, элементов национальной культуры, театра, что нашло отражение и в ряде публикаций (Кляйн, Виндгольц, Бельгер, Эккерт, Лайгер и др.)¹⁶.

Важным дополнением к указанным выше работам, мало затрагивающим быт народов, являются труды этнографов. Следует отметить статьи Т. Фи-

лимоновой, содержащие богатый этнографический материал, написанный на основе этносоциологических исследований немцев Закарпатья – описание жилища, одежды, свадебной обрядности и др. Интересны публикации о развитии межэтнических связей и культурно-бытовых процессов на юге Украины, об этнокультурном развитии немцев СССР (Шин, Наулко, Чешко и др.)¹⁷. Этнография, этнокультура, персоналии и диалектология были сферой, на которую, очевидно, меньше распространялся негласный запрет. Но первые этнографические экспедиции по изучению этнических процессов среди немцев Казахстана и Западной Сибири стали возможны только с 1986 г. – в годы перестройки.

Свою нишу в литературе заняла тема «Городские немцы» (в С.-Петербурге-Ленинграде, Москве, Саратове, Одессе и др.). Во многих статьях (часто приуроченных к юбилею, например, К. Круга, Л. Эйлера, Н. Ланге) освещались различные стороны жизни и творчества выдающихся немцев и их неоспоримый вклад в развитие образования, науки, медицины, искусства, архитектуры, ремесел, военного дела, в исследование Сибири; немцы на государственной службе и т.д. Также рассмотрен аспект – этносоциальная структура населения городов и этнические немцы (Юхнева, Ковригина, Евангулова, Терехин и др.).

Самостоятельным и довольно заметным направлением в историографии стала тема – религиозная жизнь российских немцев в дореволюционный и советский периоды. Разумеется, она подавалась в контексте истории религиозного сектантства в СССР и критики его реакционной сущности, идеологии и деятельности, в свете антирелигиозной пропаганды (в условиях господствовавшей атеистической точки зрения). Кафедры атеизма работали! Разоблачение несостоятельности концепций, мировоззрения баптистов и меннонитов как сектантов стало содержанием целого ряда монографий и диссертаций 1960–1980-х гг. (Ильиных, Белов, Клибанов, Крестьянинов, Ипатов и др.). Публикации в целях атеистической работы и пропаганды носили явно публицистическую направленность, хотя труды Ипатова и Клибанова о меннонитах, как попытка рассмотрения их истории, были более значимыми с научной точки зрения, но мнению в рамках официальной идеологии.

Кажется, настало время критического анализа этой псевдонаучной литературы, и есть пример продуманного подхода. Так, по мнению О. Лиценбергер, дающей довольно точную краткую характеристику¹⁸, эта литература по своей антирелигиозной и пропагандистской направленности мало чем отличается от советской довоенной (когда в специально посвященных лю-

теранству трудах авторы – российские немцы – доходили до полного отрицания религии в угоду режиму и в оправдание массовых гонений на церковь и репрессий, шло атеистическое воспитание). Правда, теперь появилась претензия на научное исследование. Религиоведение в 1960–1980-е гг. подходило к церковной истории более объективно, не проявляя уже столь выраженные ранее черты антирелигиозного фанатизма. В эти годы начались научные изыскания по вопросам истории и вероучения различных конфессий, в том числе протестантизма, развития в стране массового атеизма и по отдельным проблемам государственно-церковных отношений. О. Лиценбергер избирает верный путь критического подхода в оценках порой богатых фактическим материалом работ советских историков: «Однако подобные исследования не следует рассматривать только отрицательно и односторонне. Отбросив надуманные и непременные в них упрощенные оценки классовой сущности религии и суждения о реакционной роли духовенства, следует подчеркнуть особый вклад некоторых работ в изучение отношений Церкви и государства»¹⁹.

Третий этап развития советской историографии протекал в новых условиях – гласности, пробуждения интереса к теме депортированных народов, открытия допуска к архивным материалам. Это отразилось в научно-публицистических статьях, в публикации рассекреченных документов с научными комментариями, дискуссиях по вопросу возрождения Немреспублики, в обращении к диссертационным исследованиям. В 1989 г. впервые были организованы научные конференции в Алма-Ате и в Москве, на них шел открытый, хотя и санкционированный «сверху», разговор о судьбе советских немцев, о последствиях их депортации и восстановлении государственности немцев как исторической справедливости. Расширение источниковой базы, новизна рассекреченных документов, фактов и тем, накал эмоций выступлений в периодической печати и т.д. – вот качественные изменения, являются аргументами для выделения нами определенного этапа в написании истории советских немцев. Начатая исследователями (Бугай, Земсков, Исаков, Кичихин, Козыбаев и др.) работа в этом направлении была активно подхвачена в 1990-е годы.

Как позитив отметим, что на рубеже 1990-х гг. активно поднятая тема советских немцев нашла отражение и в кандидатских диссертациях: исследование языка немцев, проживавших в Казахстане, проблемы их социально-культурного развития в 1955–1985 гг. и участия их в развитии сельского хозяйства, соцсоревнования в этой сфере (1954–1977 гг.), в движении рационализаторов (Штаб, Рис, Фризен)²⁰. Эти работы создава-

лись в условиях демократизации общества, и к рассмотрению их, видимо, надо подходить, скорее, с позиции сегодняшнего дня – насколько они отвечали духу времени. С другой стороны, следует учитывать сложности ломки сложившихся стереотипов, новизну, методы, подходы и выводы авторов, впервые обобщивших в научной литературе обширный фактический материал по вопросам хозяйственной и культурной жизни части депортированного немецкого этноса «в братской семье народов», – и здесь оценка неоднозна.

Стал возможен на этом этапе и первый опыт исторического анализа печати, газетной периодики российских немцев (Хердт, Иларионова). Ведь в годы перестройки и гласности заметно меняется тематика и направленность публикаций. Хронологические рамки этого этапа естественно и логично закрываются датой распада СССР. Но табуизированная тема политических репрессий, в отношении немецкого населения страны, надолго остается в центре внимания исследователей (как и вопрос о Поволжской республике – в общественном движении немцев).

Итак, обращение к проблеме советской историографии позволяет констатировать, что по вполне понятным причинам не было работ на уровне исследований в более ранний период. Для послевоенной литературы характерны мелкомасштабность, политическая заангажированность, классовый, партийный подход, одностороннее освещение, перекосящий историю немцев. Закрытость основных архивных фондов, табуизирование отдельных тем и устойчивый интерес к ним в новых условиях были факторами, влиявшими на развитие и трансформацию историографии. Она требует в оценках скрупулезного сравнительного анализа, объективности и критического подхода с учетом де-факто, потому что неизбежно несла на себе печать времени.

Для периода становления новейшей российской историографии характерны две основные тенденции: обращение к традиционной историографии (заложенной дореволюционными исследователями традиции) и порой ее новое прочтение, а также исследование совершенно новых, запретных ранее тем. Складываются исследовательские центры – разные по тематике и научному уровню, но нет научных школ. Последовательно занимаются историей немцев в местах их компактного проживания; общепризнанный факт, что Москва стала своеобразным исследовательским и координирующим центром (роль МСНК в сотрудничестве с Геттингенским исследовательским центром). Практически ежегодно проводятся международные и региональные научные конференции. Историки, этно-

графы, социологи, лингвисты объединяются в Международную ассоциацию исследователей истории и культуры этнических немцев, с 1995 г. начинает выходить «Научно-информационный бюллетень» (НИБ). Однако налицо оторванность руководства ассоциации от ведущих исследовательских центров в Москве – Института Российской истории и Института всеобщей истории РАН. Историография настолько стремительно развивалась в данное десятилетие, что мы отставали в ее оценках, выработке терминологии, обобщениях и дискуссиях. Наиболее объективные оценки новейшей научной литературы возможны только на основе глубокого, взвешенного проблемного и сравнительного анализа, в частности, в сопоставлении ее с историографией дореволюционного и советского периодов. И это – актуальная научная задача.

В краткой же статье возможны лишь контуры, отдельные «штрихи к портрету». Попытаемся выделить несколько основных направлений в изучении тематики – на уровне статей, диссертаций, монографий, а также остановимся на проблемах и задачах дальнейших исследований.

Итак, региональная история немецкой колонизации. Отметим сразу ту особенность, что история немцев (и меннонитов) Бессарабии, Вольни, Причерноморья, Закавказья, Казахстана, Кыргызстана и др. закономерно становится объектом исследования ученых из СНГ (а также Германии). Таковы реалии нашего времени (в отличие от советской историографии).

Особый интерес после большого перерыва был проявлен к поволжскому региону. Известна в стране и за океаном работа И. Плева о начальном периоде немецкой колонизации Поволжья: впервые глубоко показана разработка правовой базы колонизационной политики России в середине XVIII в., организация приглашения и поселения первых 23 тыс. колонистов. Нашли освещение вопросы социально-экономического развития немецких колоний в XIX – начале XX вв. и системы управления ими, становление системы школьного образования в колониях Поволжья до 1917 г., характеристика типов школ, роль государственных органов и местной администрации, а также собран материал об учителях в области национального просвещения (Решетов, Воронежцев, Вашкау, Веснина, Русских) и другие аспекты. И. Плева приходит к важному выводу о том, что по ряду причин «немцы никогда не представляли в России единого народа», а формирование различных групп немецкого населения происходило в течение нескольких столетий в разных частях обширной империи. В подтверждение тезиса предлагается классификация этого населения по социальному, конфессиональному и территориальному признакам²¹. Однако умолчание

(без всяких оговорок) о группе немцев – около 410 тыс. к 1914 г. – в Привислинском крае, в Царстве Польском, доброе столетие проживших в составе Российской империи ее подданными, на наш взгляд, вопрос дискуссионный. Оговаривая специфику этой группы, ее важно учитывать и при рассмотрении внутренней миграции в стране (к примеру, возникновению анклава волинских немцев значительно способствовал приток немцев из Царства Польского, также шло переселение их из Петраковской губернии – в Самарскую); и при статистических подсчетах общей численности немецкого населения в России (по переписи 1897 г. и после 1918 г., с учетом выхода группы), и при изучении вопроса о положении российских немцев в годы первой мировой войны, их депортации. Заметный вклад в историографию данного вопроса, на основе документов российских архивов и государственных архивов Польши, внес С. Нелипович.

Появляются глубокие работы по проблеме заселения немцами и меннонитами других регионов страны. Раскрывается специфика хозяйствования, культурной жизни и конфессиональный состав немцев Оренбуржья (Тюлюлюкин), Западной Сибири и Алтая (Вибе, Бруль, Малиновский, Савранина, Шайдуров, Эйхельберг), Санкт-Петербургской губернии (Бахмутская), Области Войска Донского и Северного Кавказа (Плохотнюк, Ерохина, Роот)²². Это – первые комплексные исследования на основе новых данных и переосмысления ранее написанного, в большинстве своем – кандидатские диссертации, в которых широко представлены документы центральных и местных архивов, зачастую впервые вводимые в научный оборот. Собран и проанализирован большой фактический и статистический материал, отброшены былые стереотипы, налицо новизна. Однако все они носят явно региональный характер. К сожалению, нет обобщающего труда (кроме научно-популярных очерков и учебных пособий), в котором в масштабах страны были бы рассмотрены: вопросы периодизации и география расселения, проанализирован процесс внутренних миграций немцев в контексте миграционных процессов в Российской империи; показана эволюция правового статуса и особенности социально-экономической, религиозной, культурной жизни немцев-колонистов; раскрыта система самоуправления колоний; специфика развития образования; названы последствия государственной иммиграционной и национальной политики, а также важнейших реформ в различных сферах жизни общества для немецкого населения.

Тема «городские немцы» нашла широкое отражение в новейшей литературе. На новых архивных материалах раскрыта роль Немецкой слободы в

Москве (Ковригина), немцев на государственной и военной службе; изучен вклад выдающихся ученых, педагогов, музыкантов, художников и архитекторов немецкого происхождения в развитие отечественной науки и культуры, в становление консерваторий в С.-Петербурге и Москве, Московского университета (Ф. Петров, Ломтев, Маркина и др.). Своеобразной мини-энциклопедией можно назвать научно-популярные по характеру 6 сборников «Немцы в России» – материалы ежегодного научного семинара в С.-Петербурге. С новых позиций рассмотрен существенный вклад этнических немцев в развитие торговли, промышленности и банков в дореволюционной России (Ю. Петров, Захаров, Бовыкин и др.). Этой теме были посвящены также две московские международные научные конференции и их публикации.

Далее следует выделить аспект традиционной историографии – «немецкий вопрос» в государственной политике и обществе, в Государственной думе (1906–1917 гг.), в печати, как и вопрос о последствиях первой мировой войны и «ликвидационных законов» для немецкого населения страны – от западных областей империи до Сибири. Они привлекли сегодня внимание многих исследователей (Рябиченко, Баах, Решетов, Нелипович и др.) Практически впервые представлены архивные материалы о погромах в Москве, всесторонне рассмотрены позиция депутатов Госдумы по немецкому вопросу и реализация в регионах репрессивных законов военного времени, а также их последствия; раскрыта роль высшего Военного руководства в эвакуации и депортации, в частности в Поволжье и Сибирь, немецкого населения западных губерний и т.д. Однако, как правило, авторы не проводят сравнительный анализ преемственности и специфики антинемецких кампаний и репрессий в отношении этнических немцев при царизме и тоталитаризме, нет соответствующих компетентных выводов. Действительно ли уже в империи закладывался «фундамент деструктивной политики, которая нашла свое продолжение в советский период»²³, было ли это совпадением, вызванным условиями военных ситуаций, или можно говорить о единой линии по отношению к российским немцам. Аргументированные ответы исследователей на эти вопросы помогли бы завершить изучение столь важной проблемы этнополитики в контексте отечественной истории.

Конфессиональные особенности этнических немцев и меннонитов затронуты почти каждым автором публикаций в региональном разрезе. Но впервые дана целостная история лютеранства и взаимоотношений с советской властью Евангелическо-лютеранской Церкви и Католической немецкой диаспоры в России, т.е. раскрыты последствия репрессий против духовенств-

ва и немцев всех конфессий – за религиозные убеждения. Эта тема «с чистого листа» поднята по новым архивным материалам в диссертациях и монографиях (Курило, Лиценбергер), как и положение этноконфессиональной общности меннонитов на Алтае (Соколовский), в Оренбуржье и Западной Сибири (Омский исследовательский центр религиоведения). Большое внимание уделено региональным особенностям религиозной жизни колонистов и ломке ее советской властью.

Глубокие работы, посвященные различным сторонам жизни немецкого населения в советский период, носят как региональный, так и проблемный характер. Автономия немцев Поволжья привлекла внимание ряда исследователей: первые диссертации и монографии посвящены истории становления социально-экономических преобразований, культурного развития и образования, ликвидации АССР немцев Поволжья, рассмотрена суть государственной национальной политики в республике (Пипкова, Герман, Чеботарева). Отдельные аспекты, такие как миграционные процессы в республике, кооперативное движение в Коммуне, краеведческое движение, учреждения культуры и образования, фольклор и языковые особенности немцев в Поволжье, персоналии и т.д., стали темой диссертаций и целого ряда статей (Малова, Милованова, Флейман, Ерина, Штукерт и др.). Директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова считает: «При всех издержках, ограничениях и даже преступлениях, имевших место в сфере советской политики в отношении меньшинств, это была политика признания и поддержки этнического разнообразия, причем не только в сугубо культурных сферах (искусство, литература, наука, образование), но и в социально-экономической и политической сферах»²⁴. Такой новаторский подход мог бы помочь как реконструкции истории Республики не только в черно-белом цвете, так и в поиске ответа на вопросы о корнях ностальгии и привлекательности идеи восстановления республики, при всех деформациях, которые здесь существовали. Хотя неоспоримо, что доминантой в требовании восстановления государственности немцев Поволжья было стремление к восстановлению исторической справедливости, и потому оно постоянно находилось в центре политических требований и дискуссий, а также социологических исследований.

Главный акцент в новейшей историографии был сделан на освещение тех страниц истории этнических немцев, которые замалчивались: проблема голода, вопросы конфронтации немецкого населения с большевистским режимом – защита и сопротивление, эмиграция как форма сопротивления изменению привычного уклада жизни немецкой общины в условиях коллективизации, раскулачивания и антирелигиозной кампании.

Новым словом в этом направлении стали, к примеру, монография Л. Белковец о «большом терроре» в сибирской деревне, исследование – проект общества «Мемориал» – о «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. (Охотин, Рогинский), многочисленные статьи, характеризующие национальную политику тоталитарного государства, приведшую к унифицированию национальных школ, ликвидации немецких национальных районов и сельсоветов, к депортации немцев. Следует подчеркнуть новизну и остроту постановки проблемы в этих работах, введение в научный оборот ранее неизвестных, «засекреченных» документов. Но для корректной реконструкции истории сталинского террора в отношении немцев в масштабах всей страны необходим глубокий сравнительный анализ последствий его для немцев и других народов и обобщающий труд (возможно, совместно с украинскими учеными).

Политические репрессии в отношении немецкого населения в различных регионах СССР, последствия насильственных переселений стали темой международной научной конференции 1998 г. в Москве, где был представлен и историографический обзор по теме²⁵. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на ней. Следует лишь подчеркнуть, что эта тематика стала приоритетной и определила ход развития и лицо новейшей историографии.

В научно-исторической литературе (не говоря о мемуарах и эпистолярном наследии) впервые нашли освещение такие темы: участие советских немцев в Великой Отечественной войне; положение их на оккупированной территории; депортация их в Германию и последующая репатриация; депортация немецкого населения вглубь страны на восток (в том числе «вторичная» депортация); трудовая армия; демографическая ситуация, правовой статус этнических немцев в условиях спецпоселения. В общей сложности им посвящено 3 диссертации – Шадта, Курочкина, Обердерфер (в стадии разработки), ряд монографий и аналитических статей, сборники документов.

С одной стороны, это много, т.к. тема поднята с «нуля», это – новые страницы истории этнических немцев. Впервые ученые попытались раскрыть политическую подоплеку и ход депортации немцев, дать научное определение сути феномена «трудовая армия», выяснив основные этапы и порядок создания, хронологические рамки ее существования, места и режим содержания трудармейцев. По данным Германа/Курочкина, численность мобилизованных в 1942–1945 гг. немцев на объекты НКВД и других наркоматов составила свыше 315 000. Показав, что доля их в трудовом потенциале страны (и НКВД) была невелика, подчеркнув, что не

было «острой экономической необходимости» использовать их принудительный труд в форме труда заключенных²⁶, авторы не дали, однако, сравнительных характеристик и количественного соотношения немцев и представителей других «провинившихся» народов, из которых комплектовалась «трудармия».

С другой стороны, при всем достигнутом успехе в работе, не удалось обобщить огромный материал и воссоздать общую картину трагедии народа, раскрыв причинно-следственные связи и подведя научный фундамент под политически острый, актуальный вопрос о полной реабилитации немецкого этноса в новых условиях. Кроме того, изучение данной проблематики в России без привлечения архивов Казахстана, Украины и других стран получило определенный перекосяк. А дискуссии на основе некорректных выпадов (особенно в СМИ российских немцев с участием эмигрировавших в ФРГ), в частности, по вопросу о «геноциде» советских немцев не принесут желаемых результатов до тех пор, пока проблема не будет рассмотрена детально и доказательно на документальной и теоретической, а не только эмоциональной основе. И в первую очередь – самими учеными. Разброс мнений без научной дискуссии ведет к манипуляциям ими. К сожалению, в год 60-летия депортации немцев Международная ассоциация исследователей «ушла» от всестороннего, глубокого рассмотрения этой проблемы, обратив внимание конференции на социально-экономическое и духовное развитие немцев России в 1871–1941 гг.

Как видим, даже простое перечисление всех поднятых и изученных вопросов свидетельствует о серьезной работе, проделанной за последние годы. Очень важным звеном ее стало освоение новых архивных фондов. Оно шло в двух направлениях. Первое – выявление, анализ, введение в научный оборот массы (в совокупности) ранее неизвестных, в частности, скрытых под грифом секретности материалов и документов центральных, региональных, партийных и ведомственных архивов. Второе – составление и публикация многих тематических сборников документов, а также аннотированных описей отдельных архивных фондов (работа ученых, архивистов, музейщиков). Так была создана широкодоступная источниковедческая база, что отчасти облегчило исследовательский поиск. Отметим также роль обзоров в НИБ и статей источниковедческого плана.

Следующий момент, характеризующий своеобразие периода, – это то, что наряду с доступом в архивы появились такие стимулы, как реальная возможность публикаций и участия в научных конференциях всех уровней, в том числе – зарубежных, получение грантов и зарубежных стажировок.

Это стало возможным благодаря новой геополитической обстановке, реализации решений Российско-германской межправительственной комиссии, при финансовой поддержке российской и германской сторон на уровне министерств, Посольства в Москве и консульств ФРГ, отдельных Фондов, а также благодаря сотрудничеству с Геттингенским исследовательским центром (Германия) и учеными Канады, издательской деятельности МСНК, ОАНРН и др.

Можно выделить также активизацию работы по данной тематике в вузах: организация конференций, ведение спецкурсов и дипломных работ, защита диссертаций, публикации. Тем самым удалось привлечь молодежь к исследованию «немецкой» темы, создать научный потенциал и, заложив фундамент, очертить перспективу для дальнейшего ее изучения. По неполной, прошедшей только в НИБе информации о защитах диссертаций, значительная часть из более чем пятидесяти защит – заслуга молодых.

Особенностью данного периода является такое многообразие тем (порой называемое «мелкотемьем»), что было бы корректно выделить в исследованиях развитие краеведческого направления, научно-популярную литературу. Результатом накопления эмпирического, статистического и документального материала, его анализ и осмысление с новых методологических позиций и подходов стало появление свыше 2100 публикаций и диссертационных исследований. При этом налицо рост не только количества, но и качества исследований, порой на стыке различных научных дисциплин. Однако, как представляется, пик подъема пройден, есть симптомы если не спада, то замедления масштабов этой работы.

На современном этапе развития исторической науки трудно обойтись без применения количественных методов. Характер опубликованных и архивных статистических источников позволяет создавать компьютерные базы данных, что в свою очередь позволяет более продуктивно использовать компьютерные технологии при исследовании различных тем (в частности, при создании Книг памяти). То же относится и к использованию глобальной сети Internet, где уже появилась научная и справочная информация о российских немцах.

В этой связи актуальным и перспективным остается сравнительный анализ как социально-экономического развития поселений немцев, прочих групп переселенцев и местного населения по регионам, так и последствий репрессий в годы тоталитарного режима, демографической ситуации и проблем современной эмиграции немцев, материалов переписей и т.д. Рассмотрение деятельности репрессивной машины по отношению к немцам и

другим национальным автономиям и группам в советский период позволит выявить реальный урон и человеческие потери в сравнении, что важно для понимания проблемы «геноцида». Так, по подсчетам В. Кригера, общие потери немецкого населения в военные годы (без эмигрантов) определяются в 22–25 % численности российских немцев к началу войны. Но доля косвенных потерь за счет дефицита рождений и «невозвращенцев» у этнических немцев выше, а прямых потерь ниже, чем у народов, представители которых были непосредственно задействованы в боевых действиях²⁷.

Устойчивый интерес историков к проблеме этнических чисток и массовых политических репрессий, депортации и ликвидации территориальной автономии в Поволжье привел к тому, что ряд аспектов остались в тени, например: автономистское национальное движение этнических немцев, эмиграция их в дореволюционный период или сегодня – в Германию, национальная пресса и литература, правовой аспект положения немцев в послевоенный период, судьба большей части советских немцев, проживавших вне Республики немцев Поволжья (к примеру, только 410 тысяч немцев в довоенной Украине), роль их общественных организаций, проблемы полной политической и социальной реабилитации и т.д. .

Для восстановления объективной картины истории пришлого в Россию народа (дисперсно поселившегося различными группами в многонациональной чужеродной среде) в контексте перепетий истории страны – влияние реформ, войн и социальных потрясений, изменения общественного строя и государственных границ, приоритетов национальной государственной политики и т.п. – требуется обобщающий коллективный труд, комплексное исследование на основе серьезных наработок последнего десятилетия по региональной истории немецкого этноса. Более пристального внимания исследователей ждут вопросы его настоящего и будущего в условиях дисперсного проживания: жизнь немецких диаспор в городах, развитие новых национальных территориальных образований (районов), общественно-политического движения и Федеральной национально-культурной автономии и т.д. Постепенно, наряду с внутренними проблемами, выдвигаются на первый план вопросы о причинах, мотивации и ходе эмиграции семей немцев в Германию и интеграции их в новое общество, эмиграции немцев из СНГ.

Вопросы современного положения этноса находят освещение скорее на региональном уровне. Но этносоциологические исследования немцев Поволжья (Замогильный, Смольникова) фактически «заглохли» в отличие от региона Западной Сибири и Алтая, где накопленный экспедиционный мате-

риал находит серьезный анализ и осмысление и публикуется с практическими рекомендациями. Целый блок вопросов об этнокультурной эволюции этноконфессиональных групп немцев в Сибири, их современном образе жизни, о календарной обрядности, этнографии, этноязыковой ситуации и образовании, межнациональных контактах и ассимиляционных процессах, мотивах эмиграции раскрывается в работах ряда ученых (Барбашина, Виль, Матис, Рублевская, Смирнова и др.).

Так, Т. Смирнова приходит к выводу о том, что в результате длительного процесса внутриэтнической консолидации из групп переселенцев – из различных регионов европейской части России – сформировалась новая этническая общность сибирских немцев, хотя еще рано говорить «о наличии единого этнического самосознания» у немцев Сибири, которые «являются этнотерриториальной группой»²⁸.

Подобных четких определений нет пока о немцах Алтая или Поволжья, также нет в научной литературе и сравнительных характеристик региональных групп этнических немцев (как удалось, например, рассмотреть этноконфессиональные различия и особенности немецкого населения). Отмечается многообразие используемых авторами терминов – народ, этнос, этническая общность, национальное меньшинство, диаспора, региональная и этнотерриториальная группа и т.д. А что же наиболее объективно отражает суть определения «российские немцы» сегодня? На актуальные вопросы, «сколько нас?» и «каковы анклавные расселения немцев?», «какова динамика их численности и доля в общем населении страны?», возможно, достоверный ответ даст изучение материалов последней переписи населения 2002 г. (ученые Казахстана впереди в этом направлении).

Наконец, недостает глубокого анализа вопроса о сохранении элементов этой культуры в мультикультурной среде (исключение составляют газетные и общественно-политические лозунги о возрождении немецкой культуры). Так, традиционная культура потомков немецких колонистов Поволжья освещена, к примеру, в монографии Шишкиной-Фишер. Но насколько эта культура трансформировалась с переменами в обществе, жизни и быте самих немцев? Речь идет о межэтнических процессах, об эволюции и неизбежном за 200–300 лет (!) симбиозе культур и этнической ассимиляции немцев. Эти процессы требуют осмысления не только с точки зрения насильственных действий над немцами, но и с позиции объективного развития истории (под влиянием исторических событий, реформ, смены различных политических режимов и т.п.).

Учеными выделены факторы, определяющие течение этого неизбежного

процесса. Во-первых, развитие немецко-русского двуязычия как этнического признака российских немцев, причем русский стал языком внутриэтнического общения. Во-вторых, многолетнее неизменное влияние русской культуры на традиционную немецкую, которую наивно искать «в чистом виде». В городах особенно налицо «подпитка» немецкой культуры за счет общероссийских эквивалентов. В-третьих, ускорению ассимиляционных процессов способствуют национально-смешанные браки. По Т. Смирновой, доля их у немцев Западной Сибири уже в 1960-е годы превысила 50 %, а сегодня доля смешанных браков составляет 65 % (в городах превышает 90 %) и имеет тенденцию к увеличению²⁹. Данные выводы ученых имеют большое практическое значение, особенно для дальнейшего развития общественно-национального движения, выработки и корректировки его позиций.

В этой связи заслуживает поддержки мнение А. Германа о том, что негативным фактором в рассматриваемый период, без сомнения, являлась перманентная неконструктивная, изнурительная борьба между собой лидеров немецкого национального движения в России, что вряд ли найдет положительную оценку в истории. Разногласия в самом движении, к сожалению, явно отрицательно влияют на состояние и перспективы развития немецкого этноса в стране и негативно сказываются на процессе исследования.

Показательным достижением коллективных усилий является работа над энциклопедией «Немцы России». Но, к сожалению, после выпуска 1-го тома, работа явно замедлилась; не опубликован и подготовленный солидный учебник о различных этапах этнической истории немцев. Есть мнение, что в настоящее время вполне логично перемещение центра исследовательской работы по немецкой тематике в Сибирь, в основном в Новосибирск, Омск, Барнаул. «Это обусловлено наличием в Западной Сибири самой крупной в России территориальной группы немцев (около 417 тысяч), образованием немецких национальных районов в Омской области и на Алтае и наличием значительного круга не востребовавшихся источников, особенно архивных материалов»³⁰.

Итак, за ушедшее десятилетие историография немецкого этноса в России не только поставила вопросы, но и дала на многие из них исчерпывающие ответы. Это стало возможным только благодаря глубоким исследованиям его прошлого и настоящего: воссоздана цельная картина его исторического развития на основе малоизвестных и рассекреченных архивных материалов, их изучения и сопоставления. С иных позиций шло переосмысление ранее написанного, по целому ряду тем и аспектов сказано новое слово, хотя не всегда имело место

единое мнение в плане исторических оценок и выводов. Истории нужно вернуть недостающие страницы, не окрашивая их только в белый или черный цвет и не вырывая те, которые нам не нравятся. Поэтому историческое развитие малого этноса, как имманентная часть общего целого, должно рассматриваться лишь в контексте объективных потребностей развития страны и государственной этнополитики.

-
- 1 Очерки истории немцев и меннонитов юга Украины (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Под ред. С. И. Бобылевой. Днепропетровск: Арт-Пресс, 1999. С. 7.
 - 2 Чернова Т. Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991–2000 гг.: Указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев России. М., 2001; она же: Фрагменты новейшей историографии по проблемам немецкого этноса в России // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы. Матер. междунар. науч. конф. Ред. кол. В. В. Амелин и др. Оренбург, 2000. С. 45–60; она же: Политические репрессии против немцев СССР: к историографии вопроса // Немцы Сибири: история и культура. Матер. Третьей междунар. науч.-практ. конф. Омск: Аркор, 2002. С. 56–74; Шайдуров В. Н. К истории немецких поселений в Сибири в конце XIX – первой трети XX вв.: проблемы исследования // Немцы Сибири: история и культура... Омск, 2002. С. 170–177; Айсфельд А. Исследования по истории культуры российских немцев // История немцев Центральной Азии. Материалы междунар. науч. конференции Алматы, 9–10 окт. 1997 г. Алматы, 1998. С. 80–92 и др.
 - 3 Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917-1938). М.: Готика, 1999. С. 10.
 - 4 Айсфельд А. Исследования по истории, культуре и современному положению российских немцев после второй мировой войны // Кавказские немцы – немцы на Кавказе до первой мировой войны. Материалы Первой междунар. науч. конф. Баку, 22–25 сент. 1997 г. Баку: ЭЛМ, 2001. С. 17.
 - 5 Черказьянова И. В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). М.: ОАНРН, 2000. С. 16.
 - 6 Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und die Bibliographie. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1991. S. 403
 - 7 Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.-Л.: Наука. 1956.
 - 8 Чернова Т. Н. Российские немцы. Отечественная библиография... С. 213–215.

- ⁹ Движение декабристов. Указатель литературы. 1960–1976 гг. - М., 1983. - с. 302 ; То же. 1977–1992 гг. М., 1994. С. 360 ; Декабристы. Библиографический указатель литературы. 1988-1983 гг. Киев, 1985. С. 52. То же. 1984–1986. Киев, 1987. - с. 48 и др.
- ¹⁰ В данной статье далее будут называться только фамилии авторов работ, вошедших в Библиографический указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев России. См.: Чернова Т. Н. Российские немцы. Отечественная библиография ... С. 213–215.
- ¹¹ Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825–1860 гг. М.: Наука, 1981. С. 60. См.: Она же: Южная Украина в 1800–1825 гг. М., 1970. С. 110–149.
- ¹² Чернова Т. Н. Российские немцы. Отечественная библиография... С. 215, 237.
- ¹³ Чекменев С. А. Иностранные поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12–13. - Ставрополь, 1971. С. 243–253; Плохотнюк Т. Н. Отечественная и зарубежная историография о немецких колониях Северного Кавказа // Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 4–9 сент. 1996 г. М.: Готика. С. 68, 72 (сн. 7).
- ¹⁴ Чернова Т. Н. Российские немцы. Отечественная библиография... С. 210–218.
- ¹⁵ Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М.: Готика, 1998. С. 22.
- ¹⁶ Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография... С. 248–252.
- ¹⁷ Там же, С. 245, 251.
- ¹⁸ Лиценбергер О. А. Указ. соч., С. 10–11.
- ¹⁹ Там же. С. 11.
- ²⁰ Штаб В. А. Социолингвистическое исследование языка немцев в Казахстане: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1990. С. 23; Рис Л. Э. Культурная жизнь немецкого населения Казахстана (1955–1985): Автореф. дис...канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991. С. 24; Фризен А. Участие советских немцев в развитии сельского хозяйства Казахстана (1954–1977): Автореф. дис... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991. С. 24.
- ²¹ Плева И. Р. Указ. соч., С. 8.
- ²² Чернова Т. Н. Российские немцы. Отечественная библиография...; Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX-XX вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Оренбург, 2001. С. 21; Бахмутская Е.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760–1870 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 31; Ерохина О. В. Социально-экономическое и культурное развитие немецких колоний Области Войска Донского (70-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Волгоград,

2001. С. 19; Роот Е. В. Немецкие колонии Области Войска Донского (последняя треть XIX-1914 г.) : Автореф. дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003. – С. 22.
- 23 Тишков В. А. Политика этнического многообразия // Этнопанорама (Оренбург), № 3–4, 2002 С. 22.
- 24 Чернова Т. Н. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // «Наказанный народ». По матер. конф. «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 нояб. 1998 г. М.: «Звенья», 1999. С. 261-278.
- 25 Шайдуров В. Н. Указ. соч., С. 173.
- 26 Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941–1945). М.: «Готика», 1998. С. 66–68.
- 27 Кригер В. Некоторые аспекты демографического развития немецкого населения 1930-х–1950-х годов // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. (1871–1941 гг.) Материалы 8-й междунар. науч. конф. Москва, 13–16 октября 2001 г. М.: ЗАО «МДЦ Холдинг». 2002. С. 485-486.
- 28 Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск: ИЦ «Русинко», 2002. С. 160.
- 29 Там же: С. 161–162.
- 30 Там же: С. 9.

РАБОТА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ ФИЛИАЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В г. ЭНГЕЛЬСЕ (ЭФГАСО) В 1990–2002 гг. ПО НЕМЕЦКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

Е. М. Ерина

Заявленная тема весьма сложна для нашего архива по нескольким причинам. После многих лет умолчания нелегко было открыть архивные фонды, о которых до 1985 г. не позволялось даже упоминать. Но и далее, вплоть до 1989 г., аббревиатура «АССР НП» продолжала пугать властные структуры любого ранга, что также мешало допуску в архив исследователей. Не располагало к изменению ситуации и здание архива – бывший хлебный амбар, которому в 2002 г. исполнилось 100 лет. В нем трудно было определить место для читального зала, то есть найти хотя бы небольшое помещение, где возможно было бы поставить столы для исследователей. Тем не менее такое помещение удалось выделить. В этой комнате площадью 12 кв. м. в тесноте, за двумя столиками, посетители работают до сих пор, в ней же стоят два копировальных аппарата, на которых постоянно работают архивисты, расположен предметно-тематический каталог и небольшой библиотечный фонд.

Порядок работы исследователей, как и во всех государственных архивах страны, определяется Правилами работы пользователей в читальных залах государственных архивов Российской Федерации (М., 1998) и Памяткой пользователям, работающим в читальном зале филиала Государственного архива Саратовской области в г. Энгельсе (2001). Разрешение на работу в читальном зале дает директор, он же и главный специалист, ответственный за данный участок работы. Исследователям оказывается консультативная помощь, к их услугам – списки фондов, картотеки, каталоги, описи, библиотека.

За неимением полноценного читального зала приходится постоянно решать весьма сложный вопрос – установление очередности в работе исследователей. И с каждым годом эта проблема становится все острее, т. к. интерес к изучению архивных фондов филиала растет. Наибольший интерес вызывают различные аспекты истории немцев Поволжья от момента их заселения по манифестам Екатерины II 1762 и 1763 гг., обустройства на волж-

ской земле и до образования и функционирования первой немецкой автономии (1918–1941 гг.).

Проведенный анализ позволил установить, что за рассматриваемый период (1990–2002 гг.) читальный зал архива принял 531 исследователя, из которых 464 работали по заявленной теме, свыше 40 из них – представители ближнего и дальнего зарубежья.

Основной контингент пользователей: профессорско-преподавательский состав, аспиранты, студенты вузов, работники музеев, представители научных учреждений, различного рода организаций, представители органов государственной власти и управления, общественных организаций, корреспонденты газет, журналов, частные лица. Цель их: написание монографий, кандидатских и докторских диссертаций, научных статей, дипломных работ, различного рода краеведческие изыскания, проведение генеалогических исследований и т.д.

География исследователей весьма разнообразна: Саратов, Самара, Волгоград, Ульяновск, Кострома, Новосибирск, Уральск, Калининград, Санкт-Петербург, Москва; ближнее зарубежье – Казахстан, дальнее – Германия, Франция, Америка, Япония, Норвегия и др.

Первым зарубежным исследователем стал в 1992 г. профессор истории Колорадского университета (США) Джеймс Лонг, автор известной монографии о поволжских немцах¹. Когда ученый писал монографию, допуск в Энгельсский архив он получить не смог, что естественно не могло не сказаться на опубликованных материалах. Попав в наш архив уже после опубликования своей монографии, Д. Лонг в течение полутора месяцев изучал документы первой немецкой автономии с целью продолжить работу над монографией. Он выступил с докладом на Международной российско-американской конференции историков, проходившей в Саратове в мае 1992 г.², после чего «изменил» этой теме, перенес свои научные приоритеты в Китай. Думается, что основной причиной такого решения стали серьезные изыскания по истории Республики немцев Поволжья ученого из Саратова А. Германа, который начал работать в нашем архиве еще с начала 1989 г. Фундаментальные работы этого ученого сегодня широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом³.

Над темой «Социально-экономическое развитие немецких поселений XVIII–XIX вв.» работал И. Плева. Итогом работы стала изданная в 1998 г. монография⁴, которая была переиздана в 2000 г. Она переведена на английский язык и издана в США. По данной же теме в 1998 г. И. Плева защитил докторскую диссертацию. В дальнейшем, используя материалы

нашего и ряда других архивов, он собрал и начал публикацию списков первых немецких поселенцев на Волге. Два тома, из запланированных 4-х, уже опубликованы⁵. Эта работа оказывает существенную помощь потомкам первых поволжских немцев, желающим восстановить свое генеалогическое древо.

Работают в архиве и аспиранты профессора И. Плева. Так, Д. Решетов изучает социально-экономическое развитие немецких колоний Поволжья в первую мировую войну (1914–1917 гг.) и готовится по этой теме защитить кандидатскую диссертацию.

По документам нашего архива исследовал историю Республики немцев Поволжья уже упоминавшийся А. Герман. В 1992 и 1994 гг. он опубликовал две книги своей известной монографии⁶, а в 1995 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Национально-территориальная автономия немцев Поволжья (1918–1941 гг.). С использованием материалов ЭФГАСО А. Герман подготовил и издал в 1996 г. оригинальную книгу «История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах»⁷. Книга переиздана в 2000 г. В этой работе соседствуют несколько научных жанров: хроника, публикация документов, статистический материал, фотодокументы.

Многие наши исследователи – бывшие или нынешние студенты, аспиранты и соискатели профессора А. Германа, преподающего ныне на историческом факультете Саратовского государственного университета. Так, И. Шульга работал над темой «Немцы на службе в армии России» как соискатель ученой степени кандидата исторических наук по кафедре гуманитарных и социально-экономических дисциплин Саратовского высшего военного командно-инженерного училища ракетных войск, ныне он кандидат исторических наук. Аспирантка О. Вагина-Мозговая в качестве своего диссертационного исследования избрала проблему: «Этнические немцы СССР в советско-германских отношениях 1918–1941 гг.», аспирантка О. Мазина изучала материалы об общественно-политической жизни Республики немцев Поволжья в период форсированной модернизации СССР в 1929–1941 гг.

Многие студенты вузов, защитив свои дипломные проекты на материалах архива, почувствовали интерес к исследовательской научной работе и продолжили ее уже в рамках подготовки кандидатских диссертаций. Среди них – О. Винс с темой «Голод в Немреспублике в 1921–1922 гг.». Над этой же темой, но в более узком аспекте работала Лизмари Грибел (университет Северной Каролины, США): «Голод 1921 г. в Поволжье и американская помощь» (научный руководитель профессор Дональд Рейли, научный кон-

сультант профессор А. Герман). Сотрудник Норвежского телевидения Стиг Андерсен с помощью известного саратовского кинорежиссера-документалиста Ю. Чебрыкова и архивистов собрал документы и фотопозитивы для съемок фильма «Голод в Поволжье 1921 г. и миссия Ф. Нансена».

В. Кондрашин, ныне доктор исторических наук (в период работы в нашем архиве – аспирант Института отечественной истории РАН), затронул тему, на которую ранее было наложено табу: «Голод в деревнях немецкой республики в 1932–1933 гг.».

Л. Милованова по материалам архива защитила кандидатскую диссертацию «Сельскохозяйственная кооперация в области немцев Поволжья в 1921–1924 гг.», активно используя при этом историческую справку на 1,5 п. л. из предисловия к фонду Р-848 «Союз сельскохозяйственных кооперативов», подготовленную ведущим специалистом архива Т. Солдатовой.

Ряд лет работает в читальном зале архива Н. Малова. Первое ее исследование было посвящено теме «Музеи и музееведение». Оно проводилось с целью получить специальное музейное образование, при этом, кроме документов архивных фондов, она использовала подготовленные ранее и изданные работы автора настоящего доклада об ученых Немреспублики Г. Дингесе и А. Дульзоне. На основе материалов архива мы с ней подготовили и опубликовали в научных сборниках несколько работ в соавторстве⁸. Став аспиранткой истфака СГУ, Н. Малова избрала темой своей диссертации «Миграционные процессы немцев Поволжья». Ныне кандидат исторических наук Н. Малова продолжает работу над этой темой. Проблемами миграции поволжских немцев занимался в нашем архиве и Джо Анн Кур из США.

О. Лиценбергер, саратовская исследовательница, защитила кандидатскую диссертацию и написала две монографии⁹, опираясь в значительной мере на документы ЭФГАСО. В настоящее время она готовится к защите докторской диссертации по истории римско-католической церкви в России в XVIII–XX вв.

Совместная работа архивистов и ученых приносит пользу обеим сторонам. Так, О. Лиценбергер, работая над документами церкви, обнаружила неточности, ошибки в фондировании, оказала помощь в усовершенствовании описей и научно-справочного аппарата к ним. В этом плане нельзя не остановиться на работе германского историка из Геттингена В. Хердта. Он исследует советский период истории немцев Поволжья, используя материалы ЭФГАСО. В. Хердт опубликовал сборник документов и целый ряд статей¹⁰. В рамках совместного проекта ЭФГАСО и научного института в Геттингене, где работает В. Хердт, мы подготовили и издали на русском и

немецком языке уникальную опись архивного фонда Р-1831 с полным научно-справочным аппаратом (предисловием, именовым, географическим и тематическим указателями). Высокий спрос исследователей на документы, включенные в данную опись, не имеет аналогов в нашей работе.

В 1992 г. профессор, доктор исторических наук В. Чеботарева (г. Москва), сотрудник института европейских гуманитарных программ РАН, по заданию Российско-американского университета подбирала документы к сборнику «История российских немцев в документах»¹¹. Сотрудники архива оказали большую помощь исследователю в сборе и копировании документов. В сборнике даны ссылки на архивные фонды филиала, во введении архивистам ЭФГАСО выражена благодарность.

И. Коновалов защитил докторскую диссертацию по теме: «Крестьянская кооперация Европейской части России» (конец XIX в. – 1917 г.). В нашем читальном зале темой его исследования стала работа «Кооперация в колониях немцев Поволжья».

Дважды работал в читальном зале архива профессор Такео Судзуки из университета Васэда (Токио, Япония). Его академическая работа: «Столыпинская реформа и немецкие общины Поволжья». В 1997 г. преподаватель Анженского университета (Франция) Мартин Дениз Мепуле Бюно работала в архиве над темой «История статистики в Саратове и губернии». В нашем читальном зале она изучала статистические данные по немецкой республике – фонд народно-хозяйственного учета АССР НП. Этот фонд еще ждет своих исследователей.

Доктор В. Деннингхаус из университета в Дюссельдорфе (Германия) изучал жизнь немецких колоний в 1905–1917 гг. Итогом стала солидная монография¹². Доктора К. Гассеншмидта (университет во Фрайбурге, Германия) и его аспиранта И. Грюневальда интересовало политическое устройство и административное управление республики немцев Поволжья.

В течение нескольких лет работала в читальном зале архива ныне профессор Волгоградского государственного университета Н. Э. Вашкау. Тема ее исследования – «Образование немцев Поволжья». Защита проходила в Саратовском государственном университете. Другие ученые Волгоградского университета также являются нашими посетителями. Н. Сороквашин изучал историю немецких колоний XVIII – начала XX вв., Н. Гроо искал материалы по теме «Немецкий этнос – мост развития отношений между Россией и Германией».

Наши архивные фонды привлекли внимание Министерства сельского хозяйства РФ. По его заданию работники Министерства сельского хозяйства

Саратовской области, Саратовского аграрного университета, областного и Энгельсского районного статистических управлений (О. Заковрягин, В. Пелюх, К. Овсянников) изучали состояние сельского хозяйства в Немреспублике в 1936–1940 гг. Ими был проведен анализ эффективности использования земли. Специалистов интересовало количество посевных площадей, урожайность и валовые сборы сельскохозяйственных культур, численность и продуктивность скота.

Представители акционерного общества «Надежда» изучали опыт выращивания табака в Марксштадтском кантоне. Особое внимание ряда ученых Саратовского аграрного университета было уделено возделыванию в Немреспублике сорго, и этот опыт нашел применение на полях Саратовской области. Работников базы хлебопродуктов производственно-коммерческого предприятия «Мукомол» г. Энгельса (В. Степанова, В. Собгайду) интересовала история развития мельничного хозяйства с. Брабандер в целях использования положительного опыта данного хозяйства в своей работе.

Особое внимание в последнее десятилетие уделяется изучению культуры поволжских немцев, языка и этнографии. Эти темы интересуют как наших ученых, так и зарубежных исследователей. Работники научной библиотеки СГУ под руководством В. А. Артисевич работали над темой «Вклад немецкой культуры в духовный универсум Поволжья». Результатом этой работы явился сборник статей¹³. Глубоко раскрыл тему «Социологический аспект функционирования диалектов немецкого языка на территории Поволжья» аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания СГУ В. Манькин (руководитель – профессор И. Горелов). Он первым обратил внимание на богатый пласт материалов по диалектологии, хранящийся в нашем архиве. На основе этих материалов он подготовил и опубликовал серию научных статей в России и Германии, первым начал изучение жизни и деятельности ученых Г. Дингеса и А. Дульзона, подвергшихся репрессиям в 30-е годы XX века. В. Манькин успешно защитил кандидатскую диссертацию. Более того, с помощью ученого архивисты собрали документы и создали уникальный объединенный архивный фонд Г. Дингеса и А. Дульзона. Работу В. Манькина по изучению жизни и деятельности ученых в Поволжье продолжила автор настоящего доклада¹⁴.

Работник областного музея краеведения А. Миронова начала выявление материалов в целях создания первой выставки «Из истории немцев Поволжья», в ее формировании также приняли участие Е. Горобцова, другие сотрудники музея. Долгие годы экспозиция привлекала внимание экскурсантов из нашей страны и из-за рубежа. Е. Горобцова в период ее работы в ка-

честве зам. директора Областного музея краеведения использовала документы архивных фондов филиала при подготовке к публикации своих научных работ¹⁵. Работники Энгельсского краеведческого музея Д. Решетов, Л. Шумилова, О. Скучаева, И. Семенова и др. работали по документам архивного фонда Центрального музея АССР НП с целью создания экспозиции по истории и культуре российских немцев, но фактически до сих пор такой экспозиции в музее нет.

Много интересного для себя в нашем архиве нашел исследователь Е. Флейман, доцент Костромского технологического института, защитивший докторскую диссертацию по проблеме «Краеведческое движение в России и музеи АССР НП».

Язык и культуру поволжских немцев изучал доктор Х. Крифер (Эссенский университет, Германия). Госпожу Заштиг (Германия) и ассистента кафедры немецкого языка педагогического института СГУ А. Милютину интересовал «газетный» язык поволжских немцев. Их темы: «Немецко-язычные газеты России» и «Особенности лексики газет поволжских немцев». Аспирантка ПИ СГУ М. Логинова изучала лексические особенности диалектов поволжских немцев.

Студенты педагогического института СГУ Н. Вирфель и О. Андропова работали над темой: «Руссизмы и русские заимствования в диалектах поволжских немцев». Научный сотрудник, славист Эссенского университета Регир Нивебур также исследовал заимствования в языке поволжских немцев.

А. Штуккерт (филфак СГУ) защитила кандидатскую диссертацию на материалах архива по теме: «Педагогическое образование в системе национальной школы немцев Поволжья». Сотрудник университета Сан Хосе (Калифорния, США) И. Айхорн работала над темой «Школы и образование в немецких колониях во 2-ой половине XIX – начале XX вв.».

Вопросами этнографии поволжских немцев интересовались многие исследователи. Доцент кафедры немецкого языка В. Салькова и директор архива Е. Ерина на основе материалов архивных фондов филиала подготовили и издали книгу «Обычаи поволжских немцев», а в соавторстве с учеными Эссенского университета Р. Баур и Кр. Клоста издали работу «Пословицы и поговорки немцев Поволжья»¹⁶. Обе работы пользуются большим спросом как в нашей стране, так и за ее пределами. Использован целый пласт пословиц и поговорок, хранящихся в нашем архиве и ранее не публиковавшихся.

Не обошли своим вниманием исследователи и вопросы литературы поволжских немцев. Доктор философских наук, в свое время редактор немецкоязычной газеты WZD, Л. Тетюев изучал творчество поэтов и писателей

АССР НП, доктор Фреше Гартунг (Германия) – литературу поволжских немцев, корреспондент газеты «Neues Leben» (Москва) по Саратовской области Л. Шаршавова готовила по документам архива серию статей по вопросам истории и культуры немцев Поволжья.

Свободный журналист из Мангейма (Германия) Улла Лахауэр работала в нашем архиве с Ритой Паулс, предки которой – менониты из села Лизандерге (Lisanderhöh), ныне с. Калинино Энгельсского района. В 1929 г. они были раскулачены и высланы в Караганду. В 2002 г. Улла Лахауэр выпустила в Германии книгу «Ritas Leute. Eine deutsch-russische Familiengeschichte», в которой дала всю историю семьи Паулс: от заселения в Поволжье и до возвращения на свою прародину в Германию.

Многие исследователи интересуются музыкальной культурой поволжских немцев. Е. Шишкина, доцент Астраханской консерватории, работала над музыкальным фольклором немцев Поволжья. В результате ею были опубликованы песни, собранные Георгом и Эммой Дингес, хранящиеся в нашем архиве. К сожалению, на титуле книги не был указан архив – хранитель музыкальной культуры немцев Поволжья, что является нарушением правил издания подобных работ.

Профессор Е. Ершова, доцент Л. Кивалова, студенты Ю. Попова и М. Закатова Саратовской консерватории им. Собинова также изучали народные песни поволжских немцев и приняли участие в семинаре по музыкальной культуре немцев России, проходившем в Мамонтовке Московской области, где выступили с сообщениями. В. Медведева, руководитель программы «Российские немцы» Московского государственного педагогического университета, работала над темой «Музыкально-песенный фольклор немцев Поволжья». Много внимания данной теме уделяли В. Претцер, директор Калининградского немецкого театра и режиссер театра Екатерина Шмеер, которые готовили к изданию народные немецкие песни с нотами. Но совместный проект театра и Энгельсского архива не состоялся из-за отказа спонсоров выделить необходимые средства.

Велик интерес исследователей к материалам архива, которые дают возможность составить генеалогию рода. Причем в этом плане работа идет в нескольких направлениях. В России создан ряд обществ, занимающихся родословием. Их прежде всего интересуют все материалы, хранящиеся в архиве: историки-архивисты В. Сошников, Д. Панов (Москва) работали по следующим темам: «Документы учета и переписи населения: хранение, описание и использование в архивах России» и «Источники по генеалогии в архивохранилищах России XVIII–XX в.в.».

Над своей родословной работали семейные пары из Америки Георг и Аделия Кляйн, Рой и Руби Шпомер, братья Кевин и Раймонд Шпрайер (Спрайер). Их предки-немцы были выходцами из Поволжья, которые, в свою очередь, прибыли в Россию по приглашению Екатерины II. Вопросы родословной занимались также И. Гербер из Германии, В. Претцер из Калининграда, Ирма Айххорн из Америки. Последняя работала не только над своей генеалогией, но и над историей села Сплавнуха – Гук Бальцерского кантона. Над историей села Цюрих (Зоркино) работал Вальдемар Грешенштейн (Германия).

Естественно, в одном докладе дать полный обзор исследователей, работавших в течение 15 лет (с тех пор, как наш архив стал открытым) и продолжающих работать в читальном зале невозможно, да думается, что в этом нет необходимости. Даже беглый обзор дает представление о том, каких потрясающих результатов в изучении истории и культуры российских немцев добились ученые, работавшие в нашем архиве и использовавшие найденный материал для своих публикаций. Нельзя не отметить и того, как много исследователей, используя материалы архива, смогли защитить кандидатские и докторские диссертации, сделать серьезную карьеру и имя в научном мире. Печально то, что, несмотря на все эти успехи, архив продолжает пребывать в первобытном состоянии тесноты, неблагоустроенности, вынужден ежедневно решать массу конкретных проблем сохранения ценнейших документов в старом, постепенно разрушающемся здании.

В заключение хотелось бы обратиться ко всем исследователям: поработав в нашем архиве и издав какую-либо из своих работ с использованием наших материалов, не забывайте пополнять библиотеку архива своими работами, т. к. это не только ваша обязанность, предписанная правилами работы в архиве, но и возможность для работающих позднее исследователей не «изобретать велосипед», то есть не повторять того, что уже сделали Вы.

1 См.: Long J. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans 1860–1917. Lincoln – London, 1988.

2 См.: Лонг Дж. Поволжские немцы и голод начала 20-х гг. // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994.

3 Дж. Лонг стал одним из рецензентов монографии А. А. Германа «Немецкая автономия на Волге», изучив ее рукопись во время своего пребывания в Саратове в 1992 г.

До настоящего времени между двумя учеными поддерживаются дружеские отношения.

- 4 См.: Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. М.: Готика, 1998. Переиздана в 2000 г. (Издание второе. М.: Готика, 2000).
- 5 См.: Pleva J. Einwanderung in das Wolgagebiet: Band 1. Göttingen, 1999; Band 2. Göttingen, 2001.
- 6 См.: Герман А. А. Немецкая автономия на волге. 1918–1941. Ч. 1. Автономная область. 1918–1924. Саратов, 1992; Его же. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994.
- 7 См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996. Переиздана в 2000 г. (Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Готика, 2000).
- 8 См.: Ерина Е. М., Малова Н. А. Пауль Давыдович Рау – один из основателей и директор Центрального музея АССР НП // Материалы международной научной конференции «Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей». Саратов, 1997. С. 15–18; их же. К истории Центрального музея АССР НП // Феникс: альманах (Алматы). 1998. № 20. С. 219–234 и др.
- 9 См.: Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938 гг. М.: Готика, 1999. Ее же. Римско-католическая церковь в России. Саратов, 2001.
- 10 См.: Herdt V. (Hrsgb). Zwischen Revolution und Autonomie. Dokumente zur Geschichte der Wolgadeutschen aus den Jahren 1917 und 1918. Köln, 2000; Хердт В. Немецкие колонисты в Поволжье в период между революциями 1917 г. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М.: Готика, 1999 и др.
- 11 См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М.: МИГУП, 1993.
- 12 См.: Dönninghaus V. Revolution, Reform und Krieg. Die Deutschen an der Wolga im ausgehenden Zarenreich. Essen: Klartext, 2002.
- 13 См.: Ерина Е. М. Страницы театрально-музыкальной жизни АССР немцев Поволжья // Из истории культуры немцев Поволжья. Саратов, 1993; Гордеева Г. В. Из истории Центральной библиотеки республики немцев Поволжья // Там же.
- 14 Статьи о них опубликованы в сборнике: Ерина Е. М. Очерки истории и культуры немецкой автономии на Волге». Саратов, 1995 и в других изданиях.
- 15 См.: Горобцова Е. А. Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX в.в.): музейный каталог. М., 1998. Ее же. Национальный костюм немцев Поволжья» (конец XVIII – начало XX в.в.). Пермь, 1998.
- 16 См.: Обычаи поволжских немцев / Сост. Ерина Е. М., Салькова В. Е. М.: Готика, 2000; Пословицы и поговорки немцев Поволжья / Сост. Ерина Е. М., Баур Р. С., Салькова В. Е., Клоста Кр. М.: Готика, 2000.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕННОНИТОВ СИБИРИ В ФОНДАХ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (сборы 1960–1990-х гг.)

Л. И. Сенникова

Музеи, как известно, называют «хранилищами народной памяти», поскольку они обладают немалыми возможностями в сохранении культурного наследия народов. Для исследователя материалы музейных фондов могут помочь решить проблему расширения «источникового поля» и поиска т. н. «живого материала».

Главная отличительная черта фондов музея от фондов архивов и библиотек обусловлена особыми свойствами музейных предметов, такими как аттрактивность¹ и экспрессивность², а также комплексным документированием исторических процессов. Архивы и библиотеки, напротив, не ставят своей целью охватить все многообразие источников

Фонды музея группируются, как известно, в коллекции, музейная ценность которых определяется их полнотой в количественном и качественном отношении. Хотя процесс формирования коллекции ОГИК музея по истории и культуре меннонитов не завершен, многочисленные ее предметы могут выступать в качестве источников при изучении истории и культурно-бытового наследия меннонитов.

Формирование коллекции происходило в основном в 1960–1990-х гг. XX в., продолжается и в настоящее время. Так, во второй половине 1960-х годов в русле общей антирелигиозной кампании в Омской области Омским областным краеведческим музеем совместно с Управлением КГБ по Омской области была подготовлена выставка «Идеологические диверсии империализма». По сообщениям прессы, 1 февраля 1967 года состоялось открытие выставки в здании музея³. Впоследствии выставка экспонировалась в различных районах Омской области, а с начала октября 1972 года вновь работала в залах музея⁴. Выставка благополучно просуществовала до середины 1980-х гг.

Выставка готовилась по материалам Управления КГБ по Омской области. Как свидетельствуют сотрудники музея, которые были очевидцами этих событий, документы привезли в больших сундуках и долгие годы они хра-

нились в музее, не являясь его собственностью. Сундуки были опечатаны, периодически сотрудники УКГБ проверяли сохранность пломб и изымали оттуда определенные материалы. Так, были изъяты многочисленные номера небезызвестного журнала «Посев».

Некоторое время спустя оставшееся содержимое сундуков было передано на хранение в музей. Значительная часть этих материалов вошла в коллекцию под названием «Секты». Среди них: протоколы судебных заседаний над верующими различных конфессий Омской области, иллюстрированные фотографиями, а также огромное количество так называемых «вещественных доказательств» вины верующих: духовная и миссионерская литература, тетради с записями религиозных текстов, письма из личной переписки, открытки, фотографии. Часть материалов, переданных Управлением КГБ, долгое время не были поставлены на учет и хранились без ОМК⁵. А те, которые вошли в коллекцию «Секты», в свое время были обработаны некачественно и хранились в несоответствующих условиях, что затрудняет работу с некоторыми предметами. Уже в 1990-х гг. Ириной Васильевной Черказьяновой была проведена огромная как по объему, так и по значению работа по постановке безномерных материалов на учет.

В тот же период фонды музея значительно пополнились предметами по истории немцев в регионе, а также – меннонитов, что было связано с активной экспедиционной деятельностью сотрудников музея. Особая заслуга здесь принадлежит директору музея П. П. Вибе и, тогда еще сотруднику музея И. В. Черказьяновой. Летом 1995 г. состоялась одна из крупнейших экспедиций в села Исылкульского, Москаленского и Азовского районов Омской области. В этой экспедиции принимал участие также исполнительный директор Геттингенского института германских и восточноевропейских исследований доктор А. Айсфельд. Выбор сел был определен единой этноконфессиональной принадлежностью их основателей и первых жителей⁶. В связи с этим экспедиционная группа посетила села Маргенау, Аполлоновка, Николай-Поле, Миролюбовка, Родная Долина и Новоалександровка, основанные меннонитами.

Всего в 1990-х гг. сотрудниками ОГИК музея было проведено более 20 этнографических экспедиций в села с немецким населением в 10 районах Омской области.

Конечно, экспедиции способствуют пополнению фондов предметами материальной культуры (вещественными источниками), но не только. Ведь экспедиционные материалы (дневники) и сопроводительные документы к предметам (легенды поступления предметов) могут выступать в качестве

письменных источников, обладающих ценными сведениями о жизни конкретных людей и их семей в определенных исторических условиях. Нельзя выпускать из вида и многочисленные фотографии, сделанные в экспедициях и иллюстрирующие современную жизнь меннонитов либо выходцев из семей меннонитов.

Письменные источники имеют широкие информационные возможности и очень разнообразны. В данной коллекции они представлены как рукописными материалами, в том числе и личного происхождения, например, письмами, так и печатными. Последние, в свою очередь, представлены книжными (книги, брошюры), журнальными, газетными и листовыми изданиями.

Среди литературы, изъятой при обысках у верующих Омской области в 1960-е годы, имеются уникальные сборники песнопений меннонитов «Liederperlen», издававшиеся в начале XX века в типографии П. Нейфельда, первой в России меннонитской типографии, основанной в 1886 году в Гальбштадте⁷. Этим же издательством в 1902 году был выпущен «Символ веры соединенной христианской крестьящейся по вере меннонитской братской общины в России»⁸ на немецком языке, один из экземпляров которого хранится в фонде Редкой книги музея.

Из огромной массы духовной и иной литературы, поступившей в 1960–1970-е гг. от Управления КГБ и в 1990-е годы – от немецкого населения, лишь некоторые издания без сомнений можно использовать в качестве источника по истории меннонитов. Среди них: «Путеводитель для религиозных занятий в меннонитских центральных школах России» на немецком языке, изданный в Гальбштадте в 1906 году⁹, и «Путеводитель по истории церкви для меннонитских школ в России» в переводе Иогана Дика (без указания года и места издания)¹⁰.

Также в фонде Редкой книги музея хранится ряд номеров журнала меннонитов „Unser Blatt“, издававшихся по решению съезда меннонитов, проходившего в Москве в 1925 году¹¹. В журналах содержатся богословские тексты, стихи, тексты песен и ноты к ним, статьи различного содержания. Журнал издавался в городе Мелитополе на Украине. Большое количество номеров этого журнала было обнаружено недавно в безномерном фонде. Несмотря на не совсем удовлетворительную сохранность, и эти издания смогут оказаться полезными исследователям истории меннонитов в 1925–1928 годах в СССР.

Некоторыми изданиями представлена в коллекции продукция подпольного меннонитского издательства «Христианин», среди них «Голос веры для общины Господа» на немецком языке. Большое количество документов ре-

лигиозного содержания изготавливались самими верующими, т. е. являются рукописными. Примером могут служить рукописные тетради духовных стихов и песен, датированные 1959 годом. Они были изготовлены верующими Исилькульского района, написаны на немецком языке готическим шрифтом. Помимо этого имеются различные записные книжки, карманные блокноты. Стихи и песни в них украшены рисунками, виньетками, выполненные с особым усердием.

Отдельную группу письменных источников составляют письма, переданные музею Омским областным судом в 1968 году. Они были изъяты у омичей – представителей различных протестантских конфессий. В книге поступлений музея указано, что материалы, в том числе и письма, были изъяты у сестер Лизы и Агаты Гармс, которые в своем доме имели подпольную типографию. Письма датированы второй половиной 1950-х – 1960-ми годами. Присылались они не только из разных уголков СССР, но и из-за границы, в частности, из Канады, что делало их более ценными для соответствующих государственных органов. Помимо информации личного характера, встречаются сообщения об общинах и их собраниях в Барнауле, Запорожье, Одессе, Фрунзе, Курган-Тюбе Таджикской АССР, Джамбуле, Клетне Брянской области. В ряде писем речь идет о неоднородности общин и расколе среди евангельских христиан-баптистов. Сообщается о проводившихся в общинах праздниках хора, молодежных общениях (Jugendverein) и других мероприятиях. Подобная информация в письмах обозначалась подзаголовком «духовные новости». Отмечается отдельной строкой «духовный уровень» общин и отдельных верующих. Друг к другу переписчики обращаются не иначе, как «Брат мой в Господе», «Сестра моя в Господе».

Читая эти письма, понимаешь, что их авторы – глубоко и искренне верующие люди, на ставившие перед собой цели нарушать советское законодательство. Изучив все «читабельные» письма, сложно сделать вывод о профессиональной принадлежности их авторов, но сам факт использования личной переписки в качестве доказательства вины верующих в нарушении законодательства о религиозных культах наводит на размышления.

Фотофонд музея обладает большим количеством фотографий, иллюстрирующих жизнь меннонитов в прошлом и в настоящее время. Наиболее ранние из них связаны с прежним местом жительства меннонитов. Среди них изображения центральной меннонитской школы в Крыму, фотографии учащихся этого учебного заведения, датированные 1910-ми гг. Эти уникальные фотографии были переданы Иваном Ивановичем Вильмсенем. Хранятся и личные фотографии меннонитов 1920–1930-х гг. с видами на села Солнцев-

ка, Николай-Поле и Новоалександровка. Ряд фотографий отображает свадебный и похоронный обряды меннонитов. Фотодокументами из фондов КГБ проиллюстрирована деятельность меннонитов на территории Омской области в 1960-х гг. В описи фотографий из коллекции «Секты» под общим названием «Меннониты» содержится скудная информация об участниках собраний. Перечислены их фамилии, имена, отчества, род занятий и положение в общине. На снимках изображены верующие во время собраний в помещении, украшенном «шпрухами», полевыми цветами, ветками с зеленой листвой. Для музейной коллекции сотрудниками музея в ходе экспедиций сделаны фотоснимки молитвенных домов, их интерьеров, моменты службы и другие, отображающих современный этап жизни меннонитов.

Вещественные источники, т.е. памятники материальной культуры, представлены как бытовыми предметами, так и произведениями декоративно-прикладного искусства. У меннонитов в последние десятилетия произошли существенные утраты в области материальной культуры, т.к. исчезли или исчезают традиционные занятия, а вслед за этим предметы – памятники этих занятий. Этнографическая коллекция музея в ходе экспедиций пополнялась предметами, бытовавшими в семьях меннонитов, а так же и изготовленными ими вещами. Заметим, что предметы, бытовавшие преимущественно в домах меннонитов, преобладают даже в этнографической экспозиции музея «Немцы Сибири».

Среди ее экспонатов интересна гладильная установка (Mangelmaschine), переданная семьей Зоммер. По словам владельцев, машина была куплена у «голландцев» – семьи Мирау, которые в 1929 году эмигрировали в Канаду. Установка изготовлена из дуба, вручную, без гвоздей. Гладильная рама стояла на большом столе. Внутри рамы на осях вращались три валика. Для утяжеления рамы сверху крепился ящик с большими камнями. Как утверждает бывшая хозяйка Лидия Георгиевна Дизер (в девичестве Зоммер): «Белье гладилось быстро и хорошо».

В фонды музея переданно большое количество предметов рукоделия, изготовленных в семьях меннонитов в разное время: всевозможные вышитые полотенца, кружевные воротники, скатерти, наволочки, подзоры и другие постельные принадлежности, украшенные при помощи различных видов и приемов рукоделия.

Исследователь истории меннонитов А. Н. Ипатов, характеризуя этноконфессиональные особенности меннонитов, отмечает, что единственным видом настенных украшений и обязательным компонентом внутреннего убранства помещений меннонитов конца XIX – начала XX в. были библейские

изречения, выражения религиозного, нравственно-поучительного или бытового содержания, «вышитые гладью на темном полотне прямоугольного формата и обрамленные по краям виньетками»¹². Большое количество подобных настенных панно («шпрухов») хранится в этнографической коллекции ОГИК музея.

Представлена и традиционная обувь меннонитов – шлеры. Они изготавливались самостоятельно. Подошву делали из прочной древесины, а верхнюю часть – из телячьей или свиной кожи. Шлеры могли быть «хозяйственными» или «выходными». Для праздничной обуви подошву делали тоньше, кожу тонировали, украшали шлеры ремешками. До начала 1950-х годов шлеры изготавливали практически в каждой семье, носили их с шерстяными носками или чулками.

В настоящее время работа по дальнейшему комплектованию коллекции по истории меннонитов Сибири продолжается. В 2002 году 18–19 июня состоялась очередная экспедиция сотрудников ОГИК музея в составе П. П. Вибе, С. В. Бааха и Л. И. Штрек (Сенниковой) в село Неудачино Татарского района Новосибирской области. Село было основано в начале XX века меннонитами – переселенцами из Украины.

Целью нашей экспедиции было изучение истории и современного состояния меннонитов этого села. В ходе экспедиции нам удалось выяснить, что, к сожалению, за последнее десятилетие большое количество меннонитов выехало за пределы страны, в основном в Германию. Село пополняется немцами, вновь прибывшими преимущественно из среднеазиатских государств бывшего СССР, которые меннонитами не являются.

На момент экспедиции в селе действовало две общины: Евангельских христиан-баптистов и меннонитов. Что примечательно, их молитвенные дома находятся по разные стороны одной улицы, друг напротив друга. Участникам экспедиции посчастливилось встретиться с главой неудачинской эклессии Герхардом Герхардовичем (Егором Егоровичем) Нейфельдом, который в ходе беседы рассказал о некоторых фактах в истории села и меннонитской общины в нем.

В результате после завершения экспедиции, этнографическая коллекция музея пополнилась новыми интересными предметами. Часть их подарила нам одна из старейших жительниц села Мария Корнеевна Реймер 1912 года рождения. Некоторые из этих предметов были привезены ее родителями в начале XX века с Украины. В дар музею были переданы настенные часы местного мастера Абрама Яковлевича Штеффена. Изготовлены они в домашних условиях на небольшом токарном станке по технологии и образ-

цу часов известного мастера Крюгера. Этот предмет как символ практически каждого меннонитского дома уже нашел свое достойное место в этнографической экспозиции музея.

Таким образом, источники по истории меннонитов Сибири представлены очень разнообразной и разносторонней коллекцией предметов Омского государственного историко-краеведческого музея. Предметы эти обладают богатым потенциалом для исследований. Актуальным остается вопрос не только изучения и исследования коллекции, но и ее формирования и пополнения.

1 Имеет целью привлечение внимания.

2 Направлено на вызов волнения.

3 См.: Омская правда. 1967. 2 февраля.

4 См.: Омская правда. 1972. 10, 13 октября.

5 ОМК – шифр музея. Состоит из начальных букв названия музея. В данном случае, Омский музей краеведения.

6 См.: Черказьянова И. В. Полевые заметки о поездке в немецкие села Омской области летом 1995 года // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 5. Омск. 1997. С. 236.

7 См.: ОМК-12561/8,9,10,13.

8 См.: ОМК-12561/14.

9 См.: ОМК-12561/6.

10 См.: ОМК-12391/6.

11 См.: ОМК-1401/1-11.

12 Ипатов А. Н. Меннониты. (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М., 1978. С. 35.

НАШИ АВТОРЫ

Алиев Кемал Гасан оглы – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук республики Азербайджан. Баку (Азербайджан).

Амелин Веналий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, председатель комитета администрации Оренбургской области по международным отношениям. Оренбург (Россия).

Балахонова Наталья Петровна – студентка пятого курса Омского государственного педагогического университета (факультет иностранных языков). Омск (Россия).

Бетхер Александр Райнгартович – директор районного историко-краеведческого музея. Азово-Омская область (Россия).

Бобылева Светлана Иосифовна – кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, директор Института украинско-германских исследований Днепропетровского национального университета. Днепропетровск (Украина).

Бургарт Людмила Александровна – кандидат исторических наук, преподаватель Восточно-гуманитарного института. Усть-Каменогорск (Казахстан).

Вибе Петр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, директор Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск (Россия).

Виль Юлия Александровна – аспирантка Омского государственного педагогического университета. Омск (Россия).

Вормсбехер Гуго Густавович – писатель, публицист, ветеран немецкого национального движения в СССР и России. Москва (Россия).

Герман Аркадий Адольфович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории новейшего периода исторического факуль-

тета Саратовского государственного университета, председатель Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Саратов (Россия).

Гумбатова Тамара Филипповна – кандидат технических наук, председатель евангелическо-лютеранской общины. г. Баку (Азербайджан).

Гусева Светлана Ивановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета. Благовещенск (Россия).

Ерина Елизавета Моисеевна – директор филиала Государственного архива Саратовской области в г. Энгельсе, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Энгельс (Россия).

Зибен Виктор – историк, доктор. Кобленц (Германия).

Иларионова Татьяна Семеновна – доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва (Россия).

Конев Евгений Викторович – кандидат исторических наук, преподаватель Томского государственного университета. Томск (Россия).

Кригер Елена Эвальдовна – аспирантка кафедры общей социологии Барнаульского государственного педагогического университета. Барнаул (Россия).

Кюн-Белази Лена – социальный работник Центра профессионального образования. Карлсруэ (Германия).

Лаптев Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий Крымским этнографическим музеем. Симферополь (Украина).

Лиценбергер Ольга Андреевна – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории Российской цивилизации Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Малова Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории российской цивилизации исторического факультета Саратовского государственного университета. Саратов (Россия).

Матис Владимир Иванович – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Барнаульского государственного педагогического университета. Барнаул (Россия).

Матис Денис Владимирович – аспирант Барнаульского государственного педагогического университета. Барнаул (Россия).

Нам Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент томского государственного университета. Томск (Россия)

Плохотнюк Татьяна Николаевна – доцент кафедры регионоведения и региональной экономики экономического факультета Ставропольского государственного университета. Ставрополь (Россия).

Рублева Наталия Степановна – научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины. Киев (Украина).

Сагитова Ирина Олеговна – младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, сектор Юго-Восточной Азии. Владивосток (Россия).

Сенникова Любовь Ивановна – научный сотрудник Омского историко-краеведческого музея. Омск (Россия).

Смирнова Татьяна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета. Омск (Россия).

Трошина Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архангельского областного краеведческого музея. Архангельск (Россия).

Ханья Сиро – доктор, стипендиат фонда им. Обучи. Токио (Япония).

Черказьянова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Санкт-Петербург (Россия).

Чернова Тамара Николаевна – кандидат исторических наук, заведующая библиотекой Российско-немецкого дома. Москва (Россия).

Шадт Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора исторической этнологии и мониторинга Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН). Новосибирск (Россия).

Шатских Татьяна Ивановна – аспирант Барнаульского государственного педагогического университета. Барнаул (Россия).

Научное издание

***НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ПОСТСТАЛИНСКОМ
СССР, В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ (1956–2000 гг.)***

Материалы 9-ой международной
научной конференции

Научный редактор *А. Герман*
Редактор–корректор *А. Бобарико*
Верстка *Е. Федорова, О. Кнышев*

Подписано в печать 04.11.2003. Формат 60x84/16
Бумага офсетная №1. Гарнитура «Helios».
Печать офсетная. 28 печ. л. Тираж 600 экз.

Издано АОО «Международный союз немецкой культуры»,
119435, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 5, офис 51
Тел.: (095) 937–6544
Факс: (095) 248–3874